Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and social-educational idea

№ 4 (20) 2013

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов

Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Заведующий редакцией
Е.В. Штурба
Научный редактор
С.С. Васильев
Редактор электронной версии
С.С. Васильев
Редактор англоязычных текстов
О.В. Коленко

Главный редактор
В.А. Штурба
д-р ист. наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.С. Анисимова *(д-р ист. наук, профессор)*
Н.В. Балабанова *(канд. психол. наук, доцент)*
Р.З. Близняк *(канд. полит. наук, доцент)*
С.С. Васильев *(канд. ист. наук, профессор)*
В.М. Гребенникова *(канд. пед. наук, доцент)*
А.Ю. Звягольский *(д-р ист. наук, профессор)*
Г.Ж. Микерова *(д-р пед. наук, профессор)*
М.Ю. Попов *(д-р социол. наук, профессор)*
Л.П. Рассказов *(д-р юр. наук, профессор)*
И.В. Турицын *(д-р ист. наук, профессор)*
А.Л. Факторович *(д-р филол. наук, профессор)*
Е.В. Штурба *(д-р ист. наук, профессор)*

АДРЕС РЕДАКЦИИ
350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **editor@hist-edu.ru**

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**
Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Р е д а к ц и о н н ы й С о в е т

Анисимова Татьяна Семеновна, *доктор исторических наук, профессор Славянского-на-Кубани государственного педагогического института.*
Славянск-на-Кубани. Россия.

Балабанова Нина Викторовна, *кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета.*
Краснодар. Россия.

Бедерханова Вера Петровна, *доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ. Краснодар. Россия.*

Близняк Роман Зиновьевич, *кандидат политических наук, доцент кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.*
Краснодар. Россия.

Васильев Сергей Сергеевич, *кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.*
Краснодар. Россия.

Гребенникова Вероника Михайловна, *кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии Кубанского государственного университета.*
Краснодар. Россия.

Грушевский Сергей Павлович, *доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий КубГУ.*
Краснодар. Россия.

Кононенко Виктор Михайлович, *доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ.*
Армавир. Россия.

Меликян Александр Максимович, *кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ, Член-корреспондент Российской академии естественных наук,*
Член Российской академии юридических наук.
Армавир. Россия.

Микерова Галина Жоршевна, *доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начальной школы Кубанского государственного университета.*
Краснодар. Россия.

Невский Сергей Александрович, *доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы.*
Москва. Россия.

Попов Михаил Юрьевич, *доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России.*
Краснодар. Россия.

Рассказов Леонид Павлович, *Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических и исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета.*
Краснодар. Россия.

Турицын Игорь Викторович, *доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина.*
Москва. Россия.

Факторович Александр Львович, *доктор филологических наук, профессор кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.*
Краснодар. Россия.

Штурба Евгений Викторович, *доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.*
Краснодар. Россия.

E d i t o r i a l B o a r d

Anisimova Tatyana Semyonovna, *Doctor of History, Professor of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher-Training Institute.*
Slavyansk-on-Kuban. Russia.

Balabanova Nina Viktorovna, *PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Bederkhanova Vera Petrovna, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University. Krasnodar. Russia.*

Bliznyak Roman Zinovievich, *PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Vasiliev Sergei Sergeevich, *PhD in History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*

Grebennikova Veronika Mikhailovna, *PhD in Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogics, Psychology and Communication Science, Head of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Grushevsky Sergei Pavlovich, *Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of information technology in the sphere of education of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Kononenko Victor Mikhailovich, *Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University.*
Armavir, Russia

Melikyan Alexander Maksimovich, *PhD in Law, Doctor of History, Professor of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Russian Academy of Law.*
Armavir. Russia.

Mikerova Galina Zhorshevna, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Nevskiy Sergei Aleksandrovich, *Doctor of Law, Professor of Moscow City Government University of Management Moscow.*
Moscow. Russia.

Popov Mikhail Yurievich, *Doctor of Sociology, Professor, Chief of the Faculty of Developing Competence in Science and Teaching of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*
Krasnodar. Russia.

Rasskazov Leonid Pavlovich, *Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law and History, Professor, Head of the Department of Theory and History of the Sate and Law of Kuban State Agrarian University.*
Krasnodar. Russia.

Turitsyn Igor Viktorovich, *Doctor of History, Professor of the Department of National History of Moscow Pedagogical University named after V.I. Lenin.*
Moscow. Russia.

Faktorovich Alexander Lvovich, *Doctor of Philology, Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Shturba Evgeniy Viktorovich, *Doctor of History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Исторические науки, этнология и археология

Historical Sciences, Ethnology and Archeology

Вартаньян Э.Г.
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1990-е гг. (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ) 13

Vartanian E.G.
INTEGRATION PROCESSES IN THE SLAVIC COUNTRIES IN THE 1990S (BASED ON THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY)

Магарамов Ш.А., Аллаев Н.М.
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА РОССИЮ В ПЕРИОД РУССКО-ИРАНСКОЙ (1804–1813 гг.) И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ (1806–1812 гг.) ВОЙН 17

Magaramov Sh.A., Allaev N.M.
FOREIGN POLICY ORIENTATION OF THE DAGESTAN GOVERNORS TO RUSSIA IN THE PERIOD OF RUSSO-PERSIAN (1804-1813) AND RUSSO-TURKISH (1806-1812) WARS

Магомедов М.-Г.Г.
МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНА В 1946-1960 гг. 22

Magomedov M.-G.G.
HEALTH SERVICE OF THE POPULATION IN DAGHESTANI CITIES IN THE 1946-1960S

Марченко И.И.
О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ГОНЧАРНОЙ СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ У МЕОТОВ КУБАНИ 26

Marchenko I.I.
ON THE TIME OF MEOTIAN GRAY-CLAY POTTERY CERAMICS APPEARANCE IN KUBAN

Подделкова П.Е.
ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 30

Poddelkova P.E.
MILITARY EDUCATION OF CHILDREN IN THE FAMILIES OF THE GRAND DUKES DURING THE AFTER-REFORM PERIOD

Ратушняк О.В.
КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1939 гг.) 34

Ratushnyak O.V.
THE KUBAN COSSACKS IN EMIGRATION (1920-1939)

Трофимова А.И.
ПРОЦЕСС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВХОЗАХ РСФСР В 1930-1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ) 42

Trofimova A.I.
THE PROCESS OF ECONOMIC MODERNIZATION IN STATE FARMS OF RSFSR IN THE 1930-1950S (BASED ON THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Троякова Ю.К.
КАМНЕРЕЗНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ТУВЫ В 1965 – 1970-е гг.: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 46

Troyakova Yu.K.
STONE-CUTTING ART OF TUVA IN THE 1965-1970S: ORIGINS, PROBLEMS AND TENDENCY OF DEVELOPMENT

Хотина Ю.В.
АРХИВЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 51

Khotina Yu.V.
THE ARCHIVES OF KRASNODAR REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Чугунцова Н.А.
ВОЙНА 1941-1945 гг. В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА) 54

Chuguntsova N.A.
THE WAR OF 1941-1945 IN THE MEMORY OF GENERATIONS (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

Шутёмов А.С.
АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ И РАКЕТНЫЕ СИСТЕМЫ В ХОДЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОЙН 1950 – 2000 гг. 58

Shutiomov A.S.
ARTILLERY AND MISSILE SYSTEMS IN THE COURSE OF THE REGIONAL WARS 1950 – 2000

Педагогика и методика преподавания

Pedagogics and Methods of teaching

Алексеева Л.А.
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ 65

Alekseeva L.A.
THE FORMATION MODEL OF UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIVITIES FOR PRIMARY SCHOOL PUPILS WHEN LEARNING RUSSIAN IN YAKUT SCHOOL

Баранов В.В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: САМОРАЗВИТИЕ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНКУРЕНТНЫЙ РЕСУРС	71	**Baranov V.V. PEDAGOGICAL PHENOMENA OF COMPETITIVENESS: SELF-DEVELOPMENT, PHYSICAL CULTURE AND COMPETITIVE RESOURCE**
Бурдуковская Е.А., Шкиль О.С. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ДИЗАЙНЕРОВ КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ	74	**Burdukovskaya E.A., Shkil O.S. PROFESSIONAL TRAINING OF DESIGNERS AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL RESEARCH: A RETROSPECTIVE ANALYSIS**
Верхорубова О.В. О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ	78	**Verkhorubova O.V. ON THE ESSENSE OF THE CONCEPT OF "INNOVATIVE TEHNOLOGY" IN PHYSICAL EDUCATION**
Гайдуков А.Н. ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИКУМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	81	**Gaidukov A.N. PHYSICAL EDUCATION OF THE STUDENTS OF RAILWAY TECHNICAL SCHOOL AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES**
Дашкова А.К., Чурляева Н.П. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	84	**Dashkova A.K., Churlyaeva N.P. AN AXIOLOGICAL MODEL OF THE VOCATIONAL ADAPTATION OF ENGINEERING STUDENTS**
Елканова Т.М. ОБЩЕГУМАНИТАРНЫЙ БАЗИС ОБРАЗОВАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ	89	**Elkanova T.M. GENERAL HUMANITARIAN BASIS OF EDUCATION: EPISTEMOLOGICAL COMPONENTS**
Колосов С.В. МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВОЕННОГО ШТУРМАНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	92	**Kolosov S.V. THE MODEL OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF MILITARY CO-PILOT IN CONDITIONS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFLUENCE**
Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф. ТРЕБОВАНИЯ К СПЕЦИАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНВАЛИДОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	98	**Martynova E.A., Romanenkova D.F. SPECIAL CONDITIONS REQUIREMENTS FOR SECURING INCLUSIVE EDUCATION OF DISABLED PEOPLE AT PROFESSIONAL EDUCATION INSTITUTIONS**
Михалец И.В., Калашникова С.С. ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	103	**Mikhalets I.V., Kalashnikova S.S. VIRTUAL COMMUNICATION OF STUDENTS: A PILOT STUDY EXPERIENCE**
Романова Е.Н. РОЛЬ СВЕРСТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТРАКТОВКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ	107	**Romanova E.N. THE ROLE OF PEERS IN THE FORMATION OF JUVENILE DELINQUENCY FROM THE STANDPOINT OF FOREIGN SCIENTISTS**
Романенкова Д.Ф., Романович Н.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ АБИТУРИЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ И АБИТУРИЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	110	**Romanenkova D.F., Romanovich N.A. PROFESSIONAL ORIENTATION OF DISABLED APPLICANTS AND APPLICANTS WITH LIMITED HEALTH ABILITIES AS REQUIRED CONDITION OF THEIR PROFESSIONAL EDUCATION**

Русакова Т.Г., Еренкова Н.В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРО-ДИНАМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ КОЛЛЕДЖА В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО ОПЫТА СТУДЕНТА	114	**Rusakova T.G., Erenkova N.V. PEDAGOGICAL POTENTIAL OF COLLEGE CULTURAL AND DYNAMIC ENVIRONMENT IN THE FORMATION OF STUDENT'S SPRITUAL EXPERIENCE**
Степанов Е.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И СОЦИУМА В ФОРМИРОВАНИИ ДЕЛОВЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ	118	**Stepanov E.A. ENSURING THE EFFICIENCY OF THE INTERACTION BETWEEN SCHOOL, FAMILY AND SOCIETY IN FORMATION OF BUSINESS CHARACTER TRAITS OF RURAL SCHOOLCHILDREN**
Черногорова А.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ПОСРЕДСТВОМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА У ДЕТЕЙ 9-11 ЛЕТ	122	**Chernogorova A.S. CREATING HEALTHY LIVING VALUE THROUGH SPECIAL ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESSES FOR CHILDREN AGED 9-11**
Хакунова Ф.П. СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА	127	**Khakunova F.P. MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FORMATION OF MULTICULTURAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHER**
Политические науки		***Political Sciences***
Казарян А.Н. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	136	**Kazaryan A.N. THE SPECIFICS OF THE LANGUAGE POLICY IN THE ETHNIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS**
Политика О.И., Герасимова Д.И. ИСТОКИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИИ	140	**Politika O.I., Gerasimova D.I. THE ORIGINS OF GUARDIANSHIP IN RUSSIA**
Поляков А.В. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	144	**Polyakov A.V. SOCIAL MOVEMENTS IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON THE ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN THE POLITICAL DEVELOPMENT**
Салгириев А.Р. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОЛПРЕДСТВА ПРЕЗИДЕНТА РФ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	148	**Salgiriev A.R. DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE PLENIPOTENTIARY REPRESENTATION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS**
Суворова В.В. СОТРУДНИЧЕСТВО США И КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПО БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ (1991 г. – нач. XXI в.)	154	**Suvorova V.V. THE USA AND THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST GLOBAL TERRORISM (1990 – EARLY 21st CENTURY)**
Социологические науки		***Sociology Sciences***
Жаданов А.Ю. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕГО ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	163	**Zhadanov A.Yu. TENDENCIES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF YOUTH IN CONDITIONS OF GROWING INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Капралова С.В. ПРОГРЕСС ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	167	**Kapralova S.V. PROGRESS OF INFORMATION AND COMPUTER TECHNOLOGIES AND INTERNET DEVELOPMENT AS FACTORS OF PUBLIC OPINION FORMATION**
Сафонов А.Л. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС	171	**Safonov A.L. GLOBALIZATION AND SOCIAL REGRESS**
Страдзе А.Э. СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	177	**Stradze A.E. SOCIAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN SOCIETY: AXIOLOGICAL ASPECT**
Филологические науки		***Philological Sciences***
Балашова Е.А. «АКТИВНОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» В СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ	183	**Balashova E.A. ”CIRCUMSTANCES ACTIVITY” IN MODERN IDYLL**
Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ	188	**Burdina O.B., Mishlanova S.L. INSTITUTIONAL FEATURES OF PHARMATHEUTICAL DISCOURSE AND THEIR REFLECTION IN TERMINOLOGY**
Комиссарова Е.С. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ «ОГРАНИЧЕННАЯ ЧАСТОТНОСТЬ»	193	**Komissarova E.S. FUNCTIONING OF ADVERBS WITH THE MEANING OF «LIMITED FREQUENCY»**
Салахиева В.С. ОБРАЗНО-ПЕРЦЕПТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КЫРГЫЗСТАНЕЦ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА – МЕТОДА НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)	197	**Salakhieva V.S. IMAGERY AND PERCEPTUAL CHARACTER-ISTICS OF THE LINGUOCULTURAL TYPE “THE RUSSIAN-SPEAKING KYRGYZSTANI” (BASED ON THE MATERIAL OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT – THE METHOD OF INCOMPLETED SENTENCES)**
Философские науки		***Philosophical Sciences***
Каракуц К.И. САМОПОНИМАНИЕ КАК СОЗДАНИЕ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ	203	**Karakuts K.I. SELF-UNDERSTANDING AS LEADER’S IMAGE CREATION**
Лазинин И.В. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ	908	**Lazinin I.V. CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE PROBLEM OF MODERNIZATION**
Южанинова Е.Р. РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ СВОБОДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА	212	**Yuzhaninova E.R. THE IMPLEMENTATION OF THE VALUE OF FREEDOM IN THE INTERNET SPACE**
Юридические науки		***Legal Sciences***
Будеева О.Н. НОРМАТИВНО–ПРАВОВАЯ БАЗА ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ	219	**Budeeva O.N. REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK OF PROVINCIAL GOVERNMENT**
Красильникова Т.К. ТОРГОВЫЕ ДОМА КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ В XIX – нач. XX вв.	223	**Krasilnikova T.K. MERCHANT VENTURES AS A FORM OF TRADING CORPORATIONS IN RUSSIA IN XIX – EARLY XX CENTURIES**

Лебедева И.Н.
ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 226 **Lebedeva I.N.**
TERRORISM AND EXTREMISM: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Шаронова А.А.
КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НИКЛАСА ЛУМАНА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 232 **Sharonova A.A.**
NIKLAS LUHMANN'S COMMUNICATIVE MODEL OF THE LEGAL SYSTEM: CRITICAL ANALYSIS

Информация 240 **Information**

Исторические науки и археология

УДК 94(4) ''1990 г.г.'': 338. 436

Вартаньян Эгнара Гайковна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ
editor@hist-edu.ru

Vartanian Egnara Gaikovna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Kuban State University
editor@hist-edu.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1990-е гг. (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ)

Статья посвящена интеграционным процессам в аграрном секторе славянских стран в 1990-е гг. Анализируются основные направления аграрной реформы в странах Восточной Европы, их общее и особенное, сложности переходного периода в реализации концепции аграрных преобразований, результаты аграрного реформирования для развития экономики славянских государств.

Ключевые слова: **славянские страны, интеграция, реформы, аграрный сектор, государственное регулирование, приватизация, «смешанная» экономика, фермерские хозяйства.**

INTEGRATION PROCESSES IN THE SLAVIC COUNTRIES IN THE 1990S (BASED ON THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY)

The article is focused on the integration processes in the agricultural sector of economy of the Slavic Countries in the 1990s. The main priorities of the agrarian reform in the East European countries, their specific and common features, difficulties of the transitional period reflected in conceptual realization of agrarian transformations as well as the results of agrarian reformation for the economical development of the Slavic Countries have been analyzed.

Key words: **Slavic countries, integration, reforms, agricultural sector, government regulation, privatization, "mixed" economy, farm enterprises.**

Происходящие в 1990-е гг. в славянских странах системные преобразования были направлены как на демонтаж прежней политической системы, так и на либерализацию экономики. Эти преобразования призваны были создать предпосылки для динамизации технического прогресса и активизации участия стран в международном разделении труда. Хозяйственная интеграция славянских стран превращалась в основу реализации программы научно-технического прогресса конца XX – начала XXI в. Совместные предприятия становились катализаторами торговли, важно было встроить их в более широкую систему формирования объединенного рынка, тогда они получили бы практически неограниченное поле деятельности.

Аграрный сектор – это сфера экономики, требующая серьезной подготовки к интеграционным процессам. Основные критерии этого сводятся к двум аспектам: общеэкономическим – создание современного и конкурентоспособного аграрного сектора и административно-правовым. Общеэкономический аспект тесно связан с проведением целостной аграрной реформы в стране, которая предполагает завершение восстановления собственности на землю, создание условий для эффективной реализации этой собственности, активизацию земельного рынка, дальнейшее проведение структурной реформы в земледелии для достижения европейских стандартов. Основной недостаток аграрной политики славянских стран – отсутствие стратегического подхода к управлению сельским хозяйством. Однако в условиях острого недостатка бюджетных средств никакие нормальные аграрные программы не могли бы быть осуществлены.

В целях углубления интеграционных процессов славянских государств в сельскохозяйственной сфере необходимо было разработать и реализовать цельную концепцию аграрной реформы. Однако правительства большинства стран в начале 1990-х гг. успевали лишь обозначить ее ключевое направление: от линии на возрождение кооперативных земледельческих хозяйств на основе полной добровольности и хозяйственной самостоятельности с постоянным восстановлением собственности крестьян на землю до курса на обязательную ликвидацию кооперативов и ускоренную приватизацию земли, имущества несельскохозяйственных отраслей аграрно-промышленного комплекса (АПК). Для достижения истинной приоритетности сельского хозяйства необходима была коренная перемена ее политики, особенно в условиях рыночной экономики, и, что немаловажно, реализация личных интересов и самоинициативы крестьян, поскольку в предшествующий период все более усиливалось отчуждение человека от сельскохозяйственного труда, расхождение личных, коллективных и общественных интересов.

Несмотря на то, что потенциал и уровень развития сельского хозяйства в славянских странах не были одинаковыми, а также господствующие в нем уже с середины 1990-х гг. в них в значительной степени господствовали общие тенденции и закономерности развития, хотя степень и формы проявления в разных странах различались. К общим чертам можно отнести: во-первых,

спад объемов сельскохозяйственной продукции при одновременном сокращении посевных площадей и урожайности большинства сельскохозяйственных культур, а также снижение поголовья и продуктивности скота. Наименьший спад валового сельскохозяйственного производства отмечался в Польше, далее по степени возрастания данного показателя – Чехия, Югославия, Беларусь, наибольший спад произошел в Болгарии и др.; во-вторых, развитие вместо ожидаемых реформаторами процветающих фермерских сельскохозяйственных предприятий полунатуральных приусадебных хозяйств; в-третьих, безработица. Непродуманные способы и формы реорганизации сельского хозяйства, также кризис в промышленности, ставший причиной миграции оставшихся без работы людей в сёла, привели к недопустимо высокому уровню безработицы в сельской местности.

Одним из реальных путей включения славянских стран в интеграционную систему является становление «новой смешанной экономики». В 1990-е гг. начался переход к «смешанной аграрной экономике» в большинстве стран Восточной Европы, особенно в наиболее подготовленных к интеграции в ЕС (Польша, Чехия и др.).

Развитие интеграционных процессов в аграрной сфере диктует наличие таких факторов, как подъем внутренней и внешней конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, обеспечение устойчивого аграрного развития, необходимого жизненного уровня земледельцам и стабильных доходов фермерам, интеграция в экологической и общей сельскохозяйственной политике.

Практически во всех странах Восточной Европы была разработана концепция радикальных аграрных преобразований, которая включала земельную реформу, изменение форм собственности, создание многоукладного хозяйства и развитой рыночной инфраструктуры. Практика трансформации экономики в восточноевропейских странах, со всей убедительностью свидетельствует о том, что ни одна из разрабатывавшихся концепций радикальных экономических реформ не была полностью реализована. Преобразование основных элементов хозяйственного механизма затруднялось необходимостью первоочередного решения задач демонтажа прежней политической структуры и возникающими в ходе реформ неизбежными отрицательными явлениями (значительное снижение объемов производства, резкое обострение социальных проблем и др.).

Совершенствование отношений собственности на землю в странах Восточной Европы происходило путем восстановления прав бывших собственников на землю. В отличие от СССР земля в этих странах не была национализирована, а в период коллективизации при вступлении в производственные кооперативы формально оставалась собственностью крестьян. В большинстве стран право собственности на землю реализовывалось в следующих вариантах: 1) организация частного, преимущественно семейного крестьянского хозяйства, 2) передача земли в общинный или государственный фонд за определенное вознаграждение, 3) сдача земли в аренду и т.д.

Переход к рыночным отношениям повсеместно был связан с либерализацией цен, изменениями систем налогообложения. Степень глубины этих процессов в разных странах была различна.

Рыночные реформы в постсоциалистических странах дали новый стимул развитию «многоукладности», организационно-экономической «смешанности» аграрного сектора. Это развитие, однако, существенно различалось в зависимости от тактики реформ на первом «приватизационном» (до 1993–1994/5 гг.) и на втором – «стабилизационном» (с 1995 г.) этапах.

Вначале в большинстве стран Восточной Европы акцент делался на приватизацию и «деколлективизацию» собственности и на «децентрализацию» и приватизацию в пищевых отраслях.

Одним из важнейших результатов аграрного реформирования в исследуемых странах явилось существенное изменение социально-экономической структуры аграрного сектора. Намного сократилась доля государственных сельскохозяйственных предприятий.

Сложно решалась проблема реституции земли, которую приходилось осуществлять, сочетая интересы прежних собственников, современных ее владельцев и государства.

Первая, лежащая на поверхности, общая черта аграрного сектора всех восточноевропейских стран – спад объемов сельскохозяйственной продукции при одновременном сокращении посевных площадей и урожайности большинства сельскохозяйственных культур, а также снижение поголовья и продуктивности скота. Наименьший спад валового сельскохозяйственного производства произошел в Польше, который в 1990–1993 гг. составлял 14%. Следующая по степени возрастания данного показателя стран – Россия (17%). Далее группа стран (Чехия, Югославия, Венгрия, Беларусь), валовая продукция которых уменьшилась на 23–27%. Наибольший спад объемов сельскохозяйственного производства (более 30%) произошел в Болгарии, Румынии, Албании и республиках Прибалтики. Так, если в 1989 г. самообеспеченность зерном Румынии составляла 126%, то в

1992 г. – 69%, мясом соответственно 65 и 64, молока и молочной продукции 66 и 55% [1].

Первая и основная причина спада в большинстве анализируемых стран – сугубо политический характер осуществляемых реформ при отсутствии концепций и программ их проведения. Причем реформирование было направлено в основном на отказ от государственных и коллективных форм хозяйствования в пользу создания частных, семейных фермерских хозяйств.

Вторая, практически близкая по значимости к первой, причина спада сельскохозяйственного производства – возникшая проблема рынков из-за снижения платежеспособного спроса населения, а также потеря внешних рынков. Наиболее остро проблема сбыта сельскохозяйственной продукции встала в Болгарии, Венгрии, которые в прошлом ориентировались на ее экспорт из СССР. В 1990-е гг. продовольственные товары данных стран были практически полностью вытеснены с рынка России и большинства государств СНГ.

Третья причина спада сельскохозяйственного производства – почти полный отказ от государственного регулирования и бюджетной поддержки сельского хозяйства при ставке на свободные рыночные отношения, которые должны были все расставить на свои места и обеспечить решение накопившихся в дореформенный период проблем. Как следствие такой политики – некомпенсируемый рост «ножниц цен» на сельскохозяйственную продукцию и средства производства, что, в конечном счете, привело к резкому снижению инвестиций в аграрную сферу, сокращению внесения удобрений, применения средств защиты растений и др. В этом отношении наиболее благополучной оказалась Польша.

Другая общая черта в функционировании аграрного сектора постсоциалистических стран – развитие вместо ожидаемых реформаторами процветающих фермерских сельскохозяйственных предприятий полунатуральных приусадебных хозяйств.

Таким образом, вместо ожидаемого реформаторами массового движения по созданию фермерских хозяйств, в большинстве постсоциалистических стран процесс создания частного сельскохозяйственного производства пошел в направлении развития приусадебных хозяйств, в значительной степени ориентируемых на самообеспечение. Несмотря на явную архаичность в условиях аграрного кризиса данного типа, они играют огромную стабилизирующую роль на селе и в обществе в целом. Во-первых, они обеспечивают членов своих семей продовольствием; во-вторых, в результате реализации продукции формируется хотя бы минимальный бюджет сельских семей, часто остающихся в современных условиях без других источников существования. Наконец, приусадебные хозяйства существенно смягчают последствия нарастающей безработицы на селе в связи с упразднением, банкротством или самоликвидацией сельскохозяйственных предприятий. Следовательно, весьма важной особенностью стран группы радикального аграрного реформирования можно считать тенденцию к созданию новых коллективных форм производства.

Еще одна общая черта, характерная для сельского хозяйства постсоциалистических стран – безработица. Непродуманные способы и формы реорганизации сельского хозяйства, а также кризис в промышленности, ставший причиной миграции оставшихся без работы людей на село, привели к недопустимо высокому уровню безработицы в сельской местности. Так, в Болгарии в связи с ликвидацией кооперативов около 80% специалистов и 50% сельскохозяйственных работников потеряли работу [2].

Из изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо отказаться от каких-либо дальнейших попыток революционного преобразования на селе, ориентироваться на более длительный эволюционный путь развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса.

2. В основу аграрной политики следует положить государственное регулирование сельского хозяйства, рациональное сочетание всех форм собственности и хозяйствования в едином производственно-экономическом цикле, исходя из того, что каждая из них может занять соответствующую ей хозяйственную «нишу».

3. Опыт восточноевропейских стран свидетельствует о том, что земельные реформы в них осуществляются на основе восстановления прав частной собственности на землю.

4. В странах Восточной Европы сохранены в условиях рыночных отношений крупные высокоиндустриальные предприятия, подвергнутые правовой и организационной трансформации.

5. Несмотря на различный уровень экономического развития, сельскому хозяйству и другим отраслям АПК оказывается крупная государственная финансовая помощь в различных формах, конечной целью которой является максимально полное обеспечение населения продовольствием при нормальной доходности производителей [3].

Становление «новой смешанной экономики» в АПС стран Восточной Европы являлось одним из реальных путей подготовки к включению в модифицированную систему аграрной интегра-

ции ЕС. Определенные подвижки в этом направлении в 1990-е гг. – начале XXI в. наблюдались в наиболее подготовленных к интеграции в ЕС (Польша, Венгрия, Чехия) [4].

В 1990-е гг. Болгария не имела национальной концепции экономического развития. Понятие структурной перестройки исчерпывалось массовым закрытием предприятий, ликвидацией созданных ранее производственных мощностей. Из года в год снижались темпы и объемы производства и инвестиций, сокращались внешнеэкономические связи. Один из путей роста национальной экономики – активное участие в региональном и международном разделении труда, тем более что необходимый опыт за предшествующие десятилетия был накоплен. Болгария была ведущей в ряде производств, благодаря международной производственной кооперации. Однако в 1990-е гг. в Болгарии отсутствовала единая программа развития внешнеэкономических связей на долгосрочную перспективу кроме декларируемого желания интегрироваться в ЕС.

Аграрный сектор – это та сфера экономики, которая требует серьезной подготовки к присоединению к ЕС. Основная критика к аграрной политике стран Восточной Европы со стороны Европейской комиссии – отсутствие стратегического подхода к управлению сельским хозяйством. Понятно, что в условиях острого недостатка бюджетных средств никакие нормальные аграрные программы не могли бы быть осуществлены.

Много потеряли страны Восточной Европы из-за падения внешнеторгового оборота в агропромышленной сфере, а также связей в области сельскохозяйственной технологии. В этих условиях возросло значение выработки внешнеэкономической политики, важнейшими направлениями которой должны стать: 1) осуществление принципа аграрного протекционизма по отношению к отечественным сельскохозяйственным производителям; 2) привлечение иностранных кредитов, в первую очередь для финансирования импорта материально-технических ресурсов и технологий с целью обновления основных фондов пищевой индустрии и развития аграрной науки; 3) привлечение иностранного капитала в АПК стран Восточной Европы путем создания льготного режима для функционирования предприятий, принадлежащих иностранным инвесторам; 4) усиление экологического контроля внешнеэкономической деятельности и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Костяев А.И.* Некоторые общие закономерности развития аграрного сектора в постсоциалистических странах // Вестник Российской Академии сельскохозяйственных наук. 1995. № 5; *Буздалов И.* Аграрная экономика России в переходный период // Международный сельскохозяйственный журнал (МСЖ). 1997. № 3; *Вартаньян Э.Г.* Агропромышленная сфера стран Восточной Европы в 1990-е гг.: состояние и перспективы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2002. № 2.
2. *Шабунина В.* Некоторые аспекты реформирования аграрной сферы Болгарии // МСЖ. 1997. № 3.
3. *Вартаньян Э.Г.* Аграрная наука Болгарии: история и современность (1878–2000). Краснодар, 2002.
4. *Трушкин Б.* Аграрный сектор стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ): становление «новой смешанной экономики» // МСЖ. 1997. № 5.

УДК 94(470/67) + 94(47)

Магарамов Шарафетдин Арифович

кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
editor@hist-edy.ru

Аллаев Набиюлла Меджидович

кандидат исторических наук, ведущий специалист-эксперт министерства культуры Республики Дагестан
editor@hist-edy.ru

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА РОССИЮ В ПЕРИОД РУССКО-ИРАНСКОЙ (1804–1813 гг.) И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ (1806–1812 гг.) ВОЙН

В статье исследуются причины усиления ориентации большинства дагестанских правителей во внешнеполитической деятельности на Россию в начале XIX в., дающая им гарантии безопасности и большие экономические выгоды. Показана антироссийская направленность деятельности ирано-турецкой агентуры в Дагестане и ее провал.

Ключевые слова: **Россия, Дагестан, правители, внешнеполитическая ориентация, подданство, покровительство, ирано-турецкие агенты, антироссийская деятельность.**

Magamarov Sharafetdin Arifovich

PhD in History, Research Officer of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
editor@hist-edu.ru

Allaev Nabyulla Medzhidovich

PhD in History, Chief Expert at the Ministry of Culture of the Republic of Dagestan
editor@hist-edu.ru

FOREIGN POLICY ORIENTATION OF THE DAGESTAN GOVERNORS TO RUSSIA IN THE PERIOD OF RUSSO-PERSIAN (1804-1813) AND RUSSO-TURKISH (1806-1812) WARS

In the article the reasons for strengthening orientation of the majority of the Dagestan governors in the foreign policy activity to Russia at the beginning of the 19th century are analyzed; the orientation provides them with safety guarantees and considerable economic benefits. The anti-Russian orientation of the activities of the Iranian-Turkish agencies in Dagestan and their failure is shown.

Key words: **Russia, Dagestan, governors, foreign policy orientation, citizenship, protection, Iranian-Turkish agents, anti-Russian activity.**

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (МК-4392.2012.6)

В начале XIX в. успехи России на Кавказе и ее противоречия с Ираном привели к началу русско-иранской войны 1804–1813 гг. В мае 1804 г. иранский шах в ультимативной форме потребовал вывода российских войск из Закавказья, однако ультиматум был отклонен, и через месяц началась война. Россию из дагестанских правителей активно поддержал Мехти-хан шамхал, а Иран – Сурхай-хан. К нему же примкнул, несмотря на недавно принесенную присягу Ших-Али-хан. Остальные владетели и общества Дагестана заняли нейтральную позицию.

Наступление шахских войск вызвало смятение среди феодальных владетелей Дагестана, чем не преминули воспользоваться Ших-Али-хан и Сурхай-хан, начав активную агитацию среди горцев в поддержку Ирана. Однако многие не желали воевать с Россией и были не против ее покровительства сулившей немалыми торгово-экономическими выгодами. К тому же, успешные военные действия российской армии на русско-иранском фронте еще летом 1804 г. вынудили отступить 20-тысячный корпус Аббас-Мирзы.

Тогда же П.Д. Цицианов приступил к осаде Еревана. Далее Цицианов направился к Баку и потребовал от бакинского правителя Гусейн-Кули-хана сдать город, но во время личного свидания с ханом, Цицианов был убит (8 февраля 1806 г.) [15, с. 295]. После смерти Цицианова противники российского продвижения на Кавказ перешли к активным действиям. Приблизительно в это же время началась и русско-турецкая война 1806–1812 гг.

В этот сложный момент временное командование на себя принял командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Г. Глазенап. Не теряя времени, он предписал четырём генералам составить отряды для отражения нашествия персиян, а сам, собрав значительный отряд в Кизляре, перешел Терек и стал на Кумыкской плоскости. «Хочу, – писал Г. Глазенап, – держать дагестанцев в сомнении, на кого из них будет нашествие» [27, с. 235-236].

Поход оказался очень успешным для российских войск, большинство дагестанских владетелей предложило свою помощь и поддержку российскому командованию [12, с. 65]. Если до этого

уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана и другие феодалы придерживались нейтралитета, то теперь с приходом российских войск дали клятву на верность России и тут же без всяких условий были приняты в ее подданство [8, с. 64-65]. Всячески помогали русским войскам и жители прикаспийской низменности Дагестана: строили и чинили мосты, дороги, изъявляли желание вступить в российскую армию и участвовать в войне с Ираном и поддерживающими его правителями [25, с. 17].

21 июня 1806 г. был взят Дербент, точнее сами жители, прогнав Ших-Али-хана, впустили в город российские войска. Причиной тому было недовольство дербентцев правлением Ших-Али-хана [18, с. 20].

Но, несмотря на успехи, царь не утвердил Глазенапа командующим войсками на Кавказе, а назначил на эту должность 2 июля 1806 г. «старого кавказца» генерал-аншефа графа И.В. Гудовича [1, с. 110]. Тот по прибытии на место, несколько изменил жесткую, а порой и грубую политику Цицианова на лояльное, более дружественное отношение. Так в благодарность за вступление в подданство России, 19 августа 1806 г. было дано предписание И.В. Гудовича генералу от инфантерии С.А. Булгакову о представлении к награждению правителей Дагестана. В связи с тем, что поход еще не был завершен, вопрос о награждении дагестанских правителей был отложен на неопределенное время.

Далее уже под командованием генерала Булгакова российские войска двинулись на юг и 3 октября 1806 г. заняли Баку [14, с. 19], после двигались по направлению к Кубе, где в это время находился Ших-Али-хан. При приближении российских войск, тот обратился к Булгакову с просьбой простить «ошибки». Генерал Булгаков прекрасно понимал цену заверениям Ших-Али-хана, но все, же решился привести его к «верноподданнической присяге» с целью расстроить существующий «вредный союз» с Сурхай-ханом. Заняв без боя Кубу, Булгаков отстранил Ших-Али-хана от управления ханством и правителем назначил наиба Хаджи-бека. Однако Ших-Али-хан продолжал вести активную антироссийскую пропаганду, но, узнав о намерении Булгакова арестовать его, ушел к Сурхай-хану [22, с. 140-141].

Хотя и не были пойманы основные зачинщики антироссийских выступлений, тем не менее, военная экспедиция 1806 г. в Дагестан принесла России огромный военно-политический успех. Был не только сорван план иранского двора о совместном военном выступлении с частью дагестанских и азербайджанских феодалов, но и фактически присоединена большая часть Дагестана. Практически все дагестанские владельцы и часть вольных обществ приняли или вновь подтвердили свое подданство России [23, с. 14, 15об]. В Петербурге были чрезвычайно довольны неожиданными результатами похода Глазенапа-Булгакова и поведением дагестанских правителей [26, с. 103].

В связи с этим, просьба главнокомандующего о вознаграждении преданных России дагестанских владетелей была полностью удовлетворенна, в частности: Султан-Ахмед-хану Аварскому было выдано жалованье за полгода вперед – 2 475 р. и присвоено воинское звание генерал-майора; шамхалу Мехти − знамя с государственным гербом; уцмию Али-хану − чин генерал-майора с жалованьем в размере 2 000 р. в год; Магомед-кадию Табасаранскому − чин полковника с жалованьем 1 500 р. в год; табасаранским владельцам Максуд-беку, Махмуд-беку, Мастафа-беку карчакскому − чин подполковника с соответствующим жалованьем каждому [17, с. 102].

В 1807 г. между Ираном и Турцией было достигнуто соглашение о проведении совместных боевых действий на Кавказе. А для успешной реализации задуманных планов требовалось ослабить российские приграничные войска, что и возлагалось на дагестанских правителей, в задачу которым вменялось организация беспорядков и волнений в тылу российских войск. Аббас-Мирза (иранский наследный принц) и сераскер Юсуф-паша обратились совместными воззваниями к дагестанцам, «коих содержание наполнено, − доносил главком на Кавказе Гудович 15 марта 1807 г., − приглашением к возмущению и единодушному с ними действию против войск в.и.в.» [11, с. 119].

Воззвания были разосланы к Мустафе-хану Ширванскому, Сурхай-хану Казикумухскому, хану Аварскому, Ших-Али – бывшему хану Дербентскому, кадию Табасаранскому, джаро-белоканским лезгинам, казахским татарам и даже в Мингрелию [12, с. 141].

Обращение турок и персов не встретили единодушия среди дагестанских правителей, так как «владельцы дагестанские бывали всегда независимы от Персии и независимо каждый управлял своим владением, состоя с давних времен под покровительством и подданством России» [2, с. 382]. Сурхай-хан и Ших-Али-хан занимали выжидательную позицию, лишь только один Султан-Ахмед-хан готовился к походу на Грузию. Это было вызвано тем, что российское командование прекратило выплату жалованья аварскому хану в связи с его враждебными действиями в отношении России. Таким образом, затаив обиду и желая пополнить казну денежными вливаниями со

стороны Ирана и Турции, Султан-Ахмед-хан обратился к жителям Хиндаля и Анцуха с призывом присоединиться к нему, заявляя, что он отказывается от союза с русскими и готов предпринять поход в Грузию. Действительно весною 1807 г. аварский хан с 10 тыс. чел. ополчением прибыл в Джары. Но, находясь в Джарах, Султан-Ахмед-хан отказался от похода. Причиной тому послужило урегулирование отношений с Россией [11, с. 87].

В 1809 г. после заключения англо-иранского и англо-турецкого договоров резко увеличилась финансовая и военная помощь Англии новым союзникам на Среднем Востоке. Одним из условий этой помощи была активизация военных действий Ирана и Турции против России, особенно на Кавказе. Англия с помощью Турции и Ирана, надеялась не допустить дальнейшего продвижения России в Закавказье [29, с. 133]. Перемирие на русско-иранском и русско-турецком фронтах было прервано, и военные действия возобновились. Одновременно ирано-турецкая агентура стала снова призывать горцев Восточного Кавказа к антироссийским выступлениям. Эти призывы подкреплялись щедрыми денежными подарками [22, с. 85]. Деньги и фирманы шаха и султана с призывами подняться на «священную войну» против России получили почти все дагестанские правители. На эти призывы, прежде всего, откликнулись Ших-Али-хан, Сурхай-хан и Али-Султан Дженгутайский [9, с. 333].

Получив указания и средства из Ирана, Ших-Али-хан и Сурхай-хан сразу же приступили к активной антироссийской пропаганде. Они распространяли ложные слухи о победах Ирана и Турции, широко применяли обман, подкуп, а где это не давало реальных результатов – насилие [22, с. 518]. Сколотив, таким образом, отряд и пользуясь тем, что российские войска из Южного Дагестана были передвинуты ближе к театру военных действий, Ших-Али-хан попытался овладеть Дербентом, но горожане успешно отразили нападение. Против Ших-Али-хана выступило большинство владетелей Дагестана. «Шамхал Тарковский, уцмий Каракайтагский, кадий Табасаранский и др., − писал Ших-Али-хан первому министру Ирана Мирза-Шефи, − изменили богу и шаху, они усердно соединены с русскими» [3, с. 640].

Наряду с антироссийскими выступлениями Ших-Али-хана и Сурхай-хана, в Дагестане развернулось движение в поддержку России и участия в войне против Ирана и Турции. Так, в 1809 г. к российскому командованию от Нуцальского общества Дагестана обратился Гитинав Сагитов, сообщавший о желании этого общества «вступить в повиновение» России. Кроме того, он заявил о такой же готовности Каратинского общества, старшина которого Курбан, обещал выставить на стороне России «лезгинское войско». С аналогичной просьбой о подданстве России обратились старшины Шандальского, Балхарского и других обществ Нагорного Дагестана. Российское командование на Кавказе направило в районы Дагестана своих представителей для переговоров о «российском подданстве». В ходе переговоров было оформлено вхождение в состав России Шадродинского, Балхарского, Ансальтинского, Кодротского, Тиндальского, Рогогинского, Бигнадальского и других обществ Нагорного Дагестана, а также вольных магалов [24, с. 31]. Даже деревня Ерси, что в Табасаране, которая до этого неизменно поддерживала Ших-Али-хана, в 1809 г. приняла покровительство России. Это еще раз свидетельствует о том, что подавляющее большинство правителей и союзов сельских обществ Дагестана твердо придерживались пророссийской ориентации. Успехи русского оружия и вступление в подданство обществ Нагорного Дагестана резко ухудшили положение Ших-Али-хана, Сурхай-хана и их сообщников. Ших-Али-хан приготовился бежать в Иран, а Сурхай-хан готов был «подписать трактат и обещал приехать куда угодно» [10, с. 50-51].

Готовясь к новым схваткам, Иран и Турция значительно усилили подрывную деятельность на Кавказе. Эмиссары шаха и султана «с помощью английского золота» должны были «возбуждать к возмущениям и набегам» горцев Дагестана. К Сурхай-хану прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский с письмами и деньгами». В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахты, Мискинджи, Докузпару и другие дагестанские владения и вольные общества вместе с щедрыми подарками были разосланы фирманы шаха и султана с призывом подняться на священную войну против русских и оказывать содействие войскам Ирана и Турции в Закавказье [19, с. 188].

Но, несмотря на то, что от шаха и турок шли письма и деньги, в Дагестане общего восстания не случилось [16, с. 290]. Население Дагестана не желало воевать на стороне Турции и Ирана, на данном этапе его устраивало подданство России, дающее гарантии безопасности и несоизмеримо большие экономические выгоды, чем союз с экономически отсталыми соседними державами. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что горцы передавали российским властям полученные фирманы султана и шаха, не давая им распространиться по всему Дагестану. Кроме того, представители различных обществ неоднократно обращались к кавказскому командованию с просьбой принять их на военную службу для участия в войне против Ирана и Турции. Так, в июле 1810 г. главнокомандующим на Кавказе генералом Тормасовым (назначенного на этот пост вместо

генерала Гудовича в феврале 1809 г.) был принят в российскую армию большой отряд горцев Дагестана. И, наконец, ряд вольных обществ Аварии добивались принятия их в подданство России. В сентябре 1810 г. к генералу Тормасову прибыл посланник села Чох, Мухаммед-кази с письмом от всего общества, в котором указывалось, что «мысль о преданности нашей к Русской державе и о вступлении нашем в ее подданство заняла наши сердца с давнего времени, и мы извещаем вас об этом и присылаем к вам аманата» [3, с. 630]. Осенью 1810 г., после принятия условий и присяги на верность, общество Чох было принято в подданство России. Росла ориентация на Россию и среди широких народных масс Казикумуха и Кюры. Все это поколебало положение феодалов, склонявшихся на сторону Турции и Ирана. В связи с этим был вынужден круто изменить свою политику и Сурхай-хан. Он обратился с покаянием и обещал впредь оставаться верноподданным России. Для принятия Сурхай-хана со всем его владением в подданство России кавказское командование отправило в Казикумух генерал-лейтенанта Российской службы Джафара-Кули-хана Шекинского. В Казикумухе Сурхай-хан присягнул на верность и подданство России, отдав двух аманатов из лучших казикумухских фамилий [19, с. 187-188]. По этому поводу Тормасов писал генерал-лейтенанту Репину, что: «...теперь Сурхай-хан нам покорен и, следовательно, в краю, управлению вашему вверенном, не может быть никаких важных беспокойств...» [3, с.718].

И все же в Дагестане было неспокойно. 1811 г. выдался чрезвычайно тяжелым для российского командования на Кавказе. Неудачная попытка российских войск в начале года захватить Ахалцих была преподнесена иранскими и турецкими эмиссарами как начало изгнания России со всего Кавказа. Ситуация усугублялась еще и тем, что Петербург, готовясь к войне с наполеоновской Францией, приказал Тормасову срочно отправить в Россию три полка с Кавказской линии и один из Грузии. В результате вновь активизировались проирански настроенные феодалы Дагестана, прежде всего, неугомонный Ших-Али-хан, «…угрожая отторгнуть от России Кубинскую провинцию» [20, с. 438]. Дербентский комендант сообщал Тормасову о «новых заговорах дагестанцев к мятежу» [9, с. 338].

Однако принять соответствующие меры для восстановления спокойствия и наказания противников Тормасову не дали, в конце лета 1811 г. он был отозван в Петербург, в связи с ожидаемой войной с Францией. Управление же Кавказом было разделено. Командующим войсками на Кавказской линии был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев, а в Закавказье – генерал-лейтенант маркиз Паулуччи. Крепость Владикавказ считалась границей вверенных им территорий [6, с. 144]. В скором времени был отозван в Петербург и маркиз Паулуччи, получивший должность начальника штаба 1-й Западной Армии. Командующим же войсками на Кавказе стал генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев, прибывший 20 апреля 1812 г. в Грузию для принятия полномочий по управлению краем [7, с. 109].

18 мая 1812 г. на имя Н.Ф. Ртищева поступил рапорт от командующего войсками в Дагестане Н.М. Хатунцева о желании казикумухских владетелей, родных братьев Аслан-бека, Фет-Али-бека и Хасан-бека вступить в подданство России. При этом Хасан-бек доложил, что «Ших-Али-хан, оставленный всеми, имеет намерение удалиться в Персию и делает нужные к этому приготовления, Сурхай-хан же беспокоится, как бы русские войска вместе с Аслан-ханом не двинулись на Кумух, потому что-де не находит себе способов собрать значительное число войск, в пособии которых как аварцы, так и акушинцы, дуздахарцы (цудахарцы) ему отказывают» [25, с. 300].

Российская сторона, исчерпав все средства «обратить к раскаянию Сурхай-хана Хамбутая Казикумыкского и к соглашению его выдать нам непременно Ших-Али-хана», объявила Кюринскую область, принадлежащую Сурхаю, присоединенной к России, отдав ее под управление Аслан-бека, принявшего титул хана. Царь присвоил ему звание полковника и прислал 10 июня 1812 г. ханскую грамоту и регалии (саблю, знамя и герб российской империи) [25, с. 300-301].

В то время когда российским властям казалось, что победа уже близка, поступила помощь от иранского шаха. В июне 1812 г. из Персии возвратились послы Ших-Али-хана. Пробравшись через табасаранские горы, они привезли ему деньги и подарки. Ших-Али-хану удалось склонить Сурхай-хана на свою сторону. Благодаря денежным субсидиям Сурхай-хану удалось склонить на свою сторону уцмия Каракайтагского [13, с. 28-29].

Неожиданное появление российских войск вызвало страх как самого уцмия, так и у башлинцев. Об этом узнали акушинцы и другие горцы, шедшие на помощь Сурхай-хану, что заставило их немедленно вернуться в свои села, оставив дальнейшие замыслы. Боясь наказания за свои проступки, на другой день к Хатунцеву явились старшины из Башлов и окрестных сел. Таким образом, восстановив спокойствие в данном регионе, генерал-майор Хатунцев отправился обратно в Дербент [4, с. 616].

Присяга уцмия и башлинцев вынудила Сурхая призадуматься о своем положении. 17 июля

он прислал своего сына Муртузали с присягой на верность России [13, с. 30-31]. С сыном Сурхая прибыли от акушинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины с просьбой и их принять в подданство России. Таким образом, генерал Хатунцев окончательно пресек все враждебные действия дагестанцев и успел успокоить их прежде, чем Аббас-Мирза подошел к российским границам.

Внушительные победы, одержанные русскими в Закавказье, совпали с победой России над Наполеоном. Учитывая, что продолжение русско-иранской войны неизбежно приведет к полному разгрому, персидские дипломаты запросили мира и 12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан между Ираном и Россией был подписан мирный договор. Еще раньше, 1812 г. подписанием Бухарестского мирного договора завершилась и русско-турецкая война. Согласно Гюлистанскому договору Дагестан вместе с другими территориями Кавказа становится частью Российской империи [5, с. 256]. Впервые международным договором юридически оформляется вхождение Дагестана в состав России.

Дагестанские народы, добровольно желавшие принять российское подданство и не раз официально просившие об этом, могли быть довольны тем, что Гюлистанский мирный договор завершил их присоединение к России [28, с. 208–209]. Присоединение Дагестана к России – стране по уровню своего развития ушедшей значительно дальше, чем Оттоманская Порта и шахский Иран, к стране с развивающейся прогрессивной культурой, передовым общественно-политическим движением – было исторически прогрессивным явлением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алкадари Г-Э.* Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже (АКАК). Тифлис, 1869. Т. 3.
3. АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4.
4. АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. Ч. 2.
5. *Берже А.* Посольство А.П. Ермолова в Персию. Исторический очерк // Русская старина. 1876. Т. 11.
6. *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М., 1976.
7. *Гасаналиев М.* Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII–нач. XIX в. Махачкала, 2007.
8. *Гасанов М.Р.* К вопросу о вхождении Табасарана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI–начале XX в. Махачкала, 1988.
9. *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). Нальчик, 2003.
10. *Джахиев Г.А.* К вопросу «Дагестан в русско-турецких отношениях в начале XIX в.» // Вопросы истории и этнографии. Вып. 5. Махачкала, 1974.
11. *Джахиев Г.А.* Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985.
12. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1887. Т. 5.
13. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1888. Т. 6.
14. История Дагестана. М., 1968. Т. 2.
15. История России в XIX веке. Вып. № 21. Б.м., б.г.
16. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2.
17. *Маршаев Р.Г.* Георгиевский договор 1802 года // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI–начале XX в. Махачкала, 1988.
18. *Новоселов С.* Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап. Жизнеописание. СПб., 1858.
19. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1.
20. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887. Т. 1.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 34.
22. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 64.
23. РГВИА. Ф. 161. СП ГА1–13, 1800–1811 гг., Оп. 10. Д. 6.
24. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 426.
25. Русско-дагестанские отношения в XVIII–начале XIX в.: сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.
26. *Умарова Е.И.* Российско-дагестанские отношения в первой четверти XIX в. // Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа, история и современность. Грозный, 2005.
27. Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В. Потто. Тифлис, 1901–1908. Т. 1.
28. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.
29. *Юнусова Л.* Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988.

УДК 61 (470.67) г.

Магомедов Магомед-Гапина Гамидович

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного Института Народного Хозяйства
editor@hist-edu.ru

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНА В 1946-1960 гг.

В статье рассматриваются проблемы медицинского обеспечения учреждений, нормативным инструментарием для эффективного обслуживания населения. Уделяется внимание специфике обоснования норм труда для различных категорий медперсонала. В статье автор показывает роль русской интеллигенции в обеспечении кадрами для медицинского обслуживания городов Дагестана в 1946-1960 гг.

Ключевые слова: **профилактика, консультация, медицина, диспансер, санаторий, психиатрия, фельдшер.**

Magomedov Magomed-Gapina Gamidovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Dagestan State Institute of National Economy
editor@hist-edu.ru

HEALTH SERVICE OF THE POPULATION IN DAGHESTANI CITIES IN THE 1946-1960S

In the article the problems of medical provision of institutions with regulatory tools for effective service of the population have been considered. The attention is focused on the specific character of the rationale of labour standards for different categories of medical staff. In the article the author shows the role of the Russian intelligentsia in staffing the health service in Daghestani cities in the 1946-1960s.

Key words: **preventive measures, consultation, medicine, dispensary, sanatorium, psychiatry, doctor's assistant.**

На протяжении всего послевоенного времени возможности советского государства в социальной сфере были ограничены. Государству приходилось на всем экономией в интересах восстановления хозяйства, а также последующего укрепления ее экономического потенциала. Поэтому уровень социального развития населения в 1945-1960 гг. значительно отставал от постоянно растущих запросов населения Социальное развитие городов в 1940-1960 гг. шло по пути улучшения социально-бытовых условий жизни населения, во-первых, на самих предприятиях, во-вторых, в рамках городов.

В докладе Министра здравоохранения М.М. Махмудова на коллегии Министерства здравоохранения РСФСР о сети медицинских учреждений и укомплектованности их медицинскими кадрами говорилось: «В настоящее время в республике по штату предусмотрено 1 099 врачебных должностей. Из них в городах 608 и на селе 491. на 1 июля 1951 г. имеется 807 врачей, из них в городах 559 и на селе 248. Таким образом, у нас недостаток около 300 врачей. В 1950 в ДАССР прибыли 158 врачей, выбрали 117 врачей. В 1951 г. согласно плану распределения врачей в ДАССР было направлено 67 чел. [1].

В том числе из Мединститута 37. По имеющимся данным, на 37 чел. остались 25, а остальным изменены назначения Министерством здравоохранения РСФСР. Из других институтов к нам прибыли всего лишь несколько врачей. Врачей из коренных национальностей в республике 216 чел. Обеспеченность республики районов врачами на 1 июля с. г. видна из следующих данных: районов с 1 врачом – нет, с 2 врачами – 2, с 5 врачами более 27 и т.д.

За последнее время увеличилось число специалистов в городах благодаря тому, что удалось проспециализировать значительное число врачей. В результате этого на 1 июля 1954 г. в республике нет ни одного города, райцентра, в котором не было бы специалиста города, были укомплектованы специалистами по минимуму, в которых работают 35 терапевтов, 34 хирурга, 62 педиатра, 43 акушера-гинеколога 26 эпидемиологов, 15 санитарных врачей, 19 ординаторов, 29 венерологов и т.д. По штату в республике, кадров со средним медицинским образованием на 1 августа 1951 г. предусмотрено 3 752 должности средних медработников, фактически занято 3 517, физических лиц 2730. Из общего числа средних медработников 41% работают в городах. В 1951 г. в республику должно прибыть 230 средних медработников, из них 195 чел. из медицинских школ других областей. На 15 августа прибыло всего 80 чел. (или 32%). [2].

В годы 4-ой пятилетки в республике планируется развернуть 18 городских и 58 сельских больниц с общим числом коек 3 630, 2 городских роддома на 95 коек, психиатрическая больница на 125 коек. [3]. В республике в райцентрах имеются больницы, кроме этого функционируют 19 участковых больниц».

Поднять культуру медицинского обслуживания населений – такой вопрос постоянно затрагивался на пленумах райкома профсоюза медицинских работников и даже на уровне правительства

республик. Отмечалась неудовлетворительная работа многих медицинских учреждений городов, нехватка помещений, мебели и т.д., все это создавало неудобства (больше очереди, создавалась толкучка) для обслуживания населения. Совет Министров, несмотря на недостатки, уделял большое внимание по улучшению медицинского обслуживания трудящихся и охране здоровья населения городов республики: «За последние 2 года резко выросло количество детско-женских консультаций на селе, число которых достигло 41, в результате этого в каждом районе имеется детско-женская консультация. Такой же рост мы имеем и по санитарно-эпидемиологическим станциям. Планом на 1950 г. было предусмотрено развернуть 575 фельдшерско-акушерских пунктов. Фактически было развернуто 530, так как около 50 средних медицинских работников, которые должны были прибыть к нам, согласно разнарядки Министерства здравоохранения РСФСР, не явились [4]. Для обслуживания кожно-венерологических больных в г. Махачкале имеется республиканский кожно-венерологический диспансер со стационаром на 50 коек, руководящий организацией кожно-венерологической помощи всей республики. Республиканский туберкулезный диспансер и республиканский онкологический диспансер, развернутые в г. Махачкале, не имеют своих стационаров и объединены лишь организационно-методически с соответствующими отделениями республиканской клинической больницы.

В г. Буйнакске имеется республиканская туберкулезная больница на 100 коек, объединенная с городским противотуберкулезным диспансером. В г. Буйнакске и Дербенте кожно-венерологические диспансеры объединены с соответствующими отделениями городских больниц. В республике функционируют 22 малярийные станции, республиканская бруцеллезная станция.

В 1951 г. развернула свою работу республиканская зобная станция, которая в течение 12 лет лишь формально числилась как учреждение. Эта станция, руководимая ранее профессором Маклецовым, а затем ассистентом Магомаевым, не имела даже своего помещения и, безусловно, о работе ее в то время говорить не приходится.

В настоящее время зобная станция имеет свое помещение, подобран штат ее. Начальником назначен врач Мататов, выпуска 1950 г., показавший себя хорошим организатором. В этом году реорганизовать зобную станцию в диспансер не удалось, штаты не были увеличены. [5].

В городах республики работают 18 врачебных и 25 фельдшерских здравпунктов.

Для обслуживания работников рыбной промышленности Дагестана, которая является одной из ведущих отраслей промышленности республики, развернута специальная сеть медицинских учреждений. В г. Махачкале имеется больница Дагрыбтреста на 60 коек. В поселках 'Главный Сулак, Главный Лопатин и на острове Чечень также имеются больницы. Кроме того, на рыбозаводах постоянно работают 19 фельдшерско-акушерских пунктов, а во время путины дополнительно открываются больницы и фельдшерско-акушерские пункты па всех рыбозаводах.

В г. Избербаше, где подавляющее большинство населения нефтяники, в настоящее время Министерством нефтяной промышленности строится больница». [6].

За выслугу лет и безупречную работу правительство наградило орденом Ленина 21 человек. Настоящим указом также были награждены; орденом Трудового Красного Знамения – 21 чел.; медалью «За трудовую доблесть – 28 чел.; медалью «За трудовое отличие» – 90 чел. [7].

В связи с перспективным ростом материального и культурного уровня трудящихся растет и их требования к медицинскому обслуживанию. Рост национального дохода позволил провести ряд крупных мероприятий в области здравоохранения в городских республиках.

В пятой пятилетке осуществлены многочисленные мероприятия по дальнейшему развитию народного здравоохранения. Значительное расширение сети здравоохранения за годы пятилетки произошло и в Дагестане. Число коек увеличилось на 1070. Был открыт целый ряд новых учреждений, среди которых такие, как городская инфекционная больница в г. Махачкале, туберкулезная больница в г. Дербенте, детская больница в г. Буйнакске, детский туберкулезный санаторий в г. Махачкале, костно-туберкулезный санаторий в Гунибе. поликлиника и детские ясли на 100 мест в г. Каспийске. Республиканская бруцеллезная больница на Каякентских горячих источниках, больница в Махачкале горячих источниках, больница в пос. Махачкала-1 [8]. Введен в строй психиатрический корпус республиканской больницы.

Из общего числа врачей 82 – имели звание заслуженных врачей РСФСР и ДАССР, 97 врачам и средним медработникам за долголетнюю и безупречную работу установлены персональные надбавки к зарплате, сотни врачей были награждены орденами и медалями СССР, почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР и значками «Отличнику здравоохранения».

В 1953-54 гг. в республике было открыто 5 новых медицинских училищ. В текущем году было выпущено 370 средних медработников.

В 1957 г. из училищ Дагестанской АССР будет выпущено 839 специалистов, что полностью

обеспечило потребность учреждений в средних медицинских работниках.

Только за 1956 г. в сельских райбольницах было установлено 11 рентгеновских аппаратов. Значительно пополнились лечебно-профилактические учреждения автотранспортом. [9].

Коммунистическая партия и Советское правительство повседневно усиливало работу о здоровье трудящихся нашей республики. 18 августа 1956 г. Совет Министров РСФСР принял Постановление о мерах оказания помощи здравоохранению Дагестанской АССР, в котором, в частности говорилось:

«Обязать Совет Министров Дагестанской АССР и Министерство городского и сельского строительства РСФСР построить в 1956-1960 гг. лечебные учреждения с вводом в действие 553 коек. Среди них: городская больница, в г. Махачкале в 1958 г., родильный дом в г. Махачкале в 1957 г., городские больницы в г. Дербенте, Буйнакске и Хасавюрте в 1961 г., детская инфекционная больница в г. Махачкале в 1960 г., станция переливания крови в 1961 г.

Этим постановлением Министерство здравоохранения РСФСР обязало направить в 1957-60 гг. для работы в Дагестанскую АССР ежегодно не менее 100 врачей.

В 1957 г. предложено выделить Министерству здравоохранения ДАССР 15 санитарных автобусов, 10 легковых автомобилей “Москвич”, 3 грузовых автомобиля и 6 автомобилей “ЗИМ” в санитарном исполнении.

При медицинских училищах разрешено Совету Министров ДАССР организовать интернаты для учащихся из коренных народностей Дагестана на 350 мест.

В ответ на заботу партии и правительства медицинские работники Дагестана должны приложить все свои усилия для улучшения качества медицинского обслуживания населения [10].

В городах республики широко поставлена лечебная и профилактическая работа, создана разветвленная сеть медицинских учреждений. На 1 января 1959 г. в республике работало 1 375 врачей и 4 313 чел. среднего медицинского персонала, многие из которых с большой любовью, относятся к своей профессии и заслужили всеобщую признательность. К ним относятся профессор Р.А. Аскерханов заслуженные врачи РСФСР Р. Цюпак, Ш. Магомедов. Открыто 176 больниц, 710 фельдшерских и акушерских пунктов, 59 женских и детских консультаций, 50 санитарно-эпидемиологических учреждений. А в 1913 г. врачебных учреждений стационарной помощи было только 29, фельдшерско-амбулаторной помощи – 39. В область предания ушли болезни, которые составляли социальную опасность – малярия, тиф, холера, чума, трахома и другие, резко сократилась смертность населения, растет рождаемость. Достаточно сказать, что смертность в 1958 г. против довоенного 1940 г., сократилась в 2,5 раза, а естественный прирост населения Дагестана за последние годы значительно увеличился, уменьшение смертности является наиболее ярким показателем высокого уровня экономического развития, роста благосостояния людей» [11].

В городах республики была широко поставлена лечебная и профилактическая работа, создана разветвленная сеть медицинских учреждений.

В силу тяжелых материальных условий, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи в дореволюционном Дагестане были широко распространены социально-бытовые заболевания, в частности туберкулез. С первых же дней Советской власти по указанию партии в республике началась большая организационная работа по борьбе с туберкулезом: открылись санатории, дома отдыха, пансионаты.

За период с 1959 по 1970 гг. включительно туберкулезных больниц увеличилось в 4,5 раза, а число коек в них возросло 1,9 раза. Рост сети противотуберкулезных учреждений и числа врачей-фтизиатров обусловили значительное улучшение лечебно-профилактической помощи. Появилась возможность выявлять ранние формы туберкулеза и проводить вакцино-профилактику.

Получает развитие современная большая хирургия, освоено и внедрено в практику хирургическое лечение заболеваний легких, пищевода, средостения. Начато оперативное лечение некоторых заболеваний крупных и периферических сосудов и отдельных пороков сердца.

Большое внимание проявляло государство о здоровье матери и ребенка. За годы послевоенных пятилеток в Махачкале была создана широкая сеть учреждений для охраны материнства и детства. В 1960 г. насчитывалось 5 детских поликлиник, 5 детских поликлинических отделений, 11 филиалов детских поликлиник и детских кабинетов при общих поликлиниках в городах и рабочих поселках, 37 женско-детских консультаций в сельской местности. Кроме этого, функционировали 50 женских консультаций, 1 017 фельдшерского-акушерских пунктов и 170 колхозных родильных домов. Увеличивалось и количество педиатрических участков. На 1 января 1960 г. в городах ДАССР их насчитывалось 132.

Таким образом, несмотря на наличие серьезных трудностей в исследуемый период была проведена значительная работа по развитию медицинского обслуживания городского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ЦГА ДАССР. Ф. Р-23. Оп. 36 Д. 20
2. ЦГА ДАССР. Ф. № Сборник опись Культ. Строит. Д. Т. 2.
3. ЦГА ДАССР. Ф. № 23. Оп. 27. Д. 148. Л. 18-20.
4. *Максудов М.М.* Здравоохранение Дагестана за 50 лет Советской власти. Махачкала, 1970.
5. ЦГА ДАССР. Ф. № 23. Оп. 30. Д. 76. Л. 26.
6. ЦГА ДАССР. Ф. № Сборник опись Культ. Строит. Д. Т. 2.
7. Дагестанская правда. 1951. 28 апр.
8. ЦГА ДАССР Ф. № Р-168. Оп. 34. Д. 722. Л. 43.
9. ЦГА ДАССР Ф. № Р-260. Оп. 44. Д. 53. Л. 203.
10. ЦГА ДАССР Ф. Р-23. Д. 463. Л. 1-7.
11. *Даниялов А.* Советский Дагестан. М., 1960.

УДК 904

Марченко Иван Иванович

кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Marchenko Ivan Ivanovich

PhD in History, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology, Ancient and Medieval History, Kuban State University
editor@hist-edu.ru

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ГОНЧАРНОЙ СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ У МЕОТОВ КУБАНИ

ON THE TIME OF MEOTIAN GRAY-CLAY POTTERY CERAMICS APPEARANCE IN KUBAN

В статье рассматриваются спорные вопросы керамического производства у меотов Кубани. Новые материалы позволили сделать вывод о появлении гончарного круга в этом регионе в середине V в. до н.э.

Ключевые слова: **керамика, меоты, хронология, гончарный круг.**

The article considers the controversial issues of ceramic production by Meotes of Kuban. The new materials have allowed to draw a conclusion concerning the appearance of a potter's wheel in this region in the middle of the 5th century B.C.

Key words: **ceramics, Meotes, chronology, potter's wheel.**

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России на 2012–2014 гг., шифр заявки № 6. 3830. 2011.

В науке прочно закрепилось мнение о том, что появление у меотов кружальной сероглиняной керамики первые исследователи этой культуры Н.В. Анфимов, а вслед за ним и К.Ф. Смирнов относили к середине IVв. до н.э. [1, с. 225; 2, с. 90]. К.Ф. Смирнов действительно синхронизировал этот процесс с широким распространением античного импорта в середине этого столетия [3, с. 308]. Относительно точки зрения Н.В. Анфимова нельзя утверждать столь однозначно. Дело в том, что конец раннемеотского периода по его хронологии приходится на начало IV в. до н.э., а начало среднемеотского периода – на середину IVв. до н.э. Таким образом, между концом первого периода и началом следующего оставалась лакуна около половины столетия. В то же время Н.В. Анфимов писал, что основным критерием для выделения группы погребений IV–III вв. до н.э. «является наличие сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге» [4, с. 4, 6]. Определил он свою позицию только в более поздней работе, посвященной античному влиянию на местную сероглиняную керамику, в которой отнес начало использования меотами гончарного круга к рубежу V–IVвв. до н.э. [5, с. 125]. Не исключено, что произошло это в какой-то мере под влиянием новых материалов, полученных нами в результате раскопок начала 1980-х гг.

Именно тогда на могильнике городища № 3 у хутора Ленина нами было исследовано первое раннемеотское погребение (Л–3–1982, I/5), в котором был найден сероглиняный кувшин местного производства вместе с чернолощеной керамикой и чашевидный скифос (cup-skiphos) с чернофигурной росписью. Такие сосуды часто ошибочно называют киликами. По стилю росписи сосуд принадлежит группе мастера Хаймона (или примыкающей к ней подгруппе Ланкут) первой четверти V в. до н.э. [6, с. 11, кат. № 147–150, 154; 7, с. 38, 39]. Аналогичные сосуды с росписью в манере этого мастера – не редкость в греко-варварских некрополях Северного Причерноморья. Чаши-скифосы из раскопок ольвийского некрополя (п. 69 1910г., п. 27 1913г.) датируются 480–470гг. до н.э. [8, с. 66, 131 кат. № 84, *3*; 206, *1*].

Находки сосудов этого типа известны и на Нижнем Дону – в Елизаветовском некрополе (к. 13 1966г., к. 89 1978г.), где они датируются первой четвертью V в. до н.э. [9. Брашинский, 1980, с. 52, табл. XIII, кат. № 153–156).

На основании этих находок мы предположили, что процесс освоения быстровращающегося гончарного круга и производства сероглиняной керамики у меотов начался намного раньше и удревнили это принципиальное для развития меотской культуры событие на целое столетие [10, с. 22, 23, прим. ред. на с. 23]. Новые возможности подхода к решению данной проблемы не сразу были приняты другими исследователями, так как в меотской археологии господствовало мнение Н.В. Анфимова, что дорогая привозная посуда значительно «запаздывает» в погребениях [11, с. 92, 93; 12, прим. ред. на с. 149].

Сейчас все археологи, занимающиеся меотской культурой, в принципе согласны с тем, что постепенная замена лепной чернолощеной керамики на сероглиняную начинается еще в V в. до

н.э. Однако полного единодушия в этом вопросе не существует. Опираясь на материалы городищ Краснодарской и Усть-Лабинской групп памятников, а также Елизаветинского городища № 2, И.С. Каменецкий пришел к выводу, что на всех этих памятниках «импорт V в. до н.э. сочетается уже с гончарной керамикой и новыми формами лепной», на основании чего он и перенес конец раннемеотского периода на начало V в. до н.э. [13, с. 225, 235]. В настоящее время, основываясь на находках амфорной тары конца V – IV в. до н.э. Пашковского 6-го городища, И.С. Каменецкий «склонен думать, что освоение круга меотами относится к рубежу VI–V вв. до н.э.» [14; 15, с. 303].

Е.А. Беглова, проанализировав материалы левобережья, отнесла время появления круговой керамики в этом регионе к самому концу V – началу IVв. до н.э., правда, с оговоркой, что не считает это заключение абсолютно доказанным, так как неизвестно, сделаны ли самые ранние гончарные сосуды из местного сырья или нет [16, с. 93]. Однако в дальнейшем она сочла возможным распространить эту датировку на всю территорию Кубани. Сопоставив данные уляпских могильников с материалами городища № 2 у хутора Ленина, исследовательница сделала вывод, что массовое появление круговых сосудов в могильниках и поселениях относится к концу V – нач. IV в. до н.э., и в западных районах это произошло несколько раньше, чем в восточных [17, с. 34]. По нашему мнению, которое мы уже неоднократно излагали, начальный этап производства сероглиняной керамики у меотов правобережных городищ Кубани приходится на вторую четверть – середину V в. до н.э.

Остается дискуссионной и проблема появления гончарного круга в меотской среде. Основной является версия заимствования круга у греков. Н.В. Анфимов и К.Ф. Смирнов считали, что быстрый гончарный круг распространился у меотов под влиянием культуры греческих городов Северного Причерноморья [18, с. 125; 19, с. 91]. Не сомневается в этом и И.С. Каменецкий [20, с. 303]. Оригинальное мнение на эту проблему высказала Е.А. Беглова, которая предположила, что гончарное производство на меотских городищах было налажено переселившимися туда боспорскими мастерами [21, с. 35]. Ее гипотезу о времени появления гончарной керамики у меотов и изначальном принесении ее боспорскими мастерами поддерживает В.Р. Эрлих [22, с. 12].

Е.В. Беглова считает, что формы и технология изготовления сероглиняной керамики Уляпского могильника не имеют корней в предыдущий период и не связаны с лепной керамикой VI–V вв. до н.э. Сравнивая меотскую лепную керамику VI–V вв. до н.э. и кружальную керамику IV в. до н.э., исследовательница отмечает, что круговая керамика представляет совершенно иную традицию гончарства, обращая при этом внимание на изменения в качестве глины (тонкоотмученная), отощителей (мелкофракционные) и обжиг в высокотемпературных печах [23, с. 91, 92; 24, с. 33]. Но такие инновации объясняются изменением техники изготовления сосудов. На быстровращающемся круге изготовить сосуд из глины, в которой используются крупные отощители, невозможно, тогда как в лепной керамике IV–II вв. до н.э. по-прежнему содержатся крупные примеси.

К сожалению, при наличии большого количества сероглиняной кружальной керамики в IV в. до н.э., обжигательных печей раньше второй половины II в. до н.э. на меотских городищах мы не знаем [25, с. 175; 26, с. 231-235], поэтому говорить о заимствовании технологии обжига и конструкции печей на раннем этапе гончарного производства пока нельзя. Тем более что для античной керамики в основном характерен окислительный обжиг, а для меотской – восстановительный.

Предложенная нами версия о местном происхождении гончарного круга не получила признания. Тем не менее, все таки есть основание полагать, что гончарный круг прошел все стадии развития в меотской среде [27, с. 10-12]. Конечно, трудно оценить объективно уровень культурно-экономических контактов, имевших место в древности между меотскими племенами и греками. В первую очередь это, безусловно, была торговля. Меоты, достаточно преуспевшие в гончарном деле, начали копировать формы привозных греческих сосудов. Причем самая ранняя деталь, подражающая античной керамике – кольцевой поддон, – появляется еще на лепных сосудах, формовка и обработка которых производилась на поворотном столике. А профилированный венчик, появляющийся на чернолощеных мисках и чашечках, требовал уже использования сложных функций гончарного круга. На материалах правобережных памятников можно отметить и морфологическую преемственность некоторых форм сероглиняных сосудов, которые имеют прототипы в чернолощеной керамике раннемеотского периода (кружки с ребром в нижней части тулова и отогнутым краем, чашечки с профилированным венчиком, вазочки на ножке и, конечно, миски).

Механизм появления гончарного комплекса у меотов Кубани Е.А. Беглова попыталась объяснить, «исходя из исторической ситуации в регионе в конце V – начале IV в. до н.э.». Она пишет, что «увеличение населения боспорских городов после Пелопонесской войны (431–404 гг. до н.э.) или милетского восстания, вероятно, привело боспорских ремесленников, в силу усилившейся конкуренции (?), к поискам новых рынков сбыта своей продукции. Такой зоной для них стала Ку-

бань и ее население. Особенности гончарного производства, вероятно, вынуждали боспорских гончаров переселиться на меотские городища, где в течение довольно незначительного отрезка времени и было налажено производство круговой керамики» [28, с. 34, 35].

Исследовательница связывает увеличение населения на Боспоре с двумя событиями, разделенными 90-летним периодом. Подавление восстания ионийцев и разрушение Милета произошло, как известно, в 494 г. до н.э. Тогда, если следовать за рассуждениями Е.А. Бегловой, процесс переселения греческих гончаров в меотские земли нужно отнести к началу V в. до н.э. Однако поиск рынков сбыта никогда не связывается с переселением мастеров к месту продажи ремесленной продукции. Какую выгоду преследовали греки, налаживая производство керамики на меотских городищах? Не для того же, чтобы создать конкуренцию гончарам боспорских городов?

Если греки и добрались к середине V в. до н.э. до меотской «глубинки» (имеются ввиду, в первую очередь, городища Краснодарской группы), чему пока нет прямых свидетельств, то вряд ли с целью обучения местных жителей гончарному ремеслу. Почти наверняка можно предположить, что и меотские гончары бывали в северопричерноморских колониях, где могли наблюдать работу греческих керамистов. Так или иначе, меоты имели вековые навыки в производстве керамики, что является весомой предпосылкой для независимого от греков изобретения полнофункционального гончарного круга.

Неизменные споры среди исследователей вызывает правомерность использования импортных предметов для датировки. Однако, не имея других данных для узкого датирования комплексов с лепной керамикой, мы все-таки считаем возможным опираться на эти хроноиндикаторы, но с осторожностью, учитывая их сохранность и нередко вторичное применение в погребениях. Для понимания этого вопроса немаловажно, что амфорная тара представлена в раннемеотских памятниках единичными экземплярами, а импортных сосудов этого времени можно насчитать не один десяток. Конечно же, мы не отрицаем возможности использования дорогих привозных сосудов в быту в течение какого-то времени, но вряд ли можно предположить хранение их «до ста и более лет» [29, с. 38]. Скорее всего, эти хрупкие вещи недолго использовались в быту. В могилы они чаще попадали разбитыми (иногда преднамеренно), реже – целыми, использовались и фрагменты с заглаженными сколами. Практическое отсутствие «запаздывания» импортов подтверждается на примере комплексов IV в. до н.э., в которых совместно встречены амфоры и синхронная им чернолаковая керамика [29, с. 269; 30, с. 342, 343], поэтому у нас есть все основания ограничить время появления гончарной керамики у меотов второй четвертью – серединой V в. до н.э. На наш взгляд, в настоящее время нельзя отрицать и версию о местном происхождении гончарного круга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – IIIв. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
2. *Беглова Е.А.* Гончарство меотов в V – IV вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. 1.
3. *Смирнов К.Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. № 64.
4. *Анфимов Н.В.* Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1954.
5. *Анфимов Н.В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986.
6. *Горбунова К.С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
7. *Лимберис Н.Ю.* Раннемеотские погребения у хутора им. Ленина // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994.
8. *Скуднова В.М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. 1962. Т. 7.
9. *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
10. *Беглова Е.А.* Гончарство меотов в V – IV вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. 1.
11. *Беглова Е.А.* Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
12. *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
13. *Каменецкий И.С.* Датировка Пашковского городища 6 на Кубани // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
14. *Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011.
15. *Беглова Е.А.* Гончарство меотов в V – IV вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. 1.

16. *Беглова Е.А.* Механизм сложения комплекса круговой керамики у меотов // Античная цивилизация и варварский мир: тез. докл. 4 археологического семинара. Новочеркасск, 1994.
17. *Анфимов Н.В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986.
18. *Смирнов К.Ф.* Пашковский могильник № 3 // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
19. *Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011.
20. *Беглова Е.А.* Механизм сложения комплекса круговой керамики у меотов // Античная цивилизация и варварский мир: тез. докл. 4 археологического семинара. Новочеркасск, 1994.
21. *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.
22. *Беглова Е.А.* Гончарство меотов в V–IVвв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. 1.
23. *Беглова Е.А.* Механизм сложения комплекса круговой керамики у меотов // Античная цивилизация и варварский мир: тез. докл. 4 археологического семинара. Новочеркасск, 1994.
24. *Городцов В.А.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года // СА. 1936. № 1.
25. *Шилов В.П.* Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. Вып. 23.
26. *Жупанин О.Ф., Марченко И.И.* К вопросу о технологии производства меотской керамики // Древности Кубани: материалы к семинару. Краснодар, 1986.
27. *Беглова Е.А.* Гончарство меотов в V – IV вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч.1.
28. *Лимберис Н.Ю.* Указ. соч.
29. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
30. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. М., 2010. Т. 14.

УДК 93/94

Подделкова Полина Евгеньевна

преподаватель Колледжа технологии и дизайна Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна
editor@hist-edu.ru

Poddelkova Polina Evgenyevna

Lecturer of the College of Technology and Design of Saint-Petersburg State University
editor@hist-edu.ru

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

MILITARY EDUCATION OF CHILDREN IN THE FAMILIES OF THE GRAND DUKES DURING THE AFTER-REFORM PERIOD

Исследована система военного воспитания, дана характеристика используемых педагогических и образовательных подходов к обучению и воспитанию великих князей. Проведен анализ источников, на основе которого даны характеристики состояния воспитательного пространства.

The system of military education has been analysed, the characteristics of the applied pedagogical and educational approaches to the teaching and upbringing of grand dukes has been presented. The analysis of the sources has been carried out. On the basis of the analysis the characteristics of the state of educational space has been introduced.

Ключевые слова: **наследник престола, великие князья, императорская семья, военное воспитание.**

Key words: **heir to the throne, grand dukes, imperial family, military education.**

Исследование элит является актуальной темой современного гуманитарного и социогуманитарного знания, так как именно в этом слое формируются разнообразные культурные модели. Целью данной статьи является выявление общих принципов военного воспитания великих князей. Основным источником информации для написания данной статьи стали архивные материалы, а также опубликованные личные воспоминания великих князей. Российский Императорский Дом, по энциклопедии Брокгауза и Ефрона, определяется как особый класс людей, преимущества которого обуславливаются тем, что его члены, могут наследовать престол, или тем, что они находятся в браке с лицами, имеющими право на престол. Эта властная корпорация во второй половине XIX в. была представлена группой великих князей и княжон, а так же группой князей императорской крови с титулами «Высочество» и «Светлость». Юридическая составляющая великокняжеского достоинства была закреплена «Манифестом об Императорской Фамилии», принятым во времена императора Павла I и рядом правовых актов эпох Николая I и Александра III.

В свою очередь, в соответствии со Сводом законов Российской Империи, категория князей императорской крови определялась следующим образом: **«**Титул Высочества, Князя и Княжны Крови Императорской принадлежит правнукам Императора, от мужеского поколения происшедшим, а в роде каждого правнука титул Высочества присвояется только старшему сыну и его старшим, по праву первородства, потомкам, мужеского пола и поколения» [1, ст.147]. А также: «Титул Светлости, Князя и Княжны Крови Императорской присвояется от младших детей правнука всем последующим родам, в мужеском поколении от Императорской крови происшедшим» [1, ст. 148].

Указанные титулы были введены 2 июля 1886 г. «Новым Учреждением об Императорской Фамилии», с целью ограничения круга лиц, именующихся титулом «великий князь» в силу значительного увеличения числа представителей Дома Романовых в эпоху правления Александра III.

Каждый великий князь мог рассчитывать на высокое денежное содержание, что было весьма обременительно в условиях постоянного бюджетного дефицита, и особые почести (награды, звания, должности, шефство над гвардейскими и армейскими полками). Следует отметить тот факт, что в соответствии с «Учреждением об Императорской фамилии» великие князья признавались совершеннолетними с двадцатилетнего возраста. Они принимали две присяги: «Клятвенное обещание в лице Великого Князя Российского Императорского Дома» и «Воинскую присягу», что указывало на их однозначную принадлежность к воинскому сословию. После чего каждый начинал получать пожизненное содержание от Министерства уделов Императорского Двора [1, ст. 148].

Впервые титулом князь Императорской крови с обращением «Высочества» был поименован сын великого князя Константина Константиновича – Иоанн Константинович, родившийся в 1886 г.

По сложившейся традиции мужчины из правящего дома с самого рождения становились «военными» и получали определенные чины. Так, великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал: «2-го апреля 1866 года, в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии,

офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии» [2, с. 14].

Характерными являются рассуждения великих князей о традиционной принадлежности представителей правящей династии к военному сословию: «За исключением наследника и его трёх сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители Императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и флоте и соперничали друг с другом» [2, с. 37], «одна мысль о том, что один из нас мог бы избрать какую-либо другую карьеру, кроме военной, могла бы показаться полным абсурдом, ибо традиции Дома Романовых требовали, чтобы все его члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли» [2, с. 65]. Таким образом, большая часть великих князей имела воинские звания не ниже полковника.

При анализе корпорации великих князей особого внимания заслуживают братья императора Николая I, Александра II и Александра III.

Все сыновья и внуки Николая I, за исключением великих князей Николая Константиновича и Михаила Михайловича, имели звание генерал-адъютанта (введено Петром I в 1713 г.). При этом общее число получивших звание генерал-адъютантов в эпоху правления Александра III по отношению к эпохе Александра II постепенно сократилось с 178 [3, с. 53] до 10 чел. [3, с. 54] Таким образом, существенный сегмент генерал-адъютантов эпохи предпоследнего российского императора составляли великие князья. Остальные князья в обязательном порядке имели свитские звания соответствующие их возрасту.

С воцарением императора Александра III из властной обоймы выпадает генерал-адмирал Константин Николаевич, к которому новый император питал острую неприязнь.

Следует отметить, что все великие князья начинали свою военную карьеру в императорской гвардии и, как правило, достигнув звания генерала, числились по одному из гвардейских полков или подразделений. Что касается князей императорской крови, то в силу их незначительного возраста к 1900-м г. их военная карьера только начиналась. Тем не менее, они так же были вовлечены в орбиту повседневной жизни Санкт-Петербургского военного округа и служили либо в рядах одного из военных училищ для последующего выхода в гвардию, либо уже находились в рядах отдельных гвардейских полков. Великий князь Дмитрий Павлович, очевидно завидуя, своим родственникам отмечал в дневнике следующее (запись от 6 января 1906 г.): «Было чудно идти на Иордань. По всей дороге от дворца до самого места, где происходило водосвятие стояли шпалерами войска. Гусарский и Кирасирский полки… Со взводом Кирасир Ея Величества полка был Миша, он был чуден, а в Николаевском Кав. Училище стояли Иоанн и Гавриил. Завтра мы будем обедать в Павловске» [3, л. 2]. Именем Миша Дмитрий Павлович называет великого князя, наследника Престола флигель-адъютанта поручика Михаила Александровича, числящегося на указанный период в эскадроне Его Величества (с мая 1898 г.) [4, л. 3]. Имя Иоанн следует отнести в великому князю Иоанну Константиновичу в 1905-1907 гг. обучавшемуся в 1 кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище (окончил по 1 разряду) и с июня 1907 г. (чин корнета с июня1907 г.) служившего в лейб-гвардии Конном полку [5, л. 14] (последнее воинское звание штабс-ротмистр, убит большевиками в 1918 г.), а – Гавриил, к Гавриилу Константиновичу окончившему 1-й московский Екатерины II кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в 1907 г. и выпущенному в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк [6, л. 26] (последнее звание полковник, в 1939 г. получил титул великого князя). Такая же ситуация прослеживается и в отношении остальных князей императорской крови.

В советской историографии был сформирован миф о бездарности и даже умственной неполноценности великих князей (и как лиц стоявших во главе императорской армии и как государственных чиновников высшего ранга). Примечателен тот факт, что на эти крайне некомпетентные и очевидно политизированные (для своего времени) характеристики продолжают ссылаться современные авторы [7; 8; 9]. В нашем случае стоит подробнее остановиться на факторе военного образования и воспитания представителей рассматриваемой референтной группы.

Качество начального образования большой части великих князей (а они традиционно получали так называемое «домашнее образование») вызывает ряд вопросов, и характеризуется, в первую очередь, своей бессистемностью. В силу того, что большинство князей были ориентированы на службу в армии, наиболее престижных, гвардейских, частях, а затем на высших командных должностях, начальное образование и система воспитания имели очевидный «военный оттенок». Это получало отражение даже в детских играх (практически все мальчики из великокняжеской среды имели коллекции оловянных солдатиков, куклы в форме подшефных полков гвардии и миниатюрные комплекты формы «своих» полков). Таким образом, мысль о принадлежность к гвардии была устойчивой мировоззренческой установкой, формирующей отдельные сегменты личности и

устойчивые поведенческие стереотипы. Принадлежность к гвардии являлась одним из важнейших компонентов «сценариев власти» (Уортман) рассматриваемого времени.

Образовательно-воспитательная модель, таким образом, слагалась из нескольких существенных компонентов. Это, во-первых, круг общения (речь идет о родителях и родственниках: отцы всех великих князей по понятным причинам были военными; их окружали отдельные группы подчиненных, в первую очередь формирующих свиты и штабы великих князей). Во вторых это «дядьки» и «воспитатели», а затем так называемые «наставники». Далее идет круг учителей, причем на поздних этапах обучения это также военные специалисты разных уровней. Наконец нужно не забывать о поведенческих стереотипах, формируемых повседневностью, в первую очередь традиционным набором «властных инсценировок». Так же речь может идти об общении со сверстниками (тоже из «военных семей» с соответствующим кругом интересов) и детских играх.

Особое внимание, следует обратить на близкий круг «ответственных» за образование великих князей, который, как правило, комплектовался из действующих или бывших генералов, по преимуществу гвардейцев. Подавляющее большинство этих людей служило при штабах великих князей, отцов своих подопечных, и имели с ними доверительные отношения.

Кроме этого маленькие великие князья постоянно соприкасались с отдельными офицерами гвардейских частей (чаще всего с представителями аристократии, старшими полковниками или командирами частей), посещавшими их влиятельных родителей. Кроме этого рядом с великими князьями находились «дядьки», солдаты-гвардейцы или матросы Гвардейского флотского экипажа. Так Кирилл Владимирович вспоминал: «У каждого из нас было по дядьке, все из старых солдат-гвардейцев» [10, с. 14].

Это так же оказывало серьезное воздействие на сознание молодых людей и во многом романтизировало службу в императорской гвардии, как особое служение престолу и Отечеству. Например, значительный массив таких крайне эмоциональных воспоминаний сохранился в дневнике великого князя Дмитрия Павловича. Так в записи от 10 января 1906 г. великий князь отмечает: «Завтракали у Дяди Ники, завтракал так же Мин, командир Семеновского полка. Он разсказывал очень интересные вещи про Москву как он брал чуть ли не приступом общежитие студентов на Пресне, там где мы раньше катались на коньках. Мне Мин нравится…» [11, л. 4].

Следует отметить, что тот тип образования, который получали не только представители правящего дома, но и подавляющее число выходцев из титулованной властной аристократии (речь идет о «светлейших князьях» и князьях, графах, а также определенной группе остзейских баронов, возвысившихся при Николае I, которые числились «влиятельными вельможами»), упоминается в «Списках по старшинству» и «Личных формулярных списках», как «домашнее образование». Чаще всего указывалась стандартная формулировка: «образование получил в доме родителей» [12, л. 11; 13, л. 8; 14, л. 14]. При выходе в отдельные гвардейские полки представители высшего ареопага, как правило, сдавали экзамен на офицерский чин по курсу военных училищ (как правило, Павловского – для пехотных полков, Николаевского кавалерийского – для кавалерии и Михайловского артиллерийского – для артиллерии). Менее именитые представители властной элиты, как это не покажется странным (речь идет преимущественно о генеральских детях), определяли своих отпрысков в Пажеский корпус. Гвардейский флотский экипаж формировался по другим принципам, требовал реальных знаний, а так же пусть не продолжительной, но все-таки стажировки в море. На это в частности в своих воспоминаниях указывают великие князья Константин Константинович и Кирилл Владимирович.

Баллы у большинства представителей титулованной властной аристократии были, как правило, низкими. В результате «экзамен на офицерский чин» по второму и даже третьему разрядам не являлся исключением. Тем не менее, уже во времена Александра II была разработана весьма хитрая процедура: представитель «золотой молодежи» сначала зачислялся в гвардейский полк (по сути как прапорщик) и одновременно с этим сдавал экзамен на офицерский чин. Для простого смертного, даже закончившего Пажеский корпус, сдача экзамена по второму разряду в лучшем случае давала возможность службы в Варшавской гвардии (так, например, начинал свой путь генерал от кавалерии, генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов). Для большинства «двоечников» такая возможность отсутствовала (классический пример – генерал Павел Карлович фон Ренненкампф).

Примечателен тот факт, что о низкой образовательной подготовке писал даже великий князь Кирилл Владимирович, для которого его отец, крайне начитанный и образованный человек, по сути, эрудит для своего времени, великий князь Владимир Александрович пытался подобрать неплохих учителей. Кирилл писал: «К великому сожалению, моя подготовка в области математики оставляла желать лучшего. Для меня это был самый важный предмет, поскольку в будущем пред-

стояло связать судьбу с военно-морским флотом, но тогда меня не учили ни высшей математике, ни тригонометрии, ни механике или динамике» [10, с. 14]. Образованием великого князя «заведовал» друг Владимира Александровича, гвардейский артиллерист в отставке, генерал Александр Даллер.

Следует отметить, что перед выходом в большую жизнь, последние два-три года, великие князья получали «дополнительное военное образование». Как правило, это были извлечения из образовательного курса одного из военных училищ, чаще всего «военный компонент» программы (два старших класса) Пажеского корпуса. Кроме этого «великокняжеская молодежь» в обязательном порядке посещала сборы в Красном Селе и даже принимала участие в «дудергофских маневрах», правда в качестве пассивных наблюдателей [10, с. 27, 29]. Кирилл Владимирович отмечал: «Гвардейские полки расквартировывались в Красном с конца мая до второй половины августа: здесь проходили учения и маневры, неизменно привлекавшие нас, когда мы приезжали к отцу в лагерь. Мы жили в маленьком деревянном домике, отведенном отцу, и поскольку мы часто бывали в войсках, то еще детьми многое узнали о военной жизни» [10, с. 13]. Следует отметить, что Николай II так же брал с собой наследника-цесаревича на Красносельские маневры [14, с. 30].

После выхода в «большую жизнь» молодые люди, как правило, попадала в один из гвардейских полков, где «дообразовывались» и «довоспитывались». Такой подход являлся рудиментом еще петровской эпохи, когда гвардия выступала не только важнейшим сегментом российской военной машины, но и школой подготовки офицерских кадров. Примечательно то, что великокняжеское служение Отечеству характеризовалось еще более ранним рудиментом – «служением по отечеству». В ряде случаев князья замещали должности своих отцов.

Наследники престола, в свою очередь, как правило, «стажировались» в нескольких гвардейских полках.

Таким образом, личная служба отдельных императоров и их родственников, великих князей и князей императорской крови, в войсках и важнейших государственных органах, как в качестве наблюдателей и арбитров, так и властных фигур наделенных особыми полномочиями, считалась обязательной. Великие князья Правящего Императорского Дома, как представители важнейшего сегмента военно-политической элиты, играли существенную роль в судьбе России XIX – нач. XX вв. и оказывали значительное влияние на военную политику, развитие и совершенствование российских вооруженных сил, а так же на важнейшие политические процессы, происходящие в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Свод законов Российской империи: сводный текст за 1832-1917 годы: в 16 т. СПб., 2007.
2. *Романов А.М.* Великий князь Александр Михайлович Романов. Книга воспоминаний М.; СПб., 2009.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 384. Дневник великого князя Дмитрия Павловича с 1 января по 17 января 1906 г. Царское село.
4. Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3547. Оп. 1. Д. 128.
5. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3147.
6. РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 107.
7. *Касвинов М.* Двадцать три ступеньки вниз. М., 1989.
8. *Василевский И.М.* Романовы. От Михаила до Николая. Ростов-н/Д, 1993.
9. *Любош С.* Последние Романовы. СПб., 2003.
10. *Кирилл Владимирович*. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.
11. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 865.
12. РГВИА. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 350.
13. РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 127.
14. *Саблин Н.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008.

УДК 94(470.62)

Ратушняк Олег Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1939 гг.)

В статье исследуется жизнь кубанских казаков в эмиграции. Показаны численность, география расселения и условия их пребывания за рубежом. Анализируются основные проблемы, стоявшие перед кубанским зарубежьем в 1920-1939 гг.

Ключевые слова: **атаманы, зарубежье, казаки, казачество, Кубань, Лемнос, Русская армия, эмиграция.**

Ratushnyak Oleg Valerievich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University
editor@hist-edu.ru

THE KUBAN COSSACKS IN EMIGRATION (1920-1939)

The article examines the life of the Kuban Cossacks in emigration. The population size of Cossacks, the geography of settlement and the conditions of their residence abroad are shown. The author analyses the main problems the Kuban émigré encountered in the 1920-1939s.

Key words: **atamans, émigré, the Cossacks, Kuban, Lemnos, Russian army, emigration.**

Основная масса кубанского казачества оказалась в эмиграции в результате крымской эвакуации, которая являлась одним из значительных эпизодов гражданской войны. Благодаря заранее составленному плану эвакуации и умелым действиям командиров, в Крыму не было такой паники, как в Новороссийске. Воинские части быстрыми переходами достигли портов назначения и спокойно погрузились на корабли. Затем были размещены гражданские лица, пожелавшие уехать вместе с Армией. Единственная заминка произошла в Феодосии, предназначенная для погрузки кубанских частей. Часть кубанцев не смогли погрузиться, так как их места были заняты гражданскими беженцами. Они отошли к Керчи, где разместились на судах вместе с донскими частями. Всего из Крыма выехало около 18 тыс. кубанских казаков. Большинство из них составляли строевые чины Русской армии.

По соглашению с французскими властями Кубанский корпус под командованием генерала М.А. Фостикова в количестве не менее 10-12 тыс. чел. был размещен на острове Лемнос (Греция). Холод, перебои со снабжением, болезни были постоянными спутниками казаков в течение первых месяцев пребывания на острове.

Небольшое разнообразие в жизнь Кубанского корпуса в конце 1920 г. внесли выборы Кубанского войскового атамана. В выборах приняли участие члены Кубанской краевой рады и выборные от войсковых частей. После ожесточенных споров в декабре 1920 г. на пост атамана Кубанского казачьего войска вместо сложившего с себя полномочия генерала Н.А. Букретова был избран генерал-майор В.Г. Науменко, находившийся в это время в Югославии.

14 января 1921 г. в Константинополе было заключено соглашение между войсковыми атаманами и председателями правительств Дона, Кубани и Терека об объединении своих действий в эмиграции. В тексте соглашения, в частности, говорилось, что «Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенными свои конституции, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и обще-политическим действуют объединенно. Впредь до возвращения в свои края заботы об устройстве беженцев составляют также предмет объединенных действий». По данному соглашению в состав ОСДКТ вошли войсковые атаманы – генерал-лейтенант А.П. Богаевский (донской), генерал-майор В.Г. Науменко (кубанский), генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко (терский) и председатели правительств: Дона – генерал-майор В.А. Апостолов, Кубани – Д.Е. Скобцов и Терека – Е.А. Букановский. Все внешние сношения, исходящие от ОСДКТ, согласно заключенному соглашению, должны были производиться «одним из атаманов по уполномочию Совета». Им был избран атаман ВВД А.П. Богаевский [1].

Для усиления внутренней дисциплины в начале марта во всех частях Лемносской группы Русской армии было приказано приступить к строевым занятиям. Устав от вынужденного безделья, многие казаки с охотой занимались строевой и физической подготовкой. Те же, кто был недоволен армейской муштрой, переходили в беженский лагерь или их переводили туда за внесение духа разложения в армейские части.

Летом на Лемносе появился кинематограф, который скрашивал жизнь казаков на острове. Другим развлечением казаков были футбольные матчи, проводившиеся между юнкерами Алексеевского (кубанского) и Атаманского (донского) военных училищ. Иногда казаки играли в футбол с

англичанами и французами, находившимися на острове по делам службы.

Значительную материальную помощь оказывал эмигрантам на Лемносе американский Красный Крест. Им было взято шефство над двумя лазаретами на 800 чел. и детским общежитием на 100 мест. Кроме того, американский Красный Крест выделил палатки и инструменты, с помощью которых Земсоюз открыл на Лемносе читальню и мастерские: сапожные, швейные, жестяные, слесарно-плотнические и кузнечные. С наступлением весны на берегу моря был создан санаторий (на 40 коек) для легочных больных. Американский Красный Крест поставил ему два полностью оборудованных медицинских кабинета, различные медицинские инструменты, а также скатерти, столовые приборы, салфетки и т.п. Помимо этого, Красный Крест США взял на себя обеспечение питания пациентов санатория [2].

Несмотря на оказываемую гуманитарную помощь, жизнь на острове становилась для казаков с каждым днем все более и более тягостной. Гнетущее впечатление произвел на казаков приказ командующего французскими войсками генерала Бруссо от 25 марта 1921 г., который был объявлен по всем частям. В нем, в частности, говорилось, что правительство Франции решило прекратить в кратчайший срок кредит на содержание русских беженцев. Казакам предлагалось выбрать дальнейшие способы своего существования: первый – возвратиться в Советскую Россию, второй – выехать в Бразилию на земледельческие работы и третий – самим обеспечить свое содержание [3]. Этот приказ находился в русле всей французской политики по отношению к эмигрантам из России, целью которой являлось как можно более быстрое рассредоточение огромной беженской массы, прибывшей из Крыма, и определение ее в различных странах на постоянное местожительство. Французы исходили, прежде всего, из накладности для себя содержать стопятидесятитысячную армию беженцев и того факта, что, оставшись без субсидий на содержание, Русская армия, сконцентрированная в одном месте, может представить большую угрозу на Балканах. В то же время, исходя из этой опасности и боясь анархии, французы были заинтересованы в том, чтобы русское командование сохранило известный авторитет для помощи французам в поддержании порядка и дисциплины.

Часть казаков, поддавшись на агитацию французов, вернулись в Советскую Россию. Однако большинство избрали жизнь эмигрантов. С мая по сентябрь 1921 г. с Лемноса более 4 тыс. кубанских казаков были перемещены в Сербию, около 1,5 тыс. кубанцев переехали в Болгарию, остальные разъехались по другим странам [4]. На Лемносе остались только казачьи могилы и память местного населения о казаках.

Первоначально большинство кубанцев находились в Сербии. Кубанцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) к началу 1922 г. насчитывалось более 6 тыс. чел. Из них, около 5 тыс. находились в составе кубанской казачьей дивизии, состоявшей из трех казачьих полков, лейб-гвардии кубанского дивизиона и технического кубанского полка (позже сокращенного в батальон). 1-й и 2-й кубанские полки работали на постройке шоссе в районе г. Вранье (Сербия), а 3-й кубанский полк и кубанский технический полк – на постройке железной дороги в районе г. Ниш (Сербия). Лейб-гвардии кубанский дивизион около года нес службу на югославо-венгерской границе, а затем был занят на различного рода государственных работах [5].

На территории КСХС казаки (в большинстве своем) в составе организованных групп работали на государственных работах. Казаки были заняты на постройке шоссе Карбевац – Босильград, шоссе Белград – Младеновац, постройке железных дорог в районах г. Бихач, Топчидер – Мала Крона, Ормож – Лютомер и Велес – Штип. Кроме того, некоторые казачьи подразделения работали на свеклосахарном заводе в г. Белый Монастырь и лесопильном заводе в местечке Белиште (Славония). Часть казаков (в основном офицеры) устроилась на службу в королевскую жандармерию и полицию. Через два года некоторые группы сменили места работ (вследствие их окончания). Так, летом 1926 г. казаков можно было увидеть на химическом заводе в Суботице, на рудниках в Кленовнике и Майдан-Пеке, на постройке артиллерийских мастерских в Крагуеваце, на постройке городской больницы в Прокупле. Кроме того, заметив большую трудоспособность и добросовестность казаков, министерство строительства железных дорог оставило некоторые группы на работах по их обслуживанию [6].

В КСХС, как и во многих других странах, они организовывали хутора и станицы. Помимо этого, распоряжением кубанского войскового атамана В.Г. Науменко в 1930 г. была назначена комиссия под председательством генерала С.П. Звягинцева для устройства в Белграде Казачьего дома. По замыслу его организаторов в нем должны были размещаться канцелярия кубанского атамана, музей Кубанского казачьего войска и библиотека. При Доме планировался приют для престарелых и утративших работоспособность казаков [7].

Хотя король и правительство КСХС всячески заботились о российских эмигрантах (в том

числе и о казаках) в стране наблюдался некоторый отток части российской эмиграции. Уезжали в основном во Францию, что было связано, в первую очередь, с более высокой заработной платой и лучшими бытовыми условиями в данной стране. Но наблюдались переезды и на американский континент. Так, в 1929 г. часть кубанцев выехала на работы в Перу. Можно назвать две основные причины отъезда. Во-первых, уезжали казаки, надеющиеся на лучшие материальные условия, или, рассчитывая получить в странах Южной Америки землю и осесть на ней самостоятельными хозяевами. Во-вторых, уезжали те, кто был не согласен с политикой, проводившейся П.Н. Врангелем и его окружением.

Организацией перевозки и размещения беженцев занимались не только генерал П.Н. Врангель и атаман В.Г. Науменко, но и ряд общественных организаций. Так, созданный в 1921 г. Общеказачий сельскохозяйственный союз (ОСХС) сделал попытку наладить перевозку казаков в Чехословацкую Республику (ЧСР). Чехословакия в это время была буржуазной республикой, где довольно значительную роль играли социалистические партии различных оттенков, что особенно привлекало руководство ОСХС, придерживавшееся эсеровских взглядов. К тому же страна не была так переполнена беженцами, как соседние Болгария и КСХС.

В начале июня 1921 г. из Праги было получено уведомление от председателя правления ОСХС С.В. Маракуева о полученном от правительства ЧСР разрешении на въезд в республику 200 казаков-членов союза. Уже 20 июня в Братиславу прибыли первые 80 чел. После двухнедельного карантина они были определены на различные работы. Всего в Чехословакию было переправлено около 3 тыс. казаков. В зимний период из-за отсутствия сельскохозяйственных работ эмиграция остальных казаков была временно прекращена [8].

Однако не все приехавшие в ЧСР казаки смогли устроиться на работу. В конце 1921 г. страна вступила в полосу экономического кризиса. Резкий спад промышленного производства вызвал массовую безработицу в стране. Однако и в годы кризиса в страну легально и нелегально проникали российские эмигранты (в том числе и казаки) и в основном для продолжения или получения образования в стране, правительство которой всячески их в этом поддерживало. Оказывалась самая широкая материальная поддержка различным эмигрантским организациям, учреждениям и учебным заведениям, готовящим кадры для «будущей России» (русский юридический факультет, педагогический и кооперативный институты, автомобильно-тракторная школа, разного рода кабинеты по изучению России и т.п.).

В 1921 г. в чехословацкой столице появились первые казаки-студенты. К 1923 г. в Праге, Брно и других городах Чехословакии образуются различные объединения казаков-студентов. В декабре 1923 г. сбор представителей всех казачьих студенческих организаций в ЧСР принял постановление об объединении имевшихся в республике казачьих студенческих союзов, хуторов, землячеств в единую общеказачью студенческую организацию – Общеказачью студенческую станицу. В нее входили подразделения-хутора: Пражский, Брненский, Братиславский и Пшибрамский. Всего в станице состояло более 300 чел. После утверждения устава чехословацким правительством станица получила статус юридического лица. Казаки-студенты пользовались постоянной материальной поддержкой со стороны чехословацкого правительства и чехословацкого Красного Креста.

Помимо студенческой станицы, 1 июня 1928 г. в Праге была образована Общеказачья станица в ЧСР. Ее основными задачами были: взаимная работа по улучшению материального положения казаков – членов станицы, а также повышение их культурного уровня и взаимная моральная поддержка.

В Чехословакии существовала и организация, объединявшая только кубанских казаков – Общество кубанцев в ЧСР. Общество кубанцев при содействии чехословацкого правительства оказывало поддержку, в том числе и материальную, многим казакам, желавшим закончить высшие и средние учебные заведения. Благодаря его поддержке около 300 казаков получили дипломы инженеров, врачей, экономистов и др.

Казаки составляли более 80% российских эмигрантов, работавших в сельском хозяйстве ЧСР в основном в качестве наемных рабочих. Невозможность для некоторых эмигрантов (находившихся в глухих местах ЧСР) поддерживать между собой живую связь приводила к постепенной ассимиляции их. По-видимому, с целью избежать ассимиляции, а также для поддержания за рубежом своих обычаев и традиций в середине 1920-х гг. в Праге было основано Общество по изучению казачества. Согласно его уставу, «всестороннее изучение казачества» заключалось: «1) в обработке библиографических материалов по всем вопросам, касающимся изучения казачества; 2) выполнении разного рода коллективных работ и выпуске научных изданий; 3) в устройстве заседаний для заслушивания и обсуждения научных докладов; 4) устройстве культурно-национальных

вечеров, лекций, экскурсий, концертов, выставок» [9].

Определенное количество кубанцев оказались в Финляндии, Германии и Польше. В Финляндии, как известно, находились казаки, принимавшие участие в Кронштадтском восстании, а также уцелевшие бойцы армий генералов Миллера и Юденича. Часть их после объявления амнистии вернулась в Россию. Оставшиеся в Финляндии первое время были размещены в нескольких лагерях. Однако уже в течении 1921 г. многие из них нашли себе работу. В основном они нанимались в качестве наемных работников к местным фермерам. Причем до 1923 г. действовало распоряжение финского правительства, запрещавшее эмигрантам самовольно менять место работы. Некоторые казаки устроились на государственные и частные предприятия. При этом финские законы в отношении рабочих были распространены и на эмигрантов. «Официально все работали шесть дней в неделю по восемь часов в сутки. Сверхурочная работа оплачивалась так: за первые два часа полуторная оплата и со следующих дополнительных часов – двойная. По воскресеньям и в другие праздничные дни сразу же платили вдвойне» [10].

В 1923 г. кубанцы, проживавшие в Фридрихсгамме, организовали хутор. На следующий год он был переименован в кубанско-финляндскую казачью станицу. Во главе ее стал кубанский казак полковник Ф.И. Елисеев. При станице был организован казачий хор. Его созданию способствовал владелец лесопильного завода в Финляндии К.К. Аладьин. Однако, несмотря на хорошие заработки большинства казаков и лояльное отношение финского правительства к эмигрантам, многие казаки пытались перебраться в КСХС, где была размещена основная масса кубанских казаков, или во Францию, становившуюся Меккой российской эмиграции.

В конце октября 1924 г., кубанско-финляндская казачья станица фактически в полном составе (47 кубанских казаков и 3 женщины) переехала во Францию [11]. Постепенно Финляндию, как и Румынию, покинуло большинство казаков. Исключением были лишь некоторые молодые казаки, женившиеся на местных девушках и осевшие в стране.

Небольшое количество кубанских казаков оказалось в Германии. Преимущественно это были пленные первой мировой войны или участники советско-польской войны. Начиная с ноября 1920 г., большинство их, по соглашению с германским правительством, небольшими партиями (по 2–3 тыс. чел.) было возвращено на родину. Нежелавшие возвращаться оставались в германских лагерях. В середине июня 1921 г. большинство казаков было переведено в лагерь Лихтенгорст, где они жили в бараках и работали, в основном на добыче торфа. Здесь были организованы духовой и струнный оркестры и театр. Один из бараков был перестроен в церковь. По свидетельству очевидцев она считалась «одной из лучших православных церквей, находящихся в Германии». Летом 1922 г., по распоряжению германского правительства большинство лагерей для военнопленных и интернированных было закрыто. Казаки расселились по всей Германии или выехали в соседние государства.

Тяжелым было положение казаков в Польше. В основном это были участники советско-польской войны, которые, не желая воевать за советскую власть, целыми частями и в одиночку переходили на сторону поляков. Первоначально, как и в других странах, казаки находились в лагерях для военнопленных, интернированных и беженцев. К концу 1920 г. почти все казаки покинули лагеря и устроились на различного рода работы. Некоторые из них вернулись в Советскую Россию. Учитывая, что в Польше, как и в Германии, Румынии и Финляндии, казаки были как бы изолированы от своих атаманов и станичников, многие из них пытались выехать в Болгарию, Югославию и Францию, а желающие получить или продолжить свое образование – в ЧСР. Вот как описывает причину настроений казаков в Польше один из участников тех событий: «Русская армия в Галлиполи и казаки на Лемносе имели защитников своих интересов во всех государствах, где были их представители. Там были высший военный генералитет, политические деятели, литераторы, писатели и так далее, вся русская интеллигенция. В Польше – никого. И в этом была вся тяжесть пребывания в лагерях» [12].

В Грузии казаки находились около одного года. Оказавшись на Черноморском побережье Кавказа перед угрозой плена, часть казаков, решив не складывать оружия или просто опасаясь репрессий со стороны большевиков, перешла грузинскую границу. Впоследствии одни из них перебрались из Грузии в Турцию, Грецию и Балканские государства, другие – в Крым, к генералу Врангелю, а третьи с оружием в руках переходили границу в обратном направлении, чтобы продолжить борьбу с большевиками в составе бело-зеленых отрядов.

К лету 1920 г. в Грузии осталось не более 800 казаков (в основном кубанцы). Ими была предпринята неудавшаяся попытка создать Совет революционно-демократических организаций народов Северного Кавказа.

В Грузии было создано Общество помощи кубанским эмигрантам с целью «облегчить мате-

риальное и духовное существование кубанских эмигрантов и их семейств, находящихся в республике Грузии, путем организации собственных торгово-промышленных, транспортных предприятий и рабочих артелей, посредничеством в доле найма на работу беженцев-эмигрантов, устройством общежитий и питательных пунктов, а также всеми другими доступными обществу и непротиворечащими законам республики Грузии путями и средствами». По уставу в Общество могли «приниматься все правоспособные лица, изъявившие желание работать в достижении поставленных обществом задач» [13].

Но возникли новые проблемы. 16 февраля 1921 г. в Шулаверах (район Лори) был образован Революционный комитет, объявивший Грузию советской социалистической республикой. На помощь повстанцам советским правительством были направлены войска Красной Армии. В этой атмосфере гражданской войны в Грузии 17 февраля 1921 г. постановлением президиума Краевой рады был образован Комитет освобождения Кубани (КОК). Председателем его был избран И.П. Тимошенко. Учитывая, что КОК по соглашению с Комитетом освобождения Терека брал на себя защиту интересов не только населения Кубани, но и Терека, в состав КОК были введены представители терского казачества. Основную свою задачу члены Комитета видели в освобождении территории Кубани и Терека от власти большевиков и создании независимой Кубанской демократической республики. Учитывая опыт, полученный в ходе революции и Гражданской войны, и понимая, что невойсковое население составляет большинство Кубанской области, предполагалось полное уравнение всех граждан Кубанской республики (казаков, иногородних, горцев) в гражданских правах и пользовании землей. Не исключалась возможность вхождения Кубанской республики в конфедеративную и федеративную связь с соседними государственными новообразованиями, признающими Кубанскую республику. В отношении Центральной России предполагалось установление отношений на федеративной основе, при условии образования в ней власти «на началах истинного народоправства». Решая поставленные задачи, КОК полностью отвергал «всякое сотрудничество и связь с идеями, вождями и организациями типа Добрармии, Колчака и Врангеля». Однако, отвергая борьбу с советской властью во всероссийском масштабе и «считая, что это дело и задача населения самой Центральной России», члены Комитета не исключали оказание содействия (кроме вооруженного вмешательства) организации антибольшевистских демократических сил внутри России [14].

21 февраля 1921 г. меньшевистское правительство Грузинской республики в обстановке разгоравшейся гражданской войны, в поисках любой поддержки, официально признало КОК и одобрило его деятельность. Сложное политическое положение, создавшееся в Грузии, обострившееся продвижением советских войск в сторону Тифлиса, требовало от лидеров КОК решительных действий. На следующий день после своего официального признания Комитет выпустил обращение к грузинскому правительству. В нем говорилось, что кубанцы и терцы, объединенные в КОК, благодарят грузинский народ за оказанное им гостеприимство и вместе с ним вступают в борьбу с «общим врагом ... поднимая снова знамя вооруженной борьбы за свободу народов и демократии» [15]. По мнению руководителей КОК, участие кубанцев в защите Грузии от большевистских войск должно было перерасти в борьбу за освобождение Кубани. С этой целью при Комитете организуется Кубанский отряд. Он состоял из двух кубанских сотен и отдельного терского взвода. В первой половине марта 1921 г. Кубанский отряд (210 чел.) в составе грузинских войск принимал активное участие в борьбе со стремительно наступающими советскими войсками, но уже 11 марта члены КОК в Батуми обсуждали вопрос об эвакуации из Грузии. Было решено перевести Кубанский отряд на «мирное положение, оставляя его спаянной организацией» [16]. Во второй половине марта 1921 г. многие казаки были эвакуированы из Грузии (большинство – в Турцию).

Многие казаки-эмигранты первоначально находились в военных лагерях или лагерях для интернированных лиц: Тухоль (Польша), Форт Ино (Финляндия), Калоераки (Греция) и др. Все эти лагеря объединяла бытовая неустроенность, плохое питание и ограничение в передвижении за их пределами. Со временем казаки получили возможность уйти «на собственные хлеба» и покинули лагеря. Дольше всех существовали лагеря в Польше и Румынии, что объяснялось государственной политикой. Но и уходя «на собственные хлеба», казаки старались не терять связи друг с другом. Та часть казачества, которая осталась в рядах своих воинских подразделений, даже после перехода их на беженское положение, старалась найти такую работу, где могли бы работать все воинские чины данной части. В составе своих частей казаки работали в Югославии на прокладке шоссейных и железных дорог, строительстве мостов, в Болгарии – на угольных шахтах. Отдельные казачьи подразделения в Болгарии, Югославии и т. д. устраивались на заводы и фабрики. Жить пытались компактно. Питание во многих частях было «котловое» (общее, с одного котла). На довольствии стояли не только воинские чины, но и их жены и дети. При частях создавались кассы

взаимопомощи. Кроме того, около 300 кубанцев, разместившихся в Югославии, несли пограничную службу на границе с Албанией. За годы Гражданской войны и эмиграции многие казаки настолько сблизились со своей частью и сослуживцами, что, даже, покинув по каким-либо причинам подразделение, старались по мере возможности поддерживать с ним хоть какую-нибудь связь.

Укрепляли связи между собой и казаки, порвавшие с армией. Бывшие станичники, однополчане вели переписку. В местах компактного проживания казаки создавали станицы и хутора, которые способствовали их общению, взаимопомощи и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдалеке от своей родины. Основными задачами данных организаций являлись: юридическая и медицинская помощь, забота об инвалидах, одиноких женщинах, детях и безработных, отстаивание интересов казаков за границей и удовлетворение их культурных и бытовых потребностей.

В местах наибольшего сосредоточения казаков кубанцы создавали свои отдельные кубанские станицы и хутора, но чаще это были общеказачьи объединения. Кроме того, кубанские станицы, согласно постановлению Кубанской рады, могли включать в себя всех жителей Кубани – как казаков, так и неказаков. А в кубанской станице в Париже, в которую входили казаки, горцы и иногородние, был еще и почетный казак – лейтенант французских войск Р. Пирц. Иногда станицы и хутора образовывались по профессиональному признаку. Таковы различные объединения казаков-студентов. Например, общеказачья студенческая станица в Праге или казачий студенческий хутор при Софийской станице.

Большинство казаков-эмигрантов, не имевших постоянного места работы, весной собирались в артели и нанимались на сельскохозяйственные работы; за летний сезон успевали поднакопить некоторую сумму денег и к осени начинали подыскивать постоянное место жительства, где можно было бы перезимовать на заработанные летом деньги. А весной опять отправлялись на сельскохозяйственные работы. Процент открывших свое дело, «крепко ставших на ноги» или хотя бы получивших хорошо оплачиваемую постоянную работу по своей специальности среди казаков эмигрантов был чрезвычайно низок. Жизнь большинства казаков была полна забот и лишений.

Часть казаков вернулись в Советскую Россию. В течение 1921 г. на родину из Турции и о. Лемнос выехали 3 270 кубанских казаков [17]. Более 1 300 кубанцев вернулись домой при содействии Союза возвращению на родину, ведшим свою деятельность до 1923 г. В последующие годы еще некоторое количество кубанцев возвратились в СССР [18]. В целом к 1929 г. за рубежом находилось около 11-12 тыс. кубанских казаков.

Согласно статистическим данным о кубанцах на 1923 г., 93% кубанской диаспоры составляли мужчины, 4% – женщины и 3% – дети в возрасте до 16 лет. 55% казаков-эмигрантов было в возрасте от 20 до 30 лет и 25% – от 30 до 40 лет [19]. Примерно такая же картина наблюдалась у донцов. Если при этом учесть, что во время репатриации 1921–1924 гг. на родину возвращались в основном старики и казаки, чьи семьи остались в России, то процент мужчин в возрасте от 20 до 30 лет окажется еще более высоким. Российская эмиграция в целом, по-видимому, не была такой молодой. Возрастной состав казачьей диаспоры облегчал адаптацию ее представителей за рубежом.

Низкий образовательный уровень казаков (около 75% имело низшее образование) и привычка к сельскому и вообще тяжелому физическому труду также способствовали более безболезненной адаптации казаков за рубежом. Они охотно брались за любую работу и выполняли (стремясь заработать больше денег) ее так, что в некоторых отраслях сельского хозяйства казаки высоко ценились во многих странах. В частности, безработных среди кубанцев в 1923 г. было всего 3%, а 71% казаков трудились в качестве вольнонаемных рабочих [20].

За границей были и представители казачьей интеллигенции. Многие казаки в эмиграции стремились получить или завершить свое образование. Так, из членов Общеказачьего сельскохозяйственного союза, 90% казаков, имеющих высшее образование, получили его в эмиграции [21]. Центрами казачьей интеллигенции были Белград, Варшава, Париж, Прага и София. Особое место в этом отношении занимала Прага, где были созданы: Общество изучения казачества, Общество кубанских журналистов и писателей, Общество кубанцев в ЧСР и многие другие организации и общества.

С 1921 г. и до своей смерти в 1936 г. в Праге проживал известный кубанский историк и экономист Ф.А. Щербина. Он вел активную научную и общественную деятельность, был избран действительным членом 12 российских (в основном казачьих) эмигрантских организаций. При его активном содействии в Подебрадах была основана Украинская сельскохозяйственная академия. Помимо научной и общественной деятельности Ф.А. Щербина находил время и для литературных занятий. В эти годы он написал поэмы «Черноморцы» и «Богдан Хмельницкий».

Среди казаков было немало талантливых писателей и поэтов, таких как Г. Щавель, А. Пи-

вень, В. Курганский. Большинство литературных произведений казаков-эмигрантов пронизывала тоска по Родине и вера в возвращение домой. В публицистических произведениях часто затрагивались вопросы положения казачества на родине и в эмиграции, причины поражения в Гражданской войне, поиска казачьей интеллигенцией своего (казачьего) пути в сложившихся условиях. Многочисленные журналы и газеты определенную долю материалов отводили публикации литературно-художественных и исторических произведений. В Праге издавался литературный и общественно-научный ежемесячник «Казаки», а в Париже выходил историко-литературный сборник «Кубанская старина и современность». Правда, в произведениях начинающих казачьих писателей иногда сказывался недостаток профессионализма. Это подмечали критики в среде самого казачества. Творческая интеллигенция с помощью печатных изданий стремилась поддерживать национальное самосознание казаков, которое в отрыве от родины постепенно начинало гаснуть. «Слабая культурно-просветительская работа между казаками, находящимися в глухих деревнях, некрепкая связь с ними дает свои плоды, – отмечал журнал “Казачья земля”, – у некоторых заметны признаки начавшейся ассимиляции с местным населением» [22].

Почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми. Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, постепенно утрачивали свои традиции, перенимали местные обычаи. Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Чехословакии и Польше, славянское население, которых было наиболее близким к казакам в культурно-бытовом отношении.

Различного рода культурные организации и общества взаимопомощи казаков-эмигрантов стремились противодействовать процессу ассимиляции. В частности, целью созданного в Чехословакии в 1921 г. Общества кубанцев была «организация взаимопомощи кубанцев, проживающих в пределах ЧСР и состоящих членами общества, на почве трудовых и культурных интересов» [23]. Для достижения поставленной цели предполагалось устройство библиотек, общеобразовательных курсов и школ, издание книг и брошюр, проведение культурных вечеров. Подобные вечера проводились в основном в праздничные и воскресные дни на квартирах казаков, в казармах казачьих полков, в ресторанах и в помещениях, принадлежащих различным казачьим организациям, с целью отдохнуть в кругу своих соотечественников, послушать родные казачьи песни, поделиться друг с другом своими переживаниями, иногда для благотворительных сборов.

Вообще традиция проведения различного рода культурных вечеров была характерна для всей российской эмиграции, но казачество придавало ей особенный колорит. Вот как описывает подобные встречи казаков-эмигрантов профессор Гарримановского института Дж. Хазард: «Долгое время казаки собирались в определенном районе Нью-Йорка на свои праздники, ежегодные собрания. Мужчины – в традиционной форме и с холодным оружием, женщины – в национальных одеждах, с красивыми прическами. Их песни и танцы вызывали искреннее восхищение американцев» [24].

В немалой степени консервации самосознания казаков в эмиграции должны были способствовать сохранение и распространение знаний об их историческом прошлом. Такого рода задача стояла перед Исторической комиссией ККВ, целью которой было собирание и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, а также по истории Кубани.

Историческая комиссия ККВ была образована в 1936 г., ее председателем стал кубанский атаман В.Г. Науменко. Основной задачей Комиссии являлось собирание материалов по истории ККВ и Кубани.

Большую роль в сохранении национального самосознания эмигрантов играла церковь. Православие связывало их с родиной. И не случайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду создавались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причем в Болгарии, Греции и других странах многие местные жители приходили послушать и посмотреть церковную службу в казачьих церквах. В целом православие оставалось неотъемлемой частью культуры и быта казачества за рубежом.

Говоря о культуре казачьего зарубежья, нельзя пройти мимо такого самобытного явления, как знаменитые казачьи хоры. Некоторые профессиональные коллективы были известны практически во всем мире. В первой половине 1920-х гг. получил широкую известность кубанский хор под руководством Г. Таранца, в состав которого входили и несколько танцоров, вызывавших своими выступлениями бурю восторга у европейской публики.

Составной частью культуры казачества являлась джигитовка. Особую известность получили группы кубанских джигитов под руководством генерала И.Д. Павличенко и есаула И.Н. Сиволобова. Джигитовка и казачьи песни явились открытием для западной публики. Впоследствии казаки чаще стали создавать смешанные группы, что давало возможность познакомить западного зрите-

ля сразу со всем спектром казачьей самобытной культуры. Так, в состав группы сотника С.И. Проценко входило 50 джигитов, 35 певцов, 30 музыкантов и 5 танцоров [25].

Среди казаков-эмигрантов было немало художников, скульпторов, актеров, ученых и многих других деятелей культуры и науки, внесших свой вклад в культуру зарубежных стран и российской эмиграции. При этом представители кубанской казачьей диаспоры пытались сохранить свои культурно-бытовые традиции, имевшие особенный и неповторимый колорит, во многом отличный от культуры общероссийской эмиграции. И особое внимание казаки уделяли своим историческим корням, своему историческому прошлому.

Таким образом, для кубанского казачества за рубежом были, с одной стороны, характерны многие черты, присущие общероссийской эмиграции в целом, с другой стороны, казаков отличала своя самобытность, которая позволяет говорить о них как о самостоятельном явлении исторического процесса. Расколовшись по политическим мотивам на различные течения, общества, организации, кубанские казаки сумели в тоже время сохранить себя как некую целостность со своими традициями, обычаями, своей культурой и мировосприятием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
2. Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 551. Л. 38-40.
3. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920-1922 гг. Белград, 1924.
4. Там же.
5. Контрреволюционные русские политические группы за рубежом и на территории Советской России: Состояние, организация и деятельность: Периодический обзор Разведуправления РККА с 1 апреля по 1 июля 1922 г. М., 1922.
6. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 89; Там же. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 6. Л. 5а.
7. Кубанская старина и современность. Париж, 1931. № 31.
8. Более подробно см.: *Ратушняк О.В.* Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921-1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.
9. ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.
10. *Солодухин Г.* Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962.
11. Там же.
12. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.
13. Там же. Ф. 6869. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
14. Там же. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
15. Там же. Д. 30. Л. 2.
16. Там же. Д. 17. Л. 26; Д. 9. Л. 11.
17. Казаки в Чаталдже и на Лемносе ...
18. *Падалкин А.* Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1935. № 16.
19. Казачьи думы. София, 1923. № 16.
20. Там же. С. 21.
21. ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 209. Л. 23-24.
22. Казачья земля. Прага, 1929. № 2.
23. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.
24. Казачьи вести. Краснодар, 1995. № 9.
25. *Солодухин Г.* Указ. соч.

УДК 94(47).084

Трофимова Анастасия Игоревна

соискатель кафедры Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета
editor@hist-edu.ru

Trofimova Anastasiya Igorevna

Postgraduate Student of the Department of National History of Vologda State Pedagogical University
editor@hist-edu.ru

ПРОЦЕСС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВХОЗАХ РСФСР В 1930-1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

В статье описывается трансформация экономики в государственном секторе сельского хозяйства России в 1930-1950-х гг. Основное внимание сосредоточено на процессах капитализации: нарастании капитала, расширении круга его источников, формах организации капитала и их эволюции. Рассматриваются вопросы структуры себестоимости аграрного продукта, материальных издержек и экономической эффективности совхозного производства.

Ключевые слова: **совхозы, уклад, модернизация, капитализация, товарность, рентабельность.**

THE PROCESS OF ECONOMIC MODERNIZATION IN STATE FARMS OF RSFSR IN THE 1930-1950S (BASED ON THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

In the article the economy transformation in the public sector of agriculture of Russia in the 1930-1950s is described. The main attention is concentrated on the capitalization processes, i.e. capital increase, expansion of the circle of its sources, forms of organization of the capital and their evolution. The issues concerning the structure of prime cost of an agrarian product, material costs and economic efficiency of state farm production are considered.

Key words: **state farms, lifestyle, modernization, capitalization, marketability, profitability.**

Период 1930-1950-х гг. стал временем перехода аграрной подсистемы экономики государства от аграрной к индустриальной стадии развития. Модернизация сельского хозяйства быстрее всего осуществлялась в совхозах и посредством их. Совхозный уклад являлся искусственным образованием, сконструированным в идеологической сфере и имплантированным в реальность. Насаждение и пропаганда «крупнотоварного социалистического уклада» в аграрной экономике привели к трансформации сельского социума и всей системы общественных отношений.

Модернизационный процесс в самом совхозном укладе пережил ряд этапов в рассматриваемый период. Первый из них охватывает период с конца 1920-х до середины 1930-х гг. и характеризуется созданием опорной базы совхозного уклада, отработкой экономических методов модернизационных подвижек, широким экспериментированием в области специализации, структуры и размеров производства. Второй этап – середина 1930-х – начало 1950-х гг. отмечен спокойным развитием совхозного уклада, прерванным событиями ВОВ. Именно на этом этапе происходит накопление опыта хозяйствования в крупном сельхозпроизводстве промышленного типа. Третий этап – 1950-е гг., характеризуется форсированием процесса модернизации, обусловленным быстрой капитализацией совхозного уклада.

Важнейшими моментами процесса модернизации совхозного уклада стали 1930-1931 гг. и 1954-1955 гг. в эти периоды государство демонстрировало приоритетность развития именно совхозной формы хозяйствования, что подчеркивалось интенсификацией капиталовложений, направляемых в совхозы. За период с 1935 по 1960 гг. капиталовложения (в сопоставимых ценах) в совхозы РСФСР выросли почти в 10 раз [1]. Таким образом, советское государство в совхозах как госпредприятиях реализовывало принцип накопления капитала в соответствии со стратегией максимизации инвестиций. Удельный вес капиталовложений совхозов во всех капвложениях советского государства на протяжении всего исследуемого периода оставался очень высоким. Капиталовложения в северные совхозы имели весьма скромное значение во вложениях в совхозный сектор России. На протяжении всего исследуемого периода они составляли менее 1,5% всех средств, выделяемых на совхозный сектор республики. Данное обстоятельство свидетельствует о пренебрежении совхозной формы хозяйствования региона как со стороны центральных, так и местных властей. Тем не менее, рост вложений в северные совхозы вырос с 1935 по 1960 гг. в 17 раз [2]. При этом более 60% всех средств направлялась в совхозы Вологодской области. Совхозы Архангельской области, как правило, получали финансирование в три раза меньшее, Коми АССР – в четыре-пять раз меньшее [3]. Отметим, что капиталовложения носили плановый характер. Их размер определялся в соответствии с марксистскими законами о прямой зависимости экономического роста от накопления капитала. Предполагается, что руководством страны определялся желаемый

объем производства, а затем подсчитывались размеры капвложений, необходимых для реализации производственных планов [4].

Капиталовложения были главным средством наращивания основных средств совхозов. Величина всех основных фондов совхозов Европейского Севера выросла с 1932 по 1960 гг. в 68,8 раза, а совхозов в среднем по РСФСР в 32,8 раза [5]. Этот дисбаланс связан с изначально небольшими размерами северных совхозов. Величина основных фондов совхозов Европейского Севера в среднем на одно хозяйство заметно отставала (примерно в 1,5 раза) на протяжении всего исследуемого тридцатилетия от этого показателя по РСФСР в целом, причем наименее капиталоемкими оставались немногочисленные совхозы Коми АССР. В целом, за исследуемое тридцатилетие основные фонды в среднем на совхоз Европейского Севера России выросли более чем в 32 раза. Из просто крупных хозяйств совхозы постепенно превращались в мощные крупнейшие сельхозпредприятия, в которых работал крупный капитал. Размер капиталов совхозов находился в прямой зависимости от специализации и уровня подчинения хозяйства.

Если в начале 1930-х гг. капиталовложения направлялись преимущественно на создание хозяйственной базы совхозов, то есть пассивных фондов, то с середины 1930-х по 1950-е гг. – на формирование активных производственных фондов, которые начинают превалировать над пассивными фондами, что свидетельствует о высокой степени модернизации производства совхозов уже в этот период, о чем свидетельствует изменение структуры основных производственных фондов совхозов Европейского Севера в 1930-х – 1950-х гг.: доля строений и сооружений с 60,7% в 1933 г. падает до 33,6% в 1957 г. Немного возрастает в эти же годы совокупная доля машин, механизмов, тракторов, механизированного транспорта – с 16% до 19%. Увеличивается доля продуктивных животных в этот период – с 17% до 26% [6].

На протяжении всего исследуемого периода совхозы Европейского Севера России отставали от показателей совхозов РСФСР по доле капитала, сосредоточенного в машинах, оборудовании, транспорте, однако значительно опережали по показателю удельного веса продуктивного скота, что, разумеется, объясняется не отставанием модернизационных процессов в северных совхозах, а их специализацией. Изменение структуры основных производственных фондов во многом было обусловлено целевым характером капиталовложений, как в северные совхозы, так и в российский совхозный сектор в целом.

Важнейшими факторами аграрного производства, в том числе и совхозного, являются изменение структуры себестоимости аграрного продукта и материальных затрат. Изучение данных параметров позволяет определить степень участия капитала и «живого труда» в сельхозпродукции. Высокая степень капитализации характерна для тех сельхозпроизводителей, в себестоимости продукции которых ведущей является роль такого экономического фактора как капитал, а доля «живого» труда второстепенна. В совхозах Северного Края уже в 1933 г. затраты живого труда в структуре себестоимости сельхозпродукции (34,4%) были значительно меньше производственных затрат (50,9%) [7]. Самыми малыми эти издержки были в совхозах Вологодской области, как самых капитализированных хозяйствах, самыми высокими – в совхозах Коми АССР, где, к тому же были самые сложные природно-географические условия для ведения сельского хозяйства.

Во второй половине 1950-х гг. затраты на оплату труда в структуре себестоимости основной продукции совхозов были ниже материальных затрат в 2-3 раза [8]. Отметим, что традиционно для северных совхозов доля оплаты живого труда в растениеводстве несколько превышала этот показатель в животноводстве, что дает основание для вывода о том, что в растениеводческих отраслях совхозов Европейского Севера России процесс капитализации развивался медленнее, чем в животноводческих. Наиболее капитализированной сферой являлось животноводство вологодских совхозов, наименее – овощеводство совхозов Коми АССР. Необходимо отметить, что исключением являлись оленеводческие совхозы, т.к. здесь доля затрат на оплату труда в структуре себестоимости конечного продукта была существенно выше и составляла 60-68% [9]. Такая структура себестоимости продукции в оленесовхозах сохранялась весь исследуемый период, что было связано с особенностями организации производства: здесь не было необходимости обеспечивать поголовье скотоместами, заготавливать корма, механизировать производственный процесс и т.д.

Модернизация совхозного сектора проявлялась и в изменении структуры материальных производственных затрат. Несмотря на то, что совхозное производство оставалось в этот период самовоспроизводящей отраслью, то есть потребляло собственную сельскохозяйственную продукцию, нарастают расходы на продукцию промышленных отраслей и амортизацию [10]. Совхозы все более вовлекаются в товарное обращение (особенно со второй половины 1950-х гг.), интенсивность обмена с другими отраслями народного хозяйства увеличивается. Уровень капитализации северных совхозов соответствовал уровню российских совхозов [11]. Более высокая степень капи-

тализации была характерна для молочных, свиноводческих и птицесовхозов. Оленеводство, овощеводство и звероводство оставались недокапитализированными в силу особенностей производства.

Доходами и расходами совхозов почти полностью распоряжалось государство, их финансовая инфраструктура совхозов была значительно отягощена бюрократической волокитой, согласованиями, распоряжениями вышестоящих учреждений и Госбанком. Госбанк оказывал существенное влияние как на каждый совхоз в отдельности, так и на систему управления совхозами в целом. Только к концу 1950-х гг. совхозы обретают некоторую финансовую самостоятельность.

Система кредитования совхозов оказывала обратное действие на развитие их финансовой инфраструктуры, поскольку кредитование происходило на принципах, сильно отличающихся от капиталистического кредитования, что выражалось в необязательности обеспеченности и возвратности кредитов [12]. По существу, кредитование совхозов стало одной из форм государственных дотаций. Таким образом, финансовая инфраструктура совхозов Европейского Севера России в исследуемый период отличалась незрелостью, развитие которой целиком определялось государством как собственником.

Важными параметрами экономического развития совхозного сектора являются показатели выхода валовой и товарной продукции. В рассматриваемый период совхозы России активно доказывали жизнеспособность совхозной формы ведения сельского хозяйства. Будучи сравнительно высокомодернизированной отраслью, совхозы в десятки раз смогли увеличить выход сельхозпродукции [13]. Основная часть валовой продукции совхозов приобретала форму товарной. К началу 1950-х гг. по производству животноводческой продукции совхозы Европейского Севера России на 70-90% являлись товаризованной экономической формой [14]. Продукция растениеводства в северных совхозах изначально практически не предназначалась к сдаче – цель культивирования полевых и овощных культур здесь – это почти исключительное внутриотраслевое потребление на корм скоту и общественное питание сотрудников. Таким образом, совхозы, задуманные волей законодателя как высокотоварные фабрики по производству сельхозпродукции, отвечали своему предназначению. Высочайший уровень товарности совхозов достигался, в известной мере, искусственным путем, поскольку государство принудительно задавало уровень изъятия продукции.

Производство аграрной продукции в совхозах Европейского Севера РСФСР в целом обходилось государству в те же средства, что и в целом по РСФСР, несмотря на скудные природно-климатические условия. Наиболее затратными были те подотрасли, которые имели подсобный характер или требовали значительной доли покупных комбинированных или концентрированных кормов. Несмотря на снижение или значительное сдерживание роста показателя себестоимости это отнюдь не гарантировало совхозам рентабельности производства в глазах государства. Крайне низкие сдаточные цены на сельхозпродукцию совхозов, которые на 10% были ниже заготовительных цен для колхозов, не позволяли большинству северных совхозов обрести статус рентабельных хозяйств [15]. Между тем многие архангельские и коми совхозы проявляли чудеса хозяйствования, добиваясь положения прибыльных. Немаловажным фактором являлся более высокий уровень здесь зональных сдаточных цен, чем для совхозов Вологодской области, которые в большинстве своем официально числились как убыточные хозяйства [16]. Однако, несмотря на видимую «убыточность», совхозный сектор, по нашему мнению, все же приносил государству сверхприбыль, позволяя получать очень дешевую сельхозпродукцию. Государство как собственник вкладываемых в совхозы средств, не только наращивало свои капиталы, но и получало внушительные дивиденды по вкладам.

В рассматриваемый период совхозный уклад на Европейском Севере России довольствовался исключительно ролью флагмана сельскохозяйственного производства. В 1930-1940-х гг. северные совхозы занимали только третье место по объему выпускаемой продукции после колхозов и хозяйств колхозных дворов, в 1950-х гг. – второе после колхозов [17]. Лишь к концу 1960-х гг. совхозный уклад начинает производить основную часть сельхозпродукции региона. По РСФСР, к 1960 г. основная доля производства, государственных заготовок и закупок сельхозпродукции уже принадлежала совхозам [18]. Таким образом, аграрное производство Европейского Севера России на десятилетие отставало от общероссийских показателей. Совхозный уклад Европейского Севера занимал довольно скромное место как в экономике региона, так и в экономике России.

Изучение эволюции экономики совхозов в 1930-1950-х гг. показало, что в ходе этого процесса произошел стадиальный переход хозяйственного развития к индустриальной ступени развития. Здесь ярче всего проявлялся государственный капитализм в ранней форме в силу незавершенности основных модернизационных процессов в этот период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А374. Оп. 7. Д. 37. Л. 1-3 об., 20-20 об.; Оп. 31. Д. 6688. Л. 1-34; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 79. Д. 101. Л. 6 об.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Грегори Пол.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006.
5. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 16. Д. 290. Л. 2; Оп. 31. Д. 6688, Л. 1-34.
6. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 1088. Л. 59; Ф. 1562. Оп. 79. Д. 101. Л. 6 об.-7; Оп. 81. Д. 255. Л. 146; ГАРФ. Ф. А310. Оп. 1. Д. 4980. Л. 7; Д. 4985. Л. 7; Об основных фондах совхозов СССР. М., 1970.
7. *Немков А.* По совхозам // Большевистская мысль. 1933. № 1.
8. РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 3. Д. 1430. Л. 9-30; ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 6688. Л. 2-11 об.; Ф. А310. Оп. 1. Д. 3016. Л. 5, 13; Д. 5065. Л.15-16 об.; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 3474. Оп. 1. Д. 2332 а. Л. 25; Д. 2425. Л. 46.
9. *Богораз-Тан В.Г.* Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926/27 гг. // Советская этнография. 1932. № 4.
10. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 5-6.
11. *Димони Т.М.* Деревня Европейского Севера России в 1930 – 1960-е годы: процессы экономической модернизации. Вологда, 2006.
12. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 131 (1). Л. 5; Оп. 25. Д. 2449. Л. 25; Оп. 27. Д. 1009. Л. 4.
13. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 7. Д. 37. Л. 1-3 об., 20-20 об.; Д. 962. Л. 1-56; Д. 2148. Л. 1,3, 21-23; Д. 4339. Л. 1-3, 22-25; Д. 4342. Л. 21, 27; Д. 4340. Л. 22-24; Сельское хозяйство СССР. Статистический справочник. М., 1960. С. 96, 102, 104, 106, 108, 110, 112, 206, 213, 237, 242, 334, 337, 344, 353, 358; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 250, 305, 322, 323
14. Там же.
15. *Верещагин А.* Снизить стоимость продукции, укрепить животноводческие совхозы // Большевистская мысль. 1933. № 1.
16. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 7. Д. 2211. Л. 1-14, 49-52; Д. 4339. Л. 1-36; Д. 4340. Л. 22-24; Оп. 30. Д. 6198. Л. 1-27; Оп. 31. Д. 6688. Л. 1-32.
17. *Димони Т.М.* Указ. соч.
18. Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. М., 1961.

УДК [73/76]:94(571.52) (045)

Троякова Юлия Константиновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и правоведения Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
editor@hist-edu.ru

КАМНЕРЕЗНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ТУВЫ В 1965 – 1970-е гг.: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Исследована история развития камнерезного изобразительного искусства Тувы в 1965-1970-е гг. Раскрыта выставочная деятельность тувинских камнерезов. Анализируются работа съездов союза художников Тувы. Рассмотрены биографии отдельных резчиков старшего поколения – основоположников развития каменной пластики Тувы.

Ключевые слова: **изобразительное искусство, камнерезное искусство, агальматолит, съезды художников, выставочная деятельность, Тува.**

Troyakova Yuliya Konstantinovna

PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Law of Khakas State University named after N.F. Katanov
editor@hist-edu.ru

STONE-CUTTING ART OF TUVA IN THE 1965-1970S: ORIGINS, PROBLEMS AND TENDENCY OF DEVELOPMENT

The history of the development of stone-cutting art of Tuva in the 1965-1970s has been studied. The exhibition activity of the Tuvinian stonecutters has been presented. The work of the Congresses of the Tuva Union of Artists has been analyzed. The biographies of individual carvers of the older generation, i.e. the founders of the stone plastic art of Tuva have been considered.

Key words: **fine art, stone-cutting art, agalmatolite, artists' congresses, exhibition activity, Tuva.**

Изобразительное искусство понятие довольно широкое, объединяет в себе близкие друг другу направления – живопись, графику, скульптуру, художественную фотографию и в том числе камнерезное искусство [1]. На протяжении весьма длительного времени изобразительное искусство Тувы развивалась в виде камнерезной пластики. Традиции этого ремесла складывались ещё в глубоком прошлом в условиях кочевого быта, когда первоначально фигурки животных вырезались в виде детских игрушек и имели распространение в тувинском народном быту. Исследование вопроса показало, что в первой половине XX в. декоративная скульптура стала одним из наиболее значительных видов народного искусства СССР. Долгое время изобразительное искусство развивалось здесь в русле провинциального, народного, сохраняя свою национальную самобытность. На наш взгляд, на развитии изобразительного искусства в Туве сказывались географические особенности, отдаленность от центров культуры, трудности транспортного сообщения.

В данной статье речь пойдет о развитии камнерезного искусства Тувы в 1965-1970-е гг. К этому времени, на областных выставках (г. Кызыл) в полный голос заявило о себе тувинское камнерезное искусство [2]. О нем стали говорить как об интересном, стремительно набиравшем силу, художественном явлении. К началу 1960-х гг. тувинские художники-камнерезы стали активно выступать на сибирских зональных и всероссийских выставках. В частности, произведения тувинских мастеров были представлены в г. Москве в 1960 г. на Всесоюзной выставке работ самодеятельных художников и народных мастеров прикладного искусства [3]. На этой выставке высокую оценку получили камнерезы Х.К. Тойбуха и М.Х. Черзи. За участие во Всесоюзной выставке народные мастера-камнерезы были награждены серебряными медалями [4]. Произведения тувинских камнерезов на Всесоюзной выставке работ самодеятельных художников и народных мастеров прикладного искусства, состоявшейся в 1961 г., получили высокую оценку [5, с. 418]. Годом позже, в 1962 г., работы молодых резчиков по камню К. Самба-Люндупа и Х. Дондук-оола экспонировались на выставке художественного и технического творчества советских детей в США [6, с. 418]. Можно сказать, что талант резчиков-камнерезов постоянно совершенствовался, художники росли творчески, следствием этого стало участие в выставках высокого уровня. Например, в 1964 г. тувинские художники участвовали в I зональной художественной тематической выставке «Сибирь социалистическая» (г. Новосибирск), а через год – в г. Томске в передвижной выставке «Художники Сибири».

Изучением камнерезного творчества занимались ученые, этнографы, искусствоведы и они пришли к выводу, что мелкая пластика тесно переплеталась с народным искусством. Так, одной из наиболее художественно и интеллектуально насыщенных форм традиционной культуры тувинцев являлся орнамент. Орнамент – одна из уникальных составляющих национального искусства тувинского народа, его неотъемлемая часть [7, с. 66]. В тувинском камнерезном искусстве малых форм встречались в основном геометрические орнаменты. Тувинские мастера украшали скульпту-

ру ажурной и рельефной резьбой. Исследования искусствоведа А.К. Иргит свидетельствуют, что среди них наиболее распространены зигзаг, косая сетка, треугольники, в том числе косо заштрихованные, треугольники с вписанными меньшими треугольниками и др. На скульптурах малых форм встречался мотив клеточного переплетения «өлчей удазын», буддийских символических знаков, силуэты голов животных [8, с. 66].

Развитию камнерезного искусства препятствовали плохо поставленный сбыт произведений из агальматолита, а также низкие заработки народных мастеров. Прожить одним только творческим трудом камнерезам было нелегко [9]. Поэтому для резчиков работа с чонар-дашем была лишь хобби, которым они занимались в свободное время. Например, Х. Дойбухаа (один из основоположников каменной пластики) был ветеринаром [10]. Остальные работали шоферами или чабанами. Развитию этого искусства способствовал известный этнограф и доктор наук С.И. Вайнштейн, который много сил и времени отдал изучению культуры и быта тувинцев в 1940-1950-х гг. Он предложил придать камнерезному искусству профессиональный статус, создать творческое объединение [11]. Решающую роль в становлении творческой организации художников в Туве, повлиявшей на развитие профессионального искусства республики, сыграл первый съезд художников Тувы (1964 г.). В работе съезда участвовало более семидесяти человек, из них 10 членов Союза советских художников (ССХ) [12]. Из десяти членов ССХ семеро были народными мастерами резьбы по камню [13]. Результатом общественной инициативы творческой интеллигенции стало создание 29 марта 1965 г. самостоятельной организации Союза художников РСФСР. Началось привлечение народных умельцев к творческой жизни, к участию в выставках. Некоторые из них (М.Х. Черзи, Х.К. Хертек-Хуна, Б.С. Байынды) переехали из отдаленных районов республики в Кызыл [14]. Художник-камнерез М.Х. Черзи долгие годы вел занятия с подростками при Ак-Туругском детском доме. Началось системное обучение молодежи азам художественного творчества [15]. Детальное описание сложной работы представила А.К. Иргит. Мастер М.Х. Черзи, пишет она, «умел вырезать скульптуры малых форм из серпентинита и агальматолита с рельефными и ажурными узорами» [16, с. 67].

Подобную школу в Бай-тайге (на родине камнерезного искусства), в поселке Тээли, создал Х.К. Тойбухаа. По сведениям С. Козловой, в 1970-е гг. в Кызыл-Даге Бай-Тайгинского района насчитывалось около двадцати активно работавших мастеров [17]. Цех посещали и ученики – старшеклассники Кызыл-Дагской средней школы. В Барун-Хемчикском районе тоже работали мастера-камнерезы. Поскольку в районах республики не было филиалов художественно-производственных мастерских, поэтому камнерезное искусство развивали народные мастера.

Одним из первых художников, стоявших у истоков развития камнерезного искусства в Туве, был Х.К. Тойбухаа. Он родился 1 января 1917 г. в местечке Коп-Сок Бай-Тайгинского хошуна в многодетной семье кочевника-скотовода [18]. Одним из первых ученых, исследовавших его творчество и биографию, был С.И. Вайнштейн. По мнению ученого, страсть к камнерезному искусству пришла к художнику из детства, когда он видел, как работают старые народные мастера над изделиями из дерева и агальматолита. Одним из таких мастеров был его близкий родственник Туктуг-оол Кужугет, искусный скульптор, кочевавший с тем же аалом, что и Х.К. Тойбухаа [19, с. 192]. Этот процесс творения и конечный результат, – прекрасные фигурки животных, – глубоко вошли в память Тойбухаа. По совету народного мастера Кужугета Туктуг-оола маленький Тойбухаа стал учиться вырезать фигурки животных, сначала из коры тополя и мягкого дерева, затем из мягкого камня. Рано лишившись матери, юный Хертек Тойбухаа много трудился по хозяйству, работал у богатых аратов, но не забывал уроки старых мастеров по резьбе из дерева и камня [20].

Одним из главных качеств мастера было трудолюбие, которое всегда сопутствовало и помогало в жизненном и творческом пути Хертека Тойбухаа. В 1936 г. он закончил месячные курсы фельдшера-ветеринара в поселке Кызыл-Мажалык и стал работать в родном Кызыл-Даге (в нескольких километрах от центра Бай-Тайги – Тээли) ветеринарным санитаром. За годы работы в качестве ветеринара он не бросал своего любимого занятия – резьбы по камню. Поскольку он овладел этим искусством лучше других камнерезов в 1934 г. Министерство культуры Тувинской Народной Республики заказало ему 30 партий тувинских шахмат и русских шашек для хошунных школ и пионерских лагерей [21].

В должности ветеринара Хертек Коштаевич Тойбухаа проработал более тридцати лет. Первые работы молодой мастер изготовлял по частным заказам [22]. Основная тема творческих поисков художника – традиционные сюжеты. Это кони, горные козлы, верблюды, сарлыки, овцы, быки, мифические арзаланы (мифическое животное, подобное льву и обладающее огромной силой) и тувинские шахматы. Большую роль в становлении камнерезного искусства в Туве оказала деятельность писателя С.Б. Пюрбю и художника В. Демина. В 1948 г. по инициативе писателя С.Б.

Пюрбю был создан Дом народного творчества [23]. В его работе огромное значение придавалось всем видам и жанрам народного творчества, в том числе камнерезной пластики. Именно художник В. Демин находил старых резчиков, приглашал их участвовать в выставках, проводить семинары по обмену опытом и мастерством. С 1949 г. Хертек Тойбухаа стал участвовать в областных художественных выставках [24].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Хертек Тойбухаа обратился к поиску новых композиционных приемов, усложнению сюжетных постановок [25]. К этим новаторским приемам относятся многие его работы, среди которых выделяются «Тувинец и тувинка в национальных одеждах» (1956 г.), «Чабан-женщина на лошади» (1960 г.), «Сакманщица» (1961 г.). В эти же годы он создает замечательную этнографическую серию из жизни аратов-скотоводов. Примером тому служат композиции «Тува до 1945 года» (1959 г.), «На санях» (1952 г.). «Дойка сарлыка» (1959 г.), «Пастушки» (1962 г.). Как художник-оформитель, Х.К. Тойбухаа выполнил скульптурные композиции для диорам – «Разведчики 60-ти богатырей» (1959 г.) и «Тувинская юрта» (1959 г.), находящиеся в постоянной экспозиции Национального музея РТ [26].

Многолетний опыт охотника, специальность ветеринара и потомственного овцевода помогли ему освоить художественную резьбу по камню. В 1960-е гг. Хертек Тойбухаа создал значительное количество пластических изображений верблюдов, горных козлов, сарлыков, коней, мифических драконов, архаров, также скульптурные композиции – «Танец» (1969 г.), «Бой быков» (1960 г.), «Коза с козленком» (1962 г.). Среди них выделяется скульптура «Маралуха с теленком» (1963 г.), раскрывающая тему материнства. Молодая олениха кормит детеныша, повернув голову, чутко вслушивается в таежное пространство [27]. Позднее эта анималистическая композиция была исполнена из бетона в увеличенном монументальном виде на автотрассе Кызыл-Абакан возле въезда в столицу тувинской республики. Серия его работ «Верблюд», «Сарлык», скульптурный бюст из гранита «Доброволец» отмечены Государственной премией Тувинской АССР 1971 г. [28].

В 1964 г. Хертек Тойбухаа был принят в члены Союза художников СССР. Как человек энергичный, обладающий организаторскими способностями Х. Тойбухаа стал одним из инициаторов создания Союза художников Тувинской АССР как самостоятельной творческой организации. В 1965 г. Х.К. Тойбухаа и ряд ведущих резчиков Тувы вместе с Сергеем Кончуковичем Ланзы приняли участие в I съезде художников, главным вопросом которого было создание Союза художников Тувинской АССР.

В 1970-е гг. Х. Тойбухаа плодотворно работал, создавая малые скульптуры животных, всадников, буддийских бурганов (служители синкретического культа), пограничника и даже бюст С.К. Тока, первого секретаря Тувинского областного комитета ВКП(б) (1944 г.). Кроме того он первым из народных мастеров стал высекать из гранита станковые скульптуры – «Лежащий козерог» (1971 г.), «Портрет добровольца Салчака Данзын-оола» (1971-1973 г.), «Портрет С.К. Токи» (1977 г.). За выдающийся вклад в развитие тувинского и российского изобразительного искусства Хертеку Коштаевичу Тойбухаа было присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР» (1970 г.), «Народный художник Тувинской АССР» (1977 г.), в 1971, 1972 гг. соответственно присуждены Государственные премии Тувинской АССР и РСФСР им. И.Е. Репина [29].

Традиции, заложенные мастером, сохранили и умножили позже его ученики, в первую очередь, сыновья и внуки Тойбухаа. Талантливый мастер, в совершенстве овладев пластическим искусством резьбы по агальматолиту, обучил своих сыновей Дондука Александра и других молодых людей, некоторые из них в дальнейшем стали известными резчиками, членами Союза художников РСФСР. Среди его учеников выделялись Когел Саая, Сергей Ооржак, Олчат-оол Серен-чимит, Чечен-оол Байыр-оол, Владимир Салчак, Киров Хунан и другие [30]. Хертек Тойбухаа первым рассмотрел талант у Раисы Аракчаа, скромной тувинской женщины. Он, по сути, направил ее на нелегкий творческий труд камнереза. Впоследствии Р.А. Аракчаа, благодаря своему трудолюбию и таланту достигла больших успехов в изготовлении каменных скульптур и завоевала признание в изобразительном искусстве на Всероссийском уровне [31].

Произведения тувинских резчиков по камню, как уже упоминалось выше, стали широко известны не только в Туве, но и на Всесоюзных выставках. Так, в апреле 1971 г. в Москве открылась выставка изобразительного искусства художников, приуроченная к 50-летию образования автономных республик Российской Федерации [32]. Значение столичной выставки было велико, так как она подводила итог развитию национальной культуры народов, проживавших на территории РСФСР. По объему и значимости она была приравнена к республиканской выставке «Советская Россия». Для Тувы, бывшей самой молодой автономной областью РФ, такая выставка имела большое значение, поскольку это было первым публичным выступлением всего коллектива художников Тувы в г. Москве [33]. На ней экспонировалось более 100 произведений мастеров при-

кладного искусства – 20 тувинских камнерезов [34]. На выставке были представлены работы М. Черзи, Б. Байынды, Х. Хуна, Х. Тойбухаа, Д. Тойбухаа (его сын), Р. Аракчаа (единственная женщина среди тувинских скульптуров), С. Ооржак и др. [35].

Большое значение в развитии изобразительного искусства Тувы имели праздники культуры, так называемые Дни литературы и искусства. В 1972 г. западных районах республики, в частности, в Ак-Довураке прошли Дни литературы и искусства Тувинской АССР, посвященные 50-летию образования Союза ССР [36]. В Днях участвовали практически все представители творческой интеллигенции республики. В числе художников были С. Ланзы, М.Н. Петров, мастер-камнерез Х.К. Хуна и др. [37]. В селах Кызыл-Мажалык и Тээли сельские зрители смогли увидеть художественные выставки. В селах Бай-Тайгинского района художники встретились с местными камнерезами. Так, например, в с. Теве-Хая Дзун-Хемчикского района именитые художники консультировали И.Ч. Ооржак – самодеятельного мастера художественного литья и резьбы по дереву [38].

В 1974 г. прошел III съезд художников Тувы, который подвел итоги работы Союза художников за последние три года [39]. За отчетный период с 1971 по 1974 гг. было проведено, по подсчетам С. Ланзы, 24 выставки, посвященных крупным юбилейным датам, таким как 50-летие победы Народной революции в Туве, 50-летие образования СССР, отчетно-творческие выставки мастеров-камнерезов (Г.Л. Торлук, Р.А. Аракчаа, Л.Д. Протасов), «Наш современник», «Творчество молодых», «Акварели», «Всегда на чеку» (последняя посвящена 55-летию советской милиции) [40].

В центре внимания III съезда художников Тувы была проблема о перспективах развития различных жанров тувинского народного прикладного искусства, так как некоторые из них, например, теснение по коже, чеканка по металлу, резьба по дереву, художественное литье, роспись – почти были забыты [41]. В целом съезд принял решение о создании в Бай-Тайгинском районе, как это было предусмотрено постановлением Совета Министров Тувинской АССР 1973 г., школы для обучения молодых камнерезов [42].

Таким образом, уникальным национальным достоянием Тувинской республики явилось искусство народных мастеров-резчиков по камню. У истоков тувинского камнерезного искусства стояли талантливые народные мастера, передававшие из поколения в поколение в рамках одной семьи секреты своего творчества. Особенностью тувинского камнерезного искусства в 1965-1970-х гг. явилась прочная преемственность традиций и мастерства. Тувинский камнерезный промысел развивал глубокие и прочные традиции создания скульптуры малых форм из агальматолита. Тувинская скульптура малых форм, – резьба по чонар-дашу, – интереснейшее и оригинальное явление, своеобразный символ народной культуры. При использовании декоративных качеств агальматолита художники обращались к народной культуре. В дальнейшем именно эти характерные особенности тувинской пластики сформировали её художественное своеобразие. Традиции, заложенные мастерами-резчиками старшего поколения, сохранили и развили их ученики. Именно в 1965-е гг. творческая среда Тувы расширилась и профессионально выросла, росло число участников зональных, республиканских и российских выставок. Творческий рост позволил некоторым тувинским художникам, в особенности резчикам-камнерезам уже в этот период участвовать во всесоюзных смотрах изобразительного искусства. Благодаря образованию Союза художников РСФСР в Кызыле продолжился процесс формирования художественной интеллигенции, в том числе национальных кадров художников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Тихомиров П.А.* Живопись. Классификация основных видов изобразительного искусства. URL: http://www.bibliotekar.ru/isk/19.htm (дата обращения: 24.08.2013).
2. *Хертек А.С.* Оживший камень Хертека Тойбухаа. URL: http://museum.tuva.ru/?p=1329 (дата обращения: 28.07.2013).
3. Центральный государственный архив Республики Тува (ЦГАРТ). Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
4. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
5. История Тувы. М., 1964. Т. 2.
6. Там же.
7. *Иргит А.К.* Орнамент в тувинской каменной пластике малых форм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1.
8. Там же.
9. *Козлова С.* У истоков. Проблемы народного камнерезного искусства // Тувинская правда.
10. Там же.
11. *Оюн Д.* Тувинская каменная скульптура на выставке в Москве // Центр Азии. 2004. 22 октября.

12. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
13. Там же.
14. *Хертек А.С.* Оживший камень Хертека Тойбухаа. URL: http://museum.tuva.ru/?p=1329 (дата обращения: 28.07.2013).
15. Там же.
16. *Иргит А.К.* Орнамент в тувинской каменной пластике малых форм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1.
17. *Козлова С.* У истоков. Проблемы народного камнерезного искусства // Тувинская правда. 1971. 16 июня.
18. *Хертек А.С.* Оживший камень Хертека Тойбухаа. URL: http://museum.tuva.ru/?p=1329 (дата обращения: 28.07.2013).
19. *Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
20. *Хертек А.С.* Оживший камень Хертека Тойбухаа. URL: http://museum.tuva.ru/?p=1329 (дата обращения: 28.07.2013).
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. *Ланзы С.* Служить времени // Тувинская правда. 1975. 29 марта.
28. *Хомушку М.* Лауреаты Тувы // Тувинская правда. 1972. 6 января.
29. *Хертек А.С.* Оживший камень Хертека Тойбухаа. URL: http://museum.tuva.ru/?p=1329 (дата обращения: 28.07.2013).
30. Там же.
31. Там же.
32. *Ланзы С.* Лицом к лицу с искусством // Тувинская правда. 1971. 1 апреля.
33. *Червонная С.* Образы советской Тувы // Тувинская правда. 1971. 6 июня.
34. *Ланзы С.* Лицом к лицу с искусством // Тувинская правда. 1971. 1 апреля.
35. *Червонная С.* Образы советской Тувы // Тувинская правда. 1971. 6 июня.
36. *Козлова С.* Не только выступления // Тувинская правда. 1972. 27 мая.
37. *Козлова С.* В полыханье багульника // Тувинская правда. 1972. 16 мая.
38. *Козлова С.* Не только выступления // Тувинская правда. 1972. 27 мая.
39. *Ланзы С.* Ответственность художника // Тувинская правда. 1974. 2 августа.
40. Там же.
41. *Козлова С.* III съезд художников Тувы. Без снисходительности // Тувинская правда. 1974. 4 августа.
42. Там же.

УДК 930.25

Хотина Юлия Васильевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета
editor@hist-edu.ru

АРХИВЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Цель работы – рассмотреть нанесенный ущерб немецко-фашистской Германией архивному фонду Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны. Показаны жесточайшие испытания архивов региона в 1941-1945 гг.

Ключевые слова: **архивные документы, фонд, Государственный архив Краснодарского края, ущерб, эвакуация, немецко-фашистская оккупация.**

Khotina Yulia Vasilyevna

PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Social Communications of Kuban State Technological University
editor@hist-edu.ru

THE ARCHIVES OF KRASNODAR REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The purpose of the presented work is to consider the damage caused by Nazi Germany to the Archival Fund of the Krasnodar Region during the Great Patriotic War. The study reports on the terrible ordeals of archives of the Region in 1941-1945.

Key words: **archival documents, fund, State Archives of Krasnodar Region, damage, evacuation, German-Fascist occupation.**

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» НИР № 2.15.142. «Военные преступления нацистской Германии на оккупированных территориях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в памяти поколений».

Собирание архивных документов на Кубани началось с конца XVIII в., и эти материалы заложили основу будущего архивного фонда региона, под которым понимается совокупность документов, отражающих материальную и духовную жизнь населения, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое или культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации.

Предшественником Государственного архива Краснодарского края явился Войсковой архив Кубанского казачьего войска, созданный в 1877 г. как часть Канцелярии наказного атамана Черноморского, затем Кубанского войска.

В течение всего дореволюционного периода существования Войскового архива происходили частичные утраты архивных дел из-за: 1) постоянных перевозов архивных дел с одного места на другое, небрежного обращения с ними; 2) стихийных бедствий (например, бури 2 января 1887 г.); 3) политических событий в стране (Первая мировая война, революции 1905, 1917 гг., а затем Гражданская война и т.д.).

Но жесточайшим испытанием для архивов стала Великая Отечественная война, в течение которой погибли многие ценные документы. В годы войны главным долгом для архивистов было – спасти все архивные богатства, и они спасали как могли.

Начавшая война помешала завершить реорганизацию архивной службы региона. К январю 1941 г. архивные учреждения края представляли собой: Архивный отдел УНКВД по Краснодарскому краю; краевой исторический архив; краевой архив Октябрьской революции; городские архивы: Новороссийский, Сочинский, Ейский; 69 районных архивов. Районные архивы были организованны в соответствии с решениями Краснодарского крайисполкома от 07.02.1940 г. и 07.06.1940 г. «Об организации районных архивов и укомплектовании их проверенными работниками».

Весной 1941 г. были предприняты меры по концентрации Архивного фонда Кубани. Постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723 «Об утверждении Положения о Государственном Архивном фонде СССР и сети государственных архивов» и циркуляром Главного архивного управления НКВД СССР от 7 апреля 1941 г. № 72 «О порядке реорганизации республиканских, краевых и областных архивов», краевой исторический архив и архив Октябрьской революции объединили в единый Государственный архив Краснодарского края, а городские архивы в Армавире и Новороссийске были реорганизованы в его филиалы. Архивный отдел, в соответствии с приказом НКВД СССР от 31 июля 1941 г. был переименован в отдел государственных архивов УНКВД Краснодарского края (ОГА УНКВД), за ним остались функции по работе с ведомственными, районными и городскими архивами [1, с. 217, 218].

Продвижение немцев вглубь страны вынудило правительство СССР эвакуировать Госархив Краснодарского края в 1941-1942 гг. в г. Челкар Актюбинской области Казахской СССР. Эвакуация проходила в 4 этапа: 18 сентября, 21 октября, 30 декабря 1941 г. вывезли 700 фондов; 30 июля 1941 г. – 140 фондов, в сопровождении 15 сотрудников. К июню 1942 г. в г. Челкаре остались лишь трое архивистов: инспектор Архивного отдела Е.А. Кузнецова, научный сотрудник А.С. Азаренкова и старший инспектор М.Н. Панько.

Первые 3 партии архивных документов были эвакуированы и доставлены без потерь, благодаря самоотверженной работе сотрудников. Четвертая партия была отправлена перед самой оккупацией без соответствующей упаковки, поэтому при перевозке через Каспийское море на открытых платформах, сильно пострадала. Материал в количестве 2,5 вагонов представлял собой россыпь из грязных, измятых и изорванных листов.

В результате эвакуации в г. Челкар было доставлено примерно 50-60% от общего объема архива. Вместе с архивными документами были вывезены весь научно-справочный аппарат, оперативно-чекистская картотека, литература по истории Кубани [2, с. 8].

Из писем сотрудников направленных в адрес Архивного отдела УНКВД было ясно, что все выделенные помещения были мало приспособлены для хранения архивных документов. Так, в своем письме в мае 1943 г. Е.А. Кузнецова писала, что фонды в количестве примерно 14-15 вагонов сложены в одном складском помещении: «...помещения все текут, завелись грызуны, потравку сделать нечем, сырость, материал портится...» [1, с. 221].

Архивный отдел (ОГА) УНКВД в период оккупации края находился в г. Сочи, затем в Тбилиси и снова в г. Сочи, а после освобождения г. Краснодара возвратился в краевой центр. Оставшаяся часть архива в захваченном г. Краснодаре, примерно 40-50% от общего состава архива, полностью погибла [2, с. 8]. В оккупированном городе архивными документами топили печи, после изгнания немцев дела краевого архива служили бумагой в школах и городских учреждениях. Оставляя город, немецко-фашистские захватчики сжигали и взрывали лучшие городские здания.

В Армавирском филиале Госархив к началу войны архивный фонд составлял более 550 фондов, с более 140 000 единиц хранения. В ноябре 1941 г. часть ценных материалов в количестве 196 фондов (более 30 000 дел) была эвакуирована в г. Челкар. 5 августа 1942 г. во время немецкой бомбардировки здание архива полностью сгорело, а с ним и документальные материалы в количестве 328 фондов (не менее 70 000 дел). После реэвакуации архива в течение 1946 г. в Армавир вернулось только 36 фондов (3 301 единица хранения) [3, с. 26; с. 109, 111].

В 1942 г. при угрозе захвата немецкими войсками г. Новороссийска часть архивного фонда Новороссийского филиала Госархив был также эвакуирован в г. Челкар. К сожалению, не все документы прибыли к месту назначения. Погибли 244 фонда – 32 571 дело, из них 37 дореволюционных фондов – 1 200 дел. Но, в архиве г. Новороссийска оставалось еще много ценных документов. Это были протоколы заседаний комиссий по делам бывших красных партизан, красногвардейцев, дружинников 1905 г. и их личные дела, протоколы сессий городского Совета и заседаний исполкома за период 1936-1941 гг., материалы по выборам в местные органы власти, документы спецчасти [4, с. 32].

К операции по спасению документов архива были привлечены: заведующая спецчастью Е.Н. Медведева, зам. председателя горисполкома В.А. Ланговой и непосредственный исполнитель, комендант горисполкома Н.В. Гаркуша. В течении 10 дней Николай Васильевич Гаркуша в ночное время одном из помещений горисполкома под полом выдолбил яму. В яму уложил 7 заваренных железных ящиков с документами и вновь забетонировал пол. После изгнания немцев из г. Новороссийска спрятанные документы были извлечены из тайника [5, с. 4,5].

В октябре 1944 г. началась реэвакуация Крайгосархива и его филиалов. Для этой цели крайисполком выделил 16 вагонов и 78 000 р. Кроме того, ОГА и Крайгосархив проделали подготовительную работу по приобретению и доставке в г. Челкар тары для упаковки документов, туда же была направлена бригада из 12 чел. во главе с начальником В.Я. Кириенко и разработан план по приему документов в г. Краснодаре.

Прибыв в разрушенный город, архивисты начинают отважную борьбу за помещения для архивохранилищ, возвращенные документы тем временем подвергались порче и расхищению. И только после того, как в марте 1946 г. зав. кафедрой истории Краснодарского пединститута напечатал статью в газете «Советская Кубань» о ценнейших материалах Госархива и в каких ужасных условиях они хранятся, помещение Крайгосархива было обследовано представителями крайисполкома и крайкома партии. В результате архиву дали еще несколько комнат площадью 147 кв. м [1, с. 228]. Только к середине 1960-х гг. началось строительство специального здания для архива.

По возвращению из эвакуации Архивный отдел приступил к укомплектованию штатов архив-

ных учреждений. В этот период в архивы региона были направлены директивы и приказы о задачах архивов в период Великой Отечественной войны, сборе материалов о зверствах, грабежах и ущербе, нанесенном немецкими захватчиками на оккупированной территории [7, л. 10]. Немногие архивы справились с поставленной задачей в связи с нехваткой квалифицированных специалистов.

К концу июня 1943 г., выполняя указания НКВД СССР, была проведена паспортизация кубанских архивов. В декабре того же года была создана комиссия при отделе Госархива УНКВД по Краснодарскому краю для определения ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Архивному фонду. Материальный ущерб составил по подсчетам комиссии 15 879 002 р. 64 коп. Потери архивных материалов – 1 074 фонда, 37 частей фондов, 7 тонн и 63 кг россыпи в количестве хранения 639 009 [7, л. 37].

К февралю 1945 г. реэвакуация крайгосархива завершилась, последние дела в количестве 180 связок были доставлены в 1947 г. Только к 1955 г. полностью завершилась научно-техническая обработка документальных материалов. К 1956 г. крайгосархив закончил учет своих фондов и завершил оформление ущерба, причиненного войной, списаны по актам погибшие дела и фонды.

Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС, созданного накануне войны, в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 17 мая 1939 г., в сентябре 1941 г. готовился к эвакуации. Специальная комиссия отобрала 65 000 дел к уничтожению, заявив, что они не представляют ценности, а остальные документы в октябре 1941 г. были эвакуированы в г. Уральск и г. Челкар. В 1945 г. в партархиве крайкома ВКП (б) имелось 169 000 дел [1, с. 228].

Итак, архив это хранилище историко-культурной памяти народа, основа самосознания. В период Великой отечественной войны архивы Краснодарского края пережили жесточайшие испытания через оккупацию, эвакуацию и реэвакуацию, подвергаясь порче, расхищению и полному уничтожению, нанесенные немецко-фашистскими захватчиками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания / сост. И.Ю. Бондарь, А.М. Беляев. Краснодар, 2005.
2. *Соловьев В.А.* Архивы Кубани // Голос минувшего. Краснодар, 1998. № 3-4.
3. Город Армавир // Информационный бюллетень (юбилейный выпуск). Краснодар, 1996; Яковлев С.Ю. Армавир в период оккупации // Вестник архивиста Кубани. Историко-архивный альманах. Краснодар, 2006. № 1.
4. Город Новороссийск // Информационный бюллетень...
5. *Залетилов Л.В.* Государственной архивной службе Новороссийска 75 лет // Архивный вестник. Новороссийск, 1996. № 1.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 757.
7. Там же. Д. 924.

УДК 94

Чугунцова Нина Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета
editor@hist-edu.ru

ВОЙНА 1941-1945 гг. В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В статье с позиций устной истории, актуального подхода к анализу Великой Отечественной войны, показаны преступления германского фашизма, совершенные на территории Северного Кавказа и отражение их в памяти поколения современников, участников и свидетелей событий военного времени.

Ключевые слова: **Великая Отечественная война, Северный Кавказ, преступления германского фашизма, оккупация, устная история, память поколений.**

Chuguntsova Nina Alekseevna

Doctor of History, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Social Communications of Kuban State Technological University
editor@hist-edu.ru

THE WAR OF 1941-1945 IN THE MEMORY OF GENERATIONS (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

The article studies the crimes of German fascism committed on the territory of the North Caucasus, and their reflection in the memory of the generation of contemporaries, participants and witnesses of the wartime from the standpoint of oral history as well as the topical approach to the analysis of the Great Patriotic War.

***Key words*: Great Patriotic War, Northern Caucasus, crimes of the German fascism, occupation, oral history, memory of generations.**

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» НИР № 2.15.142. «Военные преступления нацистской Германии на оккупированных территориях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в памяти поколений».

История Великой Отечественной войны остается одной из самых актуальных тем как отечественной, так и зарубежной историографии. История Великой Отечественной войны по-прежнему остается предметом идеологических, теоретических, политических споров и дискуссий: с одной стороны – безоговорочно положительная оценка всех действий советского руководства в годы войны, с другой – попытки возложить всю ответственность и обвинения за начало и потери в войне на тогдашнее руководство и политику Советского союза. Некоторые исследователи утверждают, что история Великой Отечественной войны и победа в ней остается едва ли не единственной основой современной российской идентичности. День победы в современной России остается единственным праздником советской эпохи, который все еще объединяет российское общество. Поэтому власти, и общество особенно болезненно воспринимают попытки демифологировать историю Великой Отечественной войны. «История Великой Отечественной войны рассматривается всего лишь как орудие политической пропаганды... Берутся только те события, которые можно истолковать в героическом ключе... Но в истории много не только героического и трагического, но и низкого, подлого, преступного, стыдного. Когда таких тем приходится касаться, их лишь упоминают и по возможности стараются оправдать действия Красной Армии, советского народа...» [1, с. 291]. В связи с данным утверждением обратимся к памяти современников войны 1941-1945 гг.

Война оставила глубокий след в жизни нескольких поколений: у 64% современных российских семей есть близкие родственники, погибшие во время войны, в то время как в Германии – только 39%, в Польше – у 34%, в Чехии – у 18%. Каждый второй из ныне живущих россиян знает о войне из свидетельств ее участников – своих близких, из оставшихся от них писем, документов, фотографий, вещей [2, с. 32]. Более 70% респондентов различных опросов стабильно называют Великую Отечественную войну и победу в ней важнейшим событием истории XX в., которое определило будущее не только нашей страны, но и всего мира [3].

Чем дальше от нас уходят в прошлое события той разрушительной войны, тем появляется больше их различных интерпретаций. Совсем недавно существовала одна-единственная официальная версия Великой Отечественной войны, которая не учитывала индивидуальную память миллионов, переживших военную трагедию.

Сегодня одним из актуальных методов и направлений изучения исторических событий является устная история, которая прошла долгий и трудный путь, превратившись из маргинального в один из исторических методов исследования, завоевала признание профессиональных историков, которые нашли в устных воспоминаниях уникальный источник информации о прошлом.

В 2005-2066 гг. на историческом факультете Ставропольского госуниверситета Е.Н. Ситреналовой была образована проблемная исследовательская группа по устной истории, и при кафедре истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета стараниями Ребровой И.В. создано студенческое научное общество по устной истории, которое собирает и изучает воспоминания современников и свидетелей Великой Отечественной войны.

Исследования памяти о войне направлены на конструирование исторической реальности с помощью образов прошлого, отраженных в сознании и закрепленных в индивидуальных воспоминаниях участников и свидетелей военного времени. В результате складывается негосударственный, неофициальный образ войны, где соседствуют героизм и страх, вера и отчаяние, обвинение и оправдание, история спасения и гибели, патриотизма и предательства, мужества и унижения, борьбы за сохранение достоинства и чести человека. Главным предметом устной истории является субъективный опыт отдельного человека.

Специфика устной истории состоит в изучении особенностей субъективного воспоминания, личного осмысления пережитого и ответственности индивида за его место в истории; заставляя историка «с высот исторических теорий опуститься на землю – к неуклюже индивидуальным человеческим жизням, лежащим в их основе» [4, с. 284].

Устные воспоминания людей фронтового поколения – важный источник для изучения военной повседневности, образов героев и врагов войны 1941-1945 гг., была за линией фронта.

Особенно актуальны воспоминания мирных жителей, переживших оккупацию, тяжелый труд по восстановлению разрушенного. Подвигом стала их повседневная жизнь под жестким контролем врага, лишения и трудности, страх и мужество. В памяти о войне отложились образы прошлого, закрепленные в индивидуальных воспоминаниях участников и свидетелей военного времени. Процесс исследования устной истории включает не только воспоминания участников Отечественной войны, детей войны, но и внуков и правнуков современников и свидетелей военных лет. Память, как известно, избирательна. Она сохраняет факты и события, оказавшие наиболее психологическое или эмоциональное потрясение в приводимых воспоминаниях.

В устных рассказах представлена интерпретационная память о войне. Образ войны в представлениях военного поколения имеет много общих черт. Так, в региональной памяти запечатлены воспоминания об оккупации, в которой территория Северного Кавказа находилась с конца июля 1942 г. по октябрь 1943 г.

Во время оккупации германскими фашистами осуществлялись карательные мероприятия в отношении жителей. «В ноябре 1941 г. немцы в районе Театральной площади (Ростова-на-Дону) обнаружили убитого офицера. За каждого немецкого офицера немцы расстреливали 100 наших – вспоминала Орлова Л.Ф., – Прохожих было мало, тогда одному из задержанных, а им оказался родственник нашего соседа дяди Гриши, они приказали ходить по соседним домам. Обещали жизнь. Под дулом пистолета он пошел. Стучал в дома, заглядывал в подвалы и укрытия. Всех задержанных немцы расстреляли. На мемориальной доске на углу Советской и Верхне-Нольней улиц указано 90 расстрелянных и родственники нашего соседа. Вскоре он сошел с ума». Орлова Л.Ф. была очевидцем того, как колонну еврейского населения с вещами, в том числе и их соседей гнали по улице Книжной (ныне им. Серафимовича) к Зимней балке «они задавали вопрос "За что?" Все они были расстреляны. Всего на территории Ростовской области было уничтожено около 22 000 евреев» [5].

Поведение оккупантов на улицах городов, сел и станиц вызывало страх у населения. Хуже всего вели себя на улицах Краснодара румыны: «Они позволяли себе и откровенные хулиганства, издевательства, насмешки и даже грабежи граждан на улицах, поборы иногда сочетались с наглыми приставаниями к женщинам. В общем, вели себя как обезьяны. Когда я их видела, мне всегда хотелось, чтоб они провалились сквозь землю» [6].

Бабушка Попова Я.Г. отмечала особую жестокость румын, «которые могли высечь за малейший проступок» [7].

Гражданское население спасало раненных советских бойцов, когда они отступали. Голованова К.В. приводит воспоминания своей бабушки Галаниной Нины Ивановны: «Когда наши отступали, я забрала к себе в дом двух раненных красноармейцев. Захватив город (Армавир), немецкие солдаты пошли по дворам, разыскивая и расстреливая бойцов советской армии и тех, кто их прятал. Как только немцы вошли во двор, бабушка спустила старших дочерей в подвал. Володю спрятала в шкаф, а Сашу накрыла платком (это раненых). Маленькой бабушке Гале была отведена особая роль. Ее посадили на горшок прямо при входе в комнату. Сама же вышла навстречу к немцам. – Воспоминания моей бабушки рисуют яркую картину: "Худой и высокий немец стоял на

пороге дома. Глядя на маму немец спросил на ломанном русском языке: “Ктоно, яйно есть”? Она отрицательно мотнула головой. Фриц ткнул дулом автомата в сторону кровати, где лежал Саша: "партизаны?" – "Дочка старшая. Болеет. Тиф. Тиф!" Фриц скорчил не доверяя шагнул дальше в дом, тут он наткнулся на маленькую бабушку, сидящую на горшке. Немец попятился назад и вышел из дома. Бабушка потеряла силы и осела на пол»[8].

В Краснодаре были созданы лагеря советских военнопленных, положение которых было крайне тяжелым. Лагерь военнопленных размещался на стадионе «Динамо»: «Лагерь обтянут колючей проволокой. Военнопленные ночуют под открытым небом, завшивели, небриты и не стрижены, опухли от голода. Ежедневно их гоняют на работы в сторону аэродрома. Семь дней совсем не дают хлеба, вынуждая их записываться в кубанские добровольческие части, формируемые прибывшими из-за границы старыми офицерами. За малейшую провинность военнопленных зверски убивают» [9, с. 590].

Еще один лагерь военнопленных находился на территории бывшего завода им. Калинина (ныне – торговый «Центр города»). Вера Федоровна Слюсарь вспоминала: «Почти ежедневно, мы, дети собирались стайками и шли туда, неся с собой куски хлеба, сухари, овощи и прочую нехитрую снедь, которую давали родители. Лагерь был огорожен колючей проволокой. Командовали там немцы. Охраняли его румыны и наши русские немцы, которые запрещали взрослым подходить к ограждениям и бросать пленным еду. За это полагалось наказание, тех людей, кто прокидывал еду, задерживали и могли расстрелять» [6]. Однако дети быстро подбегали к ограждению, возле которых их уже поджидали пленные, быстро бросали им через проволоку еду и убегали оттуда со всех ног. За нами гнались румыны и немцы, но никого не могли догнать.

Бабушка Хмелевская Р.С. с семьей проживала в хуторе Водном Славянского района. «То время было одним из самых тяжелых за всю войну. – рассказывает бабушка. – Местные жители были выгнаны из своих домов, вместе с детьми, стариками, которые селились в землянках, сараях. Некоторых людей семьями сгоняли в соседние дома, освобождая дома для собственного проживания. Еще одну историю рассказала бабушка: "Как-то раз брат мой – Николай смотрел в окно и как закричит: "Мама, прячь фасоль, немцы идут!" Когда они зашли, то сразу наставили дуло пистолета маме прямо в грудь и заставили отдать все, что было» [10].

«На второй год войны я пошел в школу, которая располагалась в частном доме. Тетрадей не было, поэтому писали в старых книгах, между строчками... Питались мы впроголодь, все, что было. Хорошо, что был картофель – это была основная пища. В школу ходили кто в чем. Обувались по очереди» [11].

С продуктами на оккупированных территориях было плохо. Как вспоминала В.Ф. Слюсарь: «Я поднималась рано утром, засветло и пешком (из Краснодара) со старшей сестрой мы ходили в Поповическую (станицу Калининскую) к родственникам... Оттуда мы шли назад и приносили на себе кукурузную муку, иногда картошку и тыкву, моркови, лук. Это здорово нас выручало» [6].

Многие жители сами направлялись в станицы, где меняли одежду и другие вещи на кукурузу, бурак и другие продукты. Ходили пешком, прячась от фашистов. Как вспоминала Назарова И.Б., особенно трудно было возвращаться назад с добытыми продуктами. «На обратном пути нам удавалось договориться с местным машинистом поезда, который проходил через станицу Тимашевскую, где мы с мешками кукурузы забирались на крыши вагонов. На подъезде к Краснодару машинист за плату частью продуктов замедлял ход и мы сбрасывали с крыши вагонов свои мешки с кукурузой и спрыгивали сами» [12].

«Оккупация и бомбежки, угон и живших в нашем доме немцев я помню не очень хорошо. Но один военный день в памяти до сих пор. Немец, живший в нашем доме, угощает меня шоколадом, я очень рада, а потом он убивает мою собаку из пистолета, а затем долго смеялся над тем, как я рыдала» [13].

На территории Ставропольского края было уничтожено 31 645 мирных граждан, в том числе эвакуированное население из Украины, Белоруссии, Крыма, Ленинграда и других районов страны [14, с. 26]. В Краснодарском крае было убито 61 540 чел. [15, с. 63].

Как видно из приведенных воспоминаний современников Великой Отечественной войны, память избирательна, так как делает акцент на отдельные события, игнорируя другие. Неофициальная память передается, она влияет на современное молодое поколение граждан России. Память, выявляемая устной историей, в целом обладает значительным потенциалом гражданственности. Устная история открывает диалог поколений.

Позитивный образ Советского Союза в Великой Отечественной войне становится одним из убедительных аргументов в пользу непреходящего значения державной, патриотической ментальности нашего народа. Это война является одним из главных символов позитивной, коллективной

идентификации россиян, символом могущества нашей Родины, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, является свидетельством обладания огромным духовным потенциалом российского народа.

Для современного российского социума историческая память о войне является ценностной опорой национального самосознания, основой идентичности, объединяющей общество сильнее всех других символов России.

Необходимо постоянно напоминать, особенно молодежи, опасность нацистской идеологии и ее последователей, когда жертвами нового геноцида может стать любой народ. Уходят годы, но память о погибших, о преступлениях фашизма должна сохраниться в сердцах людей. «Никто не забыт, ничто не забыто».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Соколов Б.* Новые ракурсы и проблемы Второй мировой войны // Исторические исследования в России: пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2001.
2. *Федоров В.* Бои за историю // Профиль. 2010. № 15,16.
3. *Тощенко Т.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного сознания // Социологические исследования. 2003. № 4. URL. http: wciom.livegournal.com (дата обращения 13.06.2013).
4. *Гринченко Г.* Устная история и исследования памяти о Второй мировой войне // Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008.
5. Респондент: Орлова Любовь Федоровна. 1923 г. рождения. Воспоминания о семье. Записи сделаны в 1969-2010 гг.
6. Респондент: Слюсарь Вера Федоровна. 1927 г. рождения. Записаны Иванцовым И.Г. в г. Краснодаре в 2003 г.
7. Респондент: Свиридова Валентина Тимофеевна. 1929 г. рождения. Записана Поповым Я.Г. в Армавире в декабре 2012 г.
8. Респондент: Галанина Галина Ивановна. 1938 г. рождения. Записана Головановой К.В. в феврале 2013 г.
9. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к летописи. Краснодар, 1993.
10. Респондент: Хмелевская Раиса Семеновна. 1938 г. рождения. Записана Хмелевской К.И. в 2013 г.
11. Респондент: Казаченко Никола Иванович. 1935 г. рождения. Записан Мирошниченко А.С. в мае 2013 г.
12. Респондент: Назарова Ирина Борисовна. 1920 г. рождения. Записана Чугунцовой Н.А. в 1990 г.
13. Респондент: Вронская Валентина Николаевна. 1938 г. рождения. Записана Кулебякиным Р.В. в 2013 г.
14. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943): документы и материалы. Ставрополь, 2000.
15. *Жинкин А., Черный В.* Кубань в период оккупации. Злодеяния фашистов на кубанской земле // Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Краснодар, 2005.

УДК 941.100

Шутёмов Алексей Сергеевич

аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета editor@hist-edu.ru

Shutiomov Alexey Sergeevich

Postgraduate Student of the Department of Contemporary, Modern History and International Relations of Kuban State University editor@hist-edu.ru

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ И РАКЕТНЫЕ СИСТЕМЫ В ХОДЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОЙН 1950 – 2000 гг.

ARTILLERY AND MISSILE SYSTEMS IN THE COURSE OF THE REGIONAL WARS 1950 – 2000

Данная статья посвящена эволюционному развитию артиллерийских и ракетных систем в ходе локальных конфликтов второй половины XX в. Региональные конфликты этого периода выполняли функции кампаний предыдущих войн, служили полигоном для отработки новейших вооружений в условиях, приближенных к прямому боестолкновению между СССР (РФ) и США.

The article is devoted to the evolutionary development of artillery and missile systems in the course of the local conflicts during the second half of the 20th century. The regional conflicts of that period carried out the functions of the previous war campaigns and served as testing ground for the latest arms development in conditions approximate to the straight-line military clash between the USSR (RF) and the USA.

Ключевые слова: **военная техника, региональный конфликт, холодная война, военный паритет, ракетное вооружение.**

Key words: **military hardware, regional conflict, cold war, military parity, military rocketry.**

В ходе локальных конфликтов второй половины XX в. артиллерийское вооружение также прошло сложный эволюционный путь. Вместе с тем, этому виду оружия исследователями уделяется значительно меньше внимания, чем авиации и бронетехнике. Рост ударных возможностей всех видов авиации, обеспечивающей в локальном конфликте до 70% огневого поражения противника, в том числе в тёмное время суток и в сложных погодных условиях, снизили былую роль артиллерии. Кроме того, расширились и огневые возможности танков и БМП.

Однако, артиллерия в условиях локальных конфликтов выполняет такие задачи, которые другие виды оружия либо не могут отработать, либо будут малоэффективны.

Дальность действия ствольной артиллерии возросла на 60%, поражающая способность – вдвое, а при уничтожении пехоты – в 4 раза [1].

Появились новые виды боеприпасов: для поражения бронеобъектов – ударное ядро, с динамической защитой – тандемные, для бетонных укреплений – реактивные (кроме того, реактивные снаряды применяются и для увеличения дальности огня), для действия по пехоте – кассетные, для точечных целей – корректируемые.

Буксируемая артиллерия и до настоящего времени является основой поддержки сухопутных сил. Недостатками такого вида оружия являются низкая мобильность, что затрудняет быстрый уход из-под удара, и сопровождение наступающих сил, а также практически незащищённый расчёт. Но в условиях контрпартизанской борьбы при обороне военных баз, при штурме укреплённых районов с сильным зенитным прикрытием, а также в вялотекущем конфликте при отсутствии активных наступательных действий буксируемая артиллерия оказывается незаменимой.

В ходе Корейской войны 1950 – 1953 гг. основу парка буксируемой артиллерии воюющих сторон составляли орудия, принятые на вооружение в годы Второй мировой войны. С северной стороны это гаубицы 122-мм М-30 и 152-мм Д-1, 76-мм пушки ЗИС-3, противотанковые орудия 57-мм ЗИС-2 и 100-мм БС-3. На них же возлагались и задачи береговой обороны. Так, северокорейские орудия повредили американский эсминец [2]. С южной стороны основными образцами были американские гаубицы 105-мм М-102 (также обозначалась как М2, М101) и 155-мм М114, а также дальнобойные орудия 155-мм М59 «Лонг Том», 203-мм М115 и 240-мм «Чёрный дракон». Основную боевую нагрузку артиллеристы стали нести с конца 1951 г., когда линия фронта стабилизировалась и активные действия свелись к авиа- и артналётам. По результатам конфликта ствольная артиллерия США не получила должного развития. Гаубица М114 оставалась на вооружении до 1978 г., а М102 дожила и до 1990-х гг. [3], поскольку основные силы уходили на авиацию и на флот, а также мобильные силы. В СССР же наоборот, ствольная буксируемая артиллерия развивалась очень активно и в 1950-е гг. получила на вооружение новые образцы орудий, активно экспортировавшиеся за границу.

Во время вьетнамской войны (1966 – 1973 гг.) американские гаубицы М101 и М114 решали

противопартизанские задачи. В условиях бездорожья и тропических джунглей артиллерия оказалась единственным всепогодным и всесуточным огневым средством, способным бороться с партизанами. Опыт вьетнамской войны заставил командование США пересмотреть взгляды на буксируемую артиллерию.

Арабо-израильские конфликты также не обошлись без буксируемой ствольной артиллерии. К 1967 г. арабская армия получила из СССР большое количество современных гаубиц 122-мм Д-74 и 152-мм М-20, 107-мм безоткатных орудий Б-11, а израильская – 155-мм французскую гаубицу. Захваченные в ходе шестидневной войны М-20 и Д-74 использовались Израилем в войне на Истощение. Когда заканчивались трофейные боеприпасы, на лафеты советских пушек устанавливались французские 155-мм гаубицы. Тем не менее, Израиль предпочитал самоходную артиллерию, которая могла быстро сменить позицию.

В войнах 1973 и 1982 гг. на вооружение арабских армий поступили 122-мм гаубица Д-30 и 122-мм противотанковая пушка Д-48. Выживаемость буксируемых орудий на открытой местности была низкой.

Во время Фолклендской войны 1982 г. в силу характера боевых действий основная нагрузка по огневой поддержке наземных сил легла на артиллерию. У аргентинцев на островах было 30 итальянских 105-мм орудий OTO-Мелара мод. 56, 4 155-мм гаубицы CITEFA 77 и 120-мм миномёты. Британцы сумели доставить на острова 30 105-мм гаубиц L 118 и 81-мм миномёты. За счёт более грамотного управления огнём они сумели подавить сопротивление аргентинцев. Примечательно, что единственным приемлемым средством обороны островного гарнизона и огневой поддержки десанта оказалась буксируемая артиллерия [4].

При штурме укреплённых позиций иракской армии в Кувейте в 1991 г. американские войска впервые применили новую 155-мм гаубицу М-198 и 105-мм М-102. Для поражения сильнозащищённых малоразмерных целей – в первую очередь танков, также впервые был применён управляемый 155-мм снаряд.

В ходе боевых действий в Боснии и в Косово наземные войска НАТО не вступали в непосредственный огневой контакт с сербской армией. Однако ствольная буксируемая артиллерия продолжает играть важную роль в системе огневой поддержке войск, в частности, в противопартизанской войне.

Самоходная артиллерия в ходе конфликтов второй половины XX в. претерпела серьёзные изменения. Так, по мере развития танкового вооружения с самоходных артустановок были сняты противотанковые и штурмовые задачи. К 1990 г. самоходная ствольная артиллерия боролась с теми же целями, что и буксируемая, однако могла быстро менять огневую позицию, что снизило вероятность поражения ответным огнем. Расчёт новых самоходных орудий был полностью защищён бронёй, а старые открытые САУ были сняты с вооружения. Новые САУ также получили вращающиеся башни, что позволило вести круговой обстрел. Что же касается расширения огневых возможностей, то оно соответствует развитию буксируемой артиллерии.

В ходе корейской войны с северной стороны применялись САУ-100 в качестве истребителя танков типа М26 «Першинг», а с южной – американская 105-мм М7 «Прист» в качестве штурмового орудия. В целом, данный конфликт характеризовался не очень активным применением самоходной артиллерии.

А вот во время арабо-израильских конфликтов Израиль по достоинству оценил способность САУ быстро менять позиции на открытой местности. Значительное количество советских САУ получили и арабские государства, но не сумели использовать их возможности.

В ходе суэцкого конфликта 1956 г. соединённым войскам агрессора удалось захватить несколько египетских АСУ-57. В шестидневной войне армия Израиля располагала 105-мм американской САУ М7 «Прист» и 155-мм французской F3. Египетская и сирийская армии располагали установками СУ-100 и АСУ-57, а Иордания – американской 105-мм М52. Открытая лёгкая противотанковая АСУ-57 являлась парашютно-десантируемой, и её применение в таком конфликте было неоправданно, а М52 (как и 155-мм М44) были разработаны в спешке во время корейской войны и вследствие недоработок сняты с вооружения в США.

К войне Йом-Киппур 1973 г. Израиль получил из США новые 155-мм гаубицы М109, а также открытые дальнобойные 177,8-мм М107 и 203,2-мм М110. Кроме того, при участии Финляндии Израиль разработал собственную 155-мм САУ L-33. На Голонских высотах сирийская армия в последний раз в конфликте применила СУ-100. Египет установил 100-мм орудия БС-3 на шасси Т-34. Также Египет и Сирия устанавливали на шасси Т-34 122-мм гаубицу Д-30 (Сирия – с закрытой башней). Несмотря на ряд успехов и более высокий уровень подготовки, чем в Шестидневной войне, арабские армии проиграли Израилю.

После 1973 г. Израиль отказался сначала от М110, а затем и от М107, сочтя огневые возможности САУ М109 достаточными. Поэтому как в Ливанской войне 1982 г., так и в ряде других боестолкновений с арабами применялись только М109 [5].

Во Вьетнаме армия США получила на смену неудачным 105-мм М52 и 155-мм М44 новые самоходные гаубицы: 105-мм М108 и 155-мм М109, а также 107-мм самоходный миномёт. В дальнейшем М108, как менее мощные, сняли с вооружения. В этом же конфликте были применены тяжёлые гаубицы 177,8-мм М107 и 203,2-мм М110. Ради транспортабельности их лишили бронирования. Противопартизанская война и труднопроходимая местность диктовала свои условия боя, поэтому самоходная артиллерия применялась во Вьетнаме так же, как и буксируемая.

К 1991 г. М107 и М110 были сняты с вооружения. Их задачи стала решать М109, получившая новый реактивный снаряд с большей дальностью полёта. Гаубица М109 во время конфликта в Персидском заливе получила 155-мм управляемый противотанковый снаряд «Копперхэд» [6].

К 2000 г. самоходная артиллерия, хотя и более дорого стоящая, чем ствольная, составила основу огневой поддержки мобильных формирований.

Реактивные системы залпового огня, серьёзно пострадавшие в ходе ракетной революции, стали активно развиваться с 1960-70-х гг. Так, Израилю в 1967 г. достались в качестве трофеев несколько БМ-14, которые использовались в войне на истощение до израсходования боекомплекта. Однако в 1973 г. арабские армии применили 122-мм РСЗО БМ-21 «Град», что заставило Израиль заняться разработкой собственной системы РСЗО.

В 1982 г., в ответ на обстрелы БМ-21 с ливанской стороны Израиль начал операцию «Мир Галилее». В ходе этой войны применялись израильские РСЗО MAR-290. В одном из боёв эти системы подавили батарею противотанковых сирийских пушек Д-48 [7].

В 1991 г. в Персидском заливе американцы опробовали новейшую РСЗО MLRS. Вообще же РСЗО эффективны только при накрытии площадной цели, что сужает спектр их применения в региональном конфликте. А вот переносные реактивные системы, такие как «Град-П», могут применяться и пехотинцами, в том числе диверсантами и партизанами. «Град-П» впервые был применён во Вьетнаме, затем использовался палестинскими боевиками против Израиля [8].

Тактические ракеты также стали неотъемлемой частью действующих армий, начиная с 1970 гг. В 1973 г. арабские государства нанесли в начале конфликта удар ракетными комплексами «Луна» и «Луна-М» по авиабазам, узлам связи и штабам израильской армии, что побудило Израиль в 1970–1980 гг. приобрести американские ракеты «Ланс». В 1991 г. иракские ракеты «Скад» нанесли серьёзные потери Израилю и армии США [9]. Выявились серьёзные трудности при попытках обнаружить мобильные ракетные комплексы даже в условиях полного господства в воздухе. США в 1990 гг. наносили упреждающий удар при помощи авиационных и морских ракет «Томагавк».

Зенитная артиллерия (в том числе самоходная) претерпела наиболее серьёзные изменения, поскольку изменялась и цель – авиация. С появлением первых зенитно-ракетных комплексов, которые не могли сбивать низколетящие самолёты, зенитные артустановки стали прикрывать ЗРК от маловысотных атак; затем, когда ЗРК стали способны сбивать цели и на малой высоте, зенитная артиллерия стала прикрывать колонны на марше и боевые порядки войск от ударных вертолётов. Поэтому буксируемые зенитные пушки практически исчезли, а наиболее эффективными оказались комбинированные зенитные ракетно-артиллерийские самоходные установки.

В ходе Корейской войны основу ПВО северокорейской стороны составляли орудия 37-мм и 85-мм. Эффективно бороться с реактивными или высотными бомбардировщиками они не могли, но у МНС было много поршневых штурмовиков, которые поражались зенитной артиллерией достаточно эффективно. Основу ПВО южной стороны составляли орудия калибра 40-мм, 100-мм и 120-мм, но масштабных авианалётов северная сторона не предпринимала.

В Северном Вьетнаме зенитная артиллерия калибров 37-мм, 85-мм, пулемёты крупного и винтовочного калибра оказались наиболее эффективны против редких на малой высоте небронированных реактивных машин. Зачастую по летящим между хребтами самолётам били вниз с позиций на горных вершинах [10]. В Южном Вьетнаме партизаны вели огонь из пулемётов по вертолётам и лёгким самолётам.

Во время арабо-израильских войн укрывать зенитную артиллерию в пустынной местности было значительно труднее, из-за чего она и не была эффективной. Во время Суэцкого кризиса зенитная артиллерия сбила большинство самолётов коалиции, поскольку среди них, как и в Корее, ещё оставалось много поршневых машин. К 1967 г. основным огневым средством арабских государств стала самоходная установка ЗСУ-57-2. После Шестидневной войны Сирия и Египет стали получать современную установку ЗСУ-23-4 «Шилка». В ходе войны на истощение эти системы прикрывали ракетные комплексы С-75 от маловысотных атак, и в последующих конфликтах оста-

вались основой зенитной артиллерии арабов.

Израиль же в 1970-е гг. получил из США самоходные установки М163. Однако на арабо-израильском фронте в системе ПВО основную роль продолжали играть зенитные ракеты и истребители.

На Фолклендах в 1982 г. аргентинцам удалось уничтожить при помощи 40-мм орудий «Бофорс» 1 истребитель «Си Харриер» и 3 вертолёта; также 3 «Харриера» были сбиты артиллерией вместе с ПЗРК. Попытка Великобритании вывести из строя радар при помощи ракет «Шрайк» также была неудачной, и через сутки радар снова работал.

В 1991 г. над Ираком многонациональные силы потеряли несколько самолётов, наносивших удары с предельно малых высот. Основу зенитной артиллерии Ирака составляли ЗСУ «Шилка». В 1999 г. эти же орудия над Югославией сбили А-10 «Тандерболт».

Зенитно-ракетные комплексы с 1960-го г. стали основой наземной ПВО. В Северном Вьетнаме именно комплексы С-75 нанесли наибольший урон авиации США. А в Южном Вьетнаме партизанами стали применяться переносные ракеты «Игла». Теперь мобильные пехотинцы подразделения получили противовоздушный щит. Однако система управления огнём оставляла желать лучшего; так, по одной цели могли вести огонь шесть дивизионов одновременно [11].

Во время войны на истощение, кроме С-75 у Египта появились и комплексы С-125, способные перехватывать маловысотные цели.

В 1973 г. арабские армии активно использовали ПЗРК «Игла», а ЗРК С-75 и С-125 выдвигались вслед за наступающими частями, обеспечивая воздушное прикрытие. Израильтяне же применяли американские ЗРК «Хок», переносные системы «Блоупайп» и «Ред Ай». Когда израильская пехота сумела захватить огневые позиции ракетных комплексов противника, арабские армии отступили.

Во время ливанской войны 1982 г., по просьбе Сирии, на фронт прибыли советские дальнобойные комплексы С-200. Им удалось уничтожить израильский самолёт ДРЛО Е-2 «Хокай», ставший первым и пока единственным сбитым самолётом такого типа [12].

В 1982 г. прикрытие десантных сил Великобритании на Фолклендах составляли ЗРК «Рапира», сумевшие уничтожить 14 аргентинских самолётов (ещё один сбит ПЗРК «Стингер») [13]; аргентинцы могли противопоставить им лишь ПЗРК «Блоупайп», с помощью которых был сбит «Си Харриер» и ещё 3 – вместе с артустановками.

В 1991 г. у Ирака, кроме старых советских комплексов С-75 и С-125 имелись С-200, «Оса», «Квадрат», «Куб», а также франко-германский ЗРК «Роланд» и захваченные в Кувейте американские «Хок»; переносные системы «Игла» и «Стрела». Прикрытие многонациональных сил осуществляли американские ЗРК «Пэтриот».

Несмотря на то, что ПВО Ирака сумела уничтожить некоторое количество самолётов противника, сорвать авиаудар не удалось. «Пэтриот» также пропустили ракету «Скад» по причине технического сбоя [14].

В 1999 г. силы НАТО повторили персидский сценарий в Югославии, сумев преодолеть систему ПВО из устаревших советских комплексов С-75, С-125, «Оса», «Куб» и «Квадрат».

В целом, старые зенитные системы оказывались неспособны перехватить большое количество крылатых ракет, запускаемых в первом ударе. Для новых систем типа «Панцирь» характерно большое количество запускаемых ракет, скомбинированных вместе с орудийной установкой.

Таким образом, артиллерия за вторую половину XX в. прошла сложный путь обкатки в локальных конфликтах. При этом новые огневые системы не вытесняли старые, а начинали выполнять принципиально новые задачи. В новом тысячелетии артиллерийские и ракетные установки продолжают применяться в региональных войнах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Хэскью М.Э.* Артиллерия. Иллюстрированная история / пер. с англ. Г.А. Сорокина. М., 2010.
2. *Розин А.* Корейская война. Эпизоды участия советского флота. URL: http://alerozin.narod.ru/Korea45x53.htm (дата обращения 1.06.2012 г.)
3. M101 – 105mm Hovitzer. URL:http:www.webcitation.org/65iBGAHpj (дата обращения 15.08.2012 г.)
4. Артиллерия в Фолклендской компании. URL:http://www.best-army.ru/archives/1091 (дата обращения 16.08.2012 г.)
5. *Грановский О.* Самоходная артиллерия. URL: http:www.waronline.org/JDF/Articles/armament/army/afv/idf-afv-review/artillery/ (дата обращения 15.08.2012 г.)
6. *Попов И.М.* Буря в пустыне. М., 1992.

7. 290-мм реактивная система залпового огня MAR-290 / под ред. С.В. Гурова. URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/MAR_290/p/MAR_290.shtml (дата обращения 16.08.2012 г.)
8. Лёгкая переносная реактивная система «Град-П» / под. ред. С.В. Гурова. URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/woff/grad_p/grad_p.shtml (дата обращения 16.08.2012 г.)
9. *Хэскью М.Э.* Указ. соч.
10. *Хэскью М.Э.* Указ. соч.
11. *Дмитрович Д.Г., Нардышев В.М., Самохин В.И.* Всё начиналось с АСУРК-1 // Воздушно-космическая оборона. № 2 (5.7). 2011 г.
12. *Климович Е., Никольский М.* E-2 C Hawkeye ВВС Израиля. URL:http://www.airwar.ru/history/locwar/bv/drlo/drlo.html (дата обращения 10.06.2012 г.)
13. *Хэскью М.Э.* Указ. соч.
14. *Хэскью М.Э.* Указ. соч.

Педагогика и методика преподавания

УДК 373.3.016:811.161.1(571.56)

Алексеева Любовь Афанасьевна

учитель начальных классов Тумульской СОШ Усть-Алданского района Республики Саха (Якутия), аспирант Педагогического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
editor@hist-edu.ru

Alekseeva Lyubov Afanasyevna

Primary School Teacher of Tumul Secondary Education School of Ust-Aldan Region of the Republic of Sakha (Yakutia), Postgraduate Student of the Pedagogical Institute of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
editor@hist-edu.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ

THE FORMATION MODEL OF UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIVITIES FOR PRIMARY SCHOOL PUPILS WHEN LEARNING RUSSIAN IN YAKUT SCHOOL

В статье представлена модель формирования универсальных учебных действий младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе. Раскрыты компоненты модели и показатели сформированности универсальных учебных действий. Раскрываются основные проблемы обучения русскому языку в якутской школе и пути их решения.

The article presents a model of universal educational activities formation for primary schoolchildren when learning the Russian language in the Yakut school. The components of the model and characteristics of formed universal educational activities have been presented. The main problems of teaching the Russian language in Yakut schools and ways of their solution have been analyzed.

Ключевые слова: **модель, универсальные учебные действия (УУД), обучение русскому языку в якутской школе.**

Key words: **model, universal learning activities (ULA), learning Russian in the Yakut school.**

Приоритетным направлением новых образовательных стандартов начального общего образования является формирование универсальных учебных действий (УУД) младших школьников. Другими словами, воспитание конкурентоспособной личности каждого ученика, готового к самореализации в современном обществе. В этом контексте для учащихся якутских школ ключевую роль играет овладение русским языком для дальнейшей их адаптации в обществе.

В практике якутских школ недостаточно исследована роль обучения русскому языку как средству формирования УУД. В ходе исследования нами выявлены следующие проблемы обучения русскому языку при введении ФГОС в якутской школе: дети поступают в школу недостаточно подготовленными к изучению русского языка, что обусловлено отсутствием языковой среды в сельской школе; задания учебно-методических комплектов ориентированы на детей, достаточно хорошо владеющих русским языком; обучению русскому языку в якутских школах дается 132 ч. в год, в русских школах - 165 ч. Но к концу учебного года учащиеся должны иметь равный уровень знаний и умений. Соответственно, за четыре года обучения в начальных классах разница в количестве уроков отражается на качестве овладения детьми русским языком; при изучении русского языка не предусматривается устный курс, то есть ранее дети в первом полугодии дети учились разговаривать на русском языке; сейчас они с первых дней поступления в школу изучают грамматику.

Исходя из этого нами предложена модель формирования УУД младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе. При разработке данной модели, мы опирались на следующие теоретико-методологические положения формирования УУД и обучения русскому языку в национальных школах:

- взаимосвязь контекстного (А.А. Вербицкий) и системно-деятельностного (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин) подходов к формированию УУД; особенности обучения русскому языку младших школьников в национальных школах (В.М. Анисимов, П.П. Борисов, Ф.В. Габышева, Е.П. Никифорова и др.);

- необходимость создания комплекса организационно-педагогических, методических, психологических условий, способствующих предметному достижению и эффективному формированию УУД младших школьников на уроках русского языка в национальной школе. Модель формирования универсальных учебных действий младших школьников при обучении русскому языку в якутских школах (рис. 1) мы рассматриваем как схематическое отображение взаимосвязи всех структурных и содержательных компонентов предстоящей деятельности: цели и задач, ресурсов, содержания, форм, педагогических условий, субъектов деятельности и ожидаемых результатов. Она нацелена на создание эффективных условий успешного обучения русскому языку в якутской школе.

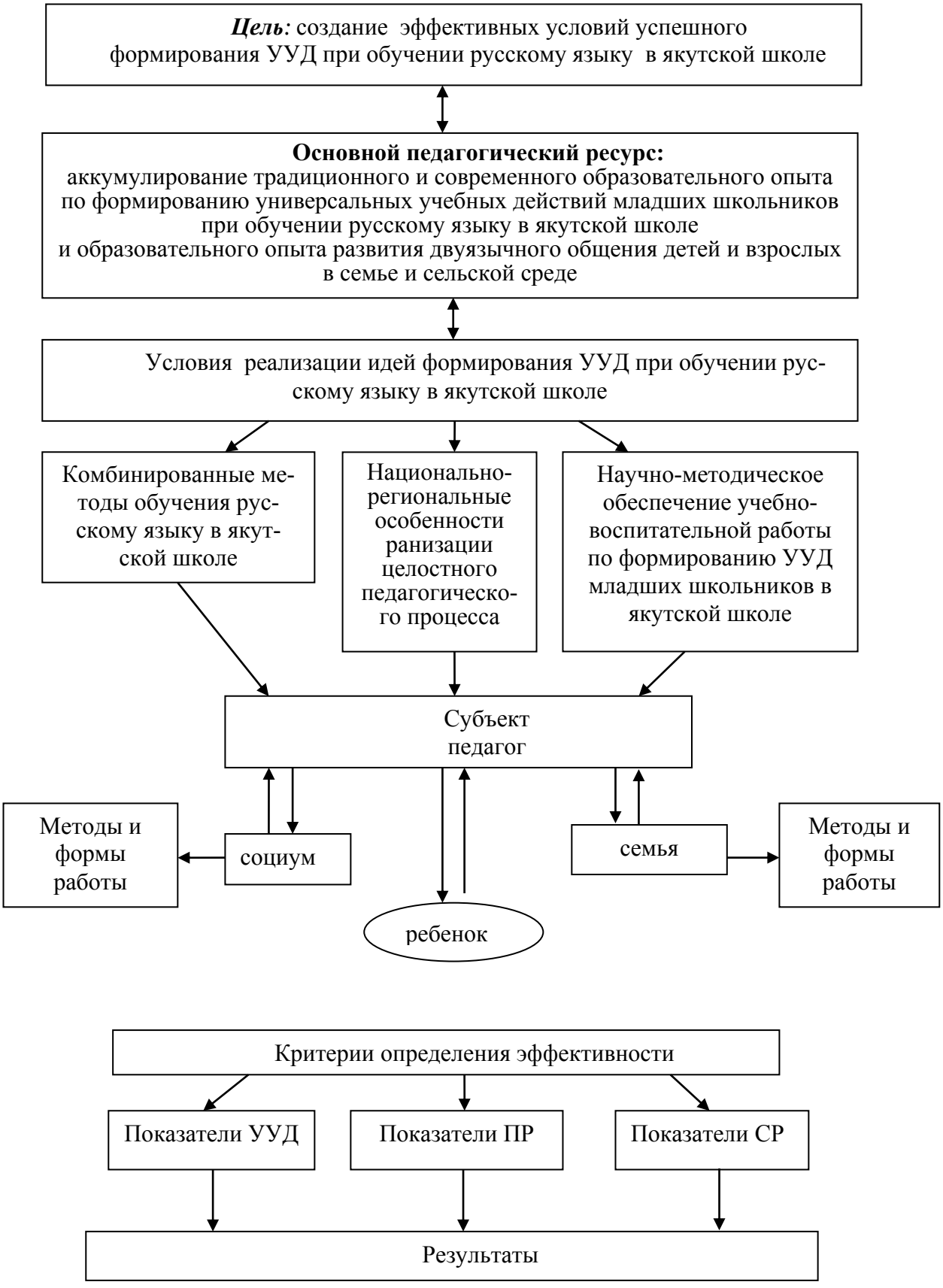

Цель: создание эффективных условий успешного формирования УУД при обучении русскому языку в якутской школе
Основной педагогический ресурс:
аккумулирование традиционного и современного образовательного опыта по формированию универсальных учебных действий младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе
и образовательного опыта развития двуязычного общения детей и взрослых в семье и сельской среде
Условия реализации идей формирования УУД при обучении русскому языку в якутской школе
Комбинированные методы обучения русскому языку в якутской школе
Национально-региональные особенности ранизации целостного педагогического процесса
Научно-методическое обеспечение учебно-воспитательной работы по формированию УУД младших школьников в якутской школе
Субъект
педагог
Методы и формы работы
социум
семья
Методы и формы работы
ребенок
Критерии определения эффективности
Показатели УУД
Показатели ПР
Показатели СР
Результаты

Рис. 1

Основным *ресурсом* формирования УУД младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе, на наш взгляд, выступает аккумулирование традиционного и современного образовательного опыта по формированию универсальных учебных действий младших школьников.

Условиями реализации идей формирования УУД при обучении русскому языку в якутской школе являются: комбинированные методы обучения русскому языку в якутской школе; учет национально-региональных особенностей организации целостного педагогического процесса; научно-методическое обеспечение учебно-воспитательной работы по формированию УУД младших школьников в якутской школе.

Таким образом, успешному развитию личностных, метапредметных и предметных результатов будет способствовать учет реальных возможностей детей к обучению второго языка, особенностей обучения русскому языку в якутской школе, использование системы комбинированных методов обучения русскому языку в национальной школе при активном сотрудничестве семьи и школы.

Комбинированный метод обучения русскому языку представляет собой совокупность переводного (с переводом на родной язык) и прямого (без перевода и опоры на родной язык) методов.

Комбинированный метод обучения русскому языку мы также представили, в соответствии с новыми требованиями образования, как совокупность методов обучения русскому языку, в ходе использования которых формируются УУД младших школьников. Так, например, комбинирование приемов развития активизации познавательных процессов при изучении нового материала используются как способы формирования регулятивных учебных действий младшего школьника.

Проявлению самостоятельности способствуют рационально построенные уроки, разумное упорядочение познавательных действий, которые активизируют учебную деятельность учащихся. Решающим моментом здесь должно стать формирование у младших школьников умений и навыков планирования, контроля и оценки, что является основой самостоятельной организации учебной деятельности. Но на уроках русского языка мы считаем определяющим развитие коммуникативных способностей, овладение русским языком. Именно хорошее владение языком дает возможность оперировать материалом изучаемого языка.

Учет национально-региональных особенностей организации целостного педагогического процесса. Большинство исследователей методов обучения русскому языку в якутских школах отмечают отличительные особенности носителей якутского языка: тонкую наблюдательность, исключительную способность ориентироваться в бескрайних просторах тайги и тундры в любую погоду.

У коренных народов Севера хорошо сформированы и развиты фотографическое восприятие местности, умение ориентироваться, читать следы людей, зверей, знание анатомии, характера и повадок животных. Е.П. Никифорова учителям советует учитывать эти черты учущихся-якутов. Наблюдательность, отличное знание природы, флоры и фауны помогают учащимся в деталях описывать предметы, процессы, явления окружающей среды, подмечать в них невидимые штрихи, краски и нюансы. Эти способности, по ее мнению, необходимо совершенствовать на протяжении всей учебной деятельности в школе [1, с. 146].

Афанасьев В.Ф. пишет: «Медлительность – особенность психологического склада жителей Севера. Она вызвана социальными условиями жизни Севера», когда человек всецело зависит от суровых природных условий, для достижения своих целей старается применять весь опыт с наименьшей затратой сил и энергии. Медлительность вызывает не только замедленность темпа, она связана с такими качествами, как вдумчивость, рассудительность, основательность» [2, с. 143].

Исследования якутских психологов и социологов А.П. Оконешниковой и У.А. Винокуровой позволяют констатировать наличие у учащихся-якутов ярко выраженной способности к пространственной ориентации А.П. Оконешникова пишет: «Структура пространственного мышления в изобразительной деятельности составляет следующую группу мыслительных операций: во-первых, определенную совокупность преобразований (и их композиций) образов пространственных фигур в любой последовательности; во-вторых, быстрое и свободное переключение с прямого копирования на образное отражение, то есть в процессе творчества человек осуществляет мыслительные повороты, параллельные переносы. Именно в пространственном мышлении проявляется у учащихся гибкость и динамичность мышления» [3, с. 47].

Исследователи проблем национальной (якутской) школы В.М. Анисимов, П.П. Борисов, Ф.В. Габышева, Е.П. Никифорова, Т.И. Никифорова, Т.И. Петрова, Р.Б. Сабаткоев, Л.Г. Саяхова и др. доказали, что там, где учитываются особенности русского языка в сравнении с родным языком, знания учащихся по русскому языку более прочны, так как такая методика направлена на преду-

преждение ошибок, допускаемых учащимися под влиянием грамматических норм родного языка [4, с. 263].

Здесь стоит отметить, что условия проживания учащихся, их быт и традиции, социум играют важную роль в процессе обучения и воспитания якутских детей. Значит, учебно-воспитательный процесс должен учитывать речь, традиции, культуру народа.

Таким образом, с целью формирования УУД на уроках русского языка необходимо представлять знания неродного языка в ракурсе пространственного мышления. Мы предполагаем, что использование привычного образа мышления ученика-якута облегчит усвоение материала и будет способствовать развитию коммуникативных и познавательных действий.

Например, его предрасположенность к таким познавательный качествам как наблюдательность, умение сравнивать, классифицировать; интерес к явлениям природы могут быть хорошим пластом для проблемного объяснения материала. Известные ему явления не будут ему преградой формирования таких коммуникативных умений как: участие в диалоге, в общей беседе, выполняя принятые правила речевого поведения, культуры речи.

Обучение русскому языку, наряду с привитием практических умений и навыков, должно развивать познавательные способности учащихся, их логическое мышление, умение анализировать и обобщать факты и явления языка (познавательные УУД). Занятия по русскому языку должны укреплять в учащихся такие черты характера, как воля, любознательность, трудолюбие, настойчивость (личностные УУД) и т.д. [4, с. 11].

Важнейшим условием реализации модели усвоения формирования УУД младших школьников выступает *научно-методическое обеспечение учебно-воспитательной работы по формированию УУД младших школьников в якутской школе.* Научно-методическое обеспечение включает в себя разработку и анализ образовательной программы внеурочной работы с детьми, взаимодействия с родителями. Для успешного взаимодействия с родителями и населением, необходима специально организованная учебно-воспитательная работа.

Таким образом, *субъектами* реализации идей модели формирования универсальных учебных действий младших школьников при обучении русскому языку в якутской выступают педагоги, семья и социум, при организации их квалифицированного взаимодействия.

Следующими компонентами модели формирования универсальных учебных действий младших школьников при обучении русскому языку являются *методы и формы работы* учителя с учащимися, семьей и социумом.

С целью формирования у детей УУД, выбраны следующие формы работы с семьей: *индивидуальная*, *внеурочная работа с учащимися*, *работа с родителями* (родительские всеобучи, педагогические мастерские, консультирование родителей (при необходимости), работу с *детьми-инвалидами*.

Развитие у младших школьников умения сотрудничать, участвовать в деятельности социума, способствует работа учителя с социумом. Так, например, ученикам можно дать возможность проявить свои творческие способности при сотрудничестве с библиотекой (викторины, подготовка к научно-практическим конференциям), домом культуры (участие детей на концертах, конкурсах, выставках), дошкольным учреждением (выступление театра кукол со сказками для дошкольников), врачебно-амбулаторная поликлиники (профилактические мероприятия, беседы) и т.д.

Критериями сформированности универсальных учебных действий младших школьников являются уровни сформированности (низкий, средний, высокий) составляющих их компонентов. Оценка указанных критериев производится нами по методикам определения показателей их сформированности.

Общая оценка критериев, характеризующих компоненты образования учеников, складывается из результатов сформированности 1) личностных универсальных учебных действий 2) регулятивных, познавательных и коммуникативных учебных действий, 3) результатов освоения общего базового компонента знаний, умений и навыков, формирующего из освоения учеником содержания предмета (табл. 1).

Подробная характеристика структурных компонентов модели, позволила смоделировать, создать условия успешного формирования УУД при обучении русскому языку в якутской школе.

Разработанная нами модель формирования УУД младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе может быть использована не только в якутских школах, но для других национальных школах, внося изменения свои коррективы в зависимости от специфики педагогического процесса.

Таким образом, целостный педагогический процесс формирования УУД младших школьников при обучении русскому языку в якутской школе, представленный как учебно-

воспитательная работа учителя во взаимодействии с семьей и социумом, учитывающий национально-региональные особенности учащихся обеспечит эффективность усвоения детьми русского языка.

В случае построения учебно-воспитательной работы в соответствии с обозначенными теоретико-методологическими позициями, она может способствовать формированию у младших школьников универсальных учебных действий. Это даст ему возможность легко, без препятствий овладеть, любыми предметными знаниями.

Результатом активного взаимодействия ученика с учебно-воспитательным процессом может и должна стать личность младшего школьника с активной позицией, реализирующий свои идеи в коллективе, а в последствии, социуме, владеющий коммуникативными способностями в любом культурном пространстве. Приобретенный социальный опыт ученика должен стать стартововым условием успешной социализации личности.

Таблица

Механизм проверки результата работы

	Результаты УУД			
	Личностные УУД	Регулятивные УУД	Познавательные УУД	Коммуникативные УУД
Показатели	- внутренняя позиция школьника - самооценка - Мотивация учебной деятельности	Умение контролировать себя	- Общеучебные УУД; - универсальные логические действия; - умение решать проблемы.	- Коммуникация как взаимодействие - коммуникация как кооперация; - коммуникация как условие интериоризации.
Критерии	Положительное отношение к школе, самооценка, сформированность познавательных мотивов	Самостоятельное обосновывание своих сил, осознание усвоенных способов решения учебных задач	- Умение структурировать знания, осознанно строить речевое высказывание в устной и письменной форме; - смысловое чтение; - сформированность логических действий.	- Рефлексия своих действий - способность строить понятные для партнера высказывания; - умение получать с помощью вопросов получать необходимые сведения от партнера по деятельности.
Способы оценивания	«Беседа о школе», Методика «Хороший ученик», шкала выраженности учебно-познавательного интереса (по Г.Ю. Ксензовой), «Магазин»	Проба на внимание (П.Я. Гальперин и С.Л. Кабыльницкая)	Проба на определение количества слов в предложении (С.П. Карпова), Проектная деятельность. Наблюдение.	«Дорога к дому» (модифицированный вариант методики «Архитектор-строитель») Проектная деятельность. Наблюдение

Социальные результаты (СР)	Предметные результата (ПР)
- Умение проявлять себя в обществе.	- Усвоение предметов “Русский язык” и “Литературное чтение”
- Активное участие в общественных делах класса, школы и наслега, участие конкурсах, и олимпиадах; - умение предлагать свои способы решения задачи; - умение выдвигать, организовывать свои проекты.	- Уровень обученности; - приоритетность предмета для ученика.
Портфолио, наблюдение.	- Проверочные работы, - методика «Расписание уроков»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Никифорова Е.П* Лингвопсихологические основы методики обучения письменной русской речи учащихся якутской школы. – М., 2000.
2. *Афанасьев В.Ф.* Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979.
3. *Оконешникова А.П.* Этнопсихологические особенности народов в воспитании детей. Пермь, 1996.
4. Методика русского языка в 4-8 классах якутской школы: Пособие для учителя. / Под общей ред. К.Ф. Федорова. Якутск, 1985.

УДК 378.01

Баранов Владимир Владимирович

кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Оренбургского государственного университета
editor@hist-edu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: САМОРАЗВИТИЕ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНКУРЕНТНЫЙ РЕСУРС

Исследованы педагогические аспекты формирования конкурентных качеств личности. Рассматривается влияние механизмов саморазвития и физической культуры как факторов, обеспечивающих конкурентный ресурс студента. Реализована комплексная программа «Спорт и профессия», в которой занятия физической культуры и соревновательной деятельностью активизируют процессы самопринятия и самопрогнозирования.

***Ключевые слова*: конкурентоспособность, конкурентный ресурс, физическая культура, педагогический феномен.**

Baranov Vladimir Vladimirovich

PhD in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Physical Culture of Orenburg State University
editor@hist-edu.ru

PEDAGOGICAL PHENOMENA OF COMPETITIVENESS: SELF-DEVELOPMENT, PHYSICAL CULTURE AND COMPETITIVE RESOURCE

The pedagogical aspects of competitive personality qualities formation have been analyzed. The influence of the mechanisms of self-development and physical culture as the factors providing student competitive resource has been considered. The complex program "Sport and Profession", in which physical culture lessons and competitive activity intensify the processes of self-acceptance and self-prediction, has been realized.

***Key words:* competitiveness, competitive resource, physical culture, pedagogical phenomenon.**

Проблема конкурентоспособности личности в условиях рыночной экономики становиться одной наиболее острых молодежных тематик. Целью данной статьи является рассмотрение процессов, позитивно влияющих на формирование конкурентных качеств студентов вуза, в этой связи применялись методы анкетирования и факторного анализа, были реализованы авторские программы формирования конкурентного ресурса.

В настоящее время представление о конкурентоспособности личности становится более емким. Оно наполняется новыми социальными и личностными смыслами, характеризует актуальный и перспективный результат образования, возможности трудоустройство выпускника, мобильность на рынке труда, длительную успешность профессиональной карьеры и выбор позитивной стратегии достижения успеха. Уже ставшие классическими исследования конкурентоспособного специалиста (работы В.И. Андреева, В.С. Безруковой, А.А. Дергача, В.М. Жураковского, Е.И. Исаева, Е.А. Климова, А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Н.В. Кузьминой, А.М. Новикова) расширены и дополнены исследованиями Ю.В. Андреевой, Л.А. Бодьян, А.В. Гришина, Т.А. Даниловой, С.В. Зверева, Л.В. Курзаевой, Д.А. Мустафиной, Т.А. Сливиной, Л.А. Шепталиной, Ж.А. Шуткиной, А.И. Щербакова.

В то же время выявляются все новые феномены конкурентоспособности. Разносторонние социологические исследования стратегий конкуренции молодежи на рынках труда представляют феномен конкурентного ресурса, который обеспечивает достижение устойчивого конкурентоспособного положения путем формирования адекватной стратегии конкурирования личности на рынке труда на основе сознательно сконструированной модели социально-экономических действий личности в трудовой сфере (М.Н. Овчинникова). В исследованиях таких ресурсов установлена их исчерпаемость, приводящая к профессиональному выгоранию [1]. Все более глубоко изучается процесс саморазвития как основа конкурентоспособности [2].

Здоровье специалиста и его готовность к корпоративному взаимодействию работника становится все более значимыми в предпочтениях работодателей. В этой связи феномен физической культуры получает новые аспекты рассмотрения. Современные социологические и философские исследования О.В. Летуновой, Ф.Р. Туткарова, А.В. Щербины, Tom Verhoeff показали, что конкурентные качества личности, ее конкурентный ресурс связаны с агональной деятельностью, возможностью активно проявить личностные качества в соревновательных и состязательных ситуациях. Наибольшие возможности соревновательной деятельности создают занятия физической культурой и спортом в учебной и внеучебной деятельности [3].

В университетском комплексе Оренбургского государственного университета (ОГУ) на системной долговременной основе проводятся исследования становления конкурентоспособного специалиста. С 2010 г. в ОГУ и его филиалах нами были выполнены педагогические исследования факторов саморазвития студентов как ключевого механизма формирования конкурентного ресурса

личности [4]. В них участвовали 1 347 студентов 1-3 курсов головного вуза и филиалов. Логика исследования предполагала предварительное изучение различных опросников и анкет по теме, выявление инвариантной части содержания этого инструментария, дополнение анкеты позициями, имеющими существенное влияние на процесс саморазвития, по результатам анкетирования был выполнен факторный анализ. Затем была реализована комплексная программа мероприятий, направленных на формирование конкурентного ресурса студента.

Результаты вышеприведенных независимых исследований, а также исследования, проведенные в ОГУ, показали феноменологическую сущность конкурентного ресурса студента. Установлено также, что условия университетского комплекса вносят существенные изменения в формы и содержание процессов, формирующих конкурентный ресурс студента: динамично меняются ценностные ориентиры студенчества, создается новая образовательная культура, активно развивается интегративная образовательная среда, аккумулирующая новый тип ресурсов – ресурс самообразования, развивается особая субкультура студенчества.

Результаты проведенных исследований стали основой авторской педагогической концепции формирования конкурентного ресурса студента в условиях университетского комплекса. Базовым понятием педагогической концепции конкурентного ресурса является термин «конкурентный ресурс студента», который интегрирует как развивающиеся интеллектуальные и физические возможности личности, формирующиеся личностные, социальные и профессиональные компетенции, компетенции самооценки и акмеологические установки мотивации достижений, так и возможности, представляемые образовательной средой университетского комплекса, его социальных партнеров. Конкурентный ресурс студента способен наращиваться в процессе саморазвития в ответ на новые потребности рынка труда, обеспечивая личности преимущества в интенсивности профессионального развития, в сроках адаптации к новым социально-экономическим условиям, в стабильности профессиональной востребованности на протяжении всей профессиональной карьеры, в продуктивной социализации.

Формирование конкурентного ресурса студента характеризуется активизацией механизмов самопринятия и самопрогнозирования, расширением круга компетенций и повышением уровня их сформированности в ответ на изменяющиеся объективные требования профессиональной деятельности и социально-экономические условия.

Авторская педагогическая концепция конкурентного ресурса оснащена исследовательским, стимулирующим и диагностическим инструментарием. Исследовательский инструментарий включает авторскую анкету «Мои ресурсы саморазвития» и процедуры факторного анализа. Стимулирующий инструментарий представлен бально-рейтинговой системой, внедренной в ОГУ. Диагностический инструментарий представлен шкалой конкурентного ресурса, которая соотносит наличие различных ресурсов и степень конкурентоспособности.

Реализация концепции включает программу «Спорт и профессия», которая имеет блочную структуру.

Информационно-теоретический блок – интегрирует спецкурсы взаимосвязанной тематики: «Имидж здоровой конкуренции», «Позитивные стратегии конкуренции в современном мире», «Феномен лидера в профессии», «Здоровье как конкурентное преимущество», «Социально-биологические основы физической культуры», «Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов», «Исторические основы физической культуры», «Основы семейного физического воспитания» и другие.

Коммуникационно-корпоративный блок разработан с учетом требований корпоративных Кодексов крупных работодателей региона и предпочтений кадровых агентств. Развитая спортивная база университета определила возможность создания корпоративных групп здоровья, в которых совместно занимаются студенты и преподаватели. Для ОГУ стали традиционными флэшмобы по фитнес-аэробике, в которых активно участвуют и студенты, и преподаватели, и представители работодателей. Важнейшим результатом таких действий мы считаем пополнение конкурентного ресурса студента перспективными и долговременными деловыми и партнерскими связями.

Блок саморазвития нацелен на мотивацию достижений и строился на принципах акмеологии и аксиологии. В теоретической части блока обсуждались вопросы валеологии, активизации интеллектуальной и физической деятельности, идеи вечной жизни, витагенные теории, методы традиционной и нетрадиционной медицины и другие темы, способствующие самостоятельной ориентации личности в информационном пространстве современного представления о стиле и поддержании здорового образа жизни. Научно-исследовательская часть блока была представлена теориями саморазвития человека (К.М. Вазина [5]) и аксиологическими концепциями (А.В. Кирьякова) [6]. Акцент был сделан на проблему ценностного выбора стратегии конкурентной борьбы: накопление

ресурса, адаптация, уничтожение соперника, превосходство над соперником, сотрудничество. Практическая часть блока включала освоения методик самостоятельного занятий физической культурой, диагностики объективных показателей самоконтроля, регулирования работоспособности, профилактики утомления, снижения профессиональных рисков, рисков травматизма в быту и профессии, стратегии преодоления профессиональных кризисов.

Контекстно-игровой блок составил комплекс спортивно-конктекстных игр. Игра включает этапы, ориентированные на создание ситуаций успеха на основе работы «команды победителей».

Блок социальных практик студентов включал освоение идей волонтерского, олимпиадного и параолимпийского движений как форм накопления универсального внепрофессионального конкурентного преимущества. Идеи волонтерского движения были реализованы в рамках XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 г. в Казани.

Досугово-личностный блок включал методические и практические рекомендации «Физическая культура в сфере досуга студентов», которые способствовали привлечению к занятиям физической культурой в свободное от учебы студенческой молодежи. Практическую часть этого блока составили разнообразные мероприятия как традиционной работы секций и лабораторий кафедры физического воспитания, так и многочисленные инновационные формы работы: массовые спортивные праздники с элементами шоу, которые обеспечивают совершенно новые возможности самореализации и самопрезентации как в составе команды, так и индивидуально. В многонациональном Оренбуржье интерес у студентов вызывают национальные и фольклорные виды состязаний и игр. Привлечение студентов к таким мероприятиям, с нашей точки зрения, способствует развитию толерантности, остро необходимой в современном поликультурном профессиональном пространстве.

Блок повышения квалификации преподавателей интегрировал спецкурсы для системы повышения квалификации преподавателей вуза, кураторов групп и магистров педагогики. Ведущая идея этих занятий состояла в актуализации ценностных ориентиров педагогов. Содержание дисциплин предполагало ознакомление преподавателей с базовыми принципами здоровьесберегающих технологий, разработки успешных личностно-профессиональных стратегий саморазвития, освоения методик командных работ и креативных групп.

По результатам реализованных блоков программы были проведены выборочные повторные анкетирования [4]. Установлен факт интенсификации развития конкурентных качеств у студентов, активно участвовавших в спортивно-контекстных играх и корпоративных группах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лебедев Ю.А., Большев А.С., Джаруллаев Р.З.* Влияние качества жизни на смысложизненные ориентации студентов // Известия Российской академии образования. 2011. № 4.
2. *Андреева Ю.В.* Саморазвитие как личностный рост в контексте психолого-педагогических стратегий // Образование и саморазвитие. 2012. № 6.
3. *Хазова С.А.* Конкурентные преимущества современного человека и теоретические основы их достижения в системе образования (на примере образования в области физической культуры и спорта) // Новые технологии. 2011. № 2.
4. *Баранов В.В., Белоновская И.Д., Чепасов В.И.* Факторный анализ как инструментарий педагогического знания о саморазвитии студента университетского комплекса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2.
5. *Вазина К.Я.* Саморазвитие человека как духовно природный феномен. М., 2006.
6. *Кирьякова А.В.* Аксиология образования. Фундаментальные исследования в педагогике. М., 2008.

УДК 378.1

Бурдуковская Елена Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Амурского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Шкиль Ольга Сергеевна

старший преподаватель кафедры дизайна Амурского государственного университета
editor@hist-edu.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ДИЗАЙНЕРОВ КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассмотрено становление и развитие исследований профессиональной подготовки дизайнеров (середина XIX – XX вв.) в условиях разнообразия подходов к обучению. Определены тенденции развития исследований дизайн-подготовки на современном этапе.

Ключевые слова: **становление и развитие исследований, разнообразие подходов к дизайн-образованию, современные тенденции, этапы исследований.**

Burdukovskaya Elena Anatolyevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Amur State University
editor@hist-edu.ru

Shkil Olga Sergeyevna

Senior Lecturer of the Department of Design of Amur State University
editor@hist-edu.ru

PROFESSIONAL TRAINING OF DESIGNERS AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL RESEARCH: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

The article considers the formation and development of research professional training of designers (mid XIX - XX centuries) in conditions of a variety of approaches to learning. The tendencies to research professional training development of designers at the present stage have been defined.

Key words: **emergence and development of research, variety of approaches to design education, current trends, research stages.**

Профессиональная подготовка дизайнеров – это относительно новая область педагогической теории и практики профессионального образования. Она сложилась под влиянием педагогических идей, которые были сформированы в XIX-XX вв. Г. Земпером, У. Моррисом, У. Крейном, В. Гропиусом, А.М. Родченко, Л.М. Лисицким, Н.А. Ладовским и другими теоретиками и практиками дизайна и образуют «классическую» теорию дизайн-образования, которая эволюционировала в течение времени, но в своих основных характеристиках осталась неизменной. Первые исследования профессиональной подготовки дизайнеров появляются в середине XIX – начале XX вв. в работах Г. Земпера, Дж. Рёскина, У. Морриса, У. Крейна, М.А. Врубеля. Предпосылками их возникновения стали востребованность специалистов промышленного искусства (дизайна) и кризисная художественная ситуация в области подготовки художников-прикладников (дизайнеров).

Архитектор, теоретик дизайна Г. Земпер в 1852 г. в своей работе «Наука, промышленность и искусство» сформулировал основной принцип профессиональной подготовки художников-прикладников – соединение в единое целое знаний, практических умений и общих гуманитарно-художественных целей [1, с. 10]. Английский писатель, теоретик искусства, философ Д. Рёскин изложил свои взгляды на подготовку дизайнеров в трудах «Современные художники» (1843-1860 гг.), «Камни Венеции» (1853 г.), «Лекции об искусстве» (1870 г.), подчеркивая в них взаимосвязь природы, архитектуры, изобразительного искусства и предметной среды [2, с. 95]. Идеи Д. Рёскина были подхвачены и развиты его учеником английским художником, общественным деятелем У. Моррисом, который в 1880-1890 гг. в своих статьях по декоративному искусству, опубликованных в журнале «Oxford and Cambridge Magazine», предложил практическое воплощение теории и творческих принципов дизайна, оказавших влияние на профессиональную подготовку дизайнеров. Английский живописец, дизайнер У. Крейн исследовал проблему содержания теоретического обучения художников-прикладников. Основываясь на исследованиях психологии зрительного восприятия, в работах «Задачи декоративного искусства» (1892 г.), «Основы рисунка» (1898 г.), «Линии и формы» (1900 г.) он говорил о необходимости введения пропедевтического курса «Композиция» и научно обосновал один из методов обучения дизайнеров: поиск форм на основе нахождения причинно-следственных связей формообразования.

В России на рубеже XIX-XX вв. вопрос о необходимости введения в профессиональную подготовку художников-прикладников пропедевтических курсов «Композиция», «Изучение стилей», «История русского искусства», «Всеобщая история искусств», «Творческое рисование» исследо-

вал М.А. Врубель. Он разработал методику обучения художников-прикладников: от копирования оригиналов – к рисованию с натуры; от рисования орнаментов – к изучению стилей в искусстве; от лепки орнаментов – к скульптурной композиции; от творческого рисования – к проектированию целостного объекта.

Анализ научной литературы показал, что основными проблемами исследований в середине XIX – начале XX вв. были принципы обучения и введение пропедевтических курсов в дизайн-подготовку.

В 1920-1930 гг. профессиональная подготовка дизайнеров исследовалась в научных работах В. Гропиуса, И. Иттена, А.М. Родченко, Л.М. Лисицкого, Н.А. Ладовского и других. На их взгляды оказали влияние модернистские установки общественного сознания того времени, что выразилось в функциональном направлении дизайнерского образования.

В. Гропиус, основатель дизайнерской школы Баухауз, в 1919 г. исследовал вопрос о цели дизайн-образования и определил ее как создание подлинного содружества учащих и учащихся, соединении воедино всех видов художественного творчества: архитектуры, скульптуры, живописи. Задачами учебного и научно-исследовательского объединения он считал: отказ от салонного искусства, возврат к ремеслу, прикладное обучение как основа образования; синтез всех художественно-производственных дисциплин [2, с. 234]. В 1919-1928 гг. В. Гропиус в сборниках проектов и теоретических статей «Книги Баухауза» научно обосновал программу обучения дизайнеров, структура которой имела концентрическое строение и состояла из пропедевтического, практического (основного) и строительного курсов. И. Иттен, один из ведущих преподавателей Баухауза, в книге «Мой форкурс в Баухаузе и других школах» (1923 г.) продолжил исследование вопроса о пропедевтическом курсе и определил его задачи: развитие творческих и художественных способностей обучающихся; выбор специализации на основе занятий с различными материалами и их текстурами (каждый из студентов должен был определить, какой из материалов соответствует его творческому «я» – дерево, металл, стекло, камень, глина или ткань); формирование знаний художественной композиции как основы профессионализма дизайнера.

В России исследованием профессиональной подготовки дизайнеров в 1920-1930 гг. занимались А.М. Родченко, Л.М. Лисицкий, Н.А. Ладовский и другие педагоги Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) – первой российской высшей школы дизайна. В научных дискуссиях Комиссии по разработке скульптурно-архитектурного синтеза («Живскульптарх») они рассматривали вопросы о цели дизайн-подготовки, которую определили как подготовку художников, инструкторов, руководителей высшей квалификации для промышленности и профессионально-технического образования. Ими обсуждались принципы обучения дизайну: экономичность, рациональность, многофункциональность и мобильность, в дальнейшем ставшие каноническими для дизайн-образования. Итогом этих дискуссий стала замена академической системы обучения новой, основанной на трех требованиях: обучение художественным дисциплинам; объединение всех видов искусства; связь обучения с производством [3]. Н.А. Ладовский научно обосновал макетный метод проектирования: создание эскизов на основе объемно-пространственной композиции, а затем перенос отработанной в объеме композиции на бумагу. А.М. Родченко внедрил в учебный процесс концепцию проектирования: развитие учебных заданий по двум направлениям – конструирование и обработка материала. Проектирование велось с нарастанием сложности: от простых объектов к сложным, многофункциональным конструкциям. Это способствовало формированию опыта творческой деятельности будущего дизайнера. А.М. Родченко включил в обучение дизайнеров цикл инженерно-технических дисциплин, что объяснялось во многом первоочередной задачей развития промышленности. Средством художественной выразительности он считал конструирование, с помощью которого выражалась идея объекта дизайн-проектирования.

Анализ научной литературы показал, что на этапе становления дизайнерских школ дискуссионными вопросами исследований профессиональной подготовки дизайнеров были: определение целей, задач, структуры и содержания обучения дизайнеров, профессионально-практическая подготовка, творческая деятельность, методы обучения.

1930-1940 гг. были кризисными для исследований профессиональной подготовки дизайнеров. Дальнейшее развитие исследований в этой области происходит в 1950-1990-х гг. В статьях и книгах по вопросам культуры и дизайна Т. Мальдонадо, теоретик Ульмской Высшей школы формообразования в Германии, обосновал условия профессиональной подготовки дизайнеров – всестороннее образование, развитие способности к теоретическому мышлению, овладение научными методами. Он подчеркивал, в основе школы дизайна должен лежать системный подход к процессу проектирования, основанный на комплексном изучении объекта дизайна, анализе внешней среды, в которую он должен быть вписан и функционировать. Т. Мальдонадо исследовал значение курсо-

вого и дипломного проектирования в профессиональной подготовке дизайнера, состоящие из практической и теоретической части и включающие в себя работу над проектом, анализ требований к проектируемому объекту и проектирование формы. Т. Мальдонадо поднимал вопрос о перегруженности программы обучения дизайнеров пропедевтическими дисциплинами. Он уделял большое внимание междисциплинарной дизайнерской деятельности, основанной на «горизонтальной специализации», под которой подразумевал необходимость владения знаниями социологических, экономических и гуманитарных дисциплин, способствующих формированию умения применять системный подход к процессу проектирования [4].

В 1960-1970-х гг. в исследованиях профессиональной подготовки дизайнеров за рубежом наблюдается развитие гуманитарного подхода, основоположниками которого стали В. Папанек и А. Пулос, теоретики дизайна в США. В. Папанек, рассматривая профессиональную подготовку дизайнеров, в книге «Дизайн для реального мира» писал: современных дизайнеров надо готовить как проектировщиков-универсалов, способных решать широкий круг социальных проблем. Профессиональное образование должно быть целостным и охватывать все области дизайна. А. Пулос в своих публикациях по проблемам теории и практики дизайна и дизайнерского образования, одной из которых является «Этика американского дизайна», исследовал вопрос о необходимости пересмотра учебных программ с учетом усложняющихся задач профессиональной практики, новыми требованиями производства и проблемами общества. Он разработал и внедрил программу художественно-конструкторского образования, рассчитанную на подготовку специалистов с широким кругозором и навыками исследовательской работы. Программа включала три этапа подготовки специалистов: первые два года – развитие основных профессиональных навыков работы и творческого мышления, изучение современной технологии, гуманитарных и психологических дисциплин, что способствовало формированию мотивационно-ценностного отношения к дизайнерской деятельности. Второй этап – углубление знаний в области эстетики, гуманитарных и точных наук, а также основ организации проектной деятельности. Третий этап – двухгодичная магистратура, обеспечивающая навыки самостоятельной исследовательской работы и умение решать проблемы практической деятельности дизайнеров [5].

В России в 1950-1970-х гг. в работах Н.Н. Волкова «Восприятие предмета и рисунка» (1950 г.), Е.И. Игнатьева «Психология рисунка и живописи» (1954 г.), Ф.Н. Зинченко, Н.Ю. Вергилиса «Формирование зрительного образа» (1969 г.), Ю.К. Сомова «Композиция в технике» (1977 г.), Л.М. Холмянского «Макетирование и графика в художественном конструировании» (1978 г.), Б.В. Нешумова, Е.Д. Щедрина «Художественное проектирование» (1979 г.) прослеживается развитие концептуального подхода к обучению дизайнеров – подготовка обучающихся к проектированию объектов дизайна на основе поиска художественно-образных, а не технических решений. При таком подходе подразумевалась возможность реализации любого дизайн-проекта без каких-либо ограничений.

В 1980-1990-х гг. в российских исследованиях профессиональной подготовки дизайнеров получает распространение концепция системно-деятельностного подхода, основанного на овладении учащимися универсальных учебных действий, самостоятельного усвоения новых знаний, умений и навыков, способствующие ориентации обучающихся в различных предметных областях познания и мотивации к обучению. На этом этапе можно отметить работы И.А. Спичак «Некоторые вопросы взаимосвязи с проектной графики и художественно-графической подготовки художников-конструкторов» (1981 г.), С.А. Гарибяна и А.А. Мещанинова «Требования производства к подготовке дизайнеров» (1982 г.), В.Г. Иоффе «Метод полярных проб в художественном конструировании» (1984 г.), В.Ф. Сидоренко «Модель опережающего образования» (1986 г.), О.И. Генисаретского «Методологические и гуманитарно-художественные проблемы дизайна» (1990 г.), Е.Н. Ковешниковой «Теория и методика художественного профессионального образования (2000 г.).

Анализ научных работ показал, что развитие исследований профессиональной подготовки дизайнеров в 1950-1990-х гг. происходило в условиях разнообразия подходов (концептуального, гуманитарного, системно-деятельностного) к дизайн-образованию, что оказало влияние на разработку учебных программ, состав и соотношение художественных, технических, социально-гуманитарных дисциплин в структуре профессиональной подготовки дизайнеров, поиск методов обучения.

Современный этап развития исследований (2000 г. – по настоящее время) характеризуется изучением проблем профессиональной подготовки дизайнеров в условиях компетентностного подхода. Основными тенденциями научных работ являются: изучение структуры, содержания профессиональной подготовки дизайнеров (Н.П. Харьковский, Ю.В. Веселова, Н.А. Вострикова,

О.П. Андреева и др.); изучение средств развития художественно-конструкторских и творческих способностей личности (И.В. Афанасьева, Т.В. Матвеева, Л.Е. Шмакова, Ю.А. Аверкин, С.А. Муртазина и др.); изучение формирования профессиональных компетенции специалистов дизайна (А.И. Асессоров, М.Д. Полтавская, И.В. Афанасьева, Ю.М. Бундина, Л.М. Тухбатуллина, А.И. Кулешова и др.); внедрение и интеграция информационных и коммуникационных технологий в профессиональную подготовку дизайнеров (О.Ю. Прудовская, О.В. Арефьева, Е.А. Маликова, В.В. Гребенников и др.).

Проведенное исследование позволило определить этапы становления и развития исследований профессиональной подготовки дизайнеров, оказавших влияние на формирование содержания современного профессионального дизайн-образования в вузе: середина XIX в. – начало XX века – предыстория возникновения исследований профессиональной подготовки дизайнеров; 1920-1930 гг. – становление исследований профессиональной подготовки дизайнеров в условиях функционального подхода к обучению; 1950-1990 гг. – развитие исследований дизайн-подготовки в условиях концептуального, гуманитарного, системно-деятельностного подходов к обучению; 2000 г. – по настоящее время – современный этап развития исследований профессиональной подготовки дизайнеров в условиях компетентностного подхода.

Исследование показало, профессиональная подготовка дизайнеров имеет свою историю и достаточно определенный аспект изучаемых явлений, знание которых необходимо для осмысления ее теоретических основ. Несомненно, развитие исследований профессиональной подготовки дизайнеров обогащает ее теорию, содержание и практику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Каримова И.С.* Формирование проектно-образного мышления студентов специальности «Дизайн» средствами графики: монография. Благовещенск, 2006.
2. *Михайлов С.М.* История дизайна: Становление дизайна как самостоятельного вида проектно-художественной деятельности: учебник. М., 2004. Т. 1.
3. *Хан-Магомедов* С.О. Архитектура советского авангарда: монография. М., 1996.
4. *Ковешникова Н.А.* Дизайн: история и теория: учеб. пособие. М., 2007.
5. *Ковешникова Н.А.* Из опыта профессиональной подготовки дизайнеров в США // Высшее образование сегодня. 2010. № 6.

УДК 378.00

Верхорубова Оксана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Брянского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Verkhorubova Oksana Viktorovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Physical Education of Bryansk State University
editor@hist-edu.ru

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

ON THE ESSENSE OF THE CONCEPT OF “INNOVATIVE TEHNOLOGY” IN PHYSICAL EDUCATION

В данной статье автором на основе теоретического материала уточняется понятие «инновация». Раскрывается сущность педагогических инноваций в процессе физического воспитания. В практическом плане предлагается содержание педагогических инноваций на занятиях по физической культуре со студентами.

In the present paper the author clarifies the concept of innovation on the basis of the theoretical material. The essence of pedagogical innovations in the process of physical education has been analyzed. The content of pedagogical innovations during physical education classes with students has been presented in practical terms.

Ключевые слова: **инновация, физическое воспитание, педагогические технологии, физическая культура.**

Key words: **innovation, physical education, educational technologies, physical culture.**

В настоящее время важным и необходимым фактором модернизации отечественного современного образования выступают инновации.

Инновация (англ. innovation – нововведение) – это изменение внутри системы, создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих значимые прогрессивные изменения в социальной практике. Научные инновации, продвигающие вперед прогресс, охватывают все области человеческих знаний. Различают социально-экономические, организационно-управленческие, технико-технологические и другие инновации. Одной из разновидностей социальных инноваций являются педагогические инновации.

Педагогическая инновация – это нововведение в области педагогики, целенаправленное прогрессивное изменение, вносящее в образовательную среду стабильные элементы (новшества), улучшающие характеристики как отдельных ее компонентов, так и самой образовательной системы в целом.

Педагогические инновации могут осуществляться как за счет собственных ресурсов образовательной системы (интенсивный путь развития), так и за счет привлечения дополнительных мощностей (инвестиций) – новых средств, оборудования, технологий, капитальных вложений и т.п. (экстенсивный путь развития).

Педагогическая инновация – это, прежде всего, учет положительного опыта прошлых лет, на основе которого осуществляется деятельность, выходящая за пределы установленных норм, с целью улучшения ее результатов.

По нашему мнению, такой взгляд на педагогическую инновацию довольно рационален, так как многое новое оказывается хорошо забытым старым. С этой позиции, Э.М. Роджерс определяет инновацию, как идею, являющуюся для конкретного лица новой. При этом, как пишет он, «не имеет значения, является ли идея объективно новой или нет» [1, с. 2].

Э. Брансук считает, что необходимо различать три вида педагогических инноваций:

- образовательные идеи и действия полностью новые и ранее неизвестные. Однако, как он считает, таких полностью новых и оригинальных идей очень мало;

- расширенные или переоформленные идеи или действия, которые приобретают особую актуальность в определенной среде, в определенный период времени. Это самая большая группа новшеств;

- педагогические новшества, возникшие в ситуации, в которой в связи с повторной постановкой целей в измененных условиях оживают некоторые ранее существовавшие действия, поскольку новые условия гарантируют и успех определенных положительных идей [1, с. 3].

По мнению А.И. Кочетова, «инновация» – это «целостная теоретическая, технологическая и методическая концепция обновления педагогической деятельности, обеспечивающая ее вывод на высокий уровень». В. Кваша и В. Латкин утверждают, что «инновация» – это создание принципиально новых образцов деятельности, выходящих за пределы нормы, нерегламентированных, выводящих профессиональную деятельность на принципиально новый качественный уровень» [5, с.

208].

На сегодняшний день понятие «инновация» тесно связано с понятием «технология». Появление педагогических технологий исследователи относят к 1960-м гг. в связи с реформированием сначала американской, а затем и европейской школы. К наиболее известным авторам педагогических технологий за рубежом относятся: Д. Хамблин, Г. Гейс, В. Коскарели и др.

Отечественная теория и практика осуществления технологических подходов к образованию отражена в научных трудах А.Г. Ривина, Ю.К. Бабанского, В.П. Беспалько, М.В. Кларина, В.Д. Симоненко и др.

Первоначально педагоги не делали различий между методикой и педагогической технологией. Термин «педагогическая технология» использовался только применительно к обучению, а сама технология понималась как обучение с помощью технических средств.

В настоящее время педагогическую технологию понимают как последовательную, взаимосвязанную систему действий педагога, направленных на решение педагогических задач, или планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса. Такое представление о педагогической технологии предполагает:

- возможность разработки различных выверенных педагогических технологий специалистами, имеющими высокий уровень теоретической подготовки в богатый практический опыт;
- возможность свободного выбора педагогических технологий в соответствии с целями, возможностями и условиями взаимосвязанной деятельности преподавателя и студента.

Вопрос о педагогических технологиях остается до сих пор дискуссионным. Б.Т. Лихачев, Г.К. Селевко трактуют это понятие широко, отождествляя его с системой и соотнося с образованием в целом.

Например, Г.К. Селевко представляет педагогическую технологию в трех аспектах:

- *научный аспект:* педагогическая технология является частью педагогической науки, изучающей и разрабатывающей цели, содержание и методы обучения, проектирующей педагогические процессы;
- *процессуально-описательный аспект*: как алгоритм процесса, совокупность целей, содержания, методов и средств для достижения планируемых результатов обучения;
- *процессуально-действенный аспект* – как технологический процесс функционирования всех личностных, инструментальных и методологических педагогических средств [6, с. 43].

Группа ученых (Левина М.М., Якунин В.А, Талызина Н.Ф.) характеризуют данное явление, акцентируя свое внимание на вопросах управления образовательным процессом.

Таким образом, педагогические технологии в современном образовании являются очень важными, так как способствуют повышению качества любого предмета, в том числе и физической культуры в вузе.

Так, передовыми аспектами стали научные труды Л.И. Лубышевой, которая решала проблему повышения качества уровня физкультурной образованности путем создания физкультурно-спортивных клубов по интересам.

Авангардными идеями отмечены труды В.К. Бальсевича, Б.А. Ашмарина по теории и методике педагогических исследований в области физического воспитания, а также идеи гуманитарно ориентированного образования в сфере физической культуры академика М.Я. Виленского.

Главными факторами модели физкультурного образования студентов, по М.Я. Виленского, должны явиться общественная и личная потребность в становлении физической культуры личности, подготовленной к потреблению, преобразованию и трансляции общекультурных физических ценностей в социум.

Можно согласиться с мнением академика М.Я. Виленского, что «в образовательных ценностях физической культуры зафиксированы критерии, определяющие основу формирования и развития личности студента; они указывают на человеческое, социальное и культурное значение отдельных явлений физической культуры, являются ориентирами его деятельности…» [2, с. 72].

Гуманитарный взгляд на образование по физической культуре по мнению М.Я Виленского в «разностороннем интеллектуальном, нравственном, психическом, физическом, эстетическом и других сторон развития личности студента на основе интериоризации ценностей культуры, которое обеспечит введение студента в социокультурное пространство мировой и отечественной физической культуры … и подразумевает становление и развитие компетентности студента в сфере культуры» [3, с. 48].

Учитывая взгляды ведущих специалистов в области физического воспитания, на кафедре физического воспитания в Брянском государственном университете с целью повышения культуры

здоровья у студентов, мы считаем, что инновационными будут следующие мероприятия:

1. Спортивные праздники и оздоровительные мероприятия с применением нестандартного оборудования.

2. Для пропаганды здорового образа жизни и сохранения здоровья профессорско-преподавательского состава вуза целесообразным проведение «Спартакиады здоровья» для педагогов и сотрудников всех факультетов и специальностей.

3. Введение балльно-рейтинговой системы оценки качества знаний по физической культуре.

Для того чтобы процесс физического воспитания в вузе был на более высоком качественном уровне, и его главной целью являлось всестороннее и гармоничное развитие личности студентов, мы считаем, что необходимо включать передовые педагогические технологии в учебно-воспитательный процесс в высшем учебном заведении. В связи с этим преподавателям физической культуры рекомендуем:

- дополнить теоретическую часть учебной программы по физической культуре теоретическими знаниями о новых видах физкультурно-оздоровительной деятельности для повышения интереса к физической культуре и спорту;
- увеличить количество лекций с темами о новых оздоровительных методиках, влиянии физической культуры и спорта и т.д. для изменения мировоззрения студентов на физическую культуру;
- систематически использовать прогрессивные личностно-развивающие и здоровьесберегающие методики и технологии, усиливающие гуманитарную направленность содержания физической культуры с целью оздоровления, воспитания и повышения качества двигательной культуры у студентов;
- разработать программу по применению нетрадиционных средств физического воспитания в вузе;
- воспитывать потребность и умения самостоятельно заниматься физическими упражнениями (составление студентами индивидуальных программ, совместное обсуждение на занятиях проблем коррекции фигуры и оздоровления с помощью нетрадиционных методик, беседы с выдающимися спортсменами области, составление программ самовоспитания, саморазвития и физического самосовершенствования);
- усилить образовательную и информационную части в содержании лекционных и методико-практических занятий физической культуры с введением новых нетрадиционных видов физической культуры (пилатес, калланетика, фанк-аэробика, йога и др.);
- педагогу физической культуры постоянно совершенствовать свои знания, умения и двигательные навыки, а также быть компетентным в области применения новых видов физического воспитания;
- включать информационные технологии на лекциях и методико-практических занятиях по физическому воспитанию (лекции-презентации, просмотр видеоинформации и др.);
- применять личностно ориентированный подход;
- развивать у студентов умения интеллектуальной деятельности и рефлексии как специфической способности самоанализа и самообразования;
- использовать метод творческих проектов;
- тестовый контроль сочетать с другими методами контроля знаний у студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Брансук Э.* Новые технологии в обучении. Минск, 2000.
2. *Виленский М.Я., Конева Е.В.* Концепция гуманитарно ориентированной физической культуры в высшей школе // Исторические, педагогические и медико-биологические аспекты физической культуры и спорта: сб. статей I Всерос. науч.-практ. конф. Заб. ГГПУ. Чита, 2007.
3. *Виленский М.Я.* Формирование физической культуры личности учителя в процессе его профессиональной подготовки: дис. … д-ра педагог. наук в форме научного доклада. М., 1990.
4. *Сластенин В.А.* Педагогика. М., 2000.
5. *Старченков М.М.* Роль инновационных технологий в педагогическом процессе физического воспитания молодежи // Исторические, педагогические и медико-биологические аспекты физической культуры и спорта: сб. статей I Всерос. науч.-практ. конф. Заб. ГГПУ. Чита, 2007.
6. *Селевко Г.К.* Что такое технология саморазвития школьников? // Народное образование. 2000. № 9.

УДК 378

Гайдуков Александр Николаевич

преподаватель Амурского института железнодорожного транспорта филиала Дальневосточного университета путей сообщения в г. Свободном
editor@hist-edu.ru

Gaidukov Alexandr Nikolaevich

Lecturer of the Amur Institute of Railway Transport of Far Eastern State University of Railway Transport (affiliated branch in Svobodniy)
editor@hist-edu.ru

ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИКУМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье проанализировано современное состояние внедрения компетентностного подхода в образовательную практику среднего профессионального образования, на примере физкультурного образования будущих машинистов, обеспечивающего конкурентоспособность, мобильность и безопасность профессиональной деятельности.

Ключевые слова: **интеграция профессиональных компетенций машинистов, инновационная технология, непрерывное физкультурное образование, прикладная физическая культура.**

PHYSICAL EDUCATION OF THE STUDENTS OF RAILWAY TECHNICAL SCHOOL AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES

The article analyzes the current status of implementation of the competence building approach to the educational practice of secondary vocational education by the example of physical education of future locomotive drivers providing competitiveness, mobility and safety of their professional activity.

Key words: **integration of professional competences of locomotive drivers, innovative technology, continuous physical education, applied physical culture.**

Современные требования образовательного стандарта значительно усиливают взаимосвязь и взаимозависимость образовательного процесса в учреждениях среднего профессионального образования (далее СПО) с профессиональной деятельностью выпускников. В сфере железнодорожного транспорта ведущее значение уделяется повышению надежности и безопасности движения, безопасности жизнедеятельности специалистов, участвующих в высокоинтенсивном и травмоопасном производстве. По мнению специалистов, именно «человеческий фактор» является причиной значительной части аварийных чрезвычайных ситуаций на железнодорожном транспорте, повлекших гибель людей и серьезные экономические потери. Причем в качестве такого негативного фактора выступают не только непосредственные виновники, неправильно или некачественно выполнившие свои обязанности, но и те исполнители, которые неадекватно отреагировали на создавшуюся аварийную ситуацию. Мы не проводили ранжирование компетенций по их важности, так как считаем, что с точки зрения обеспечения безопасности, неприемлемо как быстрое принятие «неграмотного решения», так и запоздалое принятие «грамотного решения». В обоих полярных случаях результат негативный, снижающий уровень безопасности и эффективности профессиональной деятельности. Низкий уровень компетенций в области прикладной физической культуры, физкультурного образования и воспитания значительно повышает риск сложных аварийных ситуаций.

В этой связи, в процессе физкультурного образования и воспитания студентов следует не только учитывать специфику управления железнодорожным транспортом с позиции психической и физической готовности, определить критерии предрасположенности и подготовки к данной профессии, но обосновать мотивационно-ценностные приоритеты, условия и критерии совершенствования психофизической подготовки будущих машинистов железнодорожного транспорта.

Проведенный нами анализ показал, что вопросы формирования профессиональных компетенций в процессе интеграции обучения и воспитания в железнодорожных техникумах во многом идентичны с проблемами совершенствования образовательной деятельности в СПО в целом. Комплексных исследований, включающих разработку нового содержания, методов, форм обучения и оценивания образовательных достижений, адекватных целям и требованиям рынка крайне недостаточно. Особое место занимает формирование компетентности в области безопасности движения и безопасности жизнедеятельности специалистов среднего звена в условиях интенсивной профессиональной деятельности.

Значительным резервом в формировании профессиональной компетентности выпускников железнодорожных техникумов является дисциплина «физическая культура». Остаются нерешенными противоречия между:

– требованиями работодателей к личностным качествам и физической готовности выпускников учреждений СПО и их фактической профессионально-прикладной подготовкой;

– объективными возможностями дисциплины «физическая культура» в интеграции профессиональных компетенций студентов учреждений СПО технического профиля и недостаточной разработанностью этой проблемы на теоретическом, содержательном и методическом уровнях;

– необходимостью применения инновационных технологий повышения готовности к профессиональной деятельности и недостаточным организационно-методическим обеспечением прикладного физкультурного образования студентов СПО.

Цель публикации – на примере процесса физкультурного образования студентов СПО железнодорожного профиля разработать и научно обосновать модель интеграции профессиональных компетенций.

Предмет исследования – педагогические условия интеграции профессиональных компетенций в процессе физкультурного образования студентов СПО железнодорожного профиля.

Предполагалось, что интеграция профессиональных компетенций студентов СПО железнодорожного профиля будет более эффективной если:

- обоснована необходимость и значимость физкультурного образования в профессиональной компетентности специалистов (машинистов);

- профессиональные компетенции будут расширены и уточнены с позиции психофизической готовности будущих машинистов к эффективной и безопасной профессиональной деятельности;

- разработан методический комплекс, включающий рабочую программу, учебный план, проектные и практические задания, обеспечивающие интеграцию профессиональных компетенций в процессе физкультурного образования и воспитания студентов железнодорожных техникумов.

Экспериментальной базой исследования являлся процесс физкультурного образования и воспитания техникумов железнодорожного транспорта Амурской области и Хабаровского края, образовательный процесс кафедры физического воспитания Дальневосточного университета путей сообщения.

Научная работа осуществлялась при непосредственном контакте с методическим объединением преподавателей физического воспитания техникумов железнодорожного транспорта Амурской области и Хабаровского края, кафедрой физического воспитания Дальневосточного государственного университета путей, научными лабораториями Дальневосточной и Забайкальской железной дороги.

Процесс интеграции профессиональных компетенций будущих машинистов локомотива включал специальные знания в области сенсомоторных реакций человека, процессы и способы их совершенствования, специфику проявлений сенсомоторных реакций в непредсказуемых аварийных ситуациях, средства и методы развития профессионально-важных сенсомоторных реакций в процессе физкультурного воспитания и образования.

Разработанные нами организационно-педагогические условия интеграции профессиональных компетенций будущих машинистов локомотива включали:

- создание инновационной образовательной и воспитательной среды на основе прикладной физической культуры: специализированные занятия, направленные на улучшение показателей сложных сенсомоторных реакций выбора, реакций на движущийся объект, координационных способностей, объема и концентрации внимания, памяти, стрессоустойчивости и других профессионально-важных качеств машиниста;

- применение современных технологий активного обучении: создание проблемных (аварийных) ситуаций, компьютерное тестирование, метод проектов, диагностические методики, методики срочной информации по уровням компетенций, применение прикладных видов спорта и проведение спортивных мероприятий со студентами экспериментальной группы;

- применение разработанного автором методического комплекса, включающего способы организации и формирования компетенций профессиональной безопасности и саморазвития в направленной физкультурной деятельности, способы поэтапного практического усвоения сенсомоторных упражнений и комплексов;

- актуализация через виды прикладной физической культуры взаимосвязи профессионально направленных двигательных интересов студентов с содержанием профессиональной подготовки;

Повышение мотивации студентов к освоению профессионально-важных качеств и умений, применение активных методов обучения, технологий взаимодействия и самообразования, в совокупности, позволило добиться позитивных результатов в формировании другой группы компетенций: умение работать в команде, принимать ответственные решения, проявлять личную инициативу, стремиться к самопознанию и саморазвитию.

В структуре формирования компетенций принятия ответственных решений, умения действовать в нестандартных, стрессовых и аварийных ситуациях в процессе экспериментального исследования были решены следующие задачи:

– формирование ценностного отношения студентов к предмету познания и освоения (психофизическая готовность машиниста); осознание необходимости и важности применения приобретенных знаний и умений для дальнейшего профессионального и личностного роста;

– приобретение физкультурного опыта безопасной жизнедеятельности; привитие умений принимать ответственные решения в экстремальных условиях;

– развитие сенсомоторных качеств и двигательных умений, необходимых для профессиональной деятельности машинистов локомотива;

– саморегуляция поведения в производственной и социальной среде;

– воспитание ответственности, самостоятельности, инициативности посредства включения в целенаправленную физкультурную деятельность.

Результаты проведенного педагогического исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. На основе выявленных противоречий между требованиями работодателей к качеству подготовки современного специалиста среднего звена и имеющимся потенциалом дисциплины «физическая культура» в формировании профессиональной компетентности обоснована необходимость интеграции профессиональных компетенций в процессе физкультурного образования студентов железнодорожных техникумов.

2. В ходе теоретического исследования выявлен интегративный характер профессиональной компетентности, в структуре которой значительное место занимают компетенции «профессиональной безопасности и саморазвития». Их сущностные позиции заключены в своевременном принятии ответственных решений, умении действовать в нестандартных, стрессовых и аварийных ситуациях, умениях саморегуляции и самоконтроля.

3. Разработана модель интеграции профессиональных компетенций, включающая целевые установки, мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный компоненты, реализуемые в определенных организационно-педагогических условиях физкультурного воспитания и образования студентов.

4. Обосновано позитивное влияние направленных средств физкультурного образования и воспитания на формирование компетенций обеспечения «безопасности и саморазвития» будущих машинистов локомотива: принятии ответственных решений, умении действовать в нестандартных, стрессовых и аварийных ситуациях.

5. Интеграция профессиональных компетенций будущих машинистов локомотива осуществлена в организационно-педагогических условиях:

- уточнение профессиональных требований к уровню развития сенсомоторных качеств и психологической готовности выпускников;

- использование диагностического оборудования для выявления уровней сформированности компетенций и их коррекции в процессе физкультурного воспитания и образования;

- разработка и поэтапное внедрение в учебно-воспитательный процесс средств прикладной физической культуры, направленных сенсомоторных комплексов, в совокупности обеспечивающих повышенную мотивацию и интеграцию профессиональных компетенций студентов;

- реализация индивидуальных образовательных программ обеспечения профессиональной безопасности и саморазвития средствами прикладной физической культуры.

6. Методическое сопровождение (обучающие и тренирующие технологии, диагностическое оборудование, методические рекомендации, индивидуальные тестирование) способствовало формированию профессиональной компетентности будущих машинистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Физическая культура: учеб. пособие / под ред. В.А. Коваленко. М., 2000.
2. Национальная система и образовательные стандарты высшего образования Российской федерации: аналитический доклад / под ред. д.п.н. В.И. Байденко – изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2009.
3. *Байденко В.И., Джерри ван Зантворт.* Модернизация профессионального образования: современный этап. М., 2003.
4. *Зеер Э.Ф.* Психолого-дидактические конструкты качества профессионального образования // Образование и наука. 2002. № 2.
5. *Новиков А.М.* Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. М., 2000.

УДК 378.02

Дашкова Алена Карловна

старший преподаватель кафедры радиоэлектронных систем Института инженерной физики и радиоэлектроники Сибирского федерального университета
editor@hist-edu.ru

Чурляева Наталья Петровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры систем автоматического управления Сибирского государственного аэрокосмического университета
editor@hist-edu.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Педагогическое исследование, включающее оценки преподавателей-экспертов, выявило направления адаптации будущих инженеров в вузе и позволило разработать аксиологическую модель профессиональной адаптации студентов инженерных специальностей на основе синтеза трех основных направлений: технического, гуманитарного и здоровьесберегающего. Адаптация студентов к будущей профессии в процессе обучения в вузе критически зависит от величины ценностного потенциала образования в вузе.

Ключевые слова: **адаптация студентов, аксиологический подход, инженерное образование, ценностный потенциал образования.**

Dashkova Alyona Karlovna

Senior Lecturer of the Department of Radio-Electronic Systems of the Institute of Engineering Physics and Radio Electronics of Siberian Federal University
editor@hist-edu.ru

Churlyaeva Natalya Petrovna

Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Automated Control Systems of Siberian State Aerospace University
editor@hist-edu.ru

AN AXIOLOGICAL MODEL OF THE VOCATIONAL ADAPTATION OF ENGINEERING STUDENTS

The given pedagogical study which includes the expertise by qualified expert-teachers has presented the directions of the adaptation of future engineers in a higher education institution and enabled us to construct an axiological model of vocational adaptation for engineering majors based on the three main directions: technical, humanitarian and health-friendly. The students' adaptation to their future profession depends critically on the extent of the axiological potential of education in a given higher education institution.

Key words: **students' adjustment, axiological approach, engineering education, axiological potential of education.**

Вопросам адаптации студентов в процессе обучения уделяется достаточно много внимания в педагогической науке. При этом рассмотрение проблемы адаптации будущих специалистов-профессионалов в образовательном процессе осложняется наличием разных видов адаптации (физиологической, психологической, социальной, и т.п.) и разных трактовок понятия адаптация.

Физиологическая адаптация связана с перестройкой систем организма: эндокринной, нервной, и др. (напр., [1, с. 84] и др.). Психологическая адаптация есть приспособление человека к условиям жизни на уровне психических процессов (напр., [2, с. 32] и др.). Социальная адаптация – процесс активного приспособления личности к условиям социальной среды и результат этого процесса (напр., [3, с. 109] и др.). Для студентов – будущих специалистов выделяется профессиональная адаптация, которая рассматривается, как профессиональное качество личности, имеющее сложную структуру и профессионально направленное (напр., [4, с. 64] и др.).

Процесс профессиональной адаптации студентов неразрывно связан с изменением ценностных установок студента, при этом в процессе обучения и профессионализации происходит эволюция от начальных установок, складывающихся под влиянием семьи, школы и общества, к установкам, зависящим от профессионализма и деятельности выпускника. В связи с этим представляется актуальным исследование образовательного процесса с точки зрения аксиологического подхода. В рамках этого подхода к образованию многими педагогами (напр., [5, с. 173] и др.) ранее рассматривались проблемы ценностных основ системы образования, соотношения профессионального и ценностно-смыслового измерения в пространстве личностного развития специалиста (напр., [6, с. 54] и др.).

При этом некоторым ценностям, например, профессиональному здоровью будущего специалиста, и специфике ее формирования при обучении на инженерных специальностях не уделяется должного внимания. А между тем эта важнейшая система ценностных ориентаций, направленная на сохранение здоровья, тесно связана с процессом адаптации и будущей профессиональной деятельностью. Этот аксиологический аспект, помимо прочего, также отражает степень адаптиро-

ванности студента, причем сама адаптация служит предпосылкой его успешного обучения в вузе, личностного развития студента и сохранения его здоровья.

Одним из авторов были проведены исследования, направленные на выявление основных направлений адаптации будущих инженеров [7, с. 122]. На первом этапе исследования были рассмотрены критерии адаптированности студентов инженерно-технических специальностей. Экспертная этих оценка критериев была получена в результате анкетирования 27 преподавателей Института инженерной физики и радиоэлектроники Сибирского федерального университета. Были проранжированы критерии по признаку значимости и важности для профессиональной подготовки и будущей профессиональной деятельности студентов. Ранжирование проводилось по 100-бальной шкале (от 0 до 100), 0 – низкая важность, 100 – высокая важность критерия.

Опираясь на мнение преподавателей-экспертов, были выявлены критерии адаптированности к профессиональному образованию, профессионально-значимые качества, необходимые инженеру, их влияние на будущую профессиональную деятельность. Рассматриваемые критерии были сгруппированы по взаимосвязанным направлениям, значимым с точки зрения профессиональной подготовки и профессиональной деятельности будущих инженеров. Результат анкетирования позволил выделить в основных направлениях адаптации будущих инженеров не только техническую и гуманитарную, но и здоровьесберегающую составляющую. Данные направления взаимосвязаны и являются структурными элементами единого процесса адаптации.

Критерии технического направления включают успеваемость по дисциплинам профессионального цикла; активность и участие в научно-исследовательской работе (участие в конференциях, научной работе, в выполнении грантов и проектов и т.д.); мотивацию к обучению профессиональной деятельности и т.п. Критерии гуманитарного направления включают не только освоение гуманитарного цикла дисциплин, но и эмоциональный комфорт (условия жизни при обучении в вузе, совмещение учебной и трудовой деятельности и т.п.); удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами, профессиональной подготовкой (наличие квалифицированных преподавателей и т.п.), производственной практикой и т.п.

Что касается здоровьесберегающего направления, то оно отражает сформированность ценностной ориентации на профессиональное здоровье (ориентирование на здоровый образ жизни, рационализация процессов режима труда и отдыха, двигательной активности с учетом профессиональных требований, знание основ безопасности жизнедеятельности). Если первые два направления достаточно хорошо освещены в научной литературе, то здоровьесберегающее направление в лучшем случае рассматривается, как физиологический критерий здоровья. Мы рассматриваем данное направление, как социальный критерий, с выделением понятия профессионального здоровья.

В то же время в результате опроса экспертов было выявлено отсутствие четкого представления о профессиональном здоровье. Так 65% экспертов отнесли к этому понятию только физическое воспитание и занятия спортом; 48% – здоровый образ жизни и наличие двигательной активности; 72% – соблюдение режима труда и отдыха с учетом профессиональной деятельности; 17% – профессиональное здоровье связали с безопасной деятельностью на производстве.

Анализ различных аспектов адаптации студентов позволил заключить, что процесс адаптации протекает в трёх основных сферах: а) в учебно-профессиональной деятельности; б) в общении; в) в самосознании. Названные сферы согласуются с видами адаптации, традиционно выделяемыми исследователями – учебной, социально-психологической, профессионально-педагогической. На основе исследования была построена аксиологическая модель адаптации студентов технических специальностей, учитывающая три блока направлений, соответствующих разным видам адаптации.

Техническое направление (блок технических знаний на Рис. 1) соответствует традиционно выделяемой учебно-профессиональной адаптации, гуманитарный блок – социально-психологической адаптации, здоровьесберегающий блок – мотивационно-ценностной ориентации. Техническое направление включает овладение научно-теоретической базой знаний в процессе образовательной деятельности при условии достаточной величины ценностного потенциала образования. Для успешной адаптации студентов в данном направлении ценностный потенциал должен быть ориентирован на «включение» интеллектуальной, предметно-практической и творческой сфер личности студента. С учётом этого раскрывается содержание и алгоритм освоения ценностного потенциала в техническом направлении, его влияние на адаптацию студентов в ходе образовательного процесса.

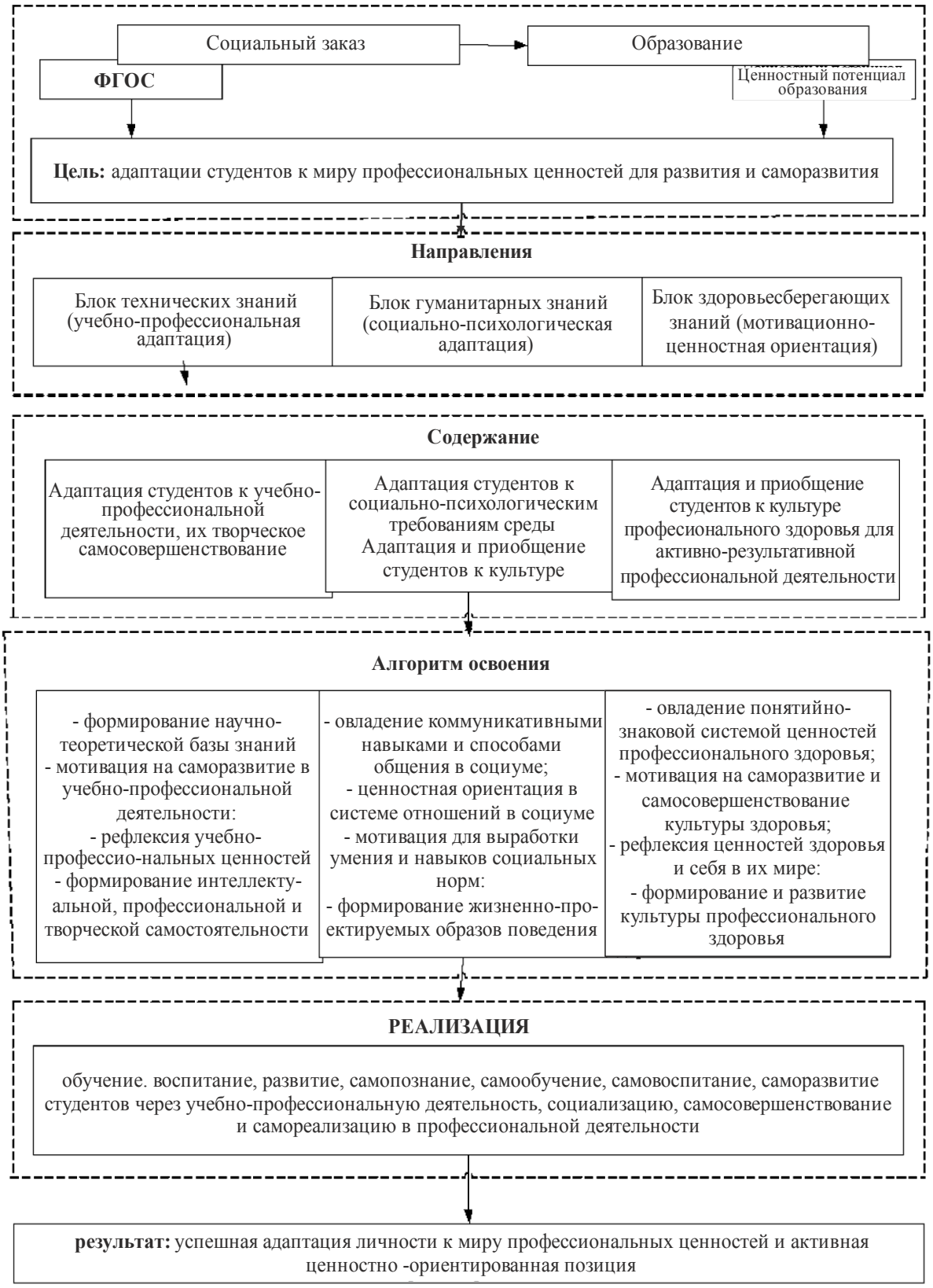


Рисунок 1. Модель адаптации студентов к профессиональному образованию на основе аксиологического подхода

Выделенные направления адаптации (техническое, гуманитарное, здоровьесберегающее) сопровождаются комплексным формированием ценностного отношения к различным отраслям научного знания, к общественным явлениям, к здоровью, к природе как естественной среде обитания и т.д. В процессе исследования было определено содержание рассматриваемых направлений адаптации, выработана последовательность освоения профессиональных ценностей, представленного в виде алгоритма освоения, пути реализации и результата адаптации студентов технических специальностей.

В исследовании выявились некоторые особенности ценностного потенциала образования. Так, во многих странах ценность высшего образования рассматривается, в первую очередь, как ценность отдачи от будущей профессиональной деятельности, и реже, как ценность другого рода, напр., как одна из институций, наиболее эффективно формирующая социальный капитал (напр., [8, с. 211]; [9, с. 625]) и т.п. В России, в отличие от этих стран, для большинства образование само по себе имеет ценность, а любое образовательное учреждение – достаточный ценностный потенциал, вне зависимости от качества получаемого образования, профессионализма выпускника, его трудоустройства по профессии и т.д. В нашем исследовании ценностный потенциал образования только тогда достигает достаточной величины, когда он обеспечивает процесс и результат приобщения личности к профессиональным ценностям.

С аксиологической точки зрения целью использования ценностного потенциала образования является адаптация личности к миру ценностей для ее развития и саморазвития. В нашей концепции на первый план выходит профессиональная адаптация, и не образование само по себе, а получаемая в результате образования профессия должна выступать, как основная ценность образования. При этом помимо проблемы трудоустройства выпускника по профессии возникает проблема качественного инженерного образования [10, с. 133]. Другой проблемой является проблема сохранения такой важной ценности, какой, согласно нашей концепции, является профессиональное здоровье, без которого невозможна профессиональная деятельность. Здоровье обеспечивает человеку не только комфортное существование, но и работу по профессии, а качественное образование – получение профессии, как реальной ценности, дающей возможность человеку самореализовываться.

Содержание реализации ценностного потенциала в техническом направлении мы определяем как профессиональную адаптацию и полноценное включение студентов в учебно-профессиональную деятельность для обеспечения их самосовершенствования через целенаправленную учебно-профессиональную и творческую деятельность. Алгоритмом его освоения является формирование научно-теоретической базы знаний; рефлексия учебно-профессиональных ценностей и себя в их мире; мотивация на саморазвитие в учебно-профессиональной деятельности; формирование интеллектуальной, профессиональной и творческой самостоятельности.

В рамках гуманитарного направления образование обеспечивает социализацию личности, выполняющую важную экономическую, социальную и культурную общественные функции [11, с. 32]. Трактовкой его содержания является адаптация студентов к социально-психологическим требованиям среды, формирование отношения к коммуникативным ценностям для развития навыков творческой жизнедеятельности в рамках общественной системы связей. Алгоритмом освоения является овладение коммуникативными навыками и способами общения в социуме; ценностная ориентация в системе отношений в социуме, мотивация для выработки умений и навыков в части следования социальным нормам; формирование жизненно-проектируемых образцов поведения.

В контексте трактовки образования с учетом здоровьесберегающего направления профессиональное здоровье предстаёт не только как личная, но и общественная ценность. Подобные трактовки (напр., [12, с.108] и др.) сосредоточиваются на процессах гармонического развития личности, её совершенствования как духовно-нравственного субъекта познания. Мы акцентируем содержание ценностного потенциала образования в этом направлении, как приобщение личности к культуре профессионального здоровья для активно-результативной профессиональной деятельности и её ориентации на самосовершенствование и самосознание. Поэтапное включение личности в углубляющийся процесс самосовершенствования достигается посредством такого алгоритма освоения, как овладение понятийно-знаковой системой ценностей профессионального здоровья; рефлексия ценностей здоровья и себя в их мире; мотивация на саморазвитие и самосовершенствование культуры здоровья; формирование и развитие культуры профессионального здоровья через самосознание.

Пути реализации ценностного потенциала образования, учитывающие рассматриваемые направления, осуществляются в интегрированном процессе обучения, воспитания, развития, самопознания, самообучения, самовоспитания, саморазвитие студентов через учебно-

профессиональную деятельность, социализацию, самосовершенствование и самореализацию в профессиональной деятельности. Результатом должна стать успешная адаптация личности к миру профессиональных ценностей и активная ценностно-ориентированная позиция.

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. Профессиональная адаптация студентов технических специальностей включает три направления: техническое, гуманитарное и здоровьесберегающее.

2. Процесс профессиональной адаптации неразрывно связан с процессом изменения ценностных установок студента.

3. Позитивное изменение ценностных установок обеспечивается достаточной величиной ценностного потенциала образования - совокупностью образовательных ресурсов, способствующих адаптации личности к ценностям профессиональной деятельности, коммуникативным ценностям, приобщению к ценностям профессионального здоровья, формированию ее ценностных ориентаций.

Ценностный потенциал образования должен включать систему целей и учитывать три блока направлений адаптации (техническое, гуманитарное и здоровьесберегающее), их содержание, алгоритмы освоения и способы их реализации. Это позволит обеспечить адаптацию личности к ценностям профессиональной деятельности, полноценное включение в образовательный процесс и её становление как гармонично развитой творческой индивидуальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Павлов И.П.* Избранные труды. М., 1951. Т. 2.
2. *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
3. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
4. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологии. М., 1989.
5. *Сластенин В.А.* и др. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. М., 2002.
6. *Вершинина Л.В.* Аксиологическое пространство образования: ценностное сознание учителя: монография. Самара, 2003.
7. *Дашкова А.К., Зандер Ф.В.* Социально-педагогическое ориентирование студентов на здоровый образ жизни в техническом вузе // XLI Неделя науки СПб ГПУ: материалы науч.-практ. конф. с международным участием. СПб., 2012. Ч. 11.
8. *Rossin D., Hyland T.* Group Work Based Learning within Higher Education: An Integral Ingredient for the Personal and Social Development of Students // Mentoring & Tutoring. 2003. Vol. 11. № 2.
9. *Totterman A., Wulff G.* What a social capital perspective can bring to the understanding of information sharing in a university context // Information research. 2007. Vol. 12. № 4.
10. *Чурляева Н.П.* The four phases of Russian Engineering Education in the era of social experiments // International Education Studies. 2013. Vol. 6. № 2.
11. *Ихсанов Р.Ф.* Социальные ожидания в структуре адаптации: учеб. пособие. Самара, 2004.
12. *Рогова Р.М.* Развитие гуманистического мировоззрения и ценностных ориентации личности. М., 1996.

УДК 378.02

Елканова Тамара Михайловна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики конденсированного состояния Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
editor@hist-edu.ru

Elkanova Tamara Mikhailovna

PhD in Physics, Associate Professor of the Department of Condensed Matter Physics of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
editor@hist-edu.ru

ОБЩЕГУМАНИТАРНЫЙ БАЗИС ОБРАЗОВАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

GENERAL HUMANITARIAN BASIS OF EDUCATION: EPISTEMOLOGICAL COMPONENTS

Рассмотрены сущность и структура интеракционно-гностического компонента концептуально-теоретической модели общегуманитарного базиса образования, позволяющего осмысливать систему «человек-мир» на разных уровнях ее функционирования и предусматривающего интеграцию на уровне освоения разных в онтологическом отношении способов познания мира.

Ключевые слова: **гуманитаризация образования, общегуманитарный базис образования, интеракционно-гностический компонент.**

There have been considered the essence and the structure of the interactional-gnostic component of conceptual-theoretical model of the general humanitarian basis of education. This component allows to interpret the "human – world" system at different levels of its functioning and provides integration at the level of different in ontological respect of the ways of world cognition.

Key words: **humanitarization of education, general humanitarian basis of education, interactional-gnostic component.**

Компетентностная модель специалиста, которая, согласно ГОС высшего профессионального образования, должна стать основой развития методики преподавания большинства предметов в вузе, ориентирует учебный процесс на усиление фундаментализации и целостности образования, целенаправленной комплексной организации его содержания на основе сочетания эпистемологических, онтологических, специально-научных и дидактических идей. Одним из важных направлений реализации концепции целостности образования является его гуманитаризация, при которой исчезает традиционное противопоставление гуманитарных и естественнонаучных, специальных технических и технологических дисциплин, а содержание образования насыщается этическими (нравственными), эстетическими и ценностными компонентами. Поэтому в структуру разрабатываемой нами в течение более чем двадцати лет авторской концептуально-теоретической модели общегуманитарного базиса образования [1, с. 88-93; 2, с. 56-59; 3, с. 62-64] включен в качестве обязательного интеракционно-гностический компонент, способствующий становлению целостной личности, владеющей «взаимодополнительными компонентами научного знания» [4, с. 54-75].

Интеракционно-гностический компонент выражается в использовании наряду с естественнонаучными гуманитарных и художественных методов познания и исследования в процессе обучения. Имеется в виду интеграция на уровне освоения разных в онтологическом отношении способов познания мира, обучение ассоциативному и образному мышлению, переводу с объективного внешнего языка на внутренний язык образно-концептуальных моделей действительности, усиление внимания к ценностно-смысловому содержанию получаемого знания, формирование целостного видения мира с учетом происходящей в науке смены парадигмы, перехода ее в междисциплинарную стадию постнеклассической науки, а также преемственность в методологии гуманитарных и естественных наук, освоение методологии многомерного осмысления мира.

Интеракционно-гностический компонент гуманитарного базиса призван способствовать формированию целостной структуры категориального аппарата профессионального и социального мышления специалиста, позволяющего теоретически осмысливать систему «человек – мир» на разных уровнях ее функционирования, и преследует цель развития ценностно-смыслового отношения к каждой проблеме (глобальной или локальной, массовой или индивидуальной), видения ее внутреннего человеческого смысла, понимания ее положительных (или деструктивных) последствий; формирования таких интеллектуально-личностных качеств, как открытость к новому, понимание многогранности окружающего мира, его неоднозначности, проигрывание возможности альтернатив решений, критичность по отношению к полученным результатам.

Целесообразность включения интеракционно-гностического компонента в структуру общегуманитарного базиса образования обусловлена и тем, что в условиях динамичной трансформации социокультурной, биологической и информационной среды обитания особое значение приобретает развитие адаптационных свойств личности. Технократический подход исходит из необходимо-

сти однозначного прочтения фактов, безотносительно функционирования в человеческом обществе. Гуманитарный подход, исходя из принципиальной неоднозначности причин и следствий рассматриваемых процессов и явлений, что обусловлено множественностью используемых методов интерпретации, предполагает множественность научных моделей или картин мира, существующих в сознании человека. Наличие в сознании специалиста нескольких разных картин мира, каждая из которых может актуализироваться в определенной ситуации, делает его более гибким и подвижным, способным функционировать в несходных жизненных обстоятельствах [5, с. 162].

В современном образовательном процессе оказываются востребованы такие моменты когнитивности, как образы и знаки, интуиция и дискурс, авербальные и логосные «фреймы» подачи интегрируемой в процессе познания информации. Поэтому настоятельной необходимостью является выявление, анализ и практическое применение в педагогической деятельности факторов взаимодействия, взаимодополнительности, интеракции различных методов познания с учетом широкого разнообразия когнитивных и эмоциональных свойств человека. Величайший физик XX в. Альберт Эйнштейн писал: «Особенно важным я считаю совместное использование самых разнообразных способов постижения истины. Под этим я понимаю, что наши моральные наклонности и вкусы, наше чувство прекрасного и религиозные инстинкты вносят свой вклад, помогая нашей мыслительной способности прийти к ее наивысшим достижениям» [6, с. 166].

Если до середины XX в. большую часть информации человечество получало через слово, то в современном информационном обществе слово уступает место образу, что, в свою очередь, изменяет традиционные способы восприятия и модели мышления. В этой связи в рамках новой парадигмы познания (так называемой неклассической эпистемологии) задача рассмотрения и анализа возможностей применения в системе образования когнитивных возможностей художественно-эстетического метода познания приобрела особую актуальность. Дело в том, что число возможных комбинаций элементов вербальной информации намного ниже, чем элементов образной. В процессе вербализации происходит не только существенное уменьшение числа параметров, но и наложение дополнительных ограничений, вытекающих из использования вербально-символических средств, обладающих жестким, фиксированным «смыслом», что позволяет выявить однозначные причинные связи и отношения, выделить главное и второстепенное, определяющее и зависимое и т.д. Использование наглядно-образных моделей изучаемых объектов формирует способность мышления не абстрактными понятиями, а образными моделями, способствует развитию творческого потенциала студента, владеющего методами понятийно-рационального познания мира в сочетании с интуитивно-образными формами его постижения. Это требует от системы образования разработки новых технологий обучения, основанных на понимании и исследовании сложности мира как целого на основе многоуровневой парадигмы человека и мира.

Когнитивная ситуация на современном этапе характеризуется выходом познавательной деятельности на уровень ее мотивации ценностными установками, что актуализирует внимание к социальным измерениям знания и его гуманитаризации. Овладение наряду с естественнонаучными гуманитарными методами познания действительности подразумевает развитие у личности осознания необходимости обязательной оценки ценности и целесообразности результатов его деятельности, использование норм этики и морали. При выборе целей исследования и профессиональной деятельности человек (сознательно или бессознательно) должен ориентироваться на сформированные у него аксиологические ориентиры. Сейчас становятся необходимыми и неизбежными определенные ограничения некоторых видов человеческой деятельности, потенциально содержащих в себе опасность катастрофических последствий. Более того, как отмечает известный американский философ Фрэнсис Фукуяма, неконтролируемое движение по таким направлениям, как науки о мозге, нейрофармакология, исследования в области продления жизни и генетическая инженерия, может в корне изменить саму природу человека [7]. Следовательно, в процессе преподавания необходимо формировать чувство социально-гуманистической ответственности за результаты профессиональной деятельности.

Реализация интракционно-гностического компонента общегуманитарного базиса образования способствует формированию целостного видения мира как интегрированной целостности, системы, основанной на многомерных взаимосвязях между отдельными подсистемами и включающей в себя глобальные, региональные и локальные уровни. С точки зрения учебно-познавательной деятельности при этом достигаются цели, позволяющие студентам выйти за пределы шаблонов догматического мышления, глубже понять сам изучаемый объект, явление, сформировать целостное видение мира, расширить личностную категориальную матрицу студента, увеличить эмоциональность восприятия, что, с педагогической точки зрения, способствует активизации познавательной активности студентов.

Таким образом, интеракционно-гностический компонент общегуманитарного базиса образования способствует развитию творческого потенциала студента, владеющего методами понятийно-рационального познания мира в сочетании с интуитивно-образными формами его постижения, формированию элементов когнитивно-мировоззренческих и познавательных компетенций, входящих в число ключевых компетентностей будущего специалиста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Елканова Т.М.* Пути гуманитаризации преподавания естественнонаучных дисциплин // Высшее образование в России. 1992. № 2.
2. *Елканова Т.М.* Концептуальная модель локальной гуманитарно-развивающей образовательной среды // Высшее образование сегодня. 2009. № 7.
3. *Елканова Т.М., Чеджемова Н.М.* Гуманитаризация профессионального образования в компетентностно-ориентированной системе // Высшее образование сегодня. 2010. № 10.
4. *Голубева О.Н., Суханов А.Д.* Проблема целостности в современном образовании : Философия образования. М., 1996.
5. *Кондаков Б. В.* Университет и проблема гуманитаризации образования // Университеты в формировании специалиста XXI века: тезисы докл. Междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 1999. Т. 1.
6. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов в четырех томах. М., 1967. Т. 4.
7. *Fukuyama F.* Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York, 2002.

УДК 629.735

Колосов Сергей Викторович

кандидат военных наук, доцент кафедры связи факультета военного обучения ЮУрГУ (г. Челябинск)
editor@hist-edu.ru

МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВОЕННОГО ШТУРМАНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрена модель образовательного процесса военного штурмана в условиях информационно-психологического воздействия. Предложена модульная система подготовки. Разработана концептуальная модель образовательного процесса военного штурмана в условиях ИПВ.

Ключевые слова: **образовательный процесс, военный штурман, модульная система подготовки, педагогика.**

Kolosov Sergey Victorovich

PhD in Military Sciences, Associate Professor of the Department of Communication of the Faculty of Military Training of South Ural State University (Chelyabinsk)
editor@hist-edu.ru

THE MODEL OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF MILITARY CO-PILOT IN CONDITIONS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

The article considers the model of the educational process of military co-pilot in conditions of information and psychological influence. The modular system of training has been suggested. The conceptual model of the educational process of the military co-pilot in conditions of IPI has been developed.

Key words: **educational process, military co-pilot modular system of training, pedagogy.**

Актуальность заявленной темы определяется тем, что система военного образования в России, являясь составной частью общей системы образования, имеет свое специфическое направление развития, в основе которого главная задача выпускника военного ВУЗа защита Отечества.

Анализируя современную систему образования, которая предполагает многоступенчатую подготовку специалиста необходимо отметить, что военное образование не должно дублировать государственные общеобразовательные стандарты. Из-за особенностей военной службы военное образование является непрерывным процессом, поэтому подготовку предлагается рассматривать, как подготовку специалиста, которая должна быть построена на основе полного использования личностных психофизиологических качеств обучаемых.

Применительно к уровню «специалист», при существующей программе обучения 5 лет, закладывается фундаментальная база подготовки к выполнению задачи по предназначению в целом, действиям при полете к объекту и в районе объекта. Данная задача решается с помощью: информации о предмете тактика; об объектах действий; об основах теории управления; дифференциально-интегральной информации тактико-специального характера. При решении данной задачи также изучаются: системы принципов тактики в военной истории; роль авиации в военных действиях; основы теории решений и решения основных задач воздушной навигации; применения средств поражения и радиоэлектронной борьбы [3].

Необходимо отметить, что кандидаты на поступление в штурманский ВУЗ ВВС РФ как правило, заканчивает среднее общеобразовательное учреждение и тактико-специальной подготовки не имеют. Поэтому при поступлении в ВУЗ проводится профессионально-психологический отбор (ППО) с целью выявления индивидуальных психологических и психофизиологических качеств кандидата, их соответствие летной работе и характеризующих основные психические процессы, функции и личностные качества будущего военного штурмана: восприятие, внимание, память, мышление, психомоторику, речь, волевые особенности и организаторские способности. Результаты ППО в первую очередь зависят от социально-психологических факторов: мотивационных аспектов деятельности, особенностей социально-психологической и профессиональной адаптации, роли и места специалиста (штурмана) в информационно-психологической системе. Эти факторы оказывают большое влияние на содержание профессиональной деятельности специалиста (штурмана). При проведении ППО необходимо учитывать мотивацию, играющую важную роль в желании овладеть профессией штурмана [4].

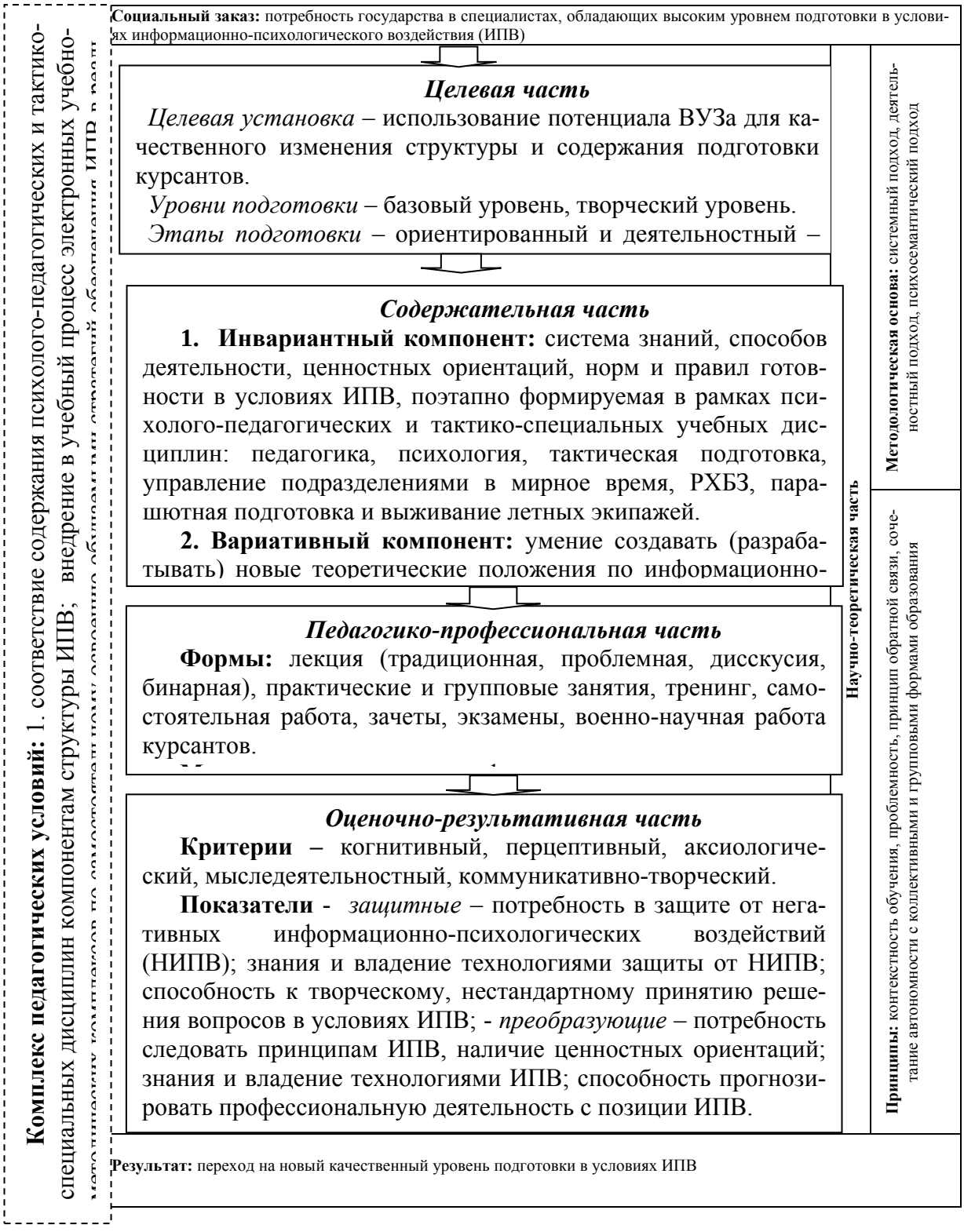


Рис. 1. Модель подготовки летного состава в ВУЗе в условиях ИПВ и комплекс педагогических условий ее реализации

В настоящее время современные исследователи делают акцент на информационно-психологическую подготовку, опираясь на технологический подход, рассматривают овладение технологиями защиты от негативных информационно-психологических воздействий, тем самым,

оставляя в тени вопросы личности. Между тем, именно личность выступает субъектом не только защиты, но и преобразования информационной среды. Принципы информационно-психологического подхода, развивая качества личности, позволяют ответственно относиться к себе как творцам информационного пространства, формируя мировоззренческие установки и ценностные ориентации личности по отношению к информации как элементу профессиональной сферы.

На основе сформулированного Л.В. Астаховой понятия «информационной безопасности» [1], опираясь на системный подход, функционально-деятельностный подход, системно-деятельностное видение личности, деятельностный и профессиональный подходы к проблемам безопасности, мы определяем подготовку в условиях информационно-психологического воздействия (ИПВ) как интегральное свойство, представленное системой духовно-нравственных ценностных ориентаций, определяющее такой способ организации и развития жизнедеятельности, при котором она способна защитить себя как объекта информационного воздействия и не способна целенаправленно оказывать негативные информационные воздействия на других субъектов информационных отношений.

Целостность и системность процесса подготовки в условиях ИПВ будущих специалистов мы отразили с помощью метода моделирования. Разработанная модель отражает концептуальную основу, содержание и методическую составляющую рассматриваемого процесса, позволяет спрогнозировать данный процесс, наметить стратегию и тактику дальнейших действий; а ее реализация осуществляется на принципах контекстности обучения, проблемности, принципе обратной связи и рефлексивной активности, сочетании автономности с коллективными и групповыми формами образования (рис. 1) [3].

Системный подход (В.Г. Афанасьев, В.П. Беспалько, Б.С. Гершунский, Н.Д. Никандров и др.) к процессу развития информационно-психологической безопасности обучаемого позволяет рассматривать его как целостную систему, основными компонентами которой являются процессы развития структурных (мотивационного, технологического, креативного) и функциональных компонентов (защитного и преобразующего).

Деятельностный подход (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев и др.) предполагает развитие личности в разнообразных видах деятельности, подчеркивает активность усвоения человеком исторического опыта. С целью качественной подготовки в условиях ИПВ штурманов организация учебной деятельности должна воспроизводить и отражать сущностные характеристики данного феномена через призму профессиональной деятельности.

Ставя перед собой цель (целевая часть) повышения уровня подготовки в условиях ИПВ курсантов штурманского ВУЗа, на основе анализа структурно-функциональных компонентов культуры подготовки мы выявили инвариантную составляющую содержательного части модели (система знаний, навыков, качеств, способностей, развиваемых в рамках учебных дисциплин: «Психология и педагогика», «Информатика», «Техническая эксплуатация радиоэлектронного оборудования, радиолокационные системы, радиоизмерения, устройства отображения информации», «Тактика, общевоенные дисциплины, РХБЗ, управление подразделениями» и вариативную составляющую (Научно-исследовательская работа по проблемам информационно-психологической войны).

Ставя перед собой цель (целевая часть) повышения уровня подготовки в условиях ИПВ курсантов штурманского ВУЗа, на основе анализа структурно-функциональных компонентов культуры подготовки мы выявили инвариантную составляющую содержательного части модели (система знаний, навыков, качеств, способностей, развиваемых в рамках учебных дисциплин: «Психология и педагогика», «Информатика», «Техническая эксплуатация радиоэлектронного оборудования, радиолокационные системы, радиоизмерения, устройства отображения информации», «Тактика, общевоенные дисциплины, РХБЗ, управление подразделениями» и вариативную составляющую (Научно-исследовательская работа по проблемам информационно-психологической войны).

В педагогико-профессиональной части модели обозначены формы и методы организации учебного процесса, направленного на глубокое изучение содержания ИПВ и их влияние на профессиональную деятельность будущих специалистов. Основными формами организации обучения являются лекция (традиционная, проблемная, дискуссия, бинарная), практические занятия, тренинг, самостоятельная работа, зачет, экзамен, военно-научная исследовательская работа курсантов. Основные методы – теоретико-информационные, поисково-творческие, игровые методы, методы самостоятельной работы обучаемых, контрольно-оценочные методы.

Показателями подготовки в условиях ИПВ (оценочно-результативная часть), на основании которых мы можем делать вывод о качественном уровне развития данного вида подготовки и результативности реализации комплекса педагогических условий, выступает система знаний, уме-

ний, качеств, способностей, определенное сочетание которых отражается в критериях-компонентах (структурные (мотивационный, технологический, креативный) и функциональные (защитный, преобразующий) компоненты). Результативность реализации модели подготовки в условиях ИПВ курсантов обеспечивает комплекс педагогических условий: соответствие содержания психолого-педагогических и тактико-специальных учебных дисциплин компонентам видовой структуры информационно-психологической подготовки. Опираясь на принцип системности и последовательности, который предполагает усвоение знаний, умений и навыков в определенной логической связи, мы пришли к выводу, что содержание мотивационного структурного компонента будет выступать приоритетным объектом формирования в рамках учебной дисциплины «Психология и педагогика», технологического компонента – «Управление подразделениями, Информатика», креативного компонента – «Тактико-специальные дисциплины»; содержание защитного функционального компонента (базовый уровень подготовки в условиях ИПВ) является приоритетным объектом формирования в рамках учебных дисциплин «Психология и педагогика», «Управление подразделениями, Информатика»; преобразующего функционального компонента (творческий уровень) – «Тактико-специальные дисциплины»; внедрение в учебный процесс электронных учебно-методических комплексов по самостоятельному освоению обучаемыми стратегий обеспечения ИПВ в реальной информационной среде. Каждый электронный учебно-методический комплекс является составной частью учебно-методического обеспечения психолого-педагогических и тактико-специальных дисциплин, представляя собой интерактивный электронный образовательный ресурс, который выполняет учебно-информационную, общеразвивающую и контролирующую функции, а также позволяет установить обратную связь с преподавателем и, самое главное, коллективно обновлять информацию на основе реальных событий, ситуаций, проблем ИПВ.

С учетом сказанного процесс военного обучения, являясь составной частью всего педагогического процесса, характеризуется необходимостью выявления основных составляющих этого процесса (обучение в аудиториях, проведение совместных войсковых мероприятий, выполнение практических полетов т.д.); описания характерных связей между ними (преподаватели специальных дисциплин, инструкторы практического обучения, взаимоотношение внутри учебных групп и т.д.); определение основных путей развития процесса обучения. При этом идет опора на дидактические условия состояние учебно-материальной базы; характер внешнего влияния на коллектив; состояние морально-психологической атмосферы в учебной группе.

С учетом вышесказанного в основу обучения предлагается заложить модульную систему подготовки, которая подразумевает следующее:

каждому курсу соответствует два модуля обучения (семестры), например: первый курс – это 1 и 2 модули, 2 курс – это 3 и 4 модули и т.д. Методическое насыщение и сопровождение каждого модуля должно соответствовать учебным программам и планам последовательной подготовки штурмана. При этом необходимо учебный процесс строить таким образом, чтобы основы подготовки были реализованы к началу первых практических полетов курсантов (см. табл.).

Таблица

содержание модулей	модули
- подготовка курсанта в качестве военнослужащего; - изучение тактико-специальных основ; - изучение военно-исторических основ;	модуль 1 (семестр 1 - 2)
- расширенное изучение военно-исторических аспектов применительно к тактико-специальным дисциплинам;	модуль 2 (семестр 3 - 4)
- изучение вооруженных сил основных государств; - изучение основ применения военно-воздушных сил; - изучение основ управления подразделениями в мирное время;	модуль 3 (семестр 5 - 6)
- изучение основ применения военно-воздушных сил по специализации; - практическая отработка выполнения основных задач по предназначению; - изучение объектов действия по специализации; - отработка вопросов принятия решения на выполнение задач по предназначению;	модуль 4 (семестр 7 - 8)
- практическая войсковая стажировка; - разработка выпускной квалификационной работы;	модуль 5 (семестр 9 - 10)

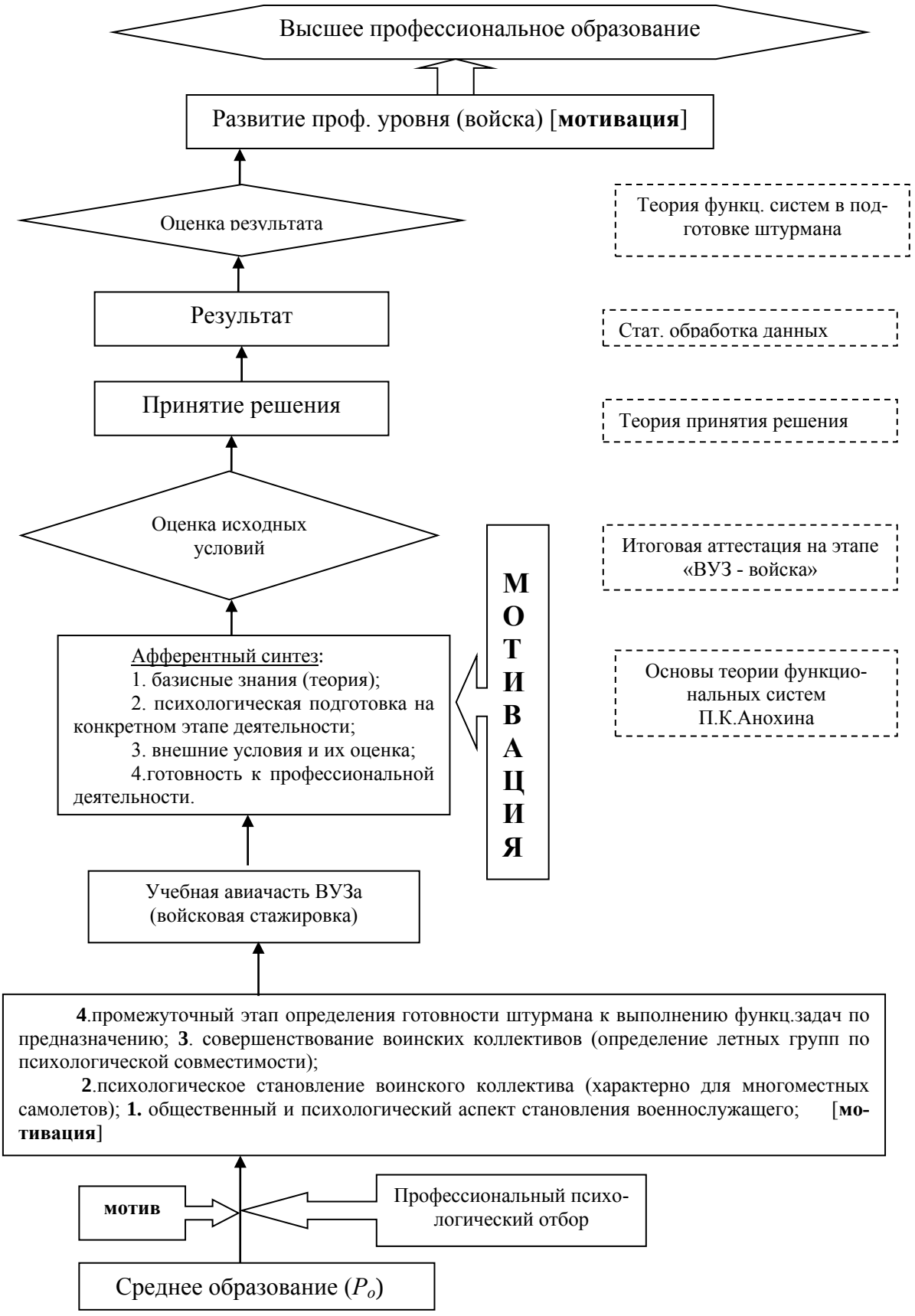


Рис.2. Подготовка штурмана в условиях ИПВ

Системная подготовка штурмана направлена на подготовку его к выполнению профильных задач по предназначению. Критерием данной подготовки является эффективность, которая решается в сложившейся социально-экономической обстановке и без дополнительного финансирования. Важным аспектом при этом выступает целесообразный результат, повышаемый через мотивацию.

Эффективная профессиональная деятельность выпускника зависит от объема знаний свойственных руководителю штурманской службы подразделения, для которого основной задачей является разработка предложений штурмана на принятие решения выполнения основной задачи по предназначению.

Предложенная концептуальная модель образовательного процесса военного штурмана в условиях ИПВ позволяет акцентировать внимание на: фундаментальную теоретическую основу подготовки, каковой является системный синтез законов и принципов, изучаемых на тактико-специальных, естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах, отражающих характер влияния основных факторов на эффективность выполнения основной задачи; методологическую основу подготовки, которая объединяет объект, предмет, метод тактико-специальных дисциплин и динамичность этой системы при решении основных задач; реализацию принципов простоты, доступности и конкурентности, которые позволят повысить качество процесса подготовки (эффективность использования выпускников по предназначению).

В основе модели профессиональной подготовки (рис. 1) и подготовки штурмана (рис. 2) заложена целевая направленность штурманского ВУЗа: подготовка офицера-штурмана способного в условиях ИПВ выполнять функциональные задачи.

При всей значимости понятия «мотивация» в подготовке (обучении) штурмана нельзя не отметить важность в профессиональной деятельности штурмана-специалиста такого качества как компетентность. Согласно [2] компетентность характеризует личные качества штурмана в совокупности с его квалификацией (владение специальными знаниями и опытом) что позволяет принимать участие в разработке специфических задач и решать их (например: принятие решения на активные действия).

С ростом штурмана как профессионала не только изменяются его компетентности, но и увеличивается число компетенций, что характеризует качественную сторону его профессиональной деятельности. С каждой новой должностью (присвоение очередного воинского звания, присвоение классной квалификации) сфера компетенций расширяется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Астахова Л.В.* Информационно-психологическая безопасность в регионе: культурологический аспект // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2011. № 2.
2. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Словарь по педагогике. М.; Ростов н/Д, 2005.
3. *Колосов С.В.* Особенности профессионального образования вузов ВВС РФ в условиях информационно-психологического воздействия // Преподаватель XXI век. 2013. № 1.
4. *Лисовол В.В.* Особенности профессионального психологического отбора в военные образовательные учреждения МО РФ: материалы третьей Регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004.

УДК 377.5, 378.14

Мартынова Елена Александровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и профессиональной педагогики Челябинского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Романенкова Дарья Феликсовна

кандидат педагогических наук, начальник Регионального учебно-научного центра инклюзивного образования Челябинского государственного университета
editor@hist-edu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СПЕЦИАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНВАЛИДОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проведен анализ изменений, введенных в систему профессионального образования законом «Об образовании в РФ» в части закрепления норм инклюзивного обучения инвалидов. Дана характеристика инклюзии как принципа достижения доступности профессионального образования путем приспособления образовательных организаций и образовательных программ к разнообразным потребностям и индивидуальным особенностям обучающихся инвалидов. На основе отечественного и зарубежного опыта приведена систематизация требований к специальным условиям обеспечения инклюзивного образования инвалидов в организациях профессионального образования.

Ключевые слова: **профессиональное образование, инвалид, инклюзивное обучение, специальные условия инклюзивного обучения.**

Martynova Elena Alexandrovna

Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of General and Professional Pedagogy, Chelyabinsk State University
editor@hist-edu.ru

Romanenkova Darya Feliksovna

PhD in Pedagogy, Head of the Regional Educational Scientific Center of Inclusive Education, Chelyabinsk State University
editor@hist-edu.ru

SPECIAL CONDITIONS REQUIREMENTS FOR SECURING INCLUSIVE EDUCATION OF DISABLED PEOPLE AT PROFESSIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

The analysis of the changes introduced into the vocational education system by the law "On Education in the Russian Federation" is carried out in the article securing the norm concerning inclusive education of disabled people. Inclusion is regarded as the principle of the achievement of professional education availability by means of educational institutions and programmes adaptation to the different needs and individual circumstances of disabled students. The systematization of the requirements for securing inclusive education of disabled people at vocational education institutions based on national and international experience is presented in the article.

Key words**: professional education, disabled people, inclusive education, special conditions for inclusive education.**

Данная работа посвящена разработке требований к условиям инклюзивного обучения инвалидов в организациях профессионального образования исходя из основополагающих международных документов, российского законодательства и анализа имеющегося международного и отечественного опыта образования инвалидов.

Важнейшим ориентиром социальной и образовательной политики наших дней стала Конвенция о правах инвалидов, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г., которая закрепила международные требования в отношении возможности инвалидов вести независимый образ жизнедеятельности, всесторонне участвовать во всех аспектах жизни путем обеспечения для них наравне с другими доступа к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения [1]. В области образования Конвенция закрепила право инвалидов на инклюзивное образование на всех уровнях, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему, профессиональному образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими. В основу инклюзивного образования положена образовательная стратегия, исключающая любую дискриминацию и обеспечивающая доступность образования для всех и создание образовательного пространства, соответствующего различным потребностям и индивидуальным особенностям всех обучаемых. Основополагающие принципы доступности образования формулируются как обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека, как свободу выбора получения образования согласно склонностям и потребностям каждого человека, создание условий для его самореализации, свободного развития способностей, включая предоставление права выбора направленности обра-

зования, форм получения образования, форм обучения и самой организации, осуществляющей образовательную деятельность. Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать формирование и развитие личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. Содержание профессионального образования должно обеспечивать получение квалификации, адекватно уровню личностного развития и потребностей обучающихся [2; 3].

Инклюзия как принцип достижения доступности профессионального образования для инвалидов подразумевает приспособление условий получения образования к различным нуждам и физическим ограничениям учащихся инвалидов и может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений, когда уже в студенческие годы молодыми инвалидами осваиваются разнообразные виды деятельности, общения, регулируется самооценка, приобретается поддержка и дружба ровесников, уверенность в своих силах, формируется мировоззрение и духовное содержание человека с инвалидностью, готовность жить и работать в быстро меняющемся мире. Профессиональное становление в условиях инклюзии – это наиболее действенный способ реальной социализации инвалидов, который позволяет максимально обеспечить их социализацию и самостоятельную жизненную активность [4].

Инклюзивные подходы в образовании не являются новыми для нашей страны. Так, законодательство в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации предусматривает предпосылки для реализации инклюзивного обучения. В части профессиональной реабилитации и образования инвалидов государство должно обеспечивать инвалидам получение профессионального образования на всех уровнях в соответствии с индивидуальной программой реабилитации. Для инвалидов, нуждающихся в специальных условиях для получения профессионального образования, должны создаваться специальные профессиональные образовательные учреждения различных типов и видов или соответствующие специальные условия в профессиональных образовательных учреждениях общего типа.

Сегодня инклюзивное образование в Российской Федерации регулируется недавно принятым Федеральным законом «Об образовании» [5]. Закон вводит такие ключевые понятия как «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья» – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, препятствующие получению образования без создания специальных условий, и «инклюзивное образование» – обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. С введением этого закона для профессиональных образовательных организаций, а также организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам профессионального обучения, создание специальных условий, способствующих получению профессионального образования инвалидами, стало обязательным требованием. При необходимости профессиональное образование и обучение студентов с ограниченными возможностями здоровья осуществляются на основе образовательных программ, адаптированных при необходимости для их обучения с учетом особенностей психофизиологического развития, индивидуальных возможностей.

Таким образом, в национальную систему образования включены новые принципиально важные положения об образовании инвалидов и требования к его доступности. Механизмом реализации этих положений является внесение специальных требований к условиям инклюзивного обучения в федеральные государственные образовательные стандарты профессионального образования [6].

Так как принцип инклюзии и исключения какой-либо дискриминации означает полное равенство обучающихся инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья с остальными людьми в отношении свободы выбора получения образования согласно склонностям и потребностям, исходя из личных профессиональных интересов, то первоосновой для разработки стандартов должно стать требование предоставления инвалидам права выбора форм получения образования, форм обучения, направленности образования и самой организации, осуществляющей образовательную деятельность. Принципиально важным также является требование, в соответствии с которым не допускается дифференциация и какие-либо ограничения по сравнению с остальными студентами в части характеристик направлений подготовки, характеристик профессиональной деятельности выпускников-инвалидов, требований к результатам освоения программ по направлению подготовки, требований к структуре предлагаемых программ по направлению подготовки.

Необходимо, чтобы по окончанию обучения выпускники-инвалиды должны освоить те же области и объекты профессиональной деятельности, что и остальные выпускники, и быть готовыми к выполнению всех обозначенных в федеральных государственных образовательных стандартах видах профессиональной деятельности и решению всех указанных в стандартах профессиональных задач. Не должны быть какие-либо дифференциации и ограничения государственными стандартами в отношении профессиональной деятельности выпускников-инвалидов. В результате освоения программы подготовки у выпускника-инвалида должны быть сформированы те же общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, что и у всех выпускников. В то же самое время важно понимание, что сам процесс формирования требуемого идентичного со всеми студентами пакета компетентностей у инвалидов в связи со спецификой их личностного социального опыта и ограниченными физическими возможностями, различными нозологиями инвалидностями требует дополнений в содержание программы подготовки, а именно ее вариативного блока и, что особенно важно, условий ее реализации, создаваемых в образовательной организации. Формирование требуемых компетенций в учебно-воспитательной среде образовательной организации должно быть максимально обращено к развитию позитивных индивидуальных личностных и профессиональных качеств студента-инвалида, его потребности в самоорганизации, самоопределении и развитии функциональных качеств в избранном направлении подготовки. Образовательная организация обязана сформировать профессиональную и социокультурную толерантную среду, необходимую для формирования у студента-инвалида необходимых компетенций и всестороннего развития его личности. Особое внимание при обучении инвалидов следует обратить на формирование в учебно-воспитательном процессе таких социокультурных компетенций как способность формирования адекватной и осознанной гражданской позиции, способность использовать основы экономических и правовых знаний в различных сферах своей жизнедеятельности, способность работать в коллективе, способность к самоорганизации и самообразованию, способность к поддержанию и регулированию своего здоровья, в том числе использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности с учетом имеющихся физических ограничений. Большое значение при организации инклюзивного образования имеют также материально-технические условия формирования компетенций, связанных с работой с информацией. Специфика состоит в том, что работа с информацией, а, зачастую, и весь процесс приема-передачи необходимой учебной информации, должен осуществляться с использованием специальных технических и программных средств, которые реализуют преобразование информации в формат, доступный для восприятия инвалидов, имеющих сенсорные и локомоторные нарушения. Эти условия обязательно должны быть отражены в образовательных программах в части требований к условиям их реализации. Важны общие условия доступной безбарьерной среды, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, а также условия, которые должны быть конкретизированы в соответствии с тем или иным видом и направлением подготовки. Они включают в себя использование специальных образовательных программ и методов, специальных учебников и дидактических материалов, специальных технических средств обучения, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья [7; 8; 9].

В целом, как показывает отечественный и зарубежный опыт инклюзивного обучения инвалидов, требования к специальным условиям организации образовательного процесса для обучения инвалидов в организациях учреждениях профессионального образования могут быть сгруппированы по следующим главным направлениям.

Требования к организационному обеспечению образовательной организации:

- Создание в образовательной организации специального структурного подразделения, ответственного за обучение инвалидов или придание соответствующих полномочий и ответственности существующим структурным подразделениям.
- Регулирование деятельности образовательного учреждения по образованию инвалидов локальными нормативными актами.
- Ведение специализированного учета инвалидов на этапах их поступления, обучения, трудоустройства.
- Размещение информации о наличии условий для обучения инвалидов на сайте образовательного учреждения.

Требования к кадровому обеспечению:

- Введение в штат образовательных учреждений должности тьютора с целью педагогического сопровождения образовательного процесса инвалидов.
- Введение в штат образовательных учреждений должности педагога-психолога, который должен иметь профессиональную подготовку по программам инклюзивного образования.
- Дополнительная подготовка преподавателей с целью получения знаний о психофизиологических особенностях инвалидов, специфике приема-передачи учебной информации, применения специальных технических средств обучения с учетом разных нозологий.
- Введение в штат образовательных учреждений должности сурдопереводчика для обеспечения образовательного процесса студентов с нарушением слуха.

Требования к доступности зданий учебных заведений и безопасного в них нахождения:

- Обеспечение доступности прилегающей к образовательному учреждению территории, входных путей, путей перемещения внутри здания для различных нозологий.
- Наличие специальных мест в аудиториях для инвалидов.
- Наличие оборудованных санитарно-гигиенических помещений для студентов с различными нозологиями инвалидности.
- Наличие системы сигнализации и оповещения для студентов различных нозологий.

Требования к материально-техническому обеспечению образовательного процесса:

- Наличие звукоусиливающей аппаратуры, мультимедийных средств и других технических средств приема-передачи учебной информации в доступных формах для студентов с нарушениями слуха.
- Наличие брайлевской компьютерной техники, электронных луп, видеоувеличителей, программ невизуального доступа к информации, программ-синтезаторов речи и других технических средств приема-передачи учебной информации в доступных формах для студентов с нарушениями зрения.
- Наличие компьютерной техники, адаптированной для инвалидов со специальным программным обеспечением, альтернативных устройств ввода информации и других технических средств приема-передачи учебной информации в доступных формах для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Требования к адаптации образовательных программ и учебно-методическому обеспечению образовательного процесса для инвалидов:

- Включение в вариативную часть образовательной программы специализированных адаптационных дисциплин (модулей).
- Выбор методов обучения, осуществляемый образовательным учреждением, исходя из их доступности для инвалидов.
- Обеспечение обучающихся инвалидов печатными и электронными образовательными ресурсами в формах, адаптированных к ограничениям их здоровья.
- Выбор мест прохождения практик для инвалидов с учетом требований их доступности для данных обучающихся.
- Установление образовательным учреждением особого порядка освоения инвалидами дисциплины «физическая культура».
- Проведение текущей и итоговой аттестации с учетом особенностей нозологий инвалидов.
- Разработка при необходимости индивидуальных учебных планов и индивидуальных графиков обучения инвалидов.

Требования к организации образовательного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий:

- Использование средств организации электронного обучения, позволяющих осуществлять прием-передачу информации в доступных формах в зависимости от нозологий
- Обеспечение обучающихся инвалидов учебно-методическими ресурсами в формах, адаптированных к ограничениям их здоровья.
- Обеспечение сочетания on-line и off-line технологий, а также индивидуальных и коллективных форм работы в учебном процессе, осуществляемом с использованием дистанционных образовательных технологий.

Требования к комплексному сопровождению образовательного процесса:

- Реализация дополнительных образовательно-адаптационных программ довузовской (предпрофессиональной) подготовки инвалидов при организации профессионального об-

разования.

- Использование методик профессиональной диагностики с целью оптимального выбора инвалидом направления подготовки в соответствии с индивидуальной программой его реабилитации.
- Сопровождение вступительных испытаний абитуриентов-инвалидов.
- Осуществление комплексного сопровождения образовательного процесса инвалидов в соответствии с индивидуальной программой реабилитации.
- Создание в образовательном учреждении толерантной среды.
- Создание безопасных условий жизнедеятельности в образовательной организации. Наличие отделения поликлиники или медпункта в образовательном учреждении.
- Осуществление содействия трудоустройству выпускников-инвалидов и их закреплению на рабочих местах.

Совокупность разработанных требований будет способствовать развитию нормативно-методического обеспечения и практики организации инклюзивного обучения инвалидов в организациях профессионального образования, сближению национальной системы профессионального образования с мировыми и европейскими стандартами инклюзивного обучения инвалидов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конвенция о правах инвалидов. Равные среди равных. М., 2008.
2. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
3. *Бермус А.Г.* Модернизация образования. Философия, политика, культура: монография. М., 2008.
4. *Мартынова Е.А.* Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья: монография. Челябинск, 2002.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 // СПС «Консультант Плюс».
6. *Мартынова Е.А.* Принципы инклюзивного образования инвалидов и их обеспечение законодательством РФ для системы высшего профессионального образования // Достижения вузовской науки: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013.
7. *Мартынова, Е.А., Романенкова Д.Ф.* Модель центра образования инвалидов в Челябинском государственном университете на основе системы интегрированного обучения. // Вопросы образования. 2006. № 2.
8. *Птушкин Г.С.* Проектирование структуры и содержания профессионального образования инвалидов: монография. Новосибирск, 2009.
9. *Романенкова Д.Ф.* Особенности реализации профессиональных образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом условий обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья // Современные проблемы науки и образования: сетевой журнал. 2013. URL: www.science-education.ru/110-9841 (дата обращения: 19.08.2013).

УДК 15.075

Михалец Ирина Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики Педагогического института им. В.Г.Белинского Пензенского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Калашникова Светлана Станиславовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Педагогического института им. В.Г.Белинского Пензенского государственного университета
editor@hist-edu.ru

ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассмотрены возможности и проблемы виртуального общения в студенческом возрасте на примере студентов педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, представлены результаты пилотажного исследования.

Ключевые слова: **виртуальная реальность, виртуальное общение, средства виртуального общения, последствия виртуального общения.**

Mikhalets Irina Viktorovna

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky, Penza State University
editor@hist-edu.ru

Kalashnikova Svetlana Stanislavovna

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky, Penza State University
editor@hist-edu.ru

VIRTUAL COMMUNICATION OF STUDENTS: A PILOT STUDY EXPERIENCE

The article considers the opportunities and problems of virtual communication at student's age by the example of the students of the Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky of Penza State University; the results of the pilot study have been presented.

Key words: **virtual reality, virtual communication, means of virtual communication, impact of virtual communication.**

Невозможно представить себе жизнь людей вне общения, при котором происходит обмен информацией, взаимовлияние, взаимооценка, сопереживание, формирование убеждений, взглядов и др. В настоящее время значительная часть населения помимо общения со своим социальным окружением, достаточно активно общается при помощи сети Интернет, т.е. виртуально.

Глобальные компьютерные сети, появившиеся в 1960-х гг., видоизменили не только совместную деятельность, но и общение между людьми. Исследования, проведенные в 1970-1990-е гг. зарубежными и отечественными специалистами, выявили, что компьютерные сети представляют собой новый этап в развитии внешних средств интеллектуальной деятельности, познания и общения. Применение компьютерных сетей ведет к значительным структурным и функциональным изменениям в психической деятельности человека. Эти изменения затрагивают познавательную, коммуникативную и личностную сферы [1].

Прежде чем рассматривать особенности виртуального общения, обратимся к понятию «виртуальная реальность». Студенты гуманитарных факультетов педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (общим количеством 140 чел. от 17 до 22 лет, в основном девушки), которые ежедневно используют Интернет, под виртуальной реальностью понимают:

– *реальность, созданную человеком для работы и развлечения;*

– *искусственную реальность, созданную с помощью техники, имитирующую действительную реальность;*

– *общение между людьми на расстоянии;*

– *виртуальную, вымышленную жизнь;*

– *мир иллюзий, выдумку.*

Распространение термина Виртуальная Реальность (ВР) началось с области трёхмерного моделирования посредством компьютерных технологий. Компания VPL Research (США), основанная в 1984 г. Джероном Ланье, впервые создала интерактивный головной шлем, связанный с компьютером. Такая технология позволяет пользователю погружаться в искусственную среду с полным спектром ощущений. По определению Дж. Ланье виртуальная реальность – это «иммерсивная и интерактивная имитация реалистичных и вымышленных сред, т.е. некий иллюзорный мир, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причём создается этот мир имитационной системой, способной формировать соответственные стимулы в сенсорном поле человека и воспринимать его ответные реакции в моторном поле в реальном времени» [2].

А.В. Юхвид сформулировал специфические свойства виртуальной реальности:

– порожденность (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней);

– актуальность (виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность);

– автономность (в виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования);

– интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них) [3].

Всемирную сеть Интернет на сегодняшний день можно считать одним из примеров виртуальной реальности. В ней и существует виртуальное общение, называемое ещё сетевой коммуникацией.

В ходе исследования было выявлено, что обучающиеся педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (далее ПИ им. Белинского ПГУ) используют социальные сети в Интернете, для *общения (100%), развлечения (73%),* а также*, чтобы занять время (45%), обменяться информацией, получить знания (68%), найти новых знакомых (37%) и др.*

У сетевой коммуникации имеется масса преимуществ по сравнению с общепринятыми способами личного общения: возможность поддерживать контакты с людьми, которые находятся на большом расстоянии, расширение круга общения до бесконечности, отсутствие необходимости беспокоиться о своей внешности и впечатлении, которые вы производите и др. Неудивительно, что виртуальное общение завоевывает все большее количество сторонников. Интернет предлагает следующие средства виртуального общения:

1. E-MAIL (Электронная почта вполне сравнима с обычной почтой, за исключением того, что электронное письмо приходит сразу после отправки).

2. Конференция (Самая большая компьютерная конференция – USENET – объединяет сотни тысяч машин по всему миру и напоминает доску объявлений и газету одновременно. Получать и отправлять сообщения может любой, чья машина связана с какой-нибудь другой машиной, которая получает сообщения конференции).

3. ICQ («I Seek You» – «Я тебя ищу» или просто «аська». Программа, позволяющая общаться со своими друзьями в on-line в реальном времени. Действует по принципу e-mail, только ещё быстрее, напоминает способ перебрасывания записками).

4. NetMeeting (Программа, позволяющая общаться голосом через Интернет. Поддерживает одновременно несколько собеседников).

5. Iphone (Похож на NetMeeting, но поддерживает видеопередачу. Еще более прост в использовании).

6. IRC (означает «Internet Relay Chat» и представляет собой систему, которая позволяет вести диалог с другими пользователями Internet на специальных «каналах» или лично).

7. Сетевые игры (Здесь «обитают» совершенно разные «виртуалы»: в зависимости от типа игры, ее закрытости или открытости для новичка, действующих правил и т.д.).

8. Виртуальные города и другие места обитания в Сети (Это нечто вроде клубов, где люди также либо общаются на интересные им темы, только здесь общение менее динамично, более подчинено этикету, который, как правило, определяют создатели клуба) [4].

Добавим к этой классификации Skype, который совмещает в себе функции электронной почты (переписка, передача файлов), чата (конференции) и видеоконференции) и социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», «Твиттер», «Фейсбук» и др.

Однако помимо преимуществ виртуальное общение имеет отрицательные последствия. Классик медиа-экологии Н. Постман утверждает, что с развитием электронной коммуникации «информация превратилась в мусор», изменился характер человеческих ценностей, что привело к моральному дефициту.

Интернет имеет разъединяющий эффект и приводит к дальнейшему усугублению индивидуализма. Ученые утверждают, что Интернет задевает струны примитивного детского нарциссизма. Меняется отношение ко времени, модели коммуникации, приоритеты. По мнению психологов, работа в Интернете – антисоциальна по своему характеру. Появилась возможность учиться, делать покупки, пользоваться банком, посещать психотерапевта, не выходя из дома. Утрачена возможность обмена опытом и впечатлениями, человеческая близость, чувство плеча. Употребление псевдонимов в качестве «имен пользователя» оказывает несомненное влияние на идентификацию и самоидентификацию языковой личности в процессе виртуального общения. Результатом стано-

вится развитие псевдоидентичности, – в коммуникацию вступает не реальная личность, а та, которой участник общения хочет себя представить.

Общение стало торопливым и предельно упрощенным. В коммуникативных стратегиях проявляется большая напористость и прагматизм [5].

Наиболее тяжелым последствием виртуального общения является возникновение Интернет-зависимости**.**

Пилотажное исследование, проведённое в ПИ им. Белинского ПГУ выявило, что, несмотря на то, что общаться «вживую» предпочитают 80% респондентов, в Интернете проводят ежедневно от двух до четырнадцати часов 98% студентов. При этом для общения используются в подавляющем большинстве социальные сети, такие как «ВКонтакте» (100%), «Одноклассники» (14%), «Твиттер» (7%), «Фейсбук» (7%) и др. От ежедневного общения в социальных сетях не могут отказаться даже в учебное время 40% обучающихся. «*Иногда*» заходят в социальную сеть во время учёбы еще 25% респондентов.

Студенты, принявшие участие в опросе, предпочитают общаться со сверстниками и обсуждать следующие темы: взаимоотношения – 30%, хобби – 13, любовь – 5, учеба – 7, личные проблемы – 25% и др. Среди них более 90% указали, что общение в социальных сетях помогает в жизни. Можно предположить, что современные студенты предпочитают решать проблемы не с родителями и специалистами, а в социальных сетях.

Студентам, участвующим в исследовании, было предложено провести день без компьютера и других гаджетов с восьми утра и до восьми вечера. На такой эксперимент решились только 40 девушек. Анализ отчётов студентов выявил: считают себя независимыми от современных средств связи 40% респондентов; «*зависимым незначительно*» – 40%; «*сильно зависимым*» – 20%. Прервали эксперимент 4 человека. 60% студенток указали, что тренировали свою волю. После окончания эксперимента «*зависимые*» студенты сразу вышли в Интернет и позвонили знакомым. Они отмечали, что чувствовали раздражительность, тревогу, агрессию, дискомфорт в течение дня или периодически:

– Я чувствовала себя маленьким ребёнком, у которого отобрали игрушку.

– Без интернета скучно невыносимо, казалось, что нахожусь на диете.

– Жуткий дискомфорт, ощущение потери контроля над ситуацией.

– Весь день ходила нервной и срывалась на кота.

– Отказ от компьютера поднял во мне просто бурю эмоций, в основном негативных. Я испытываю странную тоску, не такую сильную, как по хорошему другу, но все же…Мне кажется, что я что-то упускаю и, как ни странно, что жизнь проходит мимо меня. Я чувствую себя выкинутой из мира.

Значительно меньше (около 20%) респондентов включали в свои отчёты записи другого характера:

– В ходе эксперимента я чувствовала себя отлично, у меня было хорошее настроение, не было скучно. Просто я спланировала этот день по-другому, заняла себя разными полезными и интересными делами, и времени зря не потратила.

– Я испытывала ощущения спокойствия и радости от того, что я могу заняться своим любимым делом, не отвлекаясь на что-либо.

– Я поняла, что интернет совсем не важен в нашей жизни. Да, он удобен как средство поиска необходимой информации, но не как средство общения. Люди слишком много времени проводят в интернете, забывая о простом человеческом общении. Гораздо приятнее, поговорить с родителями, поделиться своими новостями, встретиться с друзьями, чем сидеть целый день перед компьютером либо телевизором.

Таким образом, есть основания считать, что проблема виртуального общения студентов и выявления интернет-зависимости требует комплексного изучения и диагностики. В этой связи становится актуальным создание и развитие специализированной психолого-педагогической службы вуза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Мотивация пользователей интернета. URL: http://hr-portal.ru/article/arestova-onbabanin-ln-boyskunskiy-ae-motivaciya-polzovateley-interneta (дата обращения 11.09.2013).
2. *Зудина Е.А.* Виртуализация общества: две среды одного пользователя **//** Архитектон: известия вузов: электронный журнал. 2009. URL: http://archvuz.ru/cont/165 (дата обращения 11.09.2013).

3. *Юхвид А.В.* Философские проблемы виртуальной реальности в творчестве, искусстве и образовании. Правовые аспекты использования виртуальных технологий // Персональный сайт Алексея Юхвида. URL: http://www.yukhvid.narod.ru/Doklad_Ekaterinburg.htm (дата обращения 11.08.2013).
4. Общение в Интернет, психологические проблемы виртуального общения / Эрудиция / Российская электронная библиотека. URL: http://www.erudition.ru/referat/ref/id.35036_1.html (дата обращения 11.08.2013).
5. *Леонтович О.А.* Проблемы виртуального общения. Волгоградский государственный педагогический университет. IREX, RSEP 1994; TEP 2000. Полемика: электронный журнал. Вып. 7. URL: www.irex.ru (дата обращения 11.08.2013).

УДК 37.013

Романова Елена Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки Владимирского юридического института ФСИН России
editor@hist-edu.ru

РОЛЬ СВЕРСТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТРАКТОВКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Рассмотрены некоторые подходы концептуализации и объяснения механизмов влияния связей с асоциальными сверстниками на формирование делинквентного поведения несовершеннолетних по материалам зарубежных исследований. Определены наиболее важные факторы защиты против воздействия групп делинквентных сверстников.

Ключевые слова: асоциальные сверстники, делинквенция, гомофилия, негативное влияние, отверженность, защитные факторы.

Romanova Elena Nikolaevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Professional Language Training, Vladimir Law Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia
editor@hist-edu.ru

THE ROLE OF PEERS IN THE FORMATION OF JUVENILE DELINQUENCY FROM THE STANDPOINT OF FOREIGN SCIENTISTS

Some approaches to conceptualization and explanation of the mechanisms of influence of interaction with antisocial peers on the formation of juvenile delinquency based on foreign studies have been considered. The most important factors of protection against the influence of delinquent peer groups are identified.

Key words: **antisocial peers, delinquency, homophilia, negative impact, being outcast, protective factors.**

Хорошо известно, что связи со сверстниками являются одним из самых сильных предикторов проблемного поведения несовершеннолетних, включающего злоупотребление алкогольных напитков и наркотиков, агрессию и делинквенцию. Как показало проведенное американскими и австралийскими учеными межнациональное исследование факторов риска и защитных факторов употребления несовершеннолетними алкогольных напитков и наркотиков, это воздействие последовательно отмечается во многих странах [1]. Актуальной данная проблема остается и в России. Действительно, есть свидетельства того, что связи со сверстниками могут быть тем механизмом, посредством которого социальное неблагополучие и семейные конфликты влияют на такие нежелательные жизненные исходы несовершеннолетних, как криминальное поведение, сексуальный промискуитет и ранняя беременность. Мало кто будет оспаривать тот факт, что общение с неблагополучными сверстниками увеличивает риск делинквенции, злоупотребления алкогольных напитков и наркотиков, опасного сексуального поведения. Однако существует ряд подходов концептуализации и объяснения таких отношений, изучение которых будет полезно для создания и корректировки отечественных программ превенции делинквентности несовершеннолетних. Каждое из этих объяснений по-разному видит смысл того, как развивается негативное влияние сверстников и как оно, в свою очередь, влияет на делинквенцию. Рассмотрим некоторые из представленных в зарубежных научных периодических изданиях подходы к объяснению этого многопланового феномена. Например, действительно ли асоциальные сверстники являются причиной вовлечения и развития делинквентного поведения? Или асоциальные несовершеннолетние просто ищут друг друга как способ создания сети поддержки рискованного поведения? Выбирают ли несовершеннолетние сами связь с неблагополучными сверстниками или же существует личностная предрасположенность и генетическое влияние, руководящие выбором сверстника? Существуют ли эволюционные процессы, которые каким-либо образом усиливают адаптативность к делинквентным сообществам сверстников?

Классические криминологические теории контроля такие, как, например, теория самоконтроля М. Годфредсона и Т. Хирши постулируют девиантных сверстников просто как корреляты личной девиантности или склонности к нарушению норм. Например, связь с асоциальными сверстниками рассматривается среди других характеристик как низкий уровень самоконтроля. Таким образом, несовершеннолетний может просто выбирать сверстников, похожих на себя самого. Анализ данных Национального долгосрочного исследования здоровья несовершеннолетних показал, что, скорее всего, курящие сверстники выберут друзей среди других курильщиков, чем связь с курящими сверстниками побудит несовершеннолетнего начать курить [2]. Изучение групп шведских несовершеннолетних показало, что большинство асоциальных несовершеннолетних выбирают так называемых «лучших друзей», демонстрирующих делинквентное поведение [3]. Такой тип

действия выбора сверстника известен как «гомофилия». Иными словами, подобные выбирают себе подобных.

С другой стороны, социальные теории научения, такие как теория дифференциальной ассоциации Е. Сазерленда, постулируют девиантных сверстников как возбудителей развития делинквенции несовершеннолетних. Несовершеннолетние, попавшие в плохую компанию могут начать проявлять асоциальное поведение, которое ранее не было очевидным. Например, исследования показали, что в позднем подростковом возрасте (17-18 лет) количество времени, проведенного с делинквентными друзьями, явилось предвестником вовлечения в кражи и вандализм [4]. В то же время исследование Л. Стайнберга и др. показало, что несовершеннолетние, находящиеся под серьезным родительским контролем, более устойчивы к такому влиянию сверстников [5]. Есть экспериментальные свидетельства того, что под влиянием соучастников использующих шпаргалки, 38% студентов колледжа, позже сообщали о своей готовности к списыванию, в то время как в контрольной группе таких студентов не было. Эти данные говорят о том, что и связь с делинквентными сверстниками, и подверженность влиянию таких сверстников является предикторами делинквентного поведения. Объяснение с позиций гомофилии, так же как и объяснение с позиций влияния не исключают друг друга. Многие исследования показали взаимный эффект, когда вовлеченность в рискованное поведение приводила к воздействию на сверстников и наоборот [6]. Однако есть и другие данные, указывающие на более сильное влияние гомофилии, а не воздействия, как в примере с курением. Важно отметить, что нельзя делать однозначных выводов, поскольку есть свидетельства о том, что есть типы делинквентного поведения, предикторами которого является воздействие, в то время как на другие влияет гомофилия. Например, П. Файт и Ч. Колдер утверждают, что проактивная агрессия – асоциальное поведение, намеренно инициированное для достижения специфических целей – ведет к гомофилии сверстников, а реактивная агрессия – ответ на фактическую или кажущуюся угрозу – является ответом на поведение сверстников [7]. Более того, определенные группы несовершеннолетних тяготеют к асоциальным сверстникам, в то время как другие могут подвергаться асоциальному влиянию сверстников на более ситуативной основе. Агрессивные несовершеннолетние, отвергнутые своими сверстниками, могут примкнуть к асоциальным группам как способу приспособления к друзьям-единомышленникам, и эти асоциальные группы усугубляют негативное поведение несовершеннолетних. Такие несовершеннолетние часто заводят дружбу, основанную на делинквентной деятельности. Другие могут временно присоединяться к этим асоциальным группам как способу «экспериментирования» с делинквентным поведением, но прекращают такое поведение по мере взросления. Тем не менее, несовершеннолетние, отвергнутые сверстниками и придерживающиеся «стойкого жизненного пути» по делинквентной траектории, повзрослев, чаще всего продолжают проявлять асоциальное поведение [8].

Очевидно, что роль сверстников в делинквенции несовершеннолетних достаточно сложна. Некоторые несовершеннолетние сами предпочитают приобщаться к делинквентным группам сверстников, для других на выбор общения с делинквентными сверстниками влияет асоциальное поведение последних. Процессы выбора и воздействия происходят одновременно и могут влиять друг на друга через обратную связь. Поэтому контекст сверстников в делинквенции динамичный и многоплановый. Тем не менее, вопрос, является ли предрасположенность несовершеннолетних к связям с асоциальными сверстниками их самостоятельным выбором или это влияние социума, остается актуальным.

Исследования показывают, что семейные процессы, особенно близость с родителями и родительский контроль, являются наиболее важными факторами защиты против воздействия групп делинквентных сверстников [9]. Когда родители поддерживают теплые и заинтересованные отношения с несовершеннолетними детьми, у них больше возможностей их контролировать, и дети не склонны скрывать информацию от родителей. Поэтому у родителей больше шансов вмешаться в процесс вовлечения их детей в общение с делинквентными сверстниками. С другой стороны, при конфликтных и напряженных отношениях с родителями несовершеннолетние в большей степени подвержены влиянию асоциальных друзей. Несовершеннолетние, активно выбирающие асоциальных друзей, обычно имеют серьезные и постоянные семейные проблемы. Отмечено, что лица из неблагополучных районов, испытывавшие высокий уровень семейных конфликтов в раннем детстве, имеют склонность выбирать делинквентных сверстников в подростковом возрасте [10]. Несовершеннолетние, подвергавшиеся таким травмам, как физическое и сексуальное насилие или постоянно становившиеся свидетелями насилия, находятся в зоне повышенного риска совершения насильственных преступлений в компании делинквениных сверстников. Родители, злоупотребляющие алкогольными напитками и наркотиками, являются причиной предрасположенности их несовершеннолетних детей к выбору асоциальных сверстников.

Биологические показатели также могут прогнозировать связь с асоциальными сверстниками и последующую делинквентность. Есть свидетельства того, что несовершеннолетние с определенной генетической предрасположенностью больше тяготеют к асоциальным сверстникам и в большей степени подвержены их влиянию [11]. Несовершеннолетние с определенными генетическими чертами более склонны к употреблению алкоголя и наркотиков, если они общаются с друзьями их употребляющими. Мальчики с повышенным уровнем тестостерона и недостатком нейрокогнитивных способностей регулировать свое поведение в большей степени склонны к вовлечению в делинквентное поведение со сверстниками [12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главную роль в связи с делинквентыми сверстниками играют гомофилия/самостоятельный выбор сверстников и влияние сверстников. Они сосуществуют и влияют друг на друга. Важная роль в этом процессе принадлежит также генетическим и нейробиологическим особенностям, травмирующему и жестокому окружению в детстве и отверженности сверстниками. Несовершеннолетние, чье делинквентное поведение является непостоянным или случайным, семейные конфликты и слабый родительский контроль становятся причиной их подверженности большему влиянию асоциальных сверстников. В любом случае, друзья являются мощным коррелятом делинквентного поведения, и для сокращения вероятности связи несовершеннолетнего с асоциальными сверстниками необходимо задействовать процессы в других сферах, и особенно семье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Beyers J.M., Toumbourou J.W., Catalano R.F., Arthur M.W. & Hawkins J.D.* A cross-national comparison of risk and protective factors for adolescent substance use // The United States and Australia. Journal of Adolescent Health. 2004. № 35.
2. *Hoffman B.R., Monge R.P., Chou C.-P. & Valente T.W.* Perceived peer influence and peer selection in adolescent smoking // Addictive Behaviors. 2007. № 32.
3. *Kiesner J., Poulin F. & Nicotra E.* Peer relations across contexts: Individual-network homophily and network inclusion in and after school // Child Development. 2003. № 74.
4. *Regnerus M.D.* Friends' influence on adolescent theft and minor delinquency: A developmental test of peer-reported effects // Social Science Research. 2002. № 31.
5. *Steinberg L., Blatt-Eisengart I. & Cauffman E.* Patterns of competence and adjustment among adolescents from authoritative, authoritarian, indulgent, and neglectful homes: A replication in a sample of serious juvenile offenders // Journal of Research on Adolescence. 2006. № 16.
6. *Simons-Morton B.* Social influences on adolescent substance use // American Journal of Health Behavior. 2007. № 31.
7. *Fite P.J. & Colder C.R.* Proactive and reactive aggression and peer delinquency: Implications for prevention and intervention. Journal of Early Adolescence. 2007. № 27.
8. *Light J.M. & Dishion T.J.* Early adolescent antisocial behavior and peer rejection: A dynamic test of a developmental process // New Directions for Child and Adolescent Development. 2007. № 118.
9. *Ingoldsby E.M., Shaw D.S., Winslow E., Schonberg M., Gilliom M. & Criss M.M.* Neighborhood disadvantage, parent–child conflict, neighborhood peer relationships, and early antisocial behavior problem trajectories // Journal of Abnormal Child Psychology. 2006. № 34.
10. *Beaver, K. M., Wright, J. P., & DeLisi, M.* Delinquent peer group formation: Evidence of a gene × environment correlation // Journal of Genetic Psychology . 2008. № 169.
11. *Kiesner J., Poulin F. & Dishion T.J.* Adolescent substance use with friends: Moderating and mediating effects of parental monitoring and peer activity contexts // Merrill Palmer Quarterly. 2010. № 56.
12. *Tarter R.E., Kirisci L., Kirillova G.P., Gavaler J., Giancola P. & Vanyukov M.M.* Social dominance mediates the association of testosterone and neurobehavioral disinhibition with risk for substance use disorder // Psychology of Addictive Behaviors. 2007. № 21.

УДК 377.5, 378.14

Романенкова Дарья Феликсовна

кандидат педагогических наук, начальник Регионального учебно-научного центра инклюзивного образования Челябинского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Романович Наталья Анатольевна

психолог Регионального учебно-научного центра инклюзивного образования Челябинского государственного университета
editor@hist-edu.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ АБИТУРИЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ И АБИТУРИЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены особенности профессиональной ориентации абитуриентов-инвалидов и абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья. Обоснована необходимость профориентационной дополнительной образовательной программы для инвалидов, реализуемой на базе учреждения профессионального образования, способствующей рациональному профессиональному самоопределению инвалидов. Раскрыто содержание и технологии реализации программы.

Ключевые слова: **инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение.**

Romanenkova Darya Feliksovna

PhD in Pedagogy, Head of the Regional Educational Scientific Center of Inclusive Education, Chelyabinsk State University
editor@hist-edu.ru

Romanovich Natalya Anatolyevna

Psychologist of the Regional Educational Scientific Center of Inclusive Education of Chelyabinsk State University
editor@hist-edu.ru

PROFESSIONAL ORIENTATION OF DISABLED APPLICANTS AND APPLICANTS WITH LIMITED HEALTH ABILITIES AS REQUIRED CONDITION OF THEIR PROFESSIONAL EDUCATION

The article considers the professional orientation features of disabled applicants and applicants with limited health abilities. The necessity of additional vocational guidance educational programme for disabled people implemented on the basis of the institution of vocational education contributing to rational vocational self-determination of the diabled has been substantiated. The content and technologies for the programme realization are introduced.

Key words: **disabled people, people with limited health abilities, professional orientation, professional self-determination.**

В настоящее время профессиональная реабилитация инвалидов является одним из актуальных и приоритетных направлений государственной политики в социальной сфере. В связи с этим в формировании социального статуса инвалида важное значение придается профессиональной составляющей реабилитационных мероприятий, которая направлена на становление профессиональной трудоспособности инвалидов и достижение их социальной и материальной независимости. Особая роль в этом направлении принадлежит профессиональной ориентации инвалидов.

В Положении о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации дается следующее определение профессиональной ориентации: профессиональная ориентация – это обобщенное понятие одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда [1; 2].

Профессиональная ориентация инвалидов является частью общей системы профориентации, при этом первому присущие особые черты, связанные с необходимостью диагностирования особенностей здоровья и психики инвалидов, характера дезадаптации, осуществления мероприятий по их реабилитации, коррекции, компенсации. Наличие физических ограничений здоровья инвалидов означает понимание особой природы процесса их взаимодействия с окружающей средой, в том числе в плане профсамоопределения. Это изменяет их социальную позицию, социальную установку в среде. Специфика профессионального самоопределения для инвалидов заключается в том, что маршрут развития их профессионального пути, будет зависеть от того, насколько инвалиды осознают (или не осознают) свой особый статус, ограничения возможностей здоровья. В этом случае зонами риска для инвалидов в плане профессионального самоопределения является выбор профессии без учета своих профориентационных возможностей [3]. В связи с этим профо-

риентационная помощь инвалидам, которая понимается как способствование развитию субъекта в профессиональном и личностном самоопределении, должна быть выстроена в соответствии с их психофизиологическими особенностями личности, а выявление и развитие профессиональных наклонностей должно быть грамотным и своевременным.

Поскольку профессиональная реабилитация включает в себя профессиональное обучение, которое может быть достигнуто только путем приобретения профессиональных навыков, умений и знаний в процессе обучения, обеспечивая в дальнейшем их успешную социальную реабилитацию и интеграцию с социальной средой, в реализации важной части перечисленных задач особая роль принадлежит профессиональному образованию.

Профессиональная ориентация в образовательном учреждении профессионального образования должна представлять собой научно-обоснованную систему мер, способствующую профессиональному самоопределению личности, формированию будущего специалиста, умеющего с наибольшей пользой для себя и общества применить в профессиональной деятельности свои склонности и способности, свободно ориентироваться и быть конкурентоспособным на рынке труда [4]. Рациональному профессиональному самоопределению инвалидов способствует профориентационная дополнительная образовательная программа, реализуемая на этапе предшествующем поступлению в учреждение профессионального образования. Необходимость в реализации такой программы на базе образовательного учреждения профессионального образования объясняется тем, что инвалиды-выпускники школ зачастую не готовы к осознанному самостоятельному выбору профессии. Неадекватная самооценка инвалидов, поступающих в колледж или вуз, функционирование механизмов психологической защиты часто проявляется в недооценке тяжести своего состояния здоровья и неадекватном выборе профессии.

В целом профориентационная дополнительная образовательная программа позволяет актуализировать и обогатить знания инвалидов в области профессионального самоопределения, создать целостную картину индивидуальных профессиональных возможностей. В процессе применения профориентационной программы должны быть реализованы основные цели профориентации инвалидов: достижение сбалансированности между профессиональными интересами личности, его психофизиологическими особенностями и возможностями рынка труда; формирование внутренней готовности к осознанному, адекватному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего профессионального развития; прогнозирование профессиональной успешности в какой-либо сфере трудовой деятельности; оказание морально-эмоциональной поддержки учащихся инвалидов (формирование оптимистичного отношения к своему профессиональному будущему); содействие непрерывному росту профессионализма личности как важнейшего условия ее удовлетворенности трудом и собственным социальным статусом, формирования здорового образа жизни и достойного благосостояния [5].

Особенностью профориентационной программы для инвалидов является учет того, что их учеба наполнена не только традиционными сложностями познания, усвоения нового, которые испытывают все обучающиеся, но и наличием проблем, связанных с состоянием здоровья, дефицитом навыков общения, отношением к ним со стороны окружающих.

При организации профориентационной работы с инвалидами в учреждении профессионального образования необходимо учитывать специфику физического ограничения, обучения и развития, возможности компенсаций нарушений в развитии, поскольку данный факт влияет на особенности процесса их профессионального самоопределения. Выявление личных интересов и склонностей в выборе профессиональной деятельности, характера и степени тяжести нарушения, доступных видов труда позволяют определить содержание, методы и формы профориентационной работы с разными категориями инвалидов. Таким образом, в процессе организации профориентационной работы с инвалидами целесообразно осуществлять профориентационную помощь в соответствии с двумя уровнями профсамоопределения, что позволит разграничить базовую готовность инвалидов к профвыбору и дифференцированную готовность инвалидов к профвыбору. Формирование базовой готовности инвалидов к профвыбору происходит независимо от вида и степени физического ограничения, этот уровень является общим для всех. Формирование дифференцированной готовности обеспечивает дифференцированный подход к профессиональному самоопределению инвалидов в зависимости от вида и степени физического ограничения, их возможностей и способностей с учетом сведений о состоянии физической работоспособности и возможности заниматься тем или иным видом труда, состояния эмоционально-волевой, сенсомоторной, интеллектуальной сферы, развития речи и коммуникативных навыков, значимых для профессиональной деятельности, характеру изменений психологического и социально-психологического статуса инвалида, связанных с заболеванием или травмой.

Трудности и особенности профессионального самоопределения лиц с ограниченными возможностями здоровья обусловлены еще и тем, что многие профессии предъявляют повышенные требования к здоровью человека. Это также требует индивидуального подхода к отдельному случаю. Каждая группа заболеваний имеет свою специфику, степень их выраженности, благоприятные (неблагоприятные) факторы условий труда, профессии, форму трудового устройства и соответственно противопоказания, связанные со значительным напряжением тех или иных органов.

В связи с этим в основе индивидуального подхода, обеспечивающего дифференцированную готовность инвалидов к профессиональному выбору, должна лежать оценка следующих значимых факторов:

а) требований, предъявляемых конкретной профессией к здоровью инвалида;

б) условий труда, значимых с точки зрения сохранения здоровья;

в) медицинских ограничений профессиональной пригодности при различных заболеваниях.

Профориентационная образовательная дополнительная программа учреждения профессионального образования для инвалидов может включать в себя или иметь отдельные формы и методы работы. К таким формам профориентационной работы можно отнести: профориентационный курс, урок или его фрагменты, факультативные занятия, профориентационные встречи, профориентационные экскурсии, вечер защиты профессий, лектории, проведение профессиональных проб, участие в дне открытых дверей, профориентационном тестировании, олимпиадах, изучение рекламно-информационных материалов для инвалидов, разработка и изучение профессиограмм специальностей и направлений подготовки и т.д.

Одной из оптимальных и наиболее эффективных форм осуществления профориентационной работы с инвалидами на базе учреждения профессионального образования является специально разработанный учебный образовательно-реабилитационный курс, направленный на адекватное, самостоятельное и осознанное профессиональное самоопределение. Подобные курсы являются системообразующей связью комплексного профориентационного влияния на процесс профессионального самоопределения и профессионального выбора.

В Челябинском государственном университете в течение ряда лет в рамках адаптационно-образовательной программы довузовской подготовки инвалидов успешно реализуется курс «Психология личности и профессиональное самоопределение» [6]. Данная дисциплина не просто знакомит инвалидов с психологией как наукой о душе, о внутреннем мире человека, но и активизирует процессы самонаблюдения, самопознания, самовоспитания, саморазвития и саморегуляции учебной деятельности, общения и жизнедеятельности в целом. Достигается это за счет воздействия на когнитивную, мотивационно-деятельностную и эмоционально-волевую сферы личности. Занятия ориентированы на осознание трудностей, совместный поиск и активизацию сил для решения значимых для инвалидов проблемных вопросов:

– вопросы самопознания, саморегуляции, самоопределения, самореализации – преодоление чувства неполноценности, повышение уверенности в себе, поиск смысла жизни;

– вопросы, связанные с обучением, возможными способами деятельности, оптимальным выбором профессии, планированием жизненного и профессионального пути;

– вопросы взаимоотношений – поиск друга, партнера, преодоление страхов и барьеров в общении, преодоление конфликтов.

Основной раздел курса посвящается проблеме профессионального самоопределения и призван познакомить абитуриентов-инвалидов с проблемой выбора профессии, с факторами, влияющими на профессиональный выбор, потребностями современного рынка труда, а также мотивировать учащихся к ответственному профессиональному выбору на основе выявленных в процессе практических занятий индивидуально-психологических особенностей инвалидов.

В основе профориентационной программы, реализуемой учреждением профессионального образования, находится сознательная деятельность педагогов и других участников (субъектов) педагогического процесса, основанная на единстве четырех функций:

- диагностики существа возникшей проблемы (профконсультация на начальном этапе);

- информация о проблеме, имеющихся противоречиях (профдиагностика);

- пути решения проблемы (коррекция профессионального выбора с помощью профпросвещения, реализации профориентационного курса и учебных дисциплин довузовской подготовки, применения дифференцированного подхода к профессиональному самоопределению инвалидов, участия взаимодействующих субъектов довузовской подготовки в профессиональном самоопределении инвалидов);

- профориентационная помощь на этапе реализации плана решения (профессиональный выбор).

Таким образом, реализация профориентационной программы в учреждении профессионального образования способствует формированию у обучающихся инвалидов внутренней готовности к профессиональному самоопределению, освоению технологии принятия решения в выборе направления образовательного и профессионального маршрута, овладению навыками проектирования и оценки внешних препятствий на пути к профессиональным целям, расширению знаний о мире профессий и специфике современного ранка труда.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что организованная в учреждении профессионального образования профориентация выступает в качестве своеобразного социального института, включающего в себя оказание современных профориентационных услуг, систему социальной поддержки молодых инвалидов, способы распространения социально значимой профессиональной информации. Выделенные формы профориентации позволяют организовать поэтапную работу с абитуриентами-инвалидами, определить их образовательные и профессиональные перспективы, потенциальные возможности, компенсаторные механизмы. Такая работа по профессиональной ориентации должна быть комплексной, системной, содержательной, за счет включения каждого обучающегося в разнообразные виды и формы профориентационной работы, при непосредственном участии учебных заведений и других социальных институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации. Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 27.09.1996. № 1 // Бюл. М-ва труда и соц. развития РФ. 1996. № 11.
2. *Пряжникова Е.Ю., Пряжников Н.С.* Профориентация. М., 2005.
3. *Савиных В.Л.* Профессиональное самоопределение подростков группы риска: монография. Курган, 2000.
4. *Мартынова Е.А., Романович Н.А.* Профессиональное самоопределение личности инвалида как условие формирования специалиста в системе высшего профессионального образования // Проблемы непрерывного профессионального образования в XXI веке: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / Междунар.акад.наук пед.образования, Шадр.гос.пед.ин-т. Шадринск, 2013.
5. Профессиональная реабилитация инвалидов: справ.-информ. пособие. Департамент федер. гос. службы занятости населения г. Москвы. М., 2002.
6. *Романенкова Д.Ф., Романович Н.А.* Психолого-педагогические и технологические основы профориентационной работы с абитуриентами-инвалидами в виртуальной образовательной среде // Педагогическое образование в России. 2013. № 1.

УДК 373.7 Е70

Русакова Татьяна Геннадьевна

доктор педагогических наук, профессор кафедры художественно-эстетического воспитания Оренбургского государственного педагогического университета
editor@hist-edu.ru

Еренкова Наталья Владимировна

аспирант кафедры общей педагогики Оренбургского государственного педагогического университета
editor@hist-edu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРО-ДИНАМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ КОЛЛЕДЖА В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО ОПЫТА СТУДЕНТА

Рассматривается возможность влияния культуро-динамической среды колледжа на формирование духовного опыта студента. Показаны структурные компоненты и функции образовательной среды учебного заведения, которые определяют педагогический потенциал культуро-динамической среды колледжа в формировании духовного опыта студента.

Ключевые слова: **духовный опыт, обогащение духовного опыта студента, потенциал культуро-динамической среды колледжа.**

Rusakova Tatyana Gennadyevna

Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Artistic and Aesthetic Education, Orenburg State Pedagogical University
editor@hist-edu.ru

Erenkova Nataliya Vladimirovna

Postgraduate Student of the Department of General Pedagogy, Orenburg State Pedagogical University
editor@hist-edu.ru

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF COLLEGE CULTURAL AND DYNAMIC ENVIRONMENT IN THE FORMATION OF STUDENT'S SPRITUAL EXPERIENCE

The article considers the possible influence of the college cultural and dynamic environment on student's spiritual experience formation and points out structural components and functions of educational environment of institution that determine pedagogical potential of the college cultural and dynamic environment in the formation of student's spiritual experience.

Key words: **spiritual experience, enrichment of student's spiritual experience, potential of cultural and dynamic environment in college.**

Современные тенденции развития общества, которые глубоко затронули не только социально-экономическую, но и духовно-нравственную сферу, сместили социально-культурные ценности в сторону получения прагматических результатов, глобализации и информатизации мирового сообщества, которые влекут за собой кризис культуры и социальные потрясения, затрагивают духовную сферу личности человека. По мере развития человечества его совокупный духовный опыт постоянно обогащается, и в каждую последующую эпоху человек стоит перед все более сложным выбором духовных ориентиров. Целостность и последовательность духовного развития личности, становления ее духовного опыта обеспечиваются системным подходом к организации среды, непосредственно воздействующей на процесс, и способов взаимодействия с ней.

Духовный опыт мы рассматриваем с позиции современного нерелигиозного понимания духовности как понятия, обобщенно отражающего ценности (смыслы) и соответствующий им опыт, противоположные эмпирическому («материальному», «природному») существованию человека или, по меньшей мере, отличные от него (Б.М. Бим-Бад, Т.И. Власова). Это интегральный смыслозначимый образ переживаемых событий, состояний, действий, основанный на стремлении субъекта к духовному развитию. В период обучения субъекта духовного развития в колледже (16-20 лет), связанный с профессиональным становлением и характеризующийся устремленностью в будущее, активным постижением социального мира, формированием гражданской позиции (Л.И. Божович, И.С. Кон, А.В. Мудрик, Е.А. Шумилин), духовный опыт проявляется в необходимости построения собственной системы духовных ценностей и духовно-нравственных мотивов в достижении поставленных целей и определяющих перспективу духовного роста личности. Под «обогащением» духовного опыта студента мы подразумеваем совокупность процессов духовного взаимодействия (непосредственного или опосредованного Произведениями Культуры) с носителями духовных ценностей, переосмысления духовно-нравственных мотивов личности, конструктивного и ответственного решения смысложизненных задач. Обогащение духовного опыта студента обусловлено потребностью личности и общества в духовно-творческой самореализации современных студентов и происходит в определённых педагогических и психологических условиях, созданных в образовательной среде колледжа.

В толковом словаре русского языка среда определяется как окружающие человека социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий

[1, с. 660]. В самом общем смысле среду можно рассматривать как окружение, с которым взаимодействует тот или иной субъект. Выделяют следующие теории влияния среды на жизнедеятельность личности [2, с. 2] географического детерминизма (Л. Гумилев, Ш. Монтескье); экономического детерминизма (Д. Рикардо, А. Смит); социального детерминизма (Э. Дюркгейм, Д. Тафт); информационного и технологического детерминизма (М. Маклюзи); детерминизма, отдающего приоритетную роль в жизни человека его биологической предзаданности (Ж.П. Сартр, А. Камю).

В науке отчетливо прослеживаются две основные концепции среды: «молекулярная» и «факторная». Они различаются по оценке отношений между человеком и средой. Первая, «молекулярная», акцентирует внимание на свободе выбора, вторая «факторная», – на моменте принуждения.

С позиции «молекулярной» концепции среда представляет собой [3, с. 11] пространство и время (М. Хайдметса); место, где есть нечто особенное, индивидуальное, неповторимое (В.Л. Глазычев); совокупность различных возможностей для сложных взаимодействий, напрямую зависящих от процесса общения и представляющих множество способов существования (Дж. Гибсон).

С точки зрения «факторной» концепции сред (Б.А. Быков, К.К. Патонов, С. Попов), среда рассматривается: «как условие, совокупность условий, компонентов, выступающих стимулами, раздражителями, агентами влияния на человека» [2, с. 2] как окружения людей, подразумевающее различие естественной и искусственной среды [4] как совокупность компонентов, с которыми человек сталкивается в процессе жизнедеятельности [2, с. 3].

Несмотря на явные различия, «факторная» и «молекулярная» концепции дополняют друг друга, что позволяет увидеть, как предоставляя свободу субъектам, среда развивает их, делая их независимыми от обстоятельств, но вместе с тем, ограничивая свободу, формирует личностные характеристики субъектов данными условиями.

В теории и практике воспитания первой половины XX в. мы находим предпосылки трактовки среды в качестве средства управления процессом становления личности ребенка (С.Т. Шацкий) [5, с. 92-93] среда воспринимается не только как объективный фактор становления личности, но и как объект педагогического воздействия, в результате чего она становится средством воспитания (А.П. Пинкевич) [6, с. 10] «…определенная воспитывающая среда» (А.Г. Калашников) [7, с. 75] «Мы воспитываем не напрямую, а при помощи среды (…) специально формируем для этих целей среду» (Д. Дьюи) [8, с. 24]. На современном этапе развития педагогической науки среда рассматривается с различных сторон влияния на развитие личности: социальная среда, воспитательная и воспитывающая среды, образовательная, культурная, культурно-образовательная, культуродинамическая и др.

В отечественной гуманитарной науке понятие среды тесно связывается с понятием личности. Социализация личности есть объективное явление, она многоаспектна, и поэтому изучается во многих науках. В педагогике как науке об образовании учитываются и используются все аспекты социализации для познания и оптимальной организации передачи социального опыта и духовных ценностей от поколения к поколению.

Понятие «образовательная среда» подчеркивает факт множественности воздействий на человека и объемлет широкий спектр факторов, определяющих воспитание, обучение и развитие личности. Современная трактовка категории «образовательная среда» характеризуется выделением и изучением её разнообразных уровней и структурных компонентов. Так, характеризуя структуру образовательной среды, Ю. Кулюткин и С. Тарасов называют пространственно-семантический, содержательно-методический и коммуникационно-организационный её компоненты [9]. В состав образовательной среды включают социально-психологические, учебно-методические и предметно-пространственные компоненты (Е.А. Климов, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др.).

Понятие «культурная среда» используется самостоятельно сравнительно недавно и рассматривается чаще всего как внутренняя принадлежность понятия «образа жизни» (П.Н. Савицкий). С философско-педагогической точки зрения культурная среда рассматривается как стойкая совокупность предметных и духовных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект (личность, группа, общество) и которые влияют на его деятельность по созданию и освоению духовных и материальных ценностей, на формирование его духовных потребностей, интересов, ценностных ориентаций в сфере культуры [10].

Интеграция «образования в культуру» и, наоборот, «культуры в образование», по мнению Е.В. Бондаревской, позволяет активно осуществлять процессы социализации в обществе в определенной культурной среде, результатом которой является образование и воспитание «человека культуры». Образование – это социокультурная система, обеспечивающая культурную преем-

ственность (трансляцию культурных норм, ценностей, идей) и развитие человеческой индивидуальности, как способ подготовки человека к успешному существованию в социуме и культуре.

Современные толкования, раскрывающие смысл термина «культурно-образовательная среда», опираются на идеи П. Флоренского, отождествлявшего культуру со средой, которая растит и питает личность. Эту же идею выдвигал и Д.С. Лихачев, который считал, что культурная среда необходима человеку для его духовной, нравственной жизни, самодисциплины и социальности. В культурно-образовательной среде работает механизм функционирования и трансляции культуры, включающий систему образования, культурно-просветительских учреждений, книги, периодику, культурно-информационную систему как средство распространения знаний. Культурно-образовательную среду необходимо рассматривать в контексте как ее духовного содержания, которое определяется общим культурным развитием людей, степенью развития их духовных потребностей и интересов, господствующими ценностными ориентациями, а также наличием святынь, священных мест, храмовых и культовых комплексов; так и социальных и материально-хозяйственных условий сообщества. При этом возможно оценивать качество среды через представляемые возможности, важнейшей из которых является возможность образования.

Основываясь на исследованиях Т.Г. Русаковой [11] по созданию культуро-динамической системы содействия становлению духовного опыта младшего школьника, мы считаем, что данная система может быть основой для создания культуро-динамической среды обогащения духовного опыта студента. Культурный аспект данной системы базируется на следующих характеристиках культуры: системность, кумулятивность, динамичность, человекоцентризм, коммуникативность, смыслообразование. Понятие «динамический» трактуется как-то, что связано с движением, с действием, что изменяется и описывается уравнениями или закономерностями. Культуро-динамическая система придает смысл постоянно изменяющимся внешним по отношению к системе условиям и изменяется вместе с ними, сохраняя целевые ориентиры воспитательной деятельности – становление, развитие и обогащение духовного опыта личности.

В широком смысле культуро-динамическую среду можно рассматривать как структуру, состоящую из нескольких взаимосвязанных уровней: глобальный, региональный, локальный. Глобальный уровень вмещает в себя общечеловеческие ценностно-смысловые доминанты, духовные ценности мировой и отечественной культуры, базовые национальные ценности, которые способствуют реализации способов духовного существования личности. Региональный уровень отражает: культурно-историческое наследие; формы организации жизнедеятельности в соответствии с социальными и национальными нормами, обычаями, традициями, средствами коммуникации данного региона; мировоззрение и гражданские качества личности. К локальному уровню мы относим образовательное учреждение (микрокультура, архитектурно-эстетическая организация жизненного пространства студентов, символическое пространство колледжа), особенности общения и коммуникации субъектов в культуро-динамической среде.

В общем виде культуро-динамическая среда может иметь следующие структурные компоненты:

- пространственно-семантический, который включает физическое окружение, социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей; предметно-пространственное окружение, вводящее человека в мир культурно-эстетических и художественных ценностей, и отношений;

- содержательно-методический, включающий человеческие факторы, программу обогащения духовного опыта студента, формы и методы реализации программы духовного обогащения студента (нестандартные типы занятий, творческие дискуссии, конференции, экскурсии и т.д., научно-исследовательская и проектная деятельность студентов и исследовательские общества и др.);

- коммуникационно-организационный компонент, включающий коммуникационную сферу, способствующую диалогичности творчески-созидательного взаимодействия всех субъектов образовательного процесса; организационно-креативные условия (наличие творческих групп студентов и преподавателей и др.)

В образовательном процессе культуро-динамическая среда выступает как *педагогический инструмент* изучения факторов, условий, средств, особенностей обогащения духовного опыта студента; позволяет создать *пространство духовного обогащения*, где созданы условия для формирования такого типа ментальности, который позволит человеку реализовать свою духовную направленность в конкретных культурных условиях; является *условием духовного взросления* участников образовательного процесса, ведущего от потребления к созданию духовных ценностей, которые определяют способы духовно-практической деятельности. В реализации этих функций культуро-динамической среды колледжа мы видим ее педагогический потенциал.

Под «потенциалом» традиционно понимается либо возможность, либо способность, либо ресурсы. Опираясь на идеи направленности потенциала, педагогический потенциал выступает «как присущее человеку и социуму в целом, а также социально значимым предметам и явлениям свойство иметь определённые возможности, способности, ресурсы, направленные на формирование и развитие личности в процессе её образования» [12, с. 25].

Педагогический потенциал культуро-динамической среды колледжа обеспечивает возможность реализации:

- воспитательных ресурсов предметно-пространственного окружения студента внутри образовательного учреждения (архитектурно-эстетическая организация жизненного пространства студентов включает: обустройство помещений колледжа, мастерских, выставочного зала, прилегающей территории образовательного учреждения; культурно-историческое наследие Оренбуржья представлено творческими работами преподавателей (художников, известных в России и за ее пределами) и студентов, созданных на основе народных промыслов края; духовные ценности отечественной культуры изучаются на предметах общепрофессионального цикла, публичных лекциях, обсуждаются на студенческих конференциях, дискуссионных творческих площадках);

- образовательных возможностей содержания обогащения духовного опыта студента (система духовных-нравственных знаний, реализуемая программой духовно-нравственного воспитания студентов колледжа; формирование мировоззренческих и гражданских качества личности, способствующих умению сознательно выстраивать и оценивать *отношение* к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом; опора базовые национальные ценности, существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях многонационального народа Российской Федерации, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях);

- коммуникативно-организационных возможностей совместной духовно-практической деятельности (организация системы взаимодействия с субъектами культуро-динамической среды обеспечена совместной деятельностью с культурными центрами и творческими союзами; реализация способов духовного существования: творческие мастерские, участие в волонтёрском движение, в конкурсах профессионального мастерства, в коллективно-творческих делах) субъектов образовательного процесса по созданию этой среды и взаимодействию с ней.

Таким образом, культуро-динамическая среда способствует обогащению духовного опыта студента колледжа, оказывая непосредственное влияние на углубление знаний о духовных ценностях общества и личности, о необходимости наличия духовного идеала; определяет перспективы духовного роста личности; содействует проявлению положительной мотивации к духовно-практической деятельности; стимулирует проявления волевых усилий, способности к духовному труду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986.
2. *Мануйлов Ю.С.* Средовой подход в воспитании. Кустанай, 1997.
3. *Глазычев В.Л.* Дух места // Освобождение духа / под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. М., 1991.
4. *Белозерцев Е.П.* В.В. Розанов и И.А. Бунин об образовании в России // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 850-летию г. Ельца. Елец, 1996.
5. *Шацкий С.Т.* Педагогические сочинения: в 4-х т. М., 1964.
6. *Пинкевич А.П.* Основы советской педагогики. М., 1929.
7. *Калашников А.Г.* Избранные труды. М., 1990.
8. *Дьюи Дж.* Демократия и образование. М., 2000.
9. *Кулюткин Ю., Тарасов С.* Образовательная среда и развитие личности. URL: http://www.znanie.org/jornal/ n1_01/ obraz_sreda.html (дата обращения 30.08.2012)
10. Культурная среда и духовное формирование личности. Ташкент, 1981.
11. *Русакова Т.Г.* Сущностные характеристики духовного опыта в понятийно-терминологическом аппарате теории воспитания // Alma mater. Вестник высшей школы. 2005. № 7.
12. *Рындак В.Г.* Непрерывное образование и развитие творческого потенциала учителя: теория взаимодействия: монография. М., 1997.

УДК 37 012

Степанов Евгений Александрович

старший преподаватель кафедры технологии и предпринимательства КГПУ им. В.П. Астафьева
editor@hist-edu.ru

Stepanov Evgeny Aleksandrovich

Senior Lecturer of the Department Technology and Entrepreneurship, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
editor@hist-edu.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И СОЦИУМА В ФОРМИРОВАНИИ ДЕЛОВЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

ENSURING THE EFFICIENCY OF THE INTERACTION BETWEEN SCHOOL, FAMILY AND SOCIETY IN FORMATION OF BUSINESS CHARACTER TRAITS OF RURAL SCHOOLCHILDREN

В статье рассматриваются возможности обеспечения эффективности взаимодействия школы, семьи и социума в формирования деловых черт характера сельских школьников в рамках разработанной автором системы проектной деятельности. Представлено концептуальное обоснование систем взаимодействия, методические основы, определены условия реализации и критерии оценки эффективности достигнутых результатов, что позволяет адаптировать систему в других сельских средних учебных учреждениях в регионах России.

Ключевые слова: **сельская школа, деловые черты характера, формирование деловых черт характера сельских школьников, трудовая деятельность в школе, технология проектной деятельности, практико-ориентированные проекты, инновационные технологии обучения, деловая активность школьников.**

The article considers the possibilities of achieving the efficiency of interaction between school, family and society in formation of business traits of character of rural school students within the system of project-based learning that has been developed by the author. The conceptual substantiation of the interaction systems and methodological foundations has been introduced, the conditions for realization and assessment criteria of the attained result efficiency have been determined. That allows to adapt the system for other rural secondary educational institutions of the Russian regions.

Key words: **rural school, business character traits, formation of business character traits of rural school students, labor activity at school, project-based learning, practice-oriented projects, innovative teaching technologies, business activity of school students.**

Эффективность взаимодействия школы, семьи и социума в формировании деловых черт характера сельских школьников достигается за счет реализации совместных практико-ориентированных проектов. В настоящее время практико-ориентированный подход признается одним из ведущих в развитии личности школьника, поскольку предполагает активное обучение [1]. Активное обучение как метод развития деловых черт характера – это всегда погружение в процесс, совместная деятельность, обучение на примере.

Практико-ориентированный подход позволяет рассматривать такое погружение в процесс как основной источник познания. Если в случае традиционного подхода к обучению соотношение теории и практики составляет по нашим оценкам 70% на 30%, то в случае практико-ориентированного подхода имеет место обратная ситуация – 70% практики к 30% теории, что повышает эффект воспитательно-образовательной работы. При этом важно подчеркнуть, что с точки зрения продуктивности и направленности на перспективу, наиболее эффективными оказываются те проекты, которые позволяют применить знания, полученные в ходе их реализации, в дальнейшей трудовой деятельности. То есть, чем более отвлеченными от реальной трудовой ситуации являются полученные навыки, тем быстрее они утрачиваются.

Важность практико-ориентированного подхода к обучению в школе трудно переоценить, поскольку он позволяет создать условия для развития деловой компетентности школьника, подготовить почву для развития профессиональной компетентности. Разрабатывая программу каждого конкретного практико-ориентированного проекта, необходимо ориентироваться на систему мотивов школьников, поскольку возможность реализации мотивов в ходе обучения имеет важнейшее значение для формирования готовности к обучению. Исследования показывают, что основными мотивами обучения старшеклассников являются мотивы социальные [2]. Старшеклассники ориентированы на получение тех знаний и навыков, которые пригодятся им в практической деятельности. Именно это является причиной неравномерного интереса старшеклассников к школьным предметам. Если школьник считает, что предмет полезен для него (имеет значение для будущей профессиональной деятельности), возникает стремление не только к скрупулезному изучению программы, но и к выходу за рамки программы. В том случае, если предмет не имеет, с точки зрения старшеклассника, практического значения, то он может изучаться поверхностно или вообще игнорироваться. С этой точки зрения практико-ориентированный подход является средством, поз-

воляющим удовлетворить основные мотивы учащихся старших классов, что невозможно при традиционном подходе к обучению, поскольку традиционная фора обучения не предполагает параллельного получения теоретических знаний и практических навыков (т.е. реализации полученных знаний на практике).

Необходимо также выделить ряд дидактических условий, которые наряду с ориентацией на мотивы школьников позволяют повысить эффективность практико-ориентированных проектов. Прежде всего, это организация интенсивного мыслительного процесса школьника. Высокая активность при поиске путей и способов решения поставленной задачи позволяет обеспечить полное вовлечение в процесс, что повышает мотивации. Акцент на безусловной значимости достигнутых результатов, особенно в том случае, если речь идет о коллективной деятельности. Школьнику важно не только испытывать удовлетворение от того, что задача решена, но и осознавать, что она решена благодаря его непосредственному участию. Помимо этого важно обеспечивать в ходе реализации практико-ориентированных проектов возможность индивидуального развития школьника даже в том случае, если проект является коллективным. Задача практико-ориентированного обучения – получение всех предусмотренных знаний и навыков каждым учащимся. Эта задача может решаться, например, за счет чередования индивидуальных и коллективных заданий, а также за счет периодической смены участка деятельности.

С точки зрения обеспечения эффективности взаимодействия школы, семьи и социума в ходе практико-ориентированного обучения, можно говорить о том, что практико-ориентированный проект всегда нацелен на социальные интересы, как самих участников проекта, так и окружающего социума. В качестве примера можно привести проект, который реализуется в с. Талое Емельяновского района Красноярского края – возведение храма равноапостольных Кирилла и Мефодия силами жителей села при участии учителей и старшеклассников местной школы. Его социальная значимость определяется тем, что возводимый храм с самого начала подготовки проекта рассматривался как действующий, что определило высокую значимость проекта для верующих жителей с. Талое. Помимо этого, практико-ориентированный проект должен учитывать необходимость соблюдения единства эмоционально-образного и логического компонента содержания. При его реализации важными оказывается не только получение необходимых профессиональных знаний и навыков, но и эмоциональное развитие учащихся. Проект по строительству храма в с. Талое отвечает этому требованию, поскольку в ходе его реализации происходит приобщение к духовным и культурным ценностям русского народа, ориентация на традиционные представления о долге и нравственности, что способствует эмоциональному, нравственному развитию его участников.

В данном случае особое значение имеет то, что данный практико-ориентируемый проект реализуется в условиях села. Значение села для России невозможно переоценить, поскольку Россия – это страна с большим аграрным потенциалом, который не реализуется на сегодняшний день в полной мере. Одной из основных причин является нехватка квалифицированных молодых специалистов, готовых работать на селе. В России до сих пор отмечается зафиксированный еще в конце 1990-х гг. отток кадров из аграрного сектора. Так в период с 2006 по 2011 гг., по данным Росстата, отток составил в сельском хозяйстве 20,6%, в а в обрабатывающем производстве 16,3%. В таких условиях становится особенно актуальным воспитание молодежи, готовой осваивать профессии, актуальные в сельской местности. В первую очередь речь идет о профессиях, непосредственно связанных с сельским хозяйством. Для этого сельской молодежи необходимо обладать необходимым набором деловых черт характера. Эти черты должны формироваться во время школьного обучения посредством реализации практико-ориентированных проектов.

С нашей точки зрения, эффективная реализация программ развития деловых черт характера невозможна без взаимодействия школы, семьи и социума. Именно это позволит соблюсти принцип единства обучения (школа), воспитания (семья) и развития (социум) личности. Разумеется, функции, которые несет школа, не ограничиваются только обучением, в школе решаются и задачи воспитания, семья и социум также не отвечают изолированно только за воспитание и только за развитие, однако выделенные функции являются для перечисленных социальных институтов ведущими.

В процессе взаимодействия каждая из сторон имеет свои задачи по отношению к другим сторонам. Мы полагаем, что при реализации практико-ориентированных проектов по развитию деловых черт характера школа по отношению к семье и социуму решает следующие задачи:

- повышение воспитательного потенциала семьи и развивающего потенциала социума за счет вовлечения в совместную деятельность (воспитание собственным примером);

- направление воспитательного и развивающего потенциала для решения конкретных задач – развития деловых черт характера.

Воспитательные предпосылки семьи зависят от типа семьи (нуклеарная или расширенная), ее структуры (соотношения поколений), места проживания (регион и размер населенного пункта), материальной обеспеченности, психологического микроклимата, семейных традиций, уровня культуры и образования старших членов семьи, а также крепости коммуникативных связей в семье. Часть из перечисленных характеристик являются объективными, а часть – субъективными, но все они влияют на повышение или понижение воспитательного потенциала, а также на уровень эффективности взаимодействия со школой в процессе развития деловых черт характера учащегося.

Семья, взаимодействуя со школой при реализации совместных практико-ориентированных проектов, реализует сразу несколько функций:

1. Обеспечение воспитательного процесса на личном примере. В том случае, если семья наравне с учащимся трудится над реализацией проекта, это повышает не только сплоченность семьи, но и уровень значимости проекта для самого учащегося. Помимо этого, личный пример значимых взрослых имеет огромное значение. Если школьник видит, что его отец может эффективно организовывать групповую деятельность и брать на себя лидерство в группе, он стремится подражать ему, учится вести себя подобным образом.

2. Подкрепление авторитета школы. Если члены семьи положительно отзываются о реализуемом проекте, высоко оценивают усилия школы в его разработке, это повышает значимость проекта в глазах.

3. Обеспечение обратной связи. Семья может указывать на повышение уровня развития деловых черт характера учащегося или отсутствие того повышения, а также на удовлетворенность школьника деятельностью в рамках проекта или отсутствие удовлетворенности.

Развивающий потенциал социума в основе своей имеет несколько характеристик, формирующих воспитательные предпосылки. Сюда входят тип социума (сплоченный или разобщенный), его структура (соотношение поколений), уровня взаимодействия со школой, наличия безусловных авторитетов, которые могут повлиять на поведение всего социума, профессионального ресурса (в данном случае имеется в виду наличие предприятий, которые могут быть привлечены к совместной деятельности), человеческого ресурса (наличие отдельных мастеров, которые могут быть привлечены к совместной деятельности.

В ходе взаимодействия при формировании деловых черт характера социум может реализовывать следующие функции:

1. Обеспечение развития школьников в условиях реального производства. При условии готовности руководства местных предприятий и организаций взять на себя функции наставников молодежи, обеспечить профессиональный компонент образовательного процесса, облегчаются задачи организации практико-ориентированного подхода. Необходимо отметить, что при взаимодействии с предприятиями и организациями в первую очередь происходит обучение коллективной деятельности.

2. Обеспечение развития школьников личным примером. При условии наличия признанных мастеров и умельцев, готовых передавать опыт, есть возможность обучения в процессе деятельности на положительном примере. В этом случае обучающиеся не только приобретают практические навыки, но и изучают принципы организации рабочего места, индивидуальной организации рабочего процесса, выделению основных показателей деятельности и принципам контроля за этими показателями. Огромное значение в данном случае имеет легкость обеспечения обратной связи, когда каждый возникающий вопрос может быть решен в ходе непосредственной консультации на месте.

3. Обеспечение социального контроля. В сельской местности при условии высокого уровня сплоченности социума может быть легко обеспечен контроль со стороны общества. Социальное одобрение или неодобрение имеет большое значение и влияет на результаты деятельности – стремление получить одобрение повышает мотивацию и непосредственно влияет на развитие таких качеств как трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность и т.д.

Особенно важно подчеркнуть тот факт, что эффективное взаимодействие школы, семьи и социума происходит при условии, если организацию этого взаимодействия берет на себя школа, как наиболее важный для школьника социальный институт вне его семьи. Семья не может заниматься организацией процесса в виду ограниченности ресурса, а социум – в виду его размеров и неоднородности. Школа не только организует процесс взаимодействия, но и реализует свой образовательный потенциал. Среди характеристик, формирующих этот потенциал, можно выделить: кадровые состав (наличие у него необходимых знаний и умений для реализации практико-ориентированного обучения, управленческий потенциал (способность разработать подобный проект и руководить им), авторитет (степень авторитета преподавателей в социуме и семьях школь-

ников), методическая подготовка (возможность методического обеспечения проекта).

При условии высокой или достаточной возможности взаимодействия школы, семьи и социума, можно рассматривать следующие его формы в рамках решаемой задачи, а также организатора этой формы: общие собрания (школа), формирование смешанных бригад (социум), передача опыта (социум), организация соревнований (школа), обеспечение присутствия учащихся (семья), обеспечение коммуникативного процесса (школа).

Разумеется, в данном случае речь идет о наиболее важных из всех возможных форм взаимодействия, а список этих форм существенно шире. Возможна также перекрестная организация формы взаимодействия (например, школой и семьей или семьей и социумом).

Взаимодействие школы, семьи и социума при реализации практико-ориентированных проектов позволяет воздействовать сразу на несколько областей преобразований, а именно: психолого-педагогическую, инструментальную и ментальную. Такое тройное воздействие позволяет сделать процесс развития деловых черт характера сельских школьников наиболее успешным. Собственно деловые черты характера выступают в качестве психолого-педагогической области преобразований. Инструментальная область преобразований представляет собой арсенал средств и приемов, которые применяются в процессе преобразования. С психолого-педагогической точки зрения речь идет о практико-ориентированных средствах развития деловых черт характера, которые выступают в качестве инструмента и обеспечивают воздействие на область преобразований.

Ментальная область представляет собой набор знаний и умений, которые необходимы для преобразовательной деятельности. Ментальная область формируется в ходе преобразовательного процесса – набор знаний и умений расширяется, повышается их качество, формируются навыки использования этих знаний и умений не только при реализации конкретного процесса, но и в другой практической деятельности. Расширение ментальной области непосредственно сказывается на формировании деловых черт характера.

Эффективность реализуемого взаимодействия при развитии деловых черт характера обеспечивает эффективность проекта. В свою очередь, эффективность проекта заключается в развитии деловых черт характера и может быть измерена инструментально. Мы предлагаем использовать для данной цели методики, позволяющие оценить эмпирические показатели социализированного человека, поскольку все четыре блока качеств, формирующих социализированного человека, содержат показатели деловых черт характера. Коммуникативный блок содержит показатели делового общения, психологический блок включает в себя достаточно большой набор показателей, например, креативность и творческий подход к решению профессиональных задач. Инструментальный блок включает в себя навыки и умения, реализуемые в профессиональной деятельности, а социальный блок – навыки и умения, необходимые при деловом взаимодействии с коллегами, подчиненными и начальством.

При реализации описанного выше проекта в с. Талое оценка показателей деловых черт характера производилась дважды – перед началом проекта (2010 г.) и в ходе его реализации (2012 г.). Оценка проводилась на основании комплексной оценки, складывающейся из самооценки, оценки классных руководителей и оценки родителей. Проводилась также сравнительная оценка экспериментальной (участвующей в проекте) и контрольной (не принимающей участия в проекте) групп. Анализ статистической достоверности различий в показателях экспериментальной и контрольной групп в 2010 и 2012 гг., а также экспериментальной группы в 2010 и 2012 гг. проводился с помощью методов математической статистики (t-критерий Стьюдента). Была выявлена статистическая достоверность различий в показателях экспериментальной группы в 2010 и 2012 гг., а также экспериментальной и контрольной групп в 2012 г., свидетельствующая об эффективности реализуемого проекта, что дало основание считать доказанным влияние проектной деятельности, направленной на взаимодействие учащихся со школой, семьей и социумом, на развитие деловых черт характера школьников, а также на повышение уровня их социализации.

Полученные данные легли в основу кандидатской диссертации автора «Формирование деловых черт характера сельских школьников в процессе взаимодействия школы, семьи и социума».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Панфилова А.П.* Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М., 2012.
2. *Лакша Е.И.* Практико-ориентированное обучение как средство повышения мотивации у учащихся // Управление в социальных и экономических системах: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2009.

УДК 796.01

Черногорова Александра Сергеевна

аспирант и ассистент кафедры теории и методики медико-биологических основ и безопасности жизнедеятельности Института физической культуры и спорта им. И.С. Ярыгина; Красноярский государственный университет им. В.П. Астафьева
editor@hist-edu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ПОСРЕДСТВОМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА У ДЕТЕЙ 9-11 ЛЕТ

В статье рассматривается мотивация в потребности занятиях физической культурой с использованием потенциальных возможностей образовательного учреждения для формирования навыков ЗОЖ через физкультурно-оздоровительные занятия в режиме учебного дня сельской школы. Учитываются требования новых Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования при выборе методов работы со школьниками и их родителями в формировании навыков ЗОЖ. Описываются совместные формы работы семьи и школы по улучшению здоровья детей с учетом личностного развития каждого ребенка.

Ключевые слова: **Здоровый образ жизни, семья, школа, ребенок, физкультурно-оздоровительные занятия, здоровье, режим дня.**

Chernogorova Alexandra Sergeevna

Postgraduate Student and Assistant of the Department of Theory and Methods of Biomedical and Life Safety Basics of the Institute of Physical Culture and Sport named after I.S. Yarygin; Krasnoyarsk State University named after V.P. Astafyev
editor@hist-edu.ru

CREATING HEALTHY LIVING VALUE THROUGH SPECIAL ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESSES FOR CHILDREN AGED 9-11

The article analyzes the motivation for the physical education need using the potential resources of an educational institution for the formation of healthy lifestyle skills by means of sports and recreational activities during a school day of a village school. The requirements of the new Federal State Educational Standards for primary general education when choosing the methods of work with schoolchildren and their parents for the formation of healthy lifestyle skills (HLS) are considered. The joint work forms for family and school in order to improve the health of children taking into account personal development of each child have been described.

Key words: **healthy lifestyle (HLS), family, school, child, sports and recreational activities, health, daily routine.**

В статье впервые дается аргументация форм работы в свете требований стандартов нового поколения.

На сегодняшний день в школе остро стоит проблема сохранения здоровья учащихся. И хотя образовательная функция школы по-прежнему остается ведущим аспектом ее деятельности, важным фактором в оценке степени и качества развития личности становится состояние здоровья школьника [1, с. 97].

В послании Законодательному собранию, Д.А. Медведев отметил: «Именно в школьный период формируется здоровье человека на всю последующую жизнь. Сегодняшняя статистика здоровья школьников – просто ужасающая. Уверен: если приоритет здорового образа жизни будет в полной мере реализован в школе, то мы получим здоровую нацию в будущем» [2, с. 25-26].

Укрепление и сохранение здоровья школьника, это одна из важнейших задач школы в соответствии с происходящей реформы образования в России.

Правильная организация двигательной активности ребенка начальной школы дает возможность рационально развиваться детскому организму сегодня и отражается на его состоянии в будущем. С помощью физической культуры в школьный период у детей формируется фундамент для развития двигательных умений и навыков, происходит укрепления здоровья, а также всестороннее физическое развитие, что в свою очередь является предпосылкой для гармоничного развития личности. Холодов Ж.К. отмечает, что полноценное развитие детей школьного возраста без активных физкультурных занятий практически недостижимо [3, с. 169].

Именно поэтому любое общеобразовательное учреждение должно стать «школой здорового стиля жизни» учащихся, где любая их деятельность (учебная, спортивная, досуговая, а также прием пищи, двигательная активность и др.) будет носить оздоровительно-педагогическую направленность. В дальнейшем она будет способствовать воспитанию у детей привычек, а затем и потребностей к здоровому образу жизни, формирование навыков принятия самостоятельных решений в отношении поддержания и укрепления своего здоровья.

Актуальность исследования обусловлена возрастанием и изменением характера нагрузок на организм ребенка начальной школы провоцирующих негативные сдвиги в состоянии здоровья. При введении новых Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего

образования (ФГОС НОО) (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 06.10.2009 г. № 373) и в связи с введением третьего часа физической культуры появились возможности организации учебной и внеучебной деятельности в начальной школе, направленной на формирование навыков здорового образа жизни.

Введение ФГОС в начальной школе задает требования к реализации образовательной программы в разнообразных организационно – учебных формах: урок, занятие, погружение, проект, практика, презентация, конкурс, а следовательно меняет требования к учителю и результату педагогического процесса. Чтобы планировать результат, связанный с формированием у детей начальной школы привычки вести здоровый образ жизни, необходимо на практике увеличить двигательную активность ребенка в школе, дать базовое представление о здоровье и его составляющих и привлечь к оздоровительной работе родителей. Для обоснования рассуждения о формировании привычки учеников вести здоровый образ жизни именно в начальной школе, обратимся к некоторым теоретическим и практическим аспектам за последние 15 лет.

Здоровый образ жизни многие исследователи рассматривают, как систему отношений личности, определяющуюся выбором позитивного взаимодействия с окружающим миром и творческой самореализацией. Развитие личности, ее становление, отношения, потребности, интересы, склонности, позитивное взаимодействие с миром и с другими людьми, проявление в предметной деятельности и обусловливает психолого-педагогический смысл понятия здорового образа жизни [4, с. 431].

Установка на здоровый образ жизни не появляется сама собой, и формируется в результате определенного педагогического воздействия. Сущность педагогического компонента как раз и состоит в том, чтобы обучать здоровью с самого раннего возраста, формировать индивидуальный стиль ЗОЖ путем целенаправленного оздоровления собственного образа жизни, формировать культуру здоровья [5, с. 4].

К числу факторов, отрицательно влияющих на здоровье школьников, российские ученые Э.Н. Вайнер, К.И. Иванова, А.М. Куликов, Е.А. Ямбург и др. (1999 г.) относят перегрузку детей в ходе учебных занятий, авторитарный стиль взаимоотношений педагога и учеников, гиподинамию, учитывается не в полном объеме возрастные и индивидуальные особенности детей в обучении и воспитании и др. На сегодняшний день становится очевидным, что успешное решение проблемы сохранения и укрепления здоровья учащихся в основном зависит от согласованности действий учителей, родителей и медицинских работников. Поэтому возникла потребность обоснования методов и средств решения данной проблемы в рамках педагогической науки [6].

Однако проблема формирования здорового образа жизни у детей начальной школы в сельской местности с учетом климатических условий является актуальным и явилось содержанием нашей работы.

Целью работы явилось формирование ценности ЗОЖ у детей 9-11 лет посредством специальной организации учебно-воспитательного процесса при объединении условий ресурсов сельской школы и активного привлечения родителей.

Основными задачами педагогического исследования являлось:

- обоснование значимости потенциальных возможностей образовательного учреждения и семьи в формировании навыков здорового образа жизни ребенка 9-11 лет (в режиме учебного дня);
- организация процесса формирования навыков здорового образа жизни у ребенка 9-11 лет на основе активизации его мотивационной сфер и психо-физических возможностей;
- разработка модифицированной методики с целью формирования навыков здорового образа жизни ребенка 9-11 лет;
- анализ результатов опытно-экспериментальной работы и корреляционной зависимости между оптимизацией потенциальных возможностей образовательного учреждения и семьи с уровнем сформированности навыков здорового образа жизни ребенка 9-11 лет.

Физкультурно-оздоровительные занятия, как показывают научно-исследовательские работы Н.П. Абаскаловой, Г.П. Болонова, Н.К. Смирнова, Н.А. Степанец, Н.В. Котуха и др., укреплению здоровья учащихся, способствуют физическому развитию, повышению качества учебной работы, воспитанию чувства коллективизма и дисциплинированности. Систематическое проведение физкультурных мероприятий способствует повышению двигательной активности, соблюдению личной гигиены, мотивации детей к повседневной заботе о своём здоровье и точному выполнению режима дня. Было определено два направления для исследовательской работы, это учебная деятельность и работа с родителями.

Оба этих направления весьма важны для ребенка. В школе ребенок проводит большую

часть времени и через игру он получает столь важную для него информацию, которую с легкостью усваивает. Дома ребенок может применить полученные навыки на практике и закрепить их, найти поддержку со стороны родителей и увидеть наглядный пример «здоровых» привычек.

При организации исследования все занятия были согласованны по содержанию и нагрузке с учебной и внеклассной работой класса, а также всей школы в целом. Физкультурно-оздоровительные занятия отличались продуманностью, четкостью организации и проведения особенно по тому, что каждое из них (физкультминутка, перемена и динамическая пауза) было строго ограничено по времени и находились в непосредственной зависимости от учебных занятий.

Роль родителей в жизни детей играет главную, основополагающую роль, как в развитии, так и создании таких условий для реализации ребенка, где бы он мог полностью раскрыться [7, с. 24]. Для того, чтобы родителей сделать «союзниками» и активно привлекать к жизни школы, необходимо было организовать специальную работу. Формы работы выбрали следующие: открытые уроки для родителей (с последующей беседой), родительские собрания (при необходимости с присутствием детей), беседы (индивидуальные и групповые), переписка с родителями (с использованием интернета), вечера вопросов и ответов, круглые столы по вопросам здорового образа жизни и обмену семейным опытом, проведение консультаций и тренингов (ответы специалистов на конкретные вопросы родителей и учеников), демонстрация фильмов по организации воспитания здорового образа жизни, совместное с детьми участие в праздниках здоровья, творческих работах, спектаклей и так далее.

На основе изученного материала, возрастной периодизации и времени года, была разработана методическая программа по формированию ЗОЖ у учащихся 9-11 лет сельской школы. Методика адаптирована к региональным условиям сельской местности и ее основу составляет технология «Здоровый ребенок», содержащая план улучшения здоровья детей, направленная на сохранение и поддержку индивидуальности каждого ребенка. Критериями работы служат: стабильность здоровья учащихся, эмоционально благоприятное состояние, чувство собственного достоинства, повышенная мотивация к образованию и здоровому образу жизни [7, с. 44]. В учебной деятельности используется модифицированная методика состоящая из:

1. физкультурно-оздоровительных занятий в школе в режиме учебного дня ребенка 9-11 лет (физкультминутки, динамические паузы и организация активной большой перемены);
2. примерной программы дней здоровья и других спортивных праздников;
3. уроков здоровья;
4. вариантов работы с родителями.

Организация исследования проводится в Курагинском районе на базе Ирбинской СОШ № 6, которая работает по программе здоровьесберегающих технологий, и была включена в краевой проект «Школа-территория здоровья». Мотивировать потребность в занятиях физической культурой, использовать потенциальные возможности образовательного учреждения, и сформировать навыки ЗОЖ через физкультурно-оздоровительные занятия в режиме учебного дня с учетом личностного развития каждого ребенка задача, которую поставил педагогический коллектив школы.

В педагогическом эксперименте участвовали дети двух третьих классов под руководством одного педагога по физической культуре, всего 44 ученика. Были выделены группы: контрольная (3б класс) и экспериментальная (3а класс)**.** В ходе эксперимента мы оценивали:

- двигательную активность (анкетирование родителей и учителей), что позволило нам увидеть количество активных действий в течение дня совершаемых школьником;

- успеваемость по учебным дисциплинам (анализ классного журнала), которая дала представление о желании учиться;

- заболеваемость учеников (анализ классного журнала, частично из анкет родителей), помогла оценить эффективность методики, правильное ее направление и уровень сопротивляемости организма к ОРВИ и ОРЗ;

- соблюдение режима дня (анкетирование родителей и учеников) показало заинтересованность родителей в здоровом образе жизни и желание школьников соблюдать определенные правила;

- уровень тревожности (тестирование учеников) с помощью которого определялось, насколько комфортно ребенок чувствует себя в классе и есть ли страх перед учебным процессом;

- биологическое созревание по зубной формуле Лысова Н.Ф (анализ медицинских карт), позволило нам судит о физиологическом развитии ребенка;

- длина и масса тела (анализ медицинских карт) дала возможность отследить динамику физического развития, так как антропометрические данные являются одним из наиболее важных по-

казателей здоровья.

До начала эксперимента уровень двигательной активности в экспериментальной и контрольной группе не имел существенного различия (45,7% и 44,3% соответственно), также успеваемость (53,6% и 55,2% соответственно), заболеваемость (20,9% и 21,4% соответственно) и соблюдение режима дня (16,5% и 17,2% соответственно).

Динамика результатов отслеживалась через 1 год, в результате педагогического эксперимента двигательная активность детей увеличилась в контрольной группе на 7,3%, в экспериментальной на 32,5%. Успеваемость по учебным предметам возросла на 16,9% в экспериментальной группе и на 9,6% в контрольной.

Заболеваемость сократились на 11,6% и 3,3% соответственно, согласно заполнению классного журнала. На 17,4% в экспериментальной группе улучшилось соблюдение режима дня, а в контрольной группе на 3,1%. Из вышеперечисленных данных видно, что внедренная методическая рекомендация положительно влияет на общее состояние здоровья ребенка 9-11 лет и помогает соблюдать элементарные правила здорового образа жизни.

По результатам тестирования (по Филипсу) было выявлено, что в экспериментальной группе снизился процент общей тревожности на 11,8% (до – 61,5%, после – 49,7%) по сравнению с контрольной группой, у которой процент составил 3,5 (до – 60,8%, после – 57,3%), а также уменьшился страх самовыражения и страх ситуации проверки знаний, что в свою очередь снизило нервное напряжение в классе и позволило детям чувствовать себя более уверенно перед сверстниками.

Исходя из критериев Лысова Н.Ф., после проведения эксперимента, в контрольной группе 72,4% детей имеют нормальный уровень развития (от 14,0 $\pm$ 2,0 до 18,5 $\pm$ 3,5 постоянных зубов), а в экспериментальной 86,1%, ускоренное развитие (от 18,5 $\pm$ 3,5 и более постоянных зубов) наблюдалось у 9,7% и 12,8% соответственно. Это свидетельствует о более быстром биологическом развитии ребенка при удовлетворении его норм двигательной активности.

Проведя анализ медицинских карточек у экспериментальной группы, длина и масса тела (норма: девочки, масса тела – 28,2кг., длина тела – 132,5см; мальчики, масса тела – 28,2кг., длина тела – 132,6см. (данные ВОЗ 2006 года), соответствовала возрастному развитию и была в верхнем диапазоне критериев (девочки, масса тела – 31,2 $\pm$ 2,71кг., длина тела – 136,05 $\pm$ 3см; мальчики, масса тела – 28,5 $\pm$ 2,1кг., длина тела - 134,93 $\pm$ 1,45см.), а также наблюдался самый высокий показатель в длине тела. У контрольной группы все показатели были средние (девочки, масса тела – 26,4 $\pm$ 1,4кг., длина тела – 132,16 $\pm$ 1,9см; мальчики, масса тела – 31,16 $\pm$ 1,99кг., длина тела – 132,29 $\pm$ 1,8см.) и наблюдались самые высокие и низкие параметры массы тела.

Таким образом, на основании полученного материала в ходе педагогического эксперимента, можно заключить что:

- физкультурно-оздоровительная работа в режиме учебного дня и уроки здоровья помогают в личностном развитии, формировании навыков ЗОЖ и снижают уровень тревожности, что ведет к уменьшению гиперактивности детей данного школьного возраста;
- соблюдение режима дня и вовлечение родителей в жизнь школы позволяет ребенку сохранять физическое и психическое равновесие;
- спортивные праздники и навыки ЗОЖ способствуют правильному физическому развитию (согласно антропометрическим данным).

Мотивировать потребность в занятиях физической культурой, использовать потенциальные возможности образовательного учреждения, и сформировать навыки ЗОЖ через физкультурно-оздоровительные занятия в режиме учебного дня при активной работе с родителями и учете личностного развития каждого ребенка, и была наша задача, по результатам исследования, она выполнена.

Процесс усвоения знаний и умений протекает успешно лишь при познавательной активности детей. Поэтому особенно важно применять на занятиях методы, повышающие интеллектуальную активность [8, с. 33], пробуждающие к самостоятельности детей, конструктивного общения педагогов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Завуч. 2001. № 6.
2. Бюллетень нормативных правовых актов. Официальные документы в образовании. 2008. № 31.
3. *Холодов Ж.К., Кузнецов В.С.* Т и МФВ и С.: учеб. пособие. М., 2001.
4. *Маслоу А.* Мотивация и личность // Теории личности в западно-европейской и американской психологии: хрестоматия по психологии личности. Самара, 1996.

5. *Болонов Г.П.* ФК в нач. школе: метод. пособие. М., 2005.
6. О мерах по улучшению охраны здоровья детей в Российской Федерации // Вестник образования. 2002. № 13.
7. *Абаскалова Н.П.* Методические рекомендации по формированию у школьников и студентов здорового образа жизни. Новосибирск, 2000.
8. *Колбанов В.В.* Валеология: учеб. пособие. СПб., 2000.

УДК 378:004.9

Хакунова Фатимет Пшимафовна

доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии Адыгейского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Khakunova Fatimet Pshimafovna

Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Adyghe State University
editor@hist-edu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FORMATION OF MULTICULTURAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHER

В статье раскрываются теоретические аспекты компетентностного подхода с точки зрения методико-технологического содержания в формировании поликультурной компетентности педагога, обосновываются интерактивные технологии обучения в организации поликультурной подготовки студентов в соответствии со структурными компонентами поликультурной компетентности и закономерностям их развития.

Ключевые слова: **компетентностный подход, поликультурная компетентность, компетентность, интеграция, интерактивные методы, ситуационно-проблемная, технологии активного обучения.**

The article considers theoretical aspects of competence approach from the standpoint of methodological and technological content in the formation of multicultural competence of a teacher; substantiates interactive teaching technologies in organization of multicultural training of students according to the structural components of multicultural competence and regularity of their development.

Key words: **competence building approach, multicultural competence, competence, integration, interactive methods, situationally problematic, active teaching technologies.**

Образовательные технологии – необходимый инструментарий современного школьного или вузовского преподавателя. В них заложен огромный потенциал для повышения профессионального мастерства и достижения целей, которые общество ставит перед системой образования – подготовить молодое поколение к самостоятельной жизни и профессиональной деятельности как граждан, обладающих высокой степенью личностной зрелости, ориентированных на гуманистические ценности в решении любых проблем, способных к критической оценке и презентации своих достижений.

Как было нами отмечено, суть образовательного процесса в условиях компетентностного подхода – создание ситуации и поддержка действий, которые могут привести к формированию той или иной компетентности. Однако ситуация должна быть жизненно важна для ученика, должна нести на себе потенциал неопределенности, выбора возможностей, должна находить резонанс в его культурном и социальном опыте. При такой постановке вопроса можно только задавать (создавать) параметры среды, ситуации деятельности, в которой становится и развивается личность. Для продуктивного формирования у ученика набора ключевых компетенции важно установление широких связей, как между разными разделами изучаемых курсов, так и между разными предметами. Компетентностный подход подразумевает тенденцию к синтезу знаний, к осознанию и раскрытию общности объектов познания, т.е. к интеграции учебных дисциплин, которая позволяет учащимся достигать межпредметных обобщений и приближаться к построению общей модели мира. Межпредметные связи систематизируют и углубляют знания учащихся, формируют у них навыки и умения самостоятельной познавательной деятельности, переноса знаний на более высокие ступени обучения [1].

Сущность компетентностного подхода заключается в приоритетной ориентации на такие цели – векторы образования, как обучаемость, самоопределение (самодетерминация), самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности [2]. Выбор инструментальных средств достижения этих целей определяется новыми метаобразовательными конструктами: компетентностями, компетенциями и метакачествами [2], то есть, конкретное когнитивно-информационное и методико-технологическое наполнение образовательного процесса обусловливается сущностью формируемого качества личности – компетентности.

В.А. Исаев отмечает, что с позиции компетентностного подхода формирование профессиональной компетентности является целеполагающим и осуществляется исключительно за счет методических и педагогических подходов, а не за счет «преподавания» на предметно-содержательном уровне. Для этого предусматривается необходимость соответствующей организации образовательного процесса, а именно:

1. Изменение роли преподавателя: от трансляции знаний и способов деятельности к проектированию индивидуального личностного развития каждого студента.

2. Внедрение инновационных методов стимулирования учебной деятельности посредством действия, обмена опытом, изучения опыта, постановки и творческого решения проблем.

3. Применение методов обучения, содействующих формированию всех составляющих профессиональной компетентности учащихся в зависимости от их личных склонностей. Основными используемыми методами являются: метод позитивного совершения ошибок, творчески-проблемный, игровые методы, исследование ролевых моделей, социальное взаимодействие, презентация идей, метод проектов. При этом метод проектов рассматривается здесь в качестве основного дидактического средства.

4. Ориентация студентов на бесконечное разнообразие профессиональных и жизненных ситуаций, обеспечение прочной взаимосвязи образовательных целей с ситуациями применимости на рынке труда.

5. Применение альтернативных оценочных процедур, адекватных особенностям приобретаемого студентами опыта – набору компетенций, и учитывающих индивидуальные особенности развития [3].

Э.Ф. Зеер отмечает, что центральное место в реализации компетентностного подхода принадлежит ряду развивающих технологий, а именно: когнитивно ориентированным (диалогические методы обучения, семинары-дискуссии, проблемное обучение, когнитивное инструктирование, когнитивные карты, инструментально-логический тренинг, тренинг рефлексии и др.); деятельностно ориентированным (метод проектов, имитационно-игровое моделирование, организационно-деятельностные игры, контекстность обучения и др.); личностно ориентированным (интерактивные и имитационные игры, тренинги развития, развивающая психодиагностика и др.) [3; 4].

Исходя из нашего видения сущности поликультурной компетентности педагога системной совокупности общесоциальных и профессиональных характеристик, можно сказать, что компетентностный подход к образованию должен способствовать оптимизации освоения и исполнения учащимися разнообразных социальных и профессиональных ролей, обеспечивать способность к реализации многообразных социальных и профессиональных ролевых функций в условиях поликультурного общества. Это, в свою очередь, предполагает ориентацию компетентностного подхода на овладение студентами контекстной поликультурной информацией и творческими способами ее использования, на их ориентацию в многообразии межкультурных коммуникативных ситуаций социальной и профессиональной действительности и развитие умений адекватно действовать в меняющихся обстоятельствах.

Структурирование поликультурной компетентности обусловливает выбор в рамках компетентностного подхода средств, методов и приемов, обеспечивающих эффективное формирование у студентов системы социальных и профессиональных поликультурных знаний и умений, развитие ценностной мотивации к поликультурному взаимодействию, становления социального и профессионального опыта межкультурной коммуникации и поликультурного воспитания.

Охарактеризуем компетентностный подход с точки зрения его основного методико-технологического содержания определяющего выбор конкретных форм, средств, методов и содержания обучения и воспитания. Заметим, что опора на базовые метапринципы компетентностного подхода к профессиональной подготовке (системность, контекстность, вариативность, активность, личностно-деятельностная ориентированность и ситуационно-проблемная организация образования, положения функционального и задачного подходов) обеспечивает развивающий характер образования.

Функциональный подход тесно связан с ролевой теорией личности и концепцией ролевого обучения. Сознательная деятельность человека связана с реализацией конкретных функций – атрибутов той или иной социальной или профессиональной роли. Функция – это нечто, способствующее адаптации общества или индивида к своей среде. Все стороны духовной и социальной жизни (в том числе, предметно-практическая деятельность и межличностное взаимодействие в поликультурной среде) функциональны и предполагают достижение определенных результатов, соответствующих потребностям личности и/или общества [5]. Функциональный подход в данном контексте предполагает выделение и анализ функций, соответствующих определенной социальной (гражданин, друг, родитель и т.д.) или профессиональной (в нашем случае – учитель физической культуры, тренер, организатор физкультурно–рекреационной деятельности и т.д.) роли, определение их назначения и освоение действий (программ, алгоритмов, видов деятельности) по реализации этих функций. «Функциональный подход дает возможность ввести учащегося в мир реальных потребностей, для удовлетворения которых были созданы конкретные объекты», в частности,

профессии как исторически сложившиеся общественно необходимые виды деятельности [6].

В контексте общесоциального содержания поликультурной компетентности мы будем рассматривать роль гражданина поликультурного общества. В соответствии с выделенными видами субкультур эта роль предполагает исполнение функций участника/организатора межэтнического взаимодействия, участника/организатора межличностных взаимодействий с представителями разных возрастных и гендерных групп (культур), различных молодежных субкультур функций сбора, приема и передачи поликультурной информации, а также функций поликультурного саморазвития.

В контексте профессионального содержания компетентности мы выделяем роли: «коллега» (функции участника/организатора процесса обмена педагогическим опытом), «организатор взаимодействия с родителями учащихся» (функции анализа и выявления культурных характеристик семьи, организации педагогического взаимопонимания с носителями разных культурных ценностей, привлечения родителей к решению педагогических задач), «организатор поликультурного воспитания учащихся» (функции анализа и выявления культурных особенностей учащихся, организации межкультурного взаимодействия учащихся, когнитивной, мотивационно–ценностной и поведенческой подготовки учащихся к жизни в поликультурном обществе).

Контекстность как концептуальное условие формирования компетентности, предусматривает отражение в содержании образования (и информационной, и коммуникативной, и деятельностной его частях) сущностных характеристик изучаемых профессиональных или социальных явлений, процессов, в нашем случае – поликультурных характеристик.

А.А. Вербицкий, основоположник концепции контекстного обучения, сущность последнего видит в том, что в формах организации образовательной деятельности динамически моделируется общекультурное, духовное, предметное, социальное и образовательное содержание жизнедеятельности учащихся, осуществляется переход его учебно-познавательной деятельности в социально-практическую [7].

Большой мотивационный потенциал данного подхода обусловлен тем, что источником содержания образования является поликультурное содержание реальной социальной и/или профессиональной жизнедеятельности, а также объективной востребованностью развиваемых качеств, формируемых умений и навыков.

Интеграционные процессы в образовании отвечают положениям личностно-ориентированной парадигмы [8; 9; 10 и др.]. Интеграция (лат. integratio – полный, цельный) – процесс и результат создания неразрывно связанного, единого и цельного – в обучении осуществляется несколькими способами. Во-первых, путем объединения в одном синтезированном курсе (теме, разделе, программе) элементов разных учебных предметов, суммирования основ разных наук в раскрытии межпредметных проблем (как в случае с появлением учебного предмета «Основы современного естествознания») [9]. Во-вторых, как акцентирование внимания на характеристиках одного и того же явления при изучении разных дисциплин, что не требует разработки специальных учебных курсов.

Междисциплинарная интеграция информации, – суть междисциплинарного интегративного подхода, – обеспечивает системность теоретических знаний, всестороннее видение и осознание сложных явлений и процессов социальной и профессиональной реальности, формирование целостного представления о конкретном предмете, явлении, виде деятельности.

Интегративный подход актуализирует и интегративный тип познания, сочетающий непосредственный опыт, системное мышление, продуктивный подход к проблеме, и предполагающий познание целого не только на базе изучения его отдельных частей, но и выявления взаимосвязей между ними [11]. Деятельность студентов по структурированию и систематизации интегративных знаний «предполагает мыслительную деятельность учащихся по установлению удаленных связей между отдельными понятиями, объектами» [8]. Ее организация возможна посредством применения на теоретических занятиях приемов мнемической деятельности, на практических – проектных методов обучения.

Коммуникативный аспект компетентности (мотивационно-регулятивные основы накопления опыта межкультурного общения) получает свое развитие при опоре на интерактивный подход в образовании. Он представляет собой наиболее современную форму активных методов обучения, основанных на положениях коммуникативного подхода. Интерактивные методы обучения ориентированы на «широкое взаимодействие обучающихся не только с преподавателем, но и друг с другом, на доминирование активности обучающихся и на активизацию внутреннего диалога (экзистенциального переживания обучающимися учебного материала)» [12, с. 18]. Роль преподавателя заключается в направлении и поддержании активности студентов в межкультурной коммуникации, выявлении многообразия точек зрения, облегчении взаимопонимания участников общения, побуж-

дении их к внутреннему диалогу; он выполняет функции консультанта-фасилитатора (помощника), а не эксперта и своеобразного информационного «фильтра» [12].

Формами интерактивной организации учебного процесса являются социо- и психодрама, учебная, деловая и ролевая игра, дискуссия; интерактивность достигается путем применения приемов стимулирования рефлексии, побуждения к эмпатическому осмысливанию ситуаций межкультурного общения, обращения к витагенному опыту участников взаимодействия, обоснованию объективного смысла и личностной значимости конкретных ситуаций, явлений, процессов, диалогичности (полилогичности) обучения.

Реализация положений теории ролевого обучения и функционального подхода, а также принципов контекстности, интегративности и интерактивности образования возможна при ситуационно-проблемной и задачной организации образовательного процесса.

Ситуационно-проблемная организация поликультурного образовательного процесса предполагает создание учебных коммуникативных ситуаций различной степени проблемности и различного контекста (социального, профессионального, конкретного ролевого или функционального). Основой такой организации является ситуационный подход, суть которого состоит в том, что познаваемое событие, обстановка анализируются с точки зрения ситуаций, их составляющих [13].

Ситуационное моделирование (или метод решения ситуационных задач) как метод обучения студентов применим и на теоретических, и на практических занятиях. Основными формами его реализации являются ситуации-иллюстрации (используются в ходе изложения лекционного материала с целью пояснения отдельных теоретических положений), ситуации-оценки (анализ и оценка студентами описанной преподавателем контекстной ситуации), ситуации-упражнения и ситуации-проблемы (анализ ситуации и выбор способа ее разрешения), ролевые ситуационные игры [14].

Центральным понятием проблемного обучения является проблемная ситуация, которая понимается как наличие и осознание того или иного противоречия в изучаемом процессе, явлении.

Разрешение проблемных ситуаций способствует эффективному развитию мышления, поскольку актуализирует различные способы умственных действий.

Одним из способов реализации ситуационно-проблемного подхода к обучению является задачная форма организации образовательного процесса, предполагающая разработку конкретных задач, направленных на разрешение контекстной проблемной ситуации профессионального или социального взаимодействия. Задачи могут быть связаны с поиском и обработкой информации, с освоением способов применения знаний для решения практических проблем, разработкой стратегии деятельности, выбором средств реализации определенной социальной роли или профессиональной функции и т.п. [15].

Обобщив мнения А.Г. Бермуса, В.В. Давыдова, О.В. Еремкиной, С.Д. Неверковича, Ю.С. Тюнникова и других ученых, мы сочли возможным использовать специально разработанные контекстные ситуационно–проблемные задачи в образовательном процессе, направленном на формирование поликультурной компетентности будущих педагогов, классифицировав их по основанию осваиваемых различных функций – атрибутов социальных и профессиональных ролей. Для этого каждой ролевой функции необходимо поставить в соответствие типичные ситуации межкультурного взаимодействия, подобрать примеры возможных в этих ситуациях проблем и предложить студентам задачи, направленные на разрешение описанных ситуационных проблем. Например, находясь в роли гражданина поликультурного общества, реализуя функции участника межэтнического взаимодействия в ситуации обсуждения тех или иных вопросов политического, социально-экономического, духовного развития общества. В данном случае могут возникнуть проблемы, обусловленные противоречием между многообразием взглядов на жизненные цели, экзистенциальные ценности, присущих разным национальным культурам, и необходимостью достигнуть консенсуса. Подготовиться к адекватным и эффективным действиям в подобном случае поможет решение студентами такой задачи: определить, какие различия во мнениях связаны с этнокультурными особенностями участников взаимодействия; проанализировать соответствующие народные ценности, традиции и установки; найти точки соприкосновения, выявить общее ядро, общий смысл данных установок; соотнести традиции с современностью; сделать вывод.

Решение учебных задач может и ограничиваться рамками учебного занятия, и включать самостоятельную подготовку, а также предполагать разработку разных по форме представления проектов, соответствующих содержанию задачи и описывающих способ разрешения заложенной в ней проблемной ситуации. По виду деятельности и форме представления результатов различают:

– конструктивно-практические проекты, например, дневник наблюдений, создание игры и её описание;

– игровые – ролевые проекты, например, разыгрывание фрагментов профессиональной де-

ятельности/социального взаимодействия;

– информативно-исследовательские проекты на определенную профессиональную либо социальную тему;

– сценарные проекты – сценарий мероприятия, связанного с культурным обменом;

– творческие работы – свободное литературное сочинение, описание решения какой-либо проблемы, размышление на профессиональную тему [11; 14; 15].

Понятия «противоречие» и «проблема» находят свое отражение, в том числе, в технологиях активного обучения, а деловые и ролевые игры могут рассматриваться как формы реализации принципов активности и проблемности в обучении [8; 10].

Под технологией активного обучения (ТАО) понимается такая организация учебного процесса, при котором все учащиеся с необходимостью вовлекаются в учебно-познавательную деятельность, поскольку каждый либо имеет определенное ролевое задание, о выполнении которого он будет должен отчитаться, либо от эффективности его работы напрямую зависит качество выполнения коллективного задания [3; 5; 13].

Н.В. Борисова и Д.В. Чернилевский в своей классификации технологий активного обучения выделяют: неимитационные технологии (формы организации: проблемная лекция, семинар-дискуссия, «мозговой штурм», экскурсия и т.п.), имитационные технологии – игровые (разыгрывание ролей (деловые и ролевые игры), дидактические игры, имитационный тренинг, стажировку с выполнением должностной роли) и неигровые (создание, анализ и разрешение конкретных ситуаций, связанных с решением контекстных задач, нравственным выбором; к ним относятся ситуации-проблемы, ситуации-оценки, ситуации-иллюстрации и ситуации-упражнения и т.п.) [11].

«Деловая игра – метод имитации ситуаций, моделирующих профессиональную деятельность путем игры по заданным правилам» [2], жестко задаваемые правила определяются содержанием выбранной деятельности. Это форма воссоздания предметного и социального содержания реальной профессиональной деятельности, в которой воспроизводятся и профессиональная обстановка, и профессиональные проблемы, ситуации, наиболее типичные и обобщенные для конкретной специальности [6].

Ролевая игра представляет собой моделирование ситуаций, в основе которых лежат проблемы взаимоотношений в коллективе, совершенствования стиля и способов руководства, коллективного взаимодействия. В процессе ролевой игры имитируются профессиональные или иные социальные отношения между представителями той или иной группы людей.

Для подготовки к проведению полномасштабных деловых и ролевых игр служат имитационные упражнения (Басова Н.В.) или имитационные тренинги (Чернилевский Д.В.), меньшие по объему и количеству решаемых задач. Целью их проведения является предоставление учащимся возможности в непринужденной, творческой обстановке закрепить те или иные навыки и акцентировать внимание на определенном, достаточно важном понятии, категории, законе. Деятельность, организованная в форме имитационного упражнения (тренинга), предполагает отработку некоторых специализированных, конкретных навыков и умений; имитируется в этом случае некоторая достаточно узкая ситуация профессиональной деятельности или социального общения [9].

В процессе ролевой и деловой игры могут осваиваться и нормы профессиональных действий, и профессиональные отношения, а также нормы и ценности социального поведения и общения. Основным требованием к содержанию деловой игры является контекстность (А.А. Вербицкий) или прикладность (В.А. Парфенов). В их процессе (при формировании поликультурной компетентности будущих педагогов) могут разрешаться, например, следующие задачи: разработка сценария воспитательного мероприятия поликультурной направленности; организация обмена профессиональным или этнокультурным опытом; освоение традиционных и разработка новых форм и методов поликультурного воспитания учащихся, способов решения педагогических задач, связанных межкультурными проблемами и т.д.

Форма организации деловой игры должна соответствовать ее целям, в нашем случае – содержанию того вида опыта межкультурного взаимодействия, для освоения которого она предназначается. Особенно эффективной является деловая игра, сюжет которой строится как процесс разработки и принятия управленческого решения. Технология принятия управленческого решения является достаточно стандартной процедурой, что позволяет не разрабатывать новые деловые игры для формирования каждого типа опыта, но модифицировать единожды разработанную, наполняя ее соответствующими содержанием. Кроме того, этапы принятия управленческого решения соответствуют по основным шагам процессу творческого мыслительного действия, поэтому сам характер подобной игры предполагает развитие у ее участников творческих характеристик мышления.

Общая структура деловых и ролевых игр, построенных в форме принятия управленческого решения:

1. Подумайте, какие проблемные ситуации могут возникнуть в процессе межкультурного взаимодействия. Выберите одну из них для дальнейшей работы.
2. Предложите максимальное количество возможных вариантов решения проблемы.
3. Оцените возможные положительные и отрицательные последствия принятия каждого из предложенных вариантов.
4. Подберите критерии оценки эффективности принятого решения.
5. По подобранным критериям выберите оптимальный вариант решения проблемы.
6. Обоснуйте свой выбор.

Для наполнения деловой/ролевой игры конкретным содержанием подбираются проблемные ситуации, соответствующие конкретной профессионально-педагогической функции, конкретной ситуации социального взаимодействия или социальной роли [12].

При непосредственной организации поликультурного образования педагогов следует учитывать и использовать те методы и приемы, которые в наибольшей степени подходят для последовательного формирования системы знаний, становления ценностных отношений, развития поведения и деятельности, а также соответствуют содержательным аспектам формируемого блока поликультурной компетентности. То есть, необходимо опираться на закономерности развития когнитивной, мотивационно-ценностной и деятельностно-поведенческой сфер личности, постепенно повышая требования к уровню самостоятельности и продуктивности деятельности, к степени обобщения знаний и умений, а также осознанности и интериоризированности ценностей и мотивов.

Так, формирование полноценной системы поликультурных знаний, соответствующей нашим требованиям к уровню развития когнитивного компонента, развивается от эмпирического накопления поликультурных фактов через их культурологическое обобщение и далее – к интерпретации в соответствии с конкретными ситуациями общесоциального или профессионального межкультурного взаимодействия [3]. Формирование гуманистических ценностных отношений и основанных на них мотивов поведения и деятельности осуществляется через процессы осознания и усвоения ценностей, их интериоризации и верификации (соотнесения с собственным жизненным опытом), экстериоризации ценностей в мотивах поведения и деятельности [6; 9; 13; 15]. Развитие деятельности может осуществляться как повышение степени ее самостоятельности, инициативности, сложности.

Не останавливаясь пока на данном вопросе подробно, отметим, что к наиболее эффективным методами и приемам организации поликультурной подготовки студентов, (в соответствии со структурными компонентами поликультурной компетентности и закономерностями их развития), мы отнесли: приемы мнемической деятельности, методы и приемы витагенного образования, приемы эмоционального воздействия, разъяснительные и дискуссионные методы и др. Организация образовательного процесса в соответствии с сущностью компетентностного подхода предполагает преимущественное использование проектных, тренинговых и игровых форм обучения и воспитания; а в соответствии с сущностью поликультурной компетентности – организацию культурных и общественных мероприятий, предполагающих межкультурное взаимодействие участников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Хакунова Ф.П., Хакунов Н.Х.* Особенности организации компетентностно-ориентированного учебного процесса // Новые технологии. Майкоп, 2011.
2. *Еремкина О.В.* Профилирование культурологической подготовки менеджеров по туризму: автореф. дис… канд. педагог. наук. Сочи, 2001.
3. *Зеер Э.Ф.* Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // Образование и наука. 2004. № 3.
4. *Шаймарданов И.* Социологические подходы к изучению культуры: Структурно-функциональный подход URL: http://sociologist.nm.ru/articles/research_01.htm (дата обращения 23.07.2013)
5. *Шрагина Л.И., Меерович М.И.* Смена парадигмы методологии как способ разрешения противоречия в системе образования URL: http://www.natm.ru/triz/articles/shrag005.htm (дата обращения 23.07.2013)
6. *Вербицкий А.А.* Концепция знаково-контекстного обучения в вузе // Вопросы психологии. 1987. № 5.
7. *Курвина А.В.* Реализация интегративного подхода к профильному обучению старшеклассников (культурологический аспект). URL: http://tsu.tmb.ru/culturology/journal/6/kurvina_5_2006-2.htm (дата обращения 23.07.2013)
8. *Максимова В.Н.* Интеграция в системе образования. СПб., 1991.

9. *Тюников Ю.С.* Методика выявления и описания интегрированных процессов в учебно-воспитательной работе. СПб., 1987.
10. *Шрагина Л.И., Меерович М.И.* Смена парадигмы методологии как способ разрешения противоречия в системе образования URL: http://www.natm.ru/triz/articles/shrag005.htm (дата обращения 23.07.2013)
11. *Бондаренко Н.Ю.* Становление экзистенциальных ценностей будущих учителей в процессе интерактивного обучения: автореф. дис…канд. педагог. наук. Ростов-н/Д, 2006.
12. *Белавина С.В.* Ситуационный подход в различных научных сферах и областях деятельности URL: http://www.labex.ru/page/krim_sit_1.html (дата обращения 23.07.2013)
13. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
14. *Курашинова А.Х.* Развитие профессионального мышления педагога в условиях задачной формы организации учебного процесса: автореф. дис. …канд. педагог. наук. Майкоп, 2007.
15. *Шишов С.Е., Кальней В.А.* Школа: мониторинг качества образования. М., 2000.

Политические науки

УДК 342.725

Казарян Артур Назарович

аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации РГЭУ «РИНХ»
editor@hist-edu.ru

Kazaryan Arthur Nazarovich

Postgraduate student department of Linguistics and Intercultural communication
RSEU «RINH»
editor@hist-edu.ru

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

THE SPECIFICS OF THE LANGUAGE POLICY IN THE ETHNIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Данная статья посвящена сложной и актуальной теме исследования ключевых проблем в сфере языковой политики национальных территориальных образований Российской Федерации. В статье выявляется спектр первоочередных проблем, стоящих перед российским государством в сфере языковой политики в национальных регионах, акцентируется внимание на противоречиях, существующих в политике региональных органов власти в области этнолингвистического взаимодействия.

Ключевые слова: **Государственная языковая политика, национальные регионы, межнациональные отношения, ассимиляция, федерализм.**

This article is devoted to complex and challenging research topic of key issues in the field of language policy of the national territorial entities of the Russian Federation. The article reveals the spectrum for problems facing the Russian state in the field of language policy in the national regions, focusing on the contradictions that exist in the policies of regional authorities in the field of ethnolinguistic interaction.

Key words: **State language policy, national regions, international relations, assimilation, federalism.**

Современное российское общество – сложно структурированная система, включающая в себя разнообразные этнические компоненты. Многонациональность российского государства ставит перед страной сложную задачу выработки единой стратегии в сфере национальной и языковой политики. Усиление миграционного потока в последние десятилетия является еще одним фактором, обусловливающим важность задачи укрепления позиций русского языка как основного средства межнациональной коммуникации на территории нашей страны и за ее пределами.

В Российской Федерации, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают граждане, владеющие 275 языками [1]. Однако, следует учитывать, что значительная часть респондентов, участвовавших в переписи, указывала также иностранные языки, которыми она владеет наряду с родным языком. В то же время, принято считать о наличии на территории Российской Федерации более 150 языков, являющихся родными для граждан Российской Федерации, относящихся к коренным народам Российской Федерации. Столь сложная в языковом отношении ситуация в стране актуализирует потребность в совершенствовании государственной языковой политики Российской Федерации, одним из важнейших разделов которой в данном контексте становится обеспечение сохранения национальных языков народов, проживающих на территории страны. Тем более, что значительная часть языков малых коренных народов России (Кавказа, Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока) относится к исчезающим, следовательно – нуждается в дополнительных мерах поддержки со стороны органов государственной власти на различных уровнях.

В национальных территориальных образованиях Российской Федерации (республики, автономные округа и автономная область) осуществляются мероприятия по поддержке и развитию национальных языков проживающих на территории данных регионов народов и национальностей. Современная политика Российской Федерации по поддержанию национальных языков народов страны уходит своими корнями в советский период отечественной истории.

Национальная политика советского государства, формировавшаяся начиная с 1920-х гг., основывалась на стимулировании развития национальных языков, при этом бесписьменным национальным языкам создавалась письменность, поддерживалось развитие литературы на национальных языках, вводились курсы преподавания национальных языков в средних и высших учебных заведениях. Вместе с тем, советская языковая политика имела определенные недостатки: в частности, существовал двойственный подход к национальным языкам – одни языки поддерживались на государственном и региональном уровне, существование других фактически игнорировалось, как и существование национальных общностей, являвшихся носителями данных языков.

Одним из последствий «парада суверенитетов», последовавшего за Беловежским соглаше-

нием, стало провозглашение бывшими национальными республиками в качестве государственного языка других языков, помимо русского. По этой причине большинство специалистов сходится во мнении, что наделение языка статусом государственного не является единственно необходимой мерой для укрепления и развития его в качестве средства внутригосударственной и международной коммуникации.

Вопрос о возможностях и функциях языка, путях его развития, а также его месте и роли в жизни общества остается остродискуссионным. Трудности, связанные в, первую очередь, с неблагоприятной социально-политической и экономической ситуацией в РФ и бывших союзных республиках, препятствуют практической реализации положений законов, направленных на защиту русского языка. Тем не менее, благотворное влияние действующего законодательства на данную проблему, а также первые успехи на этом долгом пути заметны уже сегодня, особенно наглядно эти достижения проявились в таких важных сферах общества, как образование и культура, прогресс заметен и в сфере массовой коммуникации [2].

В современной России взят курс на оптимизацию государственной языковой политики, которая, однако, оказывается несвободной от многих ошибок, присущих и советской языковой политике. В особенности данный момент очевиден при изучении языковой политики национальных регионов Российской Федерации, формируемой политическими и культурными элитами национальных республик исходя из собственных взглядов на национальную и языковую ситуацию. Далеко не во всех ситуациях языковая политика национальных регионов оказывается объективной, адекватной реальной ситуации в сфере межнациональных отношений и этнолингвистической коммуникации, что позволяет сделать вывод о том, что существующая языковая политика не может в действительности обеспечить равноправное развитие всем национальным языкам.

Статья 68 Конституции Российской Федерации гласит, что входящихе в состав Российской Федерации республики вправе устанавливать, помимо русского, собственные государственные языки [3]. Автономные области и округа устанавливают официальные языки в соответствии со своими уставами. В большинстве национальных регионов Российской Федерации приняты государственные и официальные языки, однако в действительности далеко не все из них реально могут соответствовать по уровню развития и широте распространения статусу государственных.

В то же время некоторые языки национальных меньшинств по-прежнему не имеют официального статуса, несмотря на относительную многочисленность граждан, считающих их родными (пример – многочисленные диаспоры турок-месхетинцев, курдов, езидов, обосновавшиеся в южных регионах Российской Федерации в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а также цыгане, являющиеся одной из наиболее обделенных вниманием федеральных и региональных властей национальных групп в стране).

Совокупность проблем в сфере государственной политики в отношении национальных языков РФ побуждает нас обратить более пристальное внимание на ситуацию в национальных регионах страны. Начиная с первой половины 1990-х гг., вошедшей в историю как эпоха «парада суверенитетов», региональные политические элиты в национальных республиках РФ, вслед за национальной интеллигенцией, приняли за основу национальной и языковой политики стремление к возрождению этнической идентичности.

В сфере языковой политики это означало усиленную поддержку и, порой, даже искусственное стимулирование существования, распространения и развития национальных языков. Даже те языки, которые постепенно теряют распространение не только в административной, деловой и культурно-научной сферах, но и в бытовом общении, в случае придания им статуса государственных или официальных языков, изучаются в средних общеобразовательных учреждениях. Объясняется это необходимостью сохранения национальных языков как основ этнических идентичностей народов России и достояния страны в целом перед рисками исчезновения и языковой ассимиляции со стороны русского языка.

Первостепенной проблемой в сфере лингвистической политики в национальных республиках является возможная дискриминация русского языка, особенно ярко проявляющаяся в образовательном процессе. В частности, обязательное введение обучения на национальных языках часто осуществляется в ущерб часам преподавания русского языка и литературы, что в конечном итоге негативно сказывается на общей грамотности учащихся, при этом русские и русскоязычные дети в большинстве так и не овладевают в полной мере национальными языками [4].

Между тем, необходимо отметить неоспоримость важности владения русским языком не только как государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения всех народов и национальностей России, но и как языком науки, культуры, образования, государства и права. Ограничивая учащихся в изучении русского языка во имя сохранения языков нацио-

нальных, недальновидные руководители национальных республик фактически способствуют демодернизации своих регионов, создают препятствия для дальнейшего производства полноценных квалифицированных кадров, специалистов в востребованных отраслях экономики, науки и культуры.

Анализ политики, проводимой в языковой сфере руководством ряда национальных территориальных образований Российской Федерации, свидетельствует, что стремление к продвижению национальных языков в качестве последствий имеет не столько реальную защиту от вытеснения русским языком, которое в любом случае происходит, сколько ассимиляцию национальным языком, принятым в качестве государственного или официального, близких в лингвистическом отношении малых языков, распространенных на территории конкретного национального образования.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в республиках Поволжья – Татарстане и Башкортостане, в которых, помимо русского населения, проживают титульные нации – тюркоязычные татары и башкиры. Исторически сложилось так, что на территории Башкортостана велика численность татарского населения. Между тем, в средних школах изучается, помимо русского, государственный язык соответствующего региона. Учитывая крайнюю языковую близость татар и башкир, возникает риск «башкиризации» татар в Башкортостане, утраты татарами родного татарского языка и перехода, как в официальном, так и в бытовом общении, на башкирский, что создает почву для политических спекуляций на тему межэтнических противоречий и дискриминаций в регионе [5]. Таким образом, второй проблемой, стоящей перед языковой политикой национальных регионов РФ, является неэффективность реальной защиты национальных языков от ассимиляционных процессов.

Третьей важной и сложно решаемой проблемой в современной России оказывается несоответствие реального уровня развития некоторых национальных языков статусу государственных или официальных, несмотря на обладание данным статусом. Отсутствие лексического потенциала, богатых письменных традиций не позволяют полноценное ведение административного делопроизводства на многих национальных языках Российской Федерации, хотя в уставах и законах национальных территориальных образований может быть прописана возможность ведения делопроизводства на национальном языке [6, 20]. В результате, складывается противоречивая ситуация, когда изучение языка в образовательном учреждении является обязательным, знание языка – желательным при приеме на государственную и муниципальную службу, однако в действительной практике управления язык не используется, и делопроизводство осуществляется на русском языке.

Развитие потенциала национальных языков, безусловно, является одной из ключевых задач государственной языковой политики, однако следует понимать бессмысленность придания малоразвитым языкам статуса официальных в сфере делопроизводства, управленческих коммуникаций. Мероприятия по сохранению языкового своеобразия и этнической идентичности должны быть, в данной ситуации, направлены на обеспечение поддержки национальных языков в сфере бытового общения и народной культуры.

Языковой нигилизм является достаточно существенной проблемой для многих народов современной России, поскольку условия развития страны в XX в., несмотря на мероприятия советской власти и, затем, руководства суверенной России и ее национальных территорий по поддержке национальных языков, способствовали процессам национальной и языковой ассимиляции, в результате которых среди многих народов страны большая часть их представителей не владеет национальными языками и не считает их родными. В наибольшей степени росту языкового нигилизма, утрате знания национальных языков и последующей национальной ассимиляции способствует урбанизация населения страны, являющаяся закономерным процессом современности и предполагающая унификацию образа жизни горожан, вне зависимости от национальной и языковой принадлежности.

Так, Г. Дырхеева, анализируя проблемы языковой политики в Республике Бурятия, отмечает, что «дисперсное проживание и преимущество русскоязычного населения, языковая политика советского государства, а также процессы социокультурной модернизации привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости бурят, утрате некоторых элементов этнической самобытности, к постепенной потере языка, к тому, что в целом в настоящее время буряты лучше владеют русским языком, чем родным» [2]. В свою очередь, данная ситуация дает повод для обвинений российской власти со стороны национальных культурных и общественных организаций в намеренной русификации национальных меньшинств страны, воспрепятствовании распространению и сохранению национальных языков.

В настоящее время можно трезво и взвешенно анализировать положительный эффект, а

также отрицательные последствия от внедрения законов, регламентирующих употребление и статус языков в бывших союзных республиках. Практически все эти законы писались по одному шаблону и имеют одни и те же недоработки, обусловленные, в первую очередь, малой степенью разработанности, форсированностью принятия, а также неопытностью их авторов. Неразвитость нормативно-правовой базы государственной языковой политики и не соотнесение ее с реальной практикой, отсутствие научной верификации принимаемых законодательных актов создают ситуацию хаоса в языковой политике как страны в целом, так и, в особенности, отдельно взятых национальных территориальных образований.

Важной проблемой остается отсутствие четко поставленных целей и задач, а также недостаточно четкое разграничение полномочий и сфер ответственности органов и структур, на которых возложена задача контроля над исполнением этих законов. Необходимым представляется и закрепление в Верховном законе новых положений, регулирующих использование основных языков. При этом важно не только формально соблюдать принцип сосуществования двух государственных языков, но и контролировать его практическую реализацию.

Таким образом, следует отметить, что языковая политика в национальных регионах Российской Федерации не отличается высокой степенью эффективности, практически все национальные территории сталкиваются с наличием целого ряда проблем, варьирующих от угрозы исчезновения национальных языков в результате ассимиляции до дискриминации русского и русскоязычного населения в результате утверждения обязательного изучения национальных языков в образовательных учреждениях. Сказывается и недостаток реального внимания к вопросам развития культуры и образования в регионах и в стране в целом. Повышение эффективности языковой политики на региональном уровне зависит от общей оптимизации государственной языковой политики России и связано с решением многочисленных проблем, существующих в сфере межнациональных отношений и федерализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Итоги Всероссийской Переписи Населения – 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 23.12.2011).
2. *Дырхеева Г.А.* Новая языковая политика и малые языки России (на примере бурятского языка). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/bgca/10.html (дата обращения 23.12.2011).
3. Конституция Российской Федерации. Ст. 68. М., 1993.
4. *Сулейманов Р.* Этнолингвистический конфликт в Татарстане: проблема русского языка в региональной системе образования. 18.04.2012. URL: http://www.apn.ru/publications/article26389.htm (дата обращения 23.12.2011).
5. *Сулейманов Р.* Татары Башкортостана против принудительного изучения башкирского языка: реакция в Татарстане. URL: http://www.apn.ru/publications/print27386.htm (дата обращения 23.12.2011).
6. *Федюнина С.М.* Государственная языковая политика и языковое планирование в контексте развития многоэтничного российского общества // Вестник Поволжской Академии Государственной Службы. 2012. № 31.

УДК 364.4:347.64(091)(470+571)

Политика Оксана Ивановна

кандидат психологических наук, заведующая кафедрой физвоспитания Уфимского государственного университета экономики и сервиса
editor@hist-edu.ru

Герасимова Дарья Игоревна

специалист по учебно-методической работе кафедры истории, психологии и педагогики Уфимского государственного университета экономики и сервиса
editor@hist-edu.ru

ИСТОКИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В представленном исследовании показаны истоки попечения в социальной сфере, которая всегда являлась важнейшим приоритетом государственной политики. Рассмотрена эволюция системы общественного призрения. Исследованы формы и методы социальной политики государства. Проанализирован богатый опыт Российской империи в решении вопросов помощи нуждающимся, который имеет историческую значимость и глубокую научно-практическую ценность при эффективном управлении социальной сферой на современном этапе.

Ключевые слова: **социальное попечение, попечительство, Приказы общественного призрения, Императорское человеколюбивое общество, Губернские попечительства, Общества вспомоществовании, Попечительства о народной трезвости и о лицах, пребывающих в тюрьмах.**

Politika Oksana Ivanovna

PhD in Psychology, Head of the Department of Physical Education of Ufa State University of Economics and Service
editor@hist-edu.ru

Gerasimova Daria Igorevna

Teaching and Studies Expert of the Department of History, Psychology and Pedagogy of Ufa State University of Economics and Service
editor@hist-edu.ru

THE ORIGINS OF GUARDIANSHIP IN RUSSIA

In the given research the origins of the guardianship in the social sphere, which has always been one of the most important priorities of the state policy are shown. The evolution of the system of public assistance has been considered. The forms and methods of the social policy of the state have been investigated. The rich experience of the Russian Empire in solving the problems of providing help for people in need has been analyzed; the experience is of historic importance and deep scientific and practical significance for efficient management in social sphere at the modern stage.

Key words: **social care, guardianship, public assistance orders, Imperial Philanthropic Society, Province Boards of Guardians, Social Assistance Societies, Guardianships of National Temperance and Prisoners.**

На современном этапе развития общества актуальным становится человек и его место в обществе. Государство гарантирует права и достойное его существование. Однако во времена политических и социально-экономических трансформаций человек не всегда получает достаточных гарантий, результатом которых становятся такие явления как отчуждение, аполитичность, асоциальность. В этой связи необходимы новые социальные технологии в виде попечения и попечительства над отдельными категориями людей: интересов детей-сирот, инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, лиц, пребывающих в пенецитарных системах, лиц с асоциальным поведением. В XIX – нач. XX вв. функционировала широкая сеть попечительств: Приказы общественного призрения, Учреждения царствующей семьи, Губернские попечительства, Общества вспомоществований, Попечительства о народной трезвости и о лицах, пребывающих в тюрьмах, попечение в экстремальных условиях войн и революций. В этот период Россия переживала быстрое экономическое развитие и культурный прогресс, сопровождавшийся ростом общественной напряженности. Только благодаря активной позиции общественности были решены многие социальные проблемы.

Сегодня требуется переосмысление исторического опыта социального попечения, использование уроков прошлого и адаптация их к современным условиям. В период социально-политических трансформаций институт социального попечения остро востребован: возрождаются исторические формы общественного призрения (приюты, ночлежные дома, хосписы, бесплатные ночлежки, благотворительные и некоммерческие общественные фонды). Методологической основой исследования являются как традиционные методы в исторической науке, так и принципы междисциплинарной интеграции [1, с. 6].

Рассматривая этимологическое значение понятий «попечение» и «попечительство», можно отметить их синонимичность и проследить неоднократную трансформацию от древнерусского праславянского прототипа «печаль» обозначающего заботу, оказание покровительства и помощи. Семантические свойства данных понятий соотносятся к устойчивым сочетаниям «социальная сфера», «группа лиц или учреждение», «система управления территориями». Применительно к рассматриваемой проблеме: под понятием «попечительство» понимается социальный институт гражданского общества.

Истоки социального попечительства уходят корнями в глубокую древность, когда на Руси во времена Владимира Святого и Ярослава Мудрого попечение о «просящих», «убогих», сиротах, слепых и глухих. В следующем столетии попечителем был Роман Ростиславич. Великий князь Владимирский Константин Всеволодович также попечительствовал убогим, больным и нищим. Большую роль в деле попечения о нищих и обездоленных играли священники, религиозные саны, богословы. Кроме призрения им вменялось в обязанность учить малых детей в доме, а взрослых – в храме. Этот период носит характер «просвещенного или благонамеренного попечительства» [2].

Начиная с XII в. на Руси стали появляться общественные организации, оказывающие попечительские услуги, носившие названия братчин и братских союзов [3, с. 39]. В эти годы зародилось княжеское попечительство, благотворение и нищелюбие. При царе Федоре Алексеевиче впервые зарождается Верховное попечение, партнерство государства с общественностью и впервые вводится должность блюстителей (прообраз куратора, в последующем попечителя).

На рубеже XVII–XVIII вв. постепенно стала оформляться государственная организационная форма попечительства и благотворительности. В этот период были заложены основы государственного и общественного призрения. Социальное попечение в основном носило общественный характер и основано на сострадании, религиозных верованиях, нравственных воззрениях, патриотизме, сознании гражданской солидарности между членами общества, желании получить признательность со стороны правительства, «видящего в попечении и благотворительности один из способов смягчить или устранить социальную напряжённость» [4, с. 34-52, 66].

С 1775 г. в России предпринимались первые попытки организации государственной системы социального попечения. С учреждением Приказов общественного призрения впервые стала оформляться социальная политика государства [5]. Организация приказов общественного призрения была выстроена на принципах самостоятельности местных благотворительных фондов, привлечения к управлению ими общественности. Благодаря этому приказы получили возможность, развивая свои кредитные операции, за период 50 лет собрать капитал в 25 000 000, а через 65 лет довести число своих заведений до 793, с 156 744 призреваемыми.

Постепенному расширению попечительской деятельности способствовала официально разрешенная в 1781 г. частная благотворительность. Как правило, жертвователями выступали социально ответственные дворяне, купцы, предприниматели и богатые промышленники, что считалось благородным делом. Сложившаяся правительственная практика предусматривала партнерские отношения [6, с. 607], что способствовало дальнейшему развитию института попечительства в социальной сфере.

При Екатерине II в Москве (1763 г.) и Петербурге (1770 г.) были организованы Воспитательные дома «по превращению сирот в людей», впитавших лучшие идеи Просвещения [7, с. 1]. Тогда была учреждена должность главного попечителя, которая возлагалась на лицо, пользующееся уважением во властных структурах. В помощь попечительскому движению открывались частноправовые общества взаимного вспоможения. К примеру, филантропическое общество попечительства гувернанток в России. В своем арсенале оно имело сберегательные кассы, выдавало ссуды и пособия, обеспечивало пенсиями, доступным жильем, планомерно занимались повышением квалификации и профессиональной переподготовкой воспитательниц, учительниц и надзирательниц.

Особо следует подчеркнуть, что наряду с государственным попечением в социальной сфере параллельно развивалось и Верховное попечительство «Особ Царствующего Дома». Огромная роль принадлежала императрице Марии Федоровне. Под ее попечением появляется первый повивальный институт с родильным госпиталем «для неимущих женщин» и Императорские Воспитательные дома, опирающиеся на традиции благотворительности и меценатства [8, с. 2].

Огромную роль в развитии социального попечения играло Императорское Человеколюбивое общество (далее Общество), созданное в 1802 г. В его составе функционировал Попечительный Совет под названием «благодетельного общества» во главе с Главным попечителем [9, 10]. Совет управлял комитетами, которые открывались и действовали в каждой губернии. Из 210 заведений Общества было создано 57 учебно-воспитательных заведений, в которых «призревалось» 5 500 сирот и детей бедных родителей. Государство выделяло на деятельность Общества ежегодно 250 000 ассигнациями (70 000 серебром) [11, с. 108].

В 1816–1821 гг. были открыты отделения Общества в гг. Казань, Воронеж, Уфа, Слуцк и Аренсбург. В этот же период активно действовал Ученый комитет Общества, издававший специальный «Журнал Императорского Человеколюбивого общества», ставший первым в России печатным периодическим изданием, посвященным непосредственно проблемам призрения [12, с. 5, 11, 58, 71, 81, 140].

К 1825 г. Общество учредило в Петербурге Медико-филантропический и Попечительный комитеты, институт слепых и дом воспитания бедных детей, дом для призрения малолетних бедных разночинного звания.

Во второй половине XIX в. деятельность Общества расширилась, развиваясь по трем основным направлениям: 1) упорядочение работы Общества; 2) реорганизация действовавших благотворительных заведений; 3) открытие новых заведений и отделений Общества [13, с. 5, 11, 58, 71, 81, 140].

К началу 1900-х гг. Общество превратилось в разветвленную структуру, включавшую в себя различные типы благотворительных заведений. Отделения Общества имелись в двух столицах и в 25 провинциальных городах и местечках. Ежегодно Общество расходовало на попечительские и благотворительные цели до 1 500 000 р. Источниками средств являлись как частные пожертвования, взносы сотрудников Общества и императорской семьи, так и проценты с капиталов и доходы с недвижимой собственности (последняя на начало 1897 г. оценивалась в 10 400 000 р.). Членами Общества являлись попечители, почетные и действительные члены, воспитатели, преподаватели, врачи (около 4 500 чел.). С 1897 г. работа в Обществе стала приравниваться к государственной службе в соответствии с Табелью о рангах. Членов общества награждали наградным знаком Императорского Человеколюбивого Общества.

До 1828 г. все эти учреждения находились под попечительством императрицы Марии Федоровны и имели статус Императорских. Для управления учреждений императрицы Марии были назначены почетные опекуны, при участии попечительских советов, в состав которых входили представители местного купечества [14].

В 1854 г. все социальные заведения были разделены на 15 групп, подразделенных на разряды [15, с. 4]. Для управления ими были назначены попечители, которые утверждались императором. В помощь им избирались попечительские советы учреждений в составе городского головы и пяти членов из купцов первой гильдии, осуществлявших «попечение» об их содержании.

В 1881 г. статс-секретарем К.К. Гротом основано Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых под именем Мариинского Попечительства о слепых, целью которого было учреждение училищ для слепых детей и забота об ослепших воинах в Русско-турецкой войне с целью подготовки их к самостоятельной трудовой жизни [16].

В 1892 г. было учреждено попечительство о Мариинских училищах, предназначенного для профессионального образования воспитанниц [17, 18].

13 мая 1913 г. Указом императора Николая II в ведомстве учреждений в области труда, социального обеспечения, просвещения, культуры, печати было создано Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества. В марте 1917 г. постановлением Временного правительства на базе Министерства общественного призрения Российской империи, было образовано Министерство государственного призрения Временного правительства. В задачи министерства входило осуществление комплекса мер по социальному обеспечению отдельных категорий граждан, в том числе беженцев, раненых, инвалидов, а также контроль за деятельностью частных и общественных благотворительных и попечительских организаций и учреждений.

Таким образом, социальное попечение развивалось вместе с обществом, которое благодаря своей гражданской позиции в партнерстве с государством к началу XX в. создало развитую сеть попечительских и благотворительных организаций. Это позволило государству сформировать эффективную качественную модель управления социальной сферой. Позитивный опыт такого управления целесообразно учитывать и в наши дни, адаптируя требованиям современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 2007.
2. *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Народное образование в России. СПб., 1900.
3. *Григорьев В.В.* Российский императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования // Историческая записка. СПб., 1870.
4. *Максимов Е.Д.* Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. 1828. № 1814. СПб., 1830. Т. 3.
6. *Гавлин М.Л.* Меценатство и благотворительность // Очерки русской культуры конец XIX-начало XX века. Власть. Общество. Культура. М., 2011.
7. Благотворительные учреждения России. СПб., 1912.
8. Там же.

9. ПСЗ РИ. 1815-1816. № 26357. СПб., 1830. Т. 33.
10. ПСЗ РИ. Собрание второе. Отделение первое. 1860. № 35454. СПб., 1862. Т. 35.
11. *Федорченко В.И.* Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М., 2003.
12. Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого Общества и подведомых ему благотворительных учреждений / сост. В. Троицкий. СПб., 1898.
13. Там же.
14. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи: XVIII-начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
15. Благотворительные учреждения России. Указ. соч.
16. *Галиуллина С.Д.* Методологические основы попечительства как социального института // Власть: общенациональный научно-политический журнал. 2010. № 8.
17. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.
18. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX-начала XX вв. М., 2005.

УДК 323

Поляков Александр Валериевич

кандидат политических наук, доцент, директор муниципального бюджетного учреждения, центр спортивной подготовки «Альбатрос»
editor@hist-edu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В статье рассматривается концепция социального капитала, исследования социальных движений, а также соотношение социального капитала и анализ социальных движений как политического актора, идентификация вклада социального капитала, генерируемого социальными движениями в культурные изменения.

Ключевые слова: **социальный капитал, социальные движения, политический актор, местные сообщества.**

Polyakov Alexander Valerievich

PhD in Political Science, Associate Professor, Director of the Municipal Budgetary Institution, Sports Training Center "Albatros"
editor@hist-edu.ru

SOCIAL MOVEMENTS IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON THE ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN THE POLITICAL DEVELOPMENT

This paper examines the concept of social capital, the study of social movements as well as the correlation of social capital and the analysis of social movements as a political actor, the identification of the contribution of social capital generated by social movements into cultural changes.

Key words: **social capital, social movements, political actor, local communities.**

Изучение социального капитала превратилось в целую «индустрию» и вызывало широкий интерес как в академических кругах и у политиков высокого ранга, так и среди представителей местных сообществ и рядовых американцев. Концепция социального капитала приобрела значительное влияние за короткое время по ряду причин. Во-первых, она отражает важное смещение фокуса западной политической теории с государства и отдельных граждан на гражданское пространство между ними. В этом смысле теория социального капитала развивается параллельно двум влиятельным школам: либерально-демократической теории и теории «третьего пути». Гражданское пространство становится отправной точкой анализа в отличие от борьбы за гражданские права со стороны либерализма или отстаивания равенства со стороны социализма и социал-демократии. Этот теоретический сдвиг относительно молод, однако потенциал его весьма значителен. Новая теоретическая парадигма, концентрируясь на пространстве между индивидуумом и государством, стремится преодолеть противоречия между правыми и левыми и бросает вызов либерализму и социализму как двум важнейшим идеологиям современного мира [1].

Впервые термин «социальный капитал» был использован американским христианским просветителем Л.Д. Ханифаном в 1916 г. [2]. Его определение положило начало американской традиции трактовки этой дефиниции, которая подчеркивает функциональную природу социального капитала и рассматривает его как инвестицию, которая в недалеком будущем может принести большую общественную и личную пользу.

Канадская традиция, как академическая, так и официальная, отличается от американской. В 1957 г. Королевской комиссией по экономическому развитию Канады был опубликован доклад «Домохозяйства и социальный капитал», в котором построение сообщества рассматривалось как конечная цель, а не инструмент для достижения других, более широких целей [3].

Термин «социальный капитал» использовал так же и Роберт Путнем в своей широко известной работе, где он обращал внимание на необходимость повышения степени гражданского участия в современном западном постиндустриальном мире [4].

Отметим, что в руках Роберта Путнема социальный капитал выходит за рамки нормативной теории социального пространства и превращается в мощное орудие количественного анализа, поскольку опирается на огромное количество материала об индивидуальном поведении и мнении. Согласно Р. Путнему, социальный капитал, в отличие от философского определения «сообщество», поддается количественному измерению. Его анализ гражданского сообщества основан не только на нормативном или предполагаемом видении прошлого и будущего, но и на теории гражданского общества, подкрепленной обширной эмпирической базой. Измеряя степень участия населения в гражданских ассоциациях и его социальную активность, изменения в политических взглядах и доверии политикам, активность избирателей на выборах и вовлеченность граждан в деятельность политических партий и ассоциаций, Р. Путнем подкрепляет свои теоретические постулаты мощной эмпирической базой. Его работы дали толчок к развитию всей политической

науки, расширяя ее границы и сближая социальные, экономические дисциплины с их ориентацией на количественные показатели и анализ индивидуального комплекса, политики и общества.

А. Беббингтон рассуждал в своих работах о разных видах активов, способствующих влияющих на политическую, экономическую, социальную жизнь. Он выделяет следующие виды активов:

- человеческий капитал – это активы, связанные с человеческим телом, например, знания, здоровье, навыки, время и т.д.;
- социальный капитал – это активы, производные от общения человека с другими людьми и членства в различных организациях, которые облегчают доступ к другим ресурсам;
- произведенный капитал включает как физические (инфраструктура, технологии и т.д.), так и финансовые активы;
- природный капитал – количество и качество природных ресурсов, к которым индивид имеет доступ;
- культурный капитал – ресурсы, которые становятся доступны человеку вследствие его принадлежности к определенной социальной среде [5].

М. Дайани понимает под социальным капиталом связи между акторами, вовлеченными в отношения, основанные на взаимном признании и взаимном доверии, не обязательно подразумевающие наличие коллективной идентичности [6]. Чем шире эти связи развиваются на этапе социальной мобилизации, тем выше будет ожидаемый эффект социального движения.

Мы считаем, что в последнее время исследователи социальных движений ставили перед собой либо слишком обширные задачи (к примеру, изучение вклада социальных движений в глубокие социально-политические изменения), либо слишком узкие (анализ специфических протестных кампаний или организаций социальных движений). В качестве альтернативы М. Дайани предлагает сосредоточить внимание ученых на структурных изменениях акторов движений в направлении расширения социальной сетевой работы. Этот подход предполагает, что степень социального влияния обычно зависит от позиции акторов по данному вопросу. Чем больше внимания уделяется этому направлению деятельности, тем выше степень социального влияния каждого конкретного актора. Влияние социального движения на политику находится в зависимости от его структурной позиции, т.е. взаимодействия с соратниками и, что даже более важно, с другими акторами внутри движения, а также культурной и политической элитой. Структурная позиция определяет вклад движения в принятие политических решений и формирование политической культуры.

Долгосрочные и краткосрочные последствия социальных движений остаются малоизученными, что подтверждается мнением экспертов [7]. Основной проблемой при изучении результатов социальных движений является идентификация связи между действиями участников движений и определенными событиями, будь то политические решения или изменения в ценностях или образе жизни [8]. Макроуровневый анализ социальных движений и социальных изменений очень уязвим в этом плане. Например, сложно убедительно доказать причинно-следственную связь между реакцией властей на экологические проблемы и мобилизационными возможностями экологических движений. Так, Д. Рихт обнаружил субстанциональную корреляцию между давлением со стороны участников экологических движений, повышенным вниманием общественности и усилением позиций «зеленых» партий и степенью политических инноваций и улучшений в экологическом законодательстве в восемнадцати странах – членах ОАЭСР. Однако, он крайне осторожен в постулировании видимых доказательств, вытекающих из этих связей. И действительно, в соответствии с теорией политических возможностей, можно утверждать, что политическим элитам выгоднее поддержать мобилизацию борцов за экологию, чем быть принужденными последними к политическим инновациям [9]. Это же справедливо и в отношении связи между деятельностью экологических движений и культурными изменениями в широком смысле. Очень сложно определить, кто же прав в споре, являются ли социальные движения агентами культурных инноваций или же и экологический активизм, и увеличение внимания общественности к вопросам охраны окружающей среды являются следствием более широкого процесса модернизации.

Социальный капитал может быть определен как комплекс отношений взаимного ознакомления и признания, в который вовлечены социальные акторы, как индивидуумы, так и организации [10]. По мнению Джеймса Колмена, важнейшую роль в нем играет сетевая работа [11]. То есть, социальный капитал – это социальные отношения, посредством которых циркулируют ресурсы, доверие и нормы генерируются и воспроизводятся [12]. Некоторые исследователи подчеркивают важность не столько сетевой работы самой по себе, сколько чувства солидарности и взаимного доверия, возникающих в ходе ее [13]. Кроме того, присутствие взаимного доверия позволит исследователям дифференцировать социальный капитал от других стабильных взаимоотношений,

например, деловых отношений или связей, вытекающих из принадлежности к определенной территории. Фокусирование на структуре социальных движений и воссоздание связей между различными акторами и их социальным окружением позволит:

- оценить силу связей между акторами социального движения и их способности к активной мобилизации в разное время;
- идентифицировать связи движения с политиками и своим социальным окружением для оценки потенциала их влияния;
- выявить степень интеграции лидеров движения и политической элиты.

Как же соотносится социальный капитал и анализ социальных движений как политического актора? Во-первых, расширение социальной базы движения зависит от дистрибуции социального капитала в его среде потенциальных сторонников. Успех мобилизации опирается на проделанную сетевую работу и взращивание чувства солидарности, а вовлеченность индивидуума в коллективные действия зависит от его самоидентификации с другими участниками движения и присутствием чувства взаимного доверия. Наличие активистов, имеющих налаженные каналы коммуникации, заметно облегчает построение альянсов.

Во-вторых, большую роль играет социальный капитал, связывающий акторы движения с социально-политической элитой. Например, он может способствовать более благосклонному вниманию к требованиям участников движения со стороны властей и создавать таким образом более открытую структуру политической возможности.

Социальный капитал возникает также в результате коллективных действий, поскольку они генерируют новые формы взаимозависимости и новую солидарность [14]. Г. Симмел предложил ставшую классической аргументацию интегративной роли конфликта не только внутри, но и между коллективами [15]. Применительно к социальному капиталу это означает, что, несмотря на то, что связи, основанные на коллективной солидарности, способны сохраняться на долгих промежутках времени [16], они редко проходят неизменными через различные политические фазы. Напротив, в таких условиях, как правило, возникают новые социальные соглашения и новые идентичности [17]. Это относится к отношениям активистов движений как со своими сторонниками, так и с политическими элитами, которые могут воспринимать их в качестве политических лидеров, представляющих интересы оппозиционно настроенных граждан. В случае интеграции политической элиты в государство, влияние социального движения на политический процесс заметно возрастает [18]. Иначе говоря, социальные движения не только опираются на существующий в их распоряжении социальный капитал, но и воспроизводят его, время от времени создавая его новые формы. Успешность усилий участников социальных движений в этом направлении может служить индикатором их социально-политического вклада в развитие страны.

Если исследователь сконцентрирует свое внимание на предпосылках успеха того или иного движения, т.е. на структурной позиции, занимаемой акторами движения после фазы политического или культурного вызова, то структурное расположение лидеров, активистов и симпатизирующих движению граждан в более широком социальном контенте будет являться опережающим показателем способности социального движения воздействовать как на процесс принятия политических решений, так и на создание культурных норм и кодов [19].

В настоящее время основного внимания исследователей требует проблема создания условий для возникновения новых видов сетевой работы, которые позволят различным группам поддержки, гражданским организациям, комитетам, а также отдельным интеллектуалам и известным людям оказывать большее влияние на процесс политических и культурных изменений.

Д. Рихт дифференцирует политический и культурный, а также внешний и внутренний вклад социальных движений. Под политическим вкладом он понимает комплекс действий, направленных на все стадии политического процесса, а под культурным вкладом – более широкое поле деятельности для воздействия на процесс создания и воспроизведения современным обществом моральных стандартов, информации, знаний и жизненных паттернов [20].

Разделение на внутренний и внешний вклад подразумевает разграничение возможности удерживать сторонников (внутренний вклад) от способности движения налаживать связи со своим социальным окружением (внешний вклад). С одной стороны, в движениях принимают участие более или менее свободные акторы, которые, несмотря на свою гетерогенность, обмениваются ресурсами, информацией, разделяют общие взгляды и выражают солидарность друг с другом без создания новых специфических связей.

Созданный на более ранних стадиях социальный капитал усиливает способность движения к социальной мобилизации на более поздних стадиях развития движения. Он также вносит вклад в

возникновение и циркуляцию новых идей и культурной практики внутри движения. С другой стороны, степень влиятельности акторов движения зависит от их способности налаживать отношения со своим окружением и, особенно, с представителями культурной и политической элит. Вклад движения тем заметнее, чем сильнее связи идеологов движения с теми социальными кругами, где генерируется доминирующее в обществе восприятие реальности (СМИ, корпоративные культурные операторы, интеллигенция).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Arneil B.* Diverse Communities. The Problem with Social Capital. Cambridge, 2012.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community, 2000.
5. *Bebbington A.* Capitals and capabilities: a framework for analyzing peasant viability, rural livelihoods and povetry // World Development. 1999. Vol. 27 (12).
6. *Diani M*. Social Movements and Social Capital: A Network Perspective on Movement Outcomes // Mobilization: An Internal Journal. 1997. 2 (2).
7. *McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N.* Comparative Perspectives on Social Movements. New York, 1996.
8. *Rucht D.* Studying The Effects Of Social Movements: Conceptualizations and Problems // Paper for the ECPR Joint Sessions. Limerick, 1992.
9. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements, Collective Action, and Politics. New York, 1998.
10. *Bourdieu P., Wasquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.
11. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990.
12. *Diani M.* Op. cit.
13. *Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. № 6.
14. *Cook K., Whitmeyer J.M.* Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. 1992. № 18.
15. *Simmel G.* Conflict // Conflict and the Web of Group Affiliations. New York, 1955.
16. *Rupp L., Taylor V.* Survival in the Doldrums: The American Women's Rights Movement, 1945 to the 1960s. Columbus: Ohio State University Press, 1987: *Gould R*. Insurgent Identities: Class, Community, and Protest in Paris from 1848 to the Commune. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
17. *Melucci A.* Challenging codes: collective actions in the communication age. Cambridge, 1989.
18. *Knoke D., Wisely N.* Social Movements // Political Networks. Cambridge, 1990.
19. *Diani M.* Op. cit.
20. *Ruht D.* Op. cit.

УДК 32

Салгириев Али Русланович

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Чеченского государственного университета
editor@hist-edu.ru

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОЛПРЕДСТВА ПРЕЗИДЕНТА РФ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматривается динамика развития института Полпредства Президента РФ на Северном Кавказе, он анализируется как механизм централизации государственной власти, усиления контроля и единства исполнительной власти. Рассматриваются ресурсы влияния, стратегии активности Полпредов в Южном федеральном и Северо-Кавказском федеральном округах. Полпредство как составная часть федеральной административно-политической элиты, осуществляет функции контроля и координации над региональными элитами от федерального центра.

Ключевые слова: **политическая элита, Северный Кавказ, региональная элита, Полпредство Президента РФ, политическое пространство, Юг России, экономическое развитие.**

Salgiriev Ali Ruslanovich

PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Social and Cultural Service and Tourism of Chechen State University
editor@hist-edu.ru

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE PLENIPOTENTIARY REPRESENTATION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS

The article considers the development dynamics of the institution of the Plenipotentiary Representation of the President of the Russian Federation in the North Caucasus, it is analyzed as a mechanism for the centralization of state power, control strengthening, and unity of the executive power. The impact resources, activity strategies of the plenipotentiaries in the Southern Federal and North-Caucasian Federal Districts are considered. The plenipotentiary representation as a part of the federal administrative and political elite performs the functions of control and coordination over regional elites from the federal government.

Key words: **political elite, North Caucasus, regional elite, Plenipotentiary Representation of the President of the Russian Federation, political space, south of Russia economic development.**

Продолжается процесс централизации политический системы, особенно наглядно это проявляется в политическом пространстве Северного Кавказа. Создание института Полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и аппарата полпредств свидетельствует об усилении роли федерального центра на местах. С одной стороны полпреды территориально ограничены в своих полномочиях на макрорегиональном уровне. С другой стороны, они являются частью федеральной административно-политической элиты, поскольку реализуют ее политику и организационно подчинены центру. Нам представляется, что в рамках политического анализа надо рассматривать Полпредство как важный актор, влияющего на северокавказские политические процессы.

Начнем с рассмотрения статуса полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и аппарата полпредств. Они были созданы согласно Указу Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. В Конституции Российской Федерации нет упоминания о федеральных округах и полномочных представителях Президента РФ в них. Поэтому потребовался этап легитимизации новых структур, которая в отсутствии юридического механизма полностью зависела от активности полпредов. На полпредов возлагались три основные группы функций:

- организовывать контроль за исполнением федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, за реализацией правительственных программ;
- координировать деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти;
- согласовывать кандидатуры для назначения на должности федеральных государственных служащих и на иные должности, если это относится к компетенции федеральных органов власти.

Созданные в 2000 г. округа были призваны решить политические задачи. На полномочных представителей Президента в округах возлагалась обязанность обеспечивать реализацию конституционных полномочий главы государства в пределах соответствующего федерального округа, повышение эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствование системы контроля исполнения их решений.

Одной из важных, хотя и не заявленных публично, задач при создании округов было уменьшение концентрации власти в руках руководителей субъектов федерации. В 1990-х гг. в результате «парада суверенитетов», при слабости федеральной власти, неэффективности управленческо-

го воздействия из федерального центра у президентов республик и губернаторов краев и областей сосредоточился огромный объем формальных и неформальных полномочий. Главы субъектов федерации были влиятельными и самостоятельными политическими фигурами на политическом поле России. В республиках эта концентрация власти вела к росту замкнутости, клановости, этнократии.

Вместе с тем, уже с начала работы полномочия полпредов стали изменяться в сторону расширения. 25 мая 2000 г. Президент России ввел полпредов (по должности) в состав Совета Безопасности РФ, что приравняло их по статусу к Руководителю Администрации Президента РФ. В июне 2000 г. образованы управления Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах, которые возглавили заместители Генпрокурора. Аналогичные главные федеральные управления по округам созданы в Министерстве юстиции РФ. Их наделили надзорными и управленческими функциями по отношению к прокурорам и управлениям Минюста в субъектах федерации. Вместе с тем, указом Президента РФ от 30 января 2001 г. полпреды стали обязаны руководствоваться распоряжениями Руководителя Администрации Президента. Они координировались сначала Главным территориальным управлением Администрации Президента РФ, а после его упразднения в 2004 г. – Управлением Администрации Президента РФ по внутренней политике [2, с. 76-79].

Таким образом, статус полпредов в федеральных округах соответствовал цели рецентрализации государственной власти, усилению контроля и единства исполнительной власти. Решалась политическая задача: превратить полпредов (до 2000 г. существовала одноименная должность на уровне 89 субъектов федерации) из «агентов влияния» региональных элит в институт централизованного контроля над региональными элитами. Дальновидным было решение изменить первоначальное название округа (Северо-Кавказский) на Южный федеральный. Этим обозначалась установка на конструирование южнороссийской идентичности как варианта российской, в которой постепенно снижалась конфликтогенность сочетания северокавказских этнической и конфессиональной идентичностей, обозначившаяся после распада СССР. На укрепление южнороссийской идентичности работало и включение в состав ЮФО экономически развитых Астраханской и Волгоградской областей.

Разумеется, столь важная реформа потребовала не только пересмотра полномочий полпредов, но и кадрового обеспечения. Характерно, что в первом составе полпредов, назначенных в 2000 г., преобладали представители элит военных и правоохранительных органов с соответствующим образованием и жизненным опытом.

Важен и состав структурных подразделений полпредства по Южному федеральному округу (с января 2010 г. – по ЮФО и Северо-Кавказскому федеральному округу). Первоначально они заполнялись влиятельными политиками, имевшими самостоятельность от глав регионов, а подчас, и конфликты с ними. Так, в аппарате полпредства работали отставной президент Адыгеи А.А. Джаримов, претендент на выборах президента Карачаево-Черкесии С. Дерев и др. Это обеспечивало определенный противовес влиянию действующих президентов северокавказских республик [5, с. 257-306].

Постепенно полпредство расширяло свои функции. Создается Южно-Российская парламентская ассоциация в качестве совещательного органа. Полпредство выступает арбитром во многочисленных внутриреспубликанских конфликтах. С 2005 г. полпред получает право предлагать Президенту РФ на согласование кандидатуры на должность высших должностных лиц (президентов) республик. Следовательно, координирующие и наблюдательные функции постепенно дополняются властно-управленческими.

Основные задачи в военно-политической и правовой сферах удалось решить первому полпреду Президента в ЮФО генералу армии В.Г. Казанцеву. Несмотря на неопределенность своих полномочий, он довел до конца подавление сепаратизма и основных баз международного терроризма, Чечня де-факто вернулась в состав Российской Федерации, а региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным. Объективно ограничивая «суверенные» привилегии региональных лидеров путем силового давления, полпред со многими из них испортил отношения. Для системного решения проблем округа у полпредства не хватало не только полномочий, соответствующих механизмов, но и каких-либо существенных ресурсов, в т.ч. финансовых. Тем не менее, полпредство инициировало создание или оживление общерегиональных структур, обеспечило разработку ФЦП «Юг России» на 2001-2006 гг. с привлечением лучших научных и экспертных сил региона и других центров.

Полпреды стремились системно повлиять на политические процессы на Северном Кавказе. Полпреды В.Г. Казанцев и Д.Н. Козак активно участвовали в урегулировании и разрешении наиболее сложных и взрывоопасных ситуаций. Полпреды немедленно выезжали в зоны конфликтов и

терактов, принимали оперативные решения по снятию остроты ситуации, восстановлению нормальной жизнедеятельности на пострадавших территориях. Они осуществляли ситуативный антиконфликтогенный менеджмент [1, с. 65], т.е. реагировали на случившиеся события и устраняли негативные последствия конфликтов.

В целом негативные последствия для реализации задач округа имела частая смена полпредов в ЮФО (в других округах подобная практика не сложилась), т.к. на вхождение в сложный клубок проблем, ментальные особенности региональных элит уходило не менее года, что сказывалось на запаздывании федеральных властей, на эффективности и результативности регионального управления.

Сложность ситуации заключалась в том, что военно-политические, правовые, социально-экономические и духовно-культурные проблемы необходимо было решать не поочередно, а одновременно. Смена «силового» полпреда В.Г. Казанцева в 2004 г. на менеджера В.А. Яковлева была преждевременной, т.к. борьба с террористическим подпольем далека от завершения. Предпочтительней был вариант «дуумвирата», как в Кавказском наместничестве времен Российской империи. Полпред-силовик (наместник) и его достаточно автономный заместитель – гражданский менеджер (вице-губернатор). Второй полпред, воспринятый первоначально в макрорегионе иронично, т. к. абсолютно не был знаком со спецификой Северного Кавказа, через несколько месяцев глубоко разобрался в социально-экономических проблемах региона и вышел на интересные крупные межрегиональные проекты интеграционного характера, в том числе – модернизацию транспортной инфраструктуры ЮФО, улучшение инвестиционного климата и создание позитивного имиджа региона, более активного использования коммуникативных технологий, разрушения негативных стереотипов.

Эти планы были забыты после трагедии в Беслане (сентябрь 2004 г.), которые стали поводом для смены полпреда. Новый полпред Д.Н. Козак, в отличие от своих предшественников, получил реальные административные полномочия и обладал капиталом включенности в узкий высший круг правящей элиты. Незаурядный управленец, он идеально наладил работу своего аппарата, но сделал ее более закрытой, нормализовал отношения с органами власти республик и их элитами, начал административными методами частичную ротацию региональных лидеров. Он лично участвовал в блокировании острых стадий конфликтов на местах, но проблемы не решались. Удачная социально-экономическая конъюнктура, период относительной этнополитической стабильности в 2005-2007 гг. не были полноценно использованы для перехода к развитию региона, федеральные и региональные элиты удовлетворились хрупкой функциональной стабильностью и «социальным контрактом» друг с другом.

Одновременно с назначением в 2004 г. Д.Н. Козака на должность полпреда в ЮФО был подписан указ Президента РФ о создании Межведомственной комиссии по вопросам координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе [1, с. 66]. Это существенно укрепило правовую основу деятельности полпредства в ЮФО и показало, что руководство страны выделяет округ как ключевой для преодоления сепаратизма. В 2005 г. Д.Н. Козак направил Президенту РФ пакет законопроектов, направленных на стабилизацию ситуации. Среди предлагаемых мер – внешнее антикризисное управление в дотационных субъектах федерации, к числу которых относятся все республики Северного Кавказа.

Под руководством Д.Н. Козака сразу после его назначения на должность полпреда был проведен всесторонний анализ политических процессов. К этой работе впервые за постсоветский период привлекались эксперты всего ЮФО. В 2005, 2006, 2007 гг. проведены четыре встречи полпреда с учеными Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону), на которых обсуждались сценарии развития Юга России, перспективы преодоления региональных конфликтов, борьба с коррупцией и теневой экономикой.

Одна из главных задач, заявленных Д.Н. Козаком на посту полпреда – необходимость ликвидировать клановость власти в южных республиках, а также борьба с коррупцией. Именно при полпреде Д.Н. Козаке произошла смена значительной части республиканских элит. В качестве основной системной меры по улучшению положения на Юге полпред ставил резкое изменение социально-экономической обстановки в регионе и, прежде всего, увеличение занятости населения.

Говоря об отношениях республик с центром, нельзя не отметить очень важную роль, которую сыграл Д.Н. Козак, работая представителем президента в ЮФО. Именно он активно проводил политику, направленную на обновление республиканской властной элиты (за исключением Карачаево-Черкесии) и способствовал назначению большинства нынешних глав. Его роль была очень большой при назначении А. Тхакушинова, когда Д. Козак блокировал попытки Х. Совмена сохраниться у власти в Адыгее. Повлиял Д. Козак и на выбор в пользу А. Канокова, на назначение гла-

вой правительства Кабардино-Балкарии А. Ярина. Д. Козак настаивал на уходе в отставку президентов Северной Осетии А.Дзасохова и Дагестана – М. Магомедова, хотя тех, кто пришел им на смену, вряд ли можно назвать креатурами полпреда. Уже после возвращения Д. Козака в Москву можно найти его влияние на назначение главой правительства Ингушетии Р. Гайсанова, работавшего в полпредстве ЮФО (Д. Козак не поддерживал М. Зязикова, но не смог в свое время настоять на его уходе) [3].

Сейчас, хотя Д.Н. Козак вернулся в федеральное правительство, он сохраняет определенное влияние в зоне своих интересов на Северном Кавказе. Тем более, что курируя сочинскую Олимпиаду 2014 г., он неизбежно обращается к вопросам развития всего Юга России, в т.ч. проблем политической безопасности и регулирования этнополитических конфликтов. Но прежние отношения с бывшим полпредом уже не всегда могут считаться важнейшими для обеспечения позиций республиканских глав на федеральном уровне. Например, поспособствовав назначению А. Тхакушинова, Д. Козак сейчас вряд ли может считаться его эффективным политическим покровителем.

Одновременно Д.Н. Козак возглавил Комиссию по координации действий федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе, в которую вошли многие федеральные министры. Это означало существенное расширение полномочий полпреда и предвосхитило законодательно оформленное в 2010 г. совмещение А.Г. Хлопониным должностей полпреда в Северо-Кавказском федеральном округе и вице-премьера Правительства РФ.

Последующие полпреды, не обладавшие возможностями Д.Н. Козака, в условиях, когда экономический маятник неуклонно с 2008 г. сдвигался в сторону кризиса, не проявляли значительной активности, несмотря на сигналы экспертного сообщества. В это же время социально-экономические проблемы в субъектах накапливались, террористическое подполье перегруппировалось и, используя сетевые технологии, распространилось по Северному Кавказу.

Кстати, полпредство по Южному федеральному округу во главе с В. Устиновым не играет столь важной роли, как раньше, поскольку республиканские главы, пройдя этап назначения, пользуются вниманием высших государственных чиновников и не нуждаются в посредниках в лице полпредства (роль полпредства в ЮФО стала более формальной).

Созданием Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в январе 2010 г. политическое руководство страны послало четкий сигнал обществу, что Северный Кавказ – предмет первоочередной заботы государства и краеугольный камень безопасности России. Основной позитив создания нового округа – это информационно-идеологический импульс, который федеральная власть послала обществу: власть осознает опасность положения на Юге, она рассматривает Северный Кавказ как неотъемлемую часть российского государства и готова принять все меры и нести все необходимые издержки для изменения ситуации на Северном Кавказе в лучшую сторону. Само наделение полпреда Президента РФ А.Г. Хлопонина полномочиями вице-премьера Правительства РФ создает прецедент, который может быть истолкован как введение для указанных субъектов РФ внешнего антикризисного управления де-факто. Решение, мотивированное необходимостью преодолеть экономическую неэффективность, дотационность, коррумпированность и социальную базу экстремизма и терроризма на этнорелигиозной почве. Основания вполне достаточные для принятия такого решения с социально-экономической точки зрения и проблем безопасности на Северном Кавказе. Тем более, что идея необходимости введения «территориального» вице-премьера для Северного Кавказа периодически выдвигалась экспертами с начала 1990-х гг. [6, с. 4-15].

Основной негатив – концентрация проблем. Округ включает наиболее проблемные как с точки зрения социально-политической стабильности, так и экономического развития субъекты федерации на Юге. Свои особенности имеет этническая структура округа. Русские составляют только 30,1% населения СКФО (ранее в «большом» ЮФО – более 66%) [4]. Создание СКФО существенно изменило конфигурацию всего Южного макрорегиона. Фактически границы нового округа прошли по ставшему явным расколу Юга России на модернизирующийся запад и депрессивный юго-восток.

Большой естественный прирост населения при распаде производств вызывает высокую трудоизбыточность, стимулирует миграционную активность трудоспособного населения. Закрытие современных заводов и фабрик привело к низкому престижу инженерного образования и современных видов трудовой деятельности. Одновременно раздутой является гуманитарная сфера. Молодежь стремится получить экономическое или юридическое образование, после чего вливается в обширный отряд безработных.

Перед полномочным представителем Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном

округе, вице-премьером Правительства России А.Г. Хлопониным поставлены преимущественно экономические задачи, хотя как полпред он будет заниматься выполнением обязанностей в президентской вертикали – по кадрам, по работе с силовыми и правоохранительными структурами, что входит в круг деятельности полпредов во всех округах и не является специфичным для СКФО.

То, что отличает статус полпреда в СКФО А.Г. Хлопонина, это как раз экономические приоритеты в его деятельности, реализуемые через совмещение с должностью в правительстве. Характеризуя поле работы нового полпреда, тогдашний Президент России Д.А. Медведев отметил, что за последние годы власти научились решать на Северном Кавказе «целую совокупность правоохранительных задач, научились бороться с бандитами, хотя, к сожалению, они там еще есть», но пока в регионе «тяжело идут экономические проекты» [7, с. 74].

Являясь одновременно вице-премьером правительства, А.Г. Хлопонин получил пакет поручений по линии экономического развития:

- разработка стратегии развития округа;
- улучшение инвестиционного климата;
- разработка инвестиционных проектов;
- качество жизни граждан;
- наведение порядка в госаппарате [8].

Работа А.Г. Хлопонина на должности полпреда в СКФО свидетельствует о том, что характер его деятельности существенно отличается от его предшественников по ЮФО. Специфика задач, поставленных перед ним руководством страны, как и выступления и заявления полпреда, свидетельствуют о том, что смысл его деятельности не в ситуативном, а в системном антиконфликтогенном менеджменте. Другими словами, поставлена задача изменить обстановку в регионе путем изменения экономических основ жизни.

Бесспорно, улучшение экономической ситуации, особенно уменьшение остроты проблемы занятости положительно скажется на жизни людей, их настроениях и улучшит обстановку. Однако представление о том, что экономическими мерами можно разрешить этнополитические проблемы, меж-, внутриконфессиональные и государственно-конфессиональные проблемы и напряжения, является чрезмерным упрощением и не подтверждается мировым опытом. Наоборот, хорошо известно на примере многих стран, что экономический рост даже обостряет межэтнические и межконфессиональные проблемы и противоречия, вызывает конкуренцию между этническими группами за новые ресурсы и возможности.

Судя по выступлениям в республиках Северного Кавказа, А.Г. Хлопонин постепенно входит в хитросплетения проблем: неизбежность трансформации границ округа, модернизация социальной среды и смена элит, профилактика экстремизма и терроризма, «русский вопрос», некоторый поворот к институтам гражданского общества на Северном Кавказе и т.д. В то же время заметно увлечение экономической составляющей, при важности которой не снимаются политические проблемы.

В Северо-Кавказском федеральном округе именно этнополитические и этноконфессиональные проблемы являются основой затяжного регионального кризиса. Эти проблемы являются мощным препятствием экономического развития, капитал «обтекает» стороной территории с такой концентрацией рисков.

Новый федеральный округ создан не в силу остроты экономических проблем, а в силу особой концентрации социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных рисков для российской государственности. Смысл создания нового округа – решение именно политических проблем, содержание которых изложено в серии выступлений Президента РФ в 2009-2012 гг. Поэтому антиконфликтогенный менеджмент должен стать основой системного управленческого воздействия на регион.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Авксентьев В.А.* Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. ст. / под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2010.
2. *Иванов В.* Путин и регионы. Централизация России. М., 2006.
3. Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: аналитический доклад. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-245236.html. (дата обращения 28.04.2013).
4. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010 // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М., 2011. Прил. 5, 7.
5. Федеральная реформа 2000-2003. Федеральные округа / под ред. Н. Петрова. М., 2003. Т. 1.

6. *Черноус В.В.* Юг России в нулевые и после раздела на два федеральных округа (Вместо предисловия) // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Ч. 2. Северо-Кавказский федеральный округ. Ростов н/Д, 2010.
7. *Авксентьев В.А*. Указ. соч.
8. URL: http://npgi.ru/gournal/8_2011.pdf. (дата обращения 18.02.2012).

УДК 327

Суворова Виктория Валерьевна

аспирантка кафедры всеобщей истории Адыгейского Государственного Университета editor@hist-edu.ru

Suvorova Viktoriya Valeryevna

Postgraduate Student of the Department of General History of Adyghe State University editor@hist-edu.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО США И КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПО БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ (1991 г. – нач. XXI в.)

Статья посвящена отношениям США и Королевства Саудовская Аравия в сфере борьбы с международным терроризмом с 1991 г. по нынешнее время. Акцентируется внимание на борьбе с финансированием терроризма, введении новых правил функционирования благотворительных организаций и других мерах по сдерживанию глобального терроризма.

Ключевые слова: **международный терроризм, американо-саудовское сотрудничество, исламский фундаментализм.**

THE USA AND THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST GLOBAL TERRORISM (1990 – EARLY 21ST CENTURY)

The paper considers the relations between the USA and the Kingdom of Saudi Arabia in the sphere of combating global terrorism since 1991 up to the present time. The attention is focused on the combat against terrorist financing putting into operation the new rules of for charitable organizations and other measures against international terrorism.

Key words: **global terrorism, US – Saudi cooperation, Islamic fundamentalism.**

Мало кто в реалиях сегодняшнего времени не говорит о таком явлении, как терроризм. Терроризм – одна из глобальных проблем современности, с которой столкнулось едва ли не каждое государство в мире. С 1990-х гг. средства массовой информации стали говорить о новой угрозе – исламском фундаментализме (радикализме, экстремизме). Со временем эта угроза росла и приобрела характер всемирного бедствия, уносящего жизни тысяч мирных граждан. Большинство людей в мире ассоциируют эту угрозу с Ближним Востоком, а в западном обществе сложились стереотипы, что все арабы (редко кто отличает иранца от египтянина, иракца от саудовца и т.д.) – террористы, а главной идеологической основой для экстремизма служит ислам. В свою очередь обе стороны и Запад, и умеренные силы в арабском мире сталкиваются с реальной проблемой борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом. Никто не в силах одержать эту победу самостоятельно. Для победы над терроризмом необходимо сотрудничество всего мирового сообщества. Лидером антитеррористической борьбы являются Соединенные Штаты Америки. В статье мы подробнее остановимся на контртеррористическом сотрудничестве США и одного из лидеров арабского мира и центра ислама – Королевства Саудовская Аравия (КСА).

Саудовская Аравия является важнейшим американским партнером и принимает серьезные шаги по сдерживанию глобального терроризма. Но антитеррористические усилия королевства не всегда были однозначны и с течением времени взгляды КСА на терроризм претерпевали изменения. Проблема борьбы с терроризмом обострилась после войны в Персидском заливе 1991 г. Коалиционные войска стран Запада из Саудовской Аравии были выведены в конце 1991 г., но в стране оставалось около 6 тыс. американских военных. Их пребывание на территории двух мусульманских святынь было вопиющим нарушением догматов ислама. В 1995-1996 гг. на территории королевства произошли первые теракты против американских граждан. Саудовские власти осудили эти акты террора, но многие известные саудовцы заявили о своем недовольстве присутствием американцев на саудовской земле. Основными факторами, стимулирующими рост активности исламизма в 1990-е гг. стала сложная социально-экономическая и демографическая ситуация в Саудовской Аравии, сохранение западного присутствия, отход династии Саудидов от ваххабитского аскетизма, растущее недовольство аравийцев чрезмерными привилегиями королевской семьи, а также рост религиозности населения [1]. В 1996 г. КСА и Соединенные Штаты создали совместный антитеррористический комитет, в который вошли представители разведки и юридических органов [2]. Стороны постоянно обмениваются информацией, планируют совместные антитеррористические мероприятия. Однако саудовское правительство не проявляло необходимой решительности в действиях против террористических группировок, находящихся на территории королевства.

Главной проблемой в борьбе с терроризмом является определение и ликвидация источников его финансирования. Длительное время видные саудовские бизнесмены и банкиры, а иногда

даже члены королевской семьи обвинялись американской общественностью в финансировании «Аль-Каиды». В докладе независимой целевой группы под эгидой Совета по международным отношениям США говорилось, что связь террористов с КСА очевидна по нескольким причинам. Во-первых, Саудовская Аравия обладает наибольшей концентрацией богатств в регионе, во-вторых, граждане и благотворительные организации королевства были основным источником средств для моджахедов (борцов против СССР в Афганистане – В.С.). Также саудовские граждане составляют наибольший процент членов «Аль-Каиды» [3, с. 3]. В свою очередь правительство КСА сочло доклад основанным на ложной и непроверенной информации. К тому же королевство было первой страной, которая подверглась террористическим атакам еще в 1970-е гг. (взрыв в главной мечети в Мекке в 1979 г.). А в 1994 г. Саудовская Аравия заморозила активы террористического лидера «Аль-Каиды» У. Бен Ладена и лишила его саудовского гражданства.

Тем не менее, королевство было проблематичным союзником США в борьбе с исламским экстремизмом. Саудовская Аравия – одно из самых консервативных обществ в мире, где отношение к Соединенным Штатам неоднозначно в силу политики США по отношению к палестино-израильскому конфликту. Но прочным американо-саудовским связям уже более полувека. Возникали вопросы и по поводу саудовского отношения к афганскому режиму талибов. В 1999 г. в ежегодном отчете отдел по борьбе с терроризмом США обозначил режим талибов одним из спонсоров терроризма, в свою очередь КСА приостановило отношения с «Талибан», но без окончательного их разрыва [4]. Другие усилия США были сосредоточены на возможности допроса американскими следователями саудовских заключенных, связанных с террористической деятельностью. Саудовская сторона предоставила американским коллегам некоторую информацию, однако отказала им в личном допросе. Соединенные Штаты также настаивали на контроле над денежными потоками террористов и связанных с ними организаций в КСА. В июле 1999 г. для начала совместной работы по этому вопросу агенты ФБР и другие члены американской спецгруппы посетили королевство. В 2000 г. другая группа изучала возможность доступа Бен Ладена к семейным активам. Белый дом положительно оценил начало совместной работы, но других успехов Саудовская Аравия в борьбе против терроризма и его финансирования не достигла.

Самое страшное по своим масштабам террористическое нападение произошло 11 сентября 2001 г. Погибли 3 000 чел., граждане 78 стран мира. После этих трагических событий Дж. Буш заявил в своем обращении, что свобода и демократия под ударом и объявил войну терроризму. Почти все страны присоединились к борьбе с терроризмом на всех фронтах: экономическом, дипломатическом, разведывательном, правоохранительном, военном [5].

После расследования обстоятельств нападения и выяснения, что 15 из 19 нападавших были гражданами Саудовской Аравии отношения между США и королевством стали напряженными. Но саудовское правительство вновь подтвердило свою приверженность борьбе с терроризмом и положительно отреагировало на просьбы о действиях в поддержку коалиции по борьбе с «Аль-Каидой» и «Талибан». 13 сентября 2001 г. принц Абдалла бен Абдель Азиз в ходе телефонного разговора с Дж. Бушем выразил глубокие соболезнования американскому народу в связи с «акцией, осуждаемой всеми монотеистическими религиями». Верховный муфтий Саудовской Аравии шейх Абдель Азиз бен Абдалла бен Мухаммад Аль ам-Шейх осудил теракты с точки зрения шариата, заявив, что эти опасные события никак не связаны с мусульманской религией [6, с. 88]. 20 сентября саудовский министр иностранных дел Сауд аль Фейсал на встрече с Дж. Бушем в Вашингтоне подчеркнул, что террор направлен против исламского мира также, как и против США. Отсюда вытекала новая основа саудовско-американского сотрудничества – не допустить борьбы между западной и восточной цивилизациями. 26 сентября 2001 г. правительство КСА объявило о полном разрыве отношений с афганским правительством «Талибан» и присоединилось к операции «Несокрушимая свобода», проводимой США для ликвидации учебных лагерей «Аль-Каиды» в Афганистане и военных объектов талибов.

В октябре 2001 г. Саудовская Аравия объявила о согласии с резолюцией ООН № 1373, которая призывала к блокированию счетов, владельцы которых финансируют террористические группы и организации [7]. КСА ратифицировало 6 из 12 конвенций ООН по борьбе с терроризмом и подписало еще 3. Но, несмотря на заявления саудовских лидеров о своей готовности сотрудничать с США в борьбе с терроризмом и его финансированием, до 2003 г. особых действий КСА не предпринимало. После террористического нападения на комплексы, в которых проживали иностранцы в Эр-Рияде в мае 2003 г. королевство осознало, что дальнейшее промедление невозможно. Саудовская Аравия попросила ФБР прислать следственную группу в королевство для оказания помощи в разведке, сборе доказательств и расследовании нападений. Сотрудникам ФБР была предоставлена возможность лично допросить подозреваемых, включая саудовских граждан, что

ранее было невозможно.

В 2003 г. в Эр-Рияде была создана совместная американо-саудовская целевая группа с миссией по выявлению, преследованию лиц и организаций, подозреваемых в оказании финансовой поддержки террористическим группам, а также рекомендовать саудовскому правительству и органам безопасности определенные уголовные и/или нормативно-правовые санкции в целях остановить поток финансовых средств террористам и террористическим организациям [8]. Ранее осуждавшие саудовское бездействие представители казначейства США высказали свою благодарность за меры, принятые королевством. Еще в 2001 г. королевство в ответ на опубликованный правительством США перечень имен, связанных с террористической деятельностью, заморозило счета всех подозреваемых лиц. В марте 2002 г. США и КСА заблокировали счета боснийского и сомалийского отделений фонда «Аль-Харамайн», а в январе 2004 г. его счета в Кении, Танзании, Индонезии и Палестине. Фонд обвинялся в финансировании «Аль-Каиды» и других террористических организаций.

С 18 августа 2003 г. в КСА в силу вступили новые правила борьбы с отмыванием денег, под которым понимается и финансирование террористических организаций. Основным источником средств для экстремистских группировок считаются именно благотворительные организации и фонды. В рамках борьбы с отмыванием денежных средств в королевстве начали действовать правила работы таких организаций, которые запрещали денежные переводы благотворительным организациям за рубеж без согласования с саудовским правительством. Саудовские власти постоянно осуществляют мониторинг благотворительной деятельности. Все организации были обязаны гарантировать, что их структуры и финансовые средства не будут использоваться в преступных целях. А также постоянно отчитываться перед государственными структурами Саудовской Аравии о своей деятельности.

В королевстве установлены новые правила открытия банковских счетов для благотворительных организаций. Они, в частности, предполагают, что все учетные записи хранятся на едином счету для каждой организации, субсчета разрешены, но по ним ограничено получение вкладов. Для этих счетов не выдаются банковские карты. Чтобы открыть счет необходимо одобрение саудовского валютного агентства (САМА). Счет открывается только в саудовских риалах. Незарубежные переводы разрешены только двум лицам, получившим специальное разрешение совета по благотворительным организациям. Действуют правила для банков «знай своего клиента». Если банку предоставляют недостаточно информации о клиенте он вправе отказать в открытии счета.

Еще одним источником финансирования террористических групп являются неформальные традиционные методы перевода денежных средств, такие как «хавала» [9]. На территории КСА переводы пользуются большим спросом. Саудовское правительство стремится удовлетворить этот спрос и защитить системы денежных переводов от злоупотреблений со стороны преступных группировок. В 1990-х гг. было зарегистрировано около 200 случаев нелицензированных переводов со стороны 437 лиц на сумму в 9,6 млн дол. [10]. Королевство поощряет банки, которые открывают специальные денежные центры, предоставляющие услуги по переводу денежных средств – надежно, быстро, недорого. Например, услуга «быстрые наличные».

В качестве источника получения денежных средств террористические организации используют и добровольные пожертвования. «Закят» – является религиозным долгом мусульман и одним из пяти столпов ислама. Часто вклады анонимны, и проследить их конечных получателей очень сложно. Многие богатые саудовцы вносят до 2,5% своего дохода на благотворительность. Это около 3-4 млрд дол., из которых 10-20% распределяются за границей, что часто используется экстремистскими группами для финансирования своей преступной деятельности [11, с. 17]. В рамках борьбы с терроризмом и его финансированием в Саудовской Аравии был запрещен сбор благотворительных средств в мечетях и общественных местах, которые часто шли в помощь террористам и экстремистским группировкам.

В сентябре 2003 г., при поддержке государственного департамента США и отдела по борьбе с терроризмом, ФБР провело подготовку саудовских специалистов по борьбе с финансированием терроризма, которая проходила в саудовской столице и Вашингтоне и включала в себя обучение методам расследования, доказательств отмывания средств, компьютерную криминалистику. Проходившие подготовку сотрудники лично участвовали в специально разработанных сценариях, чтобы лучше вникнуть в курс дела. Помимо обучения американскими специалистами, саудовцы реализуют программы подготовки судей, правоохранительных органов, следователей по вопросам отмывания денежных средств, международных стандартов в финансовой тайне, финансирования терроризма [12].

Еще одним важным шагом в борьбе с международным терроризмом стало принятие в КСА в

2005 г. новых таможенных законов, которые регулируют движение через границу наличных, драгоценных камней и металлов. Денежные средства свыше 60 000 саудовских риалов (16 000 дол.) должны декларироваться. Эти меры были приняты для предотвращения перевоза денег курьерами через границы королевства в соседние страны, базирующимся на их территории террористическим организациям [13, с. 37]. Саудовское правительство продолжало принимать меры по усилению пограничного контроля. Устанавливались биометрические сканеры, повышен контроль над информацией о пассажирах, чтобы предотвратить возможность пересечения границ королевства лицами, подозреваемыми в террористической деятельности и их сообщниками. Для повышения бдительности населения и включения его в антитеррористическую борьбу, правительство Саудовской Аравии объявило вознаграждение в 1 млн саудовских риалов (270 000 дол.) за информацию, повлекшую за собой арест террориста, 5 млн риалов (1,4 млн дол.) за информацию о террористической ячейке, 7 млн риалов (1,9 млн дол.) за информацию, благодаря которой будет предотвращен теракт [14].

В рамках контртеррористической кампании правительство Саудовской Аравии приняло решение о созыве международной конференции по борьбе с терроризмом. Представители королевства заявили, что принять участие в работе конференции были приглашены все страны, пострадавшие от терроризма. Однако приглашение не получил Израиль, что саудовцы объяснили отсутствием дипломатических отношений между их странами. С 5 по 8 февраля 2005 г. в Эр-Рияде прошла конференция по борьбе с международным терроризмом, в которой приняли участие международные и региональные организации – ООН, Интерпол, Европейский союз, ОИК, ЛАГ, Африканский союз, ССАГПЗ, Лига исламского мира, а также 51 государство мира (в их числе США, Россия, мусульманские страны – члены СНГ, Япония, Китай, страны Евросоюза и др.) [15]. Открывая конгресс, наследный принц КСА Абдалла подчеркнул принципиальную несовместимость ислама и терроризма и призвал к борьбе с терроризмом и поддерживающими его сетями торговли оружием, наркотрафика и отмывания денег. А также наследный принц предложил создать Всемирный антитеррористический центр под контролем ООН. Эту инициативу поддержали участники конференции. Итогом работы антитеррористической конференции стала «Эр-Риядская декларация», которую приняли все участники [16]. В ней делался акцент на опасность терроризма и необходимость борьбы с ним на основе совместных международных усилий, которые должны поддерживаться международным правом, законами о правах человека, беженцев, гуманитарным правом. Страны, подписавшие декларацию, подчеркнули важность осуществления реформ образовательных систем, не допускать возможности использования террористами национальных средств массовой информации. В целом работа конференции показала желание саудовской стороны к открытому диалогу с международным сообществом в целом и Соединенными Штатами в частности по проблеме международного терроризма.

В Саудовской Аравии действует амбициозная программа по реабилитации лиц, арестованных за поддержку терроризма и экстремизма, а также для лиц, вернувшихся из Гуантанамо для реинтеграции их в общество [17]. Такие программы осуществляются в специальных центрах, где участников пытаются перевоспитать путем вовлечения их в религиозную дискуссию и психологическое консультирование. В центрах реабилитации работают более 100 ученых, специалистов по шариату, психиатры, социальные исследователи. Тем, кто выходит из центра помогают в трудоустройстве. Программа рассчитана на 6-8 месяцев. С момента создания таких центров в 2006 г. через программу прошло около 4 300 чел. В среднем уровень рецидива после окончания реабилитации около 10-20%. Несмотря на это, правительство США отметило положительный результат от работы таких центров, демонстрирующих приверженность Саудовской Аравии к подрыву экстремистской идеологии в королевстве.

Важным аспектом контртеррористического сотрудничества США и КСА является защита энергоресурсов. В 2004 г. в свет вышла аудиозапись, в которой Бен Ладен обращался к своим сторонникам с призывом атаковать нефтяные объекты в странах Персидского залива в рамках экономического джихада [18]. В мае 2008 г. государственный секретарь США и министр внутренних дел КСА подписали соглашение о техническом сотрудничестве для оказания помощи Соединенными Штатами в защите важнейших саудовских объектов инфраструктуры. Нападения на нефтяные объекты необходимо предотвращать, в противном случае, при удачных атаках пострадают не только национальные интересы королевства и экономика США, но и в целом глобальная экономика.

Что касается реформ в саудовском королевстве в контексте борьбы с терроризмом, их необходимость очевидна. Вопрос о реформе образования стоит достаточно остро и является одним из важнейших в борьбе с терроризмом. В саудовских школьных учебниках часто проповедуется

ненависть к евреям, христианам, мусульманам-шиитам, что готовит благодатную почву для появления нового поколения экстремистов. В 2001 г. в «Нью-Йорк таймс» было опубликовано послание президента США Дж. Буша министру по делам ислама КСА Шейх Салех аль-Шейху, в котором президент настоятельно рекомендовал пересмотреть то, чему учат в саудовских школах, отметив, что «в наше время воспитание детей является стратегическим вопросом» [19]. В данный момент Саудовская Аравия находится в процессе своей программы по реформе образования. Материалы, сочтенные оскорбительными, удаляются из учебников, внедряются новые методы обучения, проводятся программы переподготовки учителей. К 2007 г. в учебниках все еще встречались нетолерантные высказывания в адрес «немусульман». Директор Вашингтонского университета по делам Персидского залива Али аль Ахмед выразил свои опасения в связи с тем, что в системе образования КСА обучается около 5 млн детей и если хотя бы один из тысячи этих детей примет экстремистские наставления из таких учебников, мы получим 5 000 террористов [20, с. E2404]. Вся эта работа требует многолетних усилий и крайне деликатна. Министерство по делам ислама в свою очередь изучает, что преподают в религиозных школах и следят за проповедями в мечетях. К 2005 г. саудовское правительство сообщило о 2000 имамах, предупрежденных или уволенных за распространение экстремизма и проповедование нетерпимости. В 2007 г. имамам стали выдавать специальные удостоверения, разрешающие ведение проповеди, чтобы пресечь возможность распространения идеологии экстремистского толка [21].

В начале 2005 г. в КСА началась широкомасштабная национальная информационно-просветительская кампания. Сутью кампании стал тезис о непричастности экстремистских и террористических организаций любого рода к исламу. Данная кампания включала в себя рекламу на щитах и по телевидению, трансляции документальных фильмов («Религиозный диалог», «Священная земля»), мультфильмов для детей («Мой город»), программы с оценками ученых, жертвами террористов, семинары в школах и мечетях. Правительство королевства проводит мониторинг интернет сайтов, осуществляет контроль над чатами, которые могут вербовать боевиков. Положительные отзывы правительства получила компания «Сакина» (спокойствие), которая является независимой, неправительственной организацией и через интернет вступает в диалог с теми, кто посещает экстремистские сайты [22, с. 26].

Несмотря на то, что Саудовская Аравия предпринимает значительные шаги по борьбе с терроризмом и его финансированием, все еще остаются проблемы, которые требуют внимания. Частные лица КСА и других арабских стран продолжают спонсировать экстремистские организации, и региональные правительства могут лишь ограничить эту поддержку. Еще в 2002 г. власти КСА объявили о создании комиссии по контролю над благотворительными фондами за границей. Но, ссылаясь на недоработки в уставе, комиссия до сих пор не функционирует. Данный факт вызывает недовольство у американской стороны. Хотя разработаны новые условия работы благотворительных фондов, имеются некоторые сомнения, что не все организации подчиняются этим правилам. Государственный департамент США сообщал и о проблемах с выполнением правил о курьерах, так как не были изданы соответствующие формы документов, необходимых для заполнения. Также усиление пограничного контроля не могло запретить посещение королевства во время хаджа, так как все мусульмане имеют право паломничества на святую землю. Именно в это время в королевство могут проникнуть лица, связанные с террористической деятельностью. Благодаря действиям саудовского правительства и органов национальной безопасности на территории королевства были ликвидированы ячейки «Аль-Каиды» и их лидеры, длительное время не было успешных терактов, но остаются террористические группировки в соседних странах, которые представляют угрозу национальным интересам КСА и других стран. Экстремисты и их единомышленники быстро адаптируются к методам контртеррористической борьбы. Сохраняются также недопустимые в адрес немусульманских религий высказывания в школьных программах, нетолерантные проповеди в мечетях, остается проблема безработицы среди молодежи. Именно этот слой населения наиболее подвержен влиянию со стороны экстремистских группировок. Необходим ряд реформ во всех областях – социальной, экономической, политической, идеологической. Остро стоит проблема роста численности населения, политической и экономической роли женщин, создания конкурентоспособной рабочей силы. Такого рода преобразования в одном из самых консервативных государств в мире, как Королевство Саудовская Аравия, займут десятилетия. Однако сейчас для таких реформ есть необходимые материальные средства. Доходы от экспорта энергоресурсов из стран Персидского залива растут, и важно воспользуются ли нефтяные монархии такой возможностью. Еще один немаловажный факт, что эти изменения не должны быть навязаны извне. Слишком активная помощь Запада, а конкретно США будет воспринята саудовской общественностью как попытка вмешательства в устои исламского королевства. Это укрепит стереотипы

о Соединенных Штатах, как о государстве, которое действует лишь в собственных интересах, не интересуясь мнением местного населения, невзирая на их традиции, пытаются навязать свои системы ценностей. Все это скорее принесет пользу террористическим организациям, которые будут вновь призывать к борьбе против американских «оккупантов», «крестоносцев», стремящихся с помощью реформ создать в регионе свои марионеточные режимы, а не способствовать прогрессивным изменениям.

Таким образом, можно отметить значительные успехи КСА в борьбе с международным терроризмом. Саудовское правительство предприняло ряд мер для пресечения деятельности террористических группировок и предотвращения распространения экстремистской идеологии на территории королевства. Об этом свидетельствует ряд законов, правил, направленных против отмывания денежных средств, на улучшение пограничного контроля, на усиление безопасности объектов нефтяной инфраструктуры, а также на реализацию социальных реформ, главным образом в сфере образования. Огромное значение имеет факт осуждения политическими и религиозными лидерами королевства террористической деятельности и донесения до простого населения идеи, что экстремистская идеология не имеет ничего общего с исламом. Положительным является и стремление КСА привлечь к борьбе с терроризмом как можно больше стран мира, о чем говорит инициатива проведения международной конференции по борьбе с терроризмом в Эр-Рияде. Конечно, остается ряд нерешенных проблем. Ни одна страна в мире не идеальна. В своей борьбе с угрозой международного терроризма Саудовская Аравия допустила много ошибок, однако Соединенные Штаты признают, что на данный момент королевство является наиболее важным и активным американским союзником в борьбе с экстремизмом, терроризмом и его финансированием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Юрченко В.П.* Саудовская Аравия: власть и оппозиция. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2002/09-09-02.htm. (дата обращения 16.11.2010 г.)
2. *Юрченко В.П.* Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/09-09-03.htm (дата обращения 10.04.2010 г.)
3. *Blanchard C.M., Prados A.B.* Saudi Arabia: Terrorist Financing Issues // Congressional Research Service. 2007. 14 September.
4. The Saudi Effort and Its Aftermath National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. 2004. April 7. URL: http://www.susris.com/2004/04/07/the-saudi-effort-and-its-aftermath-national-commission-on-terrorist-attacks-upon-the-united-states/ (дата обращения 13.12.2011г).
5. September 11 and Review of Terrorism in 2001. Patterns of Global Terrorism. Office of the Coordinator for Counterterrorism. 2002. May 21. URL: http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2001/html/10235.htm (дата обращения 13.06.2012г.)
6. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Саудовская внешняя политика: к вопросу о национальной интерпретации курса страны // Ближний Восток и современность. М., 2002. Вып. 16.
7. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании, 28 сентября 2001 г. URL: http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1373.htm (дата обращения 15.10.2012 г.).
8. Saudi Arabia and the Fight Against Terror Financing Testimony by Thomas J. Harrington. 2004. March 29. URL: http://www.susris.com/2004/03/29/saudi-arabia-and-the-fight-against-terror-financing-testimony-by-thomas-j-harrington/ (дата обращения 15.06.2012 г.).
9. Хавала́ – неформальная финансово-расчётная система, основанная на переводе денежных средств путём однократных уведомлений по электронной почте, факсу или телефонными звонками. В силу того что все финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачёта или при личных встречах, то отследить эти потоки государственные контрольные органы не в состоянии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%E0%E2%E0%EB%E0 (дата обращения 20.10.2012 г.)
10. Saudi Arabia and the Fight Against Terror Financing Testimony by Juan C. Zarate. 2004. March 29. URL: http://www.susris.com/2004/03/29/saudi-arabia-and-the-fight-against-terror-financing-testimony-by-juan-c-zarate/ (дата обращения 15.06.2012 г.).
11. *Blanchard C.M., Prados A.B.* Saudi Arabia…
12. Saudi Arabia and the Fight Against Terror Financing Testimony by Thomas J. Harrington…
13. COMBATING TERRORISM. U.S. Agencies Report Progress Countering Terrorism and Its Financing in Saudi Arabia, but Continued Focus on Counter Terrorism Financing Efforts Needed/United States Government Accountability Office. Report to Congressional Requesters 2009. September.
14. Country Reports: Middle East and North Africa Overview. Office of the Coordinator for Counterterrorism. Country Reports on Terrorism 2010. 2011. August 18. URL: http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2010/170257.htm. (дата обращения 13.06.2012 г.).
15. International Counter Terrorism Conference. 2005. January 30. URL: http://www.susris.com/2005/01/30/international-counter-terrorism-conference/ (дата обращения 23.06.2012 г.).

16. Окончательный доклад Международной конференции по борьбе с терроризмом. Эр-Рияд, 5-8 февраля 2005 г. Генеральная ассамблея ООН.
17. Тюрьма́ в Гуанта́намо – лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности, в ведении войны на стороне противника. С 2002 по 2006 г. через неё прошло свыше 750 иностранцев, захваченных американскими войсками в ходе операций на территории Афганистана и Ирака. Все они, по утверждению американских военных, участвовали в операциях на стороне «Аль-Каиды» или движения Талибан. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%FE%F0%FC%EC%E0_%E2_%C3%F3%E0%ED%F2%E0%ED%E0%EC%EE (дата обращения – 01.11.2012 г.).
18. *Глебова Н.С.* Нефть и безопасность в странах Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/20-02-08b.htm (дата обращения 16.08.2010 г.)
19. *Friedman T.L.* Dear Saudi Arabia // New York Times. 2001. 12 December.
20. Saudi Arabia is hub of world terror // Congressional record. 2007. November 14 (extensions).

Социологические науки

УДК 316

Жаданов Алексей Юрьевич

адъюнкт кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России
editor@hist-edu.ru

Zhadanov Alexey Yuryevich

Adjunct of the Department of Philosophy and Sociology Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
editor@hist-edu.ru

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕГО ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TENDENCIES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF YOUTH IN CONDITIONS OF GROWING INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

В статье рассматриваются особенности процесса социального развития российской молодежи в начале XXI в. Автор уделяет внимание причинно-следственным связям между становлением структур глобального информационного общества и трансформацией процесса социального развития российской молодежи.

In the article the features of the process of social development of the Russian youth at the beginning of the XXIth century are considered. The author pays attention to the cause-and-effect relations between the formation of the structures of global information society and transformation of social development process of the Russian youth.

Ключевые слова: **молодежь, молодежная культура, социальное развитие, информационно-компьютерные технологии, Интернет, информатизация, глобализация.**

Key words: **youth, youth culture, social development, information and computer technologies, Internet, informatization, globalization.**

В условиях все возрастающего влияния информационно-компьютерных технологий в начале XXI в. наблюдается ряд тенденций, касающихся социального развития российской молодежи. Наш анализ охватывает хронологический период с середины 2000-х гг. до начала 2010-х гг. Речь, прежде всего, идет о социокоммуникативной и социокультурной составляющей процесса преемственности и смены поколений в современной России.

Так, исследователи указывают, что в социокультурном пространстве отмечается активный процесс генезиса новых, ранее не известных субкультурных объединений. Новые субкультуры стали своего рода отражением социокоммуникативных трансформаций начала XXI в., в частности, информационного неравенства, возникающего, в свою очередь, из-за образовательной и интеллектуальной поляризации социума.

В современном обществе имеет место унификация социокультурных признаков молодежи в различных континентах, странах инструментами массовой потребительской культуры посредством процесса глобализации. Данная ситуация значительно усложняет процесс социального развития современной российской молодежи, так как происходит постепенная потеря уникальности внутригосударственного процесса социального развития и его включение в глобальную систему социального взросления молодежи. В результате в сознании молодых людей актуализируются механизмы социального развития, характерные для американских, канадских, японских и пр. сверстников, что потенциально угрожает дисфункционально-дезорганизационными эффектами для современной России. Как известно, далеко не всегда модели социального развития можно «экспортировать» и адаптировать к условиям других стран, так как социокультурная система различных обществ весьма вариативна и вряд ли можно рассуждать об универсальных моделях социального развития в современном глобальном информационном обществе. Однако именно тенденция к универсализации моделей социального развития проявляется довольно зримо.

Как справедливо отмечает Е.О. Кубякин, «молодежной культуре присущи и некоторые контркультурные элементы, воплощенные в осознанном и часто агрессивном отчуждении от ценностей, идеалов, морально-нравственных принципов старших поколений. Часто в основе формирования контркультурного молодежного стиля лежит именно социально-психологические особенности молодежи – гипертрофированное желание выделиться, продемонстрировать свое «я» любой ценой, показать свою самостоятельность, независимость» [1].

Стоит отметить, что процесс социального развития в 2010-х гг. проходит в контексте роста социальной значимости Интернета. Глобальная компьютерная сеть играет ключевую роль в данном процессе. Одновременно происходит актуализация дополнительных рисков социального развития, связанных со становлением глобальной информационно-коммуникационной среды и вхождением в общественную жизнь информационно-компьютерных технологий.

По мнению М.М. Гридчина, «для молодежи Интернет становится стандартом потребления, жизненного комфорта, как собственный автомобиль или путешествие за границу. Вместе с тем нельзя не отметить, что «паутина» становится свалкой, бесконтрольным местом, где помещаются материалы фашистского, расистского характера. Там пользователь может найти все: и полезное, и запретное (как изготовить бомбу, как совершить террористический акт). Интернет создает свой особый «виртуальный» мир, параллельный мир, в котором молодой человек живет по своим законам. Возможность анонимного участия в сетевом общении нередко формирует у молодых людей представление о вседозволенности и ненаказуемости любых проявлений в сетевой среде» [2]. Исследователь убежден, что «анонимность и отсутствие запретов освобождают скрытые комплексы (в первую очередь связанные с тягой к насилию и сексуальностью). В итоге меняется стиль поведения личности, который определяется как девиантный. В сети легко обнаружить сайты, где положительно оценивается такие явления, как сатанизм, наркомания, педофилия и другие виды сексуальных извращений. Молодые люди с неустоявшейся психикой при посещении подобных сайтов нередко виртуальные идеи переносят в повседневную жизнь» [3].

Конец XX – начало XXI в. ознаменован все более широким применением компьютеров и информационных технологий в самых разных сферах жизнедеятельности человека. Компьютеры позволяют значительно повысить эффективность работы в различных видах деятельности и открывают человеку новые горизонты познания и отдыха. Пожалуй, теперь сложно найти область жизнедеятельности человека, где не участвуют компьютеры: с ними связана и познавательная, и трудовая, и коммуникативная (творческая, рекреационная и т.д.) жизнь человека. Особую роль на современном этапе развития человечества обретает Интернет.

По нашему мнению, вхождение Интернета и информационно-компьютерных технологий в социальную жизнь серьезным образом меняет и облик процесса социального развития молодежи. В настоящее время успешное социальное развитие молодого человека уже не мыслимо без эффективной интеграции в глобальное информационное пространство. Вместе с тем, имеющийся «цифровой разрыв» между столичными городами, крупными мегаполисами и остальными населенными пунктами в современной России предполагает актуализацию состояния риска, обусловленного дезориентацией системы координат эффективного социального развития. Имеется в виду ситуация, когда молодежь, овладевшая информационно-компьютерными технологиями в «глубинке» не реализует свой потенциал социального развития из-за неблагоприятных условий внешней среды и вынуждена мигрировать за рубеж или в столичные города (Москву, Санкт-Петербург), мегаполисы. В результате генерируются дополнительные риски социального развития современной российской молодежи, возникает дисбаланс социальных перемещений в социуме.

Стоит отметить, что факт успешной интеграции большинства молодых людей в пространство глобального информационного общества, их овладения информационно-компьютерными технологиями подтверждается результатами проведенных в России социологических исследований.

Изменяется и характер коммуникации в молодежной среде (особенно межличностный и групповой уровень). Так, возросшая популярность виртуального общения способствует скрыванию или презентации ложных сведений о себе, именно особенность проявляется в наше время в социальных сетях среди молодёжи («В Контакте», «Одноклассники», «Facebook»). Молодые люди считают, что если они приукрасят информацию о себе, то тем самым повысят свой статус, найдут больше друзей. Вследствие подобной анонимности и безнаказанности в Интернете проявляется и другая особенность, связанная со снижением психологического и социального риска в процессе общения – аффективная раскрепощенность, ненормативность и некоторая безответственность участников общения. Кроме того, молодые люди, не видя собеседника в лицо, сформировывают свой взгляд о том, что он из себя представляет, исходя из особенностей и манер общения в Интернете. Также имеет место стремление к нетипичному, ненормативному поведению – зачастую пользователи Интернета презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы, проигрывают нереализуемые в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного поведения [4].

Практически повсеместная доступность сети Интернет привела к тому, что молодые люди не только свое свободное, но и рабочее время проводят в сети Интернет: общаются, ищут информацию, организуют досуг. Можно констатировать, что современное молодое поколение формируется в социальном плане в очень сложных условиях, характеризующихся деформацией прежних социокультурных основ общества и формированием новых социальных отношений, основанных на стремительно прогрессирующих информационно-компьютерных технологиях.

М.Н. Извекова так характеризует новые условия внешней, социокоммуникативной среды

начала XXI в., в которых происходит социальное развитие российской молодежи:

– противоречия постиндустриальной цивилизации явились причиной формирования совершенно нового типа коммуникативного взаимодействия, обеспечиваемого огромным количеством коммуникативных средств и посредников;

– произошло не только увеличение во все нарастающих размерах роли СМИ, Интернета, сотовой связи во взаимодействиях между молодыми людьми, но и изменение их образа жизни за счет трансформации социальных механизмов, обеспечивающих структурирование и функционирование коммуникативного пространства;

– развитие средств массовой информации, раскрывающее широкие возможности воздействия (вплоть до манипулирования) на массовое сознание, включает страны мира в неизбежную культурную глобализацию. Глобализация социокультурных процессов благодаря СМИ ощущается самыми широкими слоями населения, в том числе молодежью;

– доступность практически любой информации самым широким слоям населения способствует формированию в самосознании молодого человека своего собственного образа, выровненного в возможностях со всеми.

– быстротечность, фрагментарность, отмечаемых, в первую очередь, в сфере межличностных коммуникаций, а также в сфере потребления и услуг. Но именно эти сферы оказывают наибольшее влияние на современного молодого человека [5].

Как отмечают М.К. Горшков, М.К. и Ф.Э Шереги, роль массовой коммуникации в социальном взрослении молодежи, в формировании ее мировоззрения неоспорима, особенно в век всеобщей информатизации. В каждом государстве массовые коммуникации являются либо конструктивным, либо деструктивным средством формирования массового сознания, ценностных ориентаций, политических и общегражданских установок молодого поколения. В последнее десятилетие в России, как и во всем мире, интенсивное развитие электронной информационной технологии внесло существенные коррективы во влияние традиционных СМИ на молодежь:

– в аспекте тематического содержания характер информационного воздействия на молодежь из массового превращается в индивидуализированный;

– возможности традиционных СМИ директивно определять направленность и содержание информационного потока в адрес молодежи как пассивного объекта непосредственного воздействия уступают место избирательности, при которой характер коммуникации уже во многом определяется не источником, а потребителем; то есть объект пассивного восприятия информации трансформируется в субъект активного выбора информации, а традиционные СМИ – в агента удовлетворения информационных запросов молодежи;

– степень информационной свободы нового поколения увеличивается «семимильными шагами» за счет интенсивного развития и широкого распространения электронных технологий: компьютера, Интернета, мобильного телефона, мобильных электронных носителей информации;

– в результате резко уменьшается потенциал государственных институтов в формировании массового сознания, мировоззрения молодого поколения [6].

Становление информационно-коммуникативной среды как медиума социальной коммуникации за последние годы стало для большей части молодежи важным каналом общения и получения информации, предоставило возможность двустороннего активного взаимодействия практически со всем миром. Быстрое развитие системы коммуникаций на основе информационно-телекоммуникационных технологий оказывает существенное влияние на изменения, происходящие в сфере молодежных социальных коммуникаций, то есть в сфере общения молодежи, обмена информацией и в системе средств сообщений.

Информационно-телекоммуникационные технологии превращаются в субстанциональное основание молодежной системы межличностных отношений, тем самым выступают в качестве фактора, формирующего информационно-коммуникативное пространство как новую социокультурную гомогенную среду. Благодаря информационно-телекоммуникационным технологиям молодой человек современного общества может находиться в том «фрагменте» культурного пространства, который ему наиболее интересен, ему уже больше не надо подстраивать свою индивидуальность под общую идею, он может полноценно жить своей собственной жизнью, не оглядываясь на общепринятые стереотипы [7].

Процесс глобализации культуры оказывает серьезное влияния на основные показатели социального развития российской молодежи. В современной России наблюдается противоречие между декларируемыми официальной властью критериями успешного социального развития молодежи и фактически принятыми на вооружение критериями «успешности» современного россиянина. Эти критерии прямо противоречат друг другу. Если государство заинтересовано в некоем

альтруизме, патриотизме, идеологической, морально-нравственной устойчивости российской молодежи, то массовая культура посредством глобализационных механизмов насаждает культ физической силы и внешней привлекательности, установки агрессии, цинизма, жажду наживы, успеха, гламур и «вычурность» во всем. Особенно успешно установки «альтернативного» социального развития молодежи (по-масскультовски) внедрились в сознание молодежи Москвы и ряда крупных российских городов, сформировав целую прослойку «золотой» молодежи.

Таким образом, процесс социального развития молодежи в условиях растущего влияния информационно-коммуникационных технологий приобретает ряд уникальных особенностей. Так, модель полноценного включения молодого человека во взрослую жизнь существенным образом отличается в зависимости от региона, места проживания. В Москве, Санкт-Петербурге, ряде крупных городов сложились все условия для формирования структур глобального информационного общества. В то же время в «провинции» таких условий не сложилось и вряд ли они сложатся в ближайшие годы. Соответственно, критерии и условия социального развития в зависимости от субъекта РФ коренным образом отличаются друг от друга. Возникающий конфликт критериев успешного социального развития российской молодежи (главным образом, по линии «столичная» – «провинциальная» молодежь) на основе овладения/не овладения информационно-компьютерными технологиями приводит к актуализации состояния риска в современной России.

Возникает системный дисбаланс критериев социального развития российской молодежи начала XXI в., угрожающий не только самому процессу социального развития молодежи, но и, шире, стабильности социума в аспекте преемственности и смены поколений. Ситуация также осложняется тем, что научная и управленческая мысль не успевают за развитием социальных трансформаций, не осуществляется должным образом анализ условий внешней и внутренней среды социального развития современной российской молодежи. Не проводя такой анализ крайне сложно объективно и системно рассматривать социальное развитие российской молодежи в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий начала XXI в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кубякин Е.О.* Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1.
2. *Гридчин М.М.* Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Власть. 2007. № 9.
3. Там же.
4. *Моисеенко А.И.* Проблемы Общения молодёжи в сети Интернет // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XIV Междунар. конф. молодых ученых. Пермь, 2011.
5. *Извекова М.Н.* Влияние информационно-коммуникативной среды на становление молодёжи как социальной группы в структуре общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1.
6. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
7. Извекова М.Н. Указ. соч.

УДК 316

Капралова Светлана Валерьевна

адъюнкт кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России editor@hist-edu.ru

Kapralova Svetlana Valeryevna

Adjunct of the Department of Philosophy and Sociology Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia editor@hist-edu.ru

ПРОГРЕСС ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В статье рассматривается особенности влияния информационно-компьютерных технологий начала XXI века на процесс формирования общественного мнения. Рассматриваются основные факторы функциональности и дисфункциональности коммуникационной системы современного общества, оказывающие воздействие на сознание людей в аспекте формирования установок, воззрений, убеждений. Уделяется внимание детерминации социокультурной реальности инструментами массовой коммуникации.

Ключевые слова: **информационное общество, Интернет, информационно-компьютерные технологии, масс-медиа, общественное мнение.**

PROGRESS OF INFORMATION AND COMPUTER TECHNOLOGIES AND INTERNET DEVELOPMENT AS FACTORS OF PUBLIC OPINION FORMATION

In the article the features of influence of information and computer technologies of the beginning of the XXIth century on the process of public opinion formation have been considered. The major factors of functionality and dysfunctionality of communication system of the modern society affecting the consciousness of people in the aspect of formation of aims, views and beliefs are analyzed. The article is focused on the determination of sociocultural reality by the tools of mass communication.

Key words: **information society, Internet, information and computer technologies, mass media, public opinion.**

Социокоммуникативные условия начала XXI в. характеризуются прогрессом информационно-компьютерных технологий, возрастанием социальной роли информации. Благодаря технологическому слиянию компьютеров, телекоммуникаций и СМИ формируются и распадаются гигантские глобальные и региональные консорциумы. Компьютерные компании, телефонные сети, кабельные телестанции, службы спутникового телевидения конкурируют и объединяются, стремясь минимизировать риск на новом рынке. Соединение возможностей компьютера с сетями телекоммуникации «сжимает» время и пространство, уменьшает значение национальных границ, дает индивидам ощущение приобщенности к некоторой глобальной общности [1].

З. Бжезинский указывал, что в то время как наша жизнь фрагментируется, глобальная информационная реальность все сильнее и сильнее поглощает индивидуума, вовлекает его и даже порой подавляет. Очевидной причиной этого является развитие коммуникаций. Изменения, вызванные коммуникациями и компьютерами, содействуют связанности общества, члены которого пребывают в непрерывных и тесных слуховизуальных контактах, постоянно взаимодействуя, и их легко можно подтолкнуть к усилению личного участия в решении даже весьма отдаленных проблем. Новое поколение, по мнению З. Бжезинского, не занимается более определением мира, опираясь исключительно на чтение; оно испытывает мир и ощущает его компенсаторно с помощью слуховизуальных коммуникаций [2].

М. Кастельс акцентировал внимание на зарождении «культуры реальной виртуальности» – системы, в которой сама реальность (материальное и символическое существование людей) полностью схвачена и погружена в выдуманный мир, в виртуальные образы, где внешние отображения не просто находятся на экране, но сами становятся опытом [3].

По мнению Ж. Бодрийяра, в результате прогресса информационно-компьютерных технологий возникает явление гиперреальности (симуляции чего-либо), которая более привлекательна, чем реальность, с которой мы сталкиваемся в повседневной жизни. Например, создаваемое пропагандой представление о достижениях в той или иной области более впечатляющее, чем в реальной жизни. Реальные взаимодействия вытесняются симулякрами – знаками или образами, отрывающимися по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий и выступающими как фальсификации, не соответствующие оригиналу. Тем самым утверждаются иллюзии реальности. Например, видимость выборов заменяет демократию, мыльные оперы – любовь, «фабрики звезд» – подлинное искусство [4].

Характеристики новых информационно-компьютерных технологий (прежде всего, Интернета) позволяют выйти за пределы традиционной системы массовой коммуникации. В современной

науке приобретает значимость концепция «транзактной медийной коммуникации» (Д. Брайт, С. Томпсон и др.). Транзактная означает смену ролей – переход к таким межличностным коммуникационным отношениям, в которых каждая сторона может по очереди выступать в роли получателя или передатчика информации. Другими словами, коммуникационными транс-действиями могут обмениваться много пользователей. Любой человек или организация могут обращаться к множеству других людей [5].

Интернет стал воплощением тенденции прогресса информационно-компьютерных технологий. Их развитие привело к трансформациям как самой системы средств массовой коммуникации, так и к изменению родовых признаков СМИ – до того момента основных ретрансляторов коммуникативных потоков в обществе.

В современном глобальном информационном обществе коммуникации играют ключевую роль, без них невозможно конституирование социальных общностей, социальных систем, институтов, организаций, существование социума как такового. Коммуникация пронизывает все стороны жизни общества, социальных групп и отдельных индивидов. По мнению Д.Ю. Астапенко, в современном обществе конституируется информационно-коммуникативное поле, которое «представляет собой сложную динамическую совокупность субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Информационно-коммуникативное поле – это сложная система взаимодействия, коммуникации, а также средств, методов и технологий управления информационными потоками и процессами с целью воздействия на общественное сознание» [6].

Таким образом, становятся очевидными трансформации социокоммуникативной сферы общественной жизни, в том числе – и сферы формирования общественного мнения. Однако для того, чтобы оценить роль новых информационно-компьютерных технологий в изменяющемся процессе конструирования общественного мнения, необходимо обратиться к ранее созданным научным концепциям, относящихся к числу «классических». Так, еще в середине XX века усилиями американских и европейских специалистов в области изучения общественного мнения было развито понимание генезиса общественного мнения на основе распространяемой социальной информации: мнений, стереотипов, суждений, убеждений, идеологий и т.д.

При этом достаточно эффективными инструментами воздействия на общественное мнение со стороны государства (главным образом, авторитарного и тоталитарного политического устройства) являлись государственная пропаганда и прямая цензура. В государствах демократического устройства определяющую роль в процессе формирования общественного мнения играл контроль политических, экономических и культурных элит над ведущими масс-медиа.

Стоит отметить, что транслируя «образы мира», СМИ в силу своей природы выступают отнюдь не пассивными проводниками информации, а играют роль активных интерпретаторов происходящего. Сообщения СМИ не механически отражают происходящее, а определенными социальными конструктами [7]. Данное наблюдение позволило В. Липпману утверждать, что процесс осознания действительности и формирования картины мира у людей происходит под воздействием стереотипов, которые возникают под влиянием массовых коммуникаций, производящих первичную селекцию фактов по своему усмотрению, а также искажающих эти факты. В понимании Липпмана, стереотип – это упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта. Массовые коммуникации конструируют представления аудитории об окружающем мире, опосредованно воздействуя через сознание на поведение людей, в чем и заключается безграничная власть прессы над людьми. В результате люди неразрывно соединяют собственные восприятия и восприятия «глазами СМИ», как будто это их собственные мысли и впечатления [8].

П. Лазарсфельд придерживался более умеренной позиции по данному вопросу, не считая власть СМИ над людьми и их мнениями столь безграничной. С его точки зрения, медиа могли только усиливать идеи, в которые люди уже верили, могли оказывать влияние на мнения общественных лидеров, но не имели достаточной власти, чтобы изменить общественное мнение. П. Лазарсфельд по результатам проводимых им эмпирических исследований сделал ряд открытий, касающихся ограниченного влияния массовой коммуникации на формирование общественного мнения. Ученый сформулировал теорию двухступенчатой модели массово-коммуникативного воздействия, когда не массовая коммуникация играла роль доминирующей силы, а личностное влияние отдельных индивидов. Лазарсфельд не обнаружил достаточно доказательств того, что медиа играют важную роль в формировании общественного мнения. При этом часть аудитории выступала как бы в роли привратников, отслеживая информацию и пропуская только ту, которая соответствует их взглядам. Лазарсфельд назвал таких людей лидерами мнения, а тех, кто обращался к ним за советом, – последователями мнения [9].

Одним из сторонников точки зрения о доминирующем влиянии массовой коммуникации на

общественное мнение (в том числе, и посредством манипуляции результатами эмпирических исследований) является немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман. Она разработала концепцию «спирали молчания», в основе которой лежит анализ взаимосвязи массовой и межличностной коммуникации, опирающейся на соотнесение индивидом своего мнения с мнением других людей. Суть концепции заключается в том, что многие люди боятся высказывать свое мнение из-за опасения оказаться в изоляции. Такая ситуация приводит к тому, что озвученное, высказанное мнение может вовсе не быть мнением большинства, которое, считая себя меньшинством, молчит [10]. По мнению Э. Ноэль-Нойман, масс-медиа переносят то, что люди наблюдают в одном контексте, в другой и побуждают их либо обнародовать свои взгляды, либо воздержаться от этого и затаиться до тех пор, пока в результате движения по спирали одна точка зрения не станет главенствующей на общественной сцене. Другая же исчезнет из общественного сознания, потому что замолчат ее приверженцы. Этот процесс можно назвать «спиралью молчания». Иными словами, из опасения оказаться в изоляции или одиночестве люди скрывают свое мнение от окружающих, стараются не распространяться о своих взглядах во время социологических опросов, если считают, что находятся в меньшинстве [11]. Следовательно, по мнению Ноэль-Нойманн, правящие элиты, контролируя масс-медиа и ведущие исследовательские социологические центры, могут формировать общественное мнение в нужном им направлении.

Анализируя перечисленные научные концепции, можно прийти к выводу о том, что процесс формирования общественного мнения весьма сложен и диверсифицирован, подвержен влиянию разнообразных факторов – политических, экономических, культурных, социальных, коммуникативных. В современном обществе актуализировано множество факторов формирования общественного мнения, которое, в свою очередь, складывается из широко распространённой:

– формальной информации (мнения, суждения, идеологии);

– неформальной информации (слухи, сплетни, заблуждения).

Общественное мнение, публично выраженное и распространенное (обычно посредством СМИ), является выразителем интересов значительных групп людей – классов, общностей, групп. Формирование общественного мнения представляет собой сложный процесс, происходящий в процессе борьбы противоположных мнений, поскольку не бывает полного совпадения интересов людей, их желаний и устремлений.

В начале XXI в. происходит активное освоение правящими элитами, благодаря информационной революции, технологий агрессивного коммуникативного воздействии на аудиторию («промывание мозгов», технологии воздействия на сознание и поведения, к числу которых могут быть отнесены реклама, PR, пропаганда, манипуляция сознанием и т.п.). В результате аудитория оказывается подверженной такого рода влиянию и демонстрирует в целом принятие точек зрения, ценностей, идеологий, близких, прежде всего, не ей, а правящим элитам, контролирующим медиа ресурсы.

При этом коммуникативная среда в современном обществе становится все более агрессивной, все более плотной, на реципиента сваливается все возрастающее количество информации, подтвердить достоверность которой практически невозможно [12]. Это также способствует эффективной манипуляции сознанием и содействует формированию общественного мнения в определенном направлении – в интересах акторов данной социальной ситуации.

Высокая эффективность технологий формирования общественного мнения в условиях начала XXI в. качественно повышает влиятельность политических элит, владеющих ими, и тех, кто их применяет; такие люди и социальные группы становятся могущественными. При этом никакой «платы за могущество» нет. Как справедливо отмечает М.Г. Делягин, «эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственный, а по сути аморальный, стиль деятельности становится образцом для подражания, в том числе и за пределами “информационной элиты”, что подрывает дееспособность общества и неизбежно ведет его к дизентеграции» [13].

Стоит подчеркнуть, что общественное мнение проявляется не только в действии сознательных, но и бессознательных (иррациональных) факторов. Бессознательная составляющая общественного мнения включает в себя проявления интуиции, инстинктов, неосознанных волевых импульсов, мифов, традиций, стереотипов, символов и т.д.

Процессу формирования общественного мнения под воздействием слухов присущи противоречивость и стихийность. Он протекает довольно быстро, и сложившееся общественное мнение существует относительно недолго. Общественное мнение под воздействием слухов может принимать форму не столько обычного оценочного суждения, сколько прямого жесткого требования. Общественное мнение различается в зависимости от того, под влиянием какого типа слухов оно сформировалось. Подобное общественное мнение скоротечно и противоречиво [14].

Формирование общественного мнения представляет собой сложный процесс, который определяется не только влиянием движущих сил деятельности людей, таких, как потребности, интересы, ценности, установки, стереотипы. На содержание и интенсивность формирования общественного мнения влияют все массовидные духовно-психологические образования, существующие в обществе. Кроме того, на формирование и динамику развития общественного мнения влияют экономические политические, правовые, нравственные и другие условия.

В начале XXI в. в условиях развития информационного общества существенно возрастает влияние электронных средств массовой информации, сосредоточенных в глобальной сети – многочисленных социальных сетей, блогов, форумов, Twitter и т.д. На формирование общественного мнения теперь все сильнее влияют оценки, отзывы, комментарии пользователей интернет-ресурсов, признаваемых в виртуальном и реальном мире в качестве авторитетных, компетентных.

Особую группу риска составляет молодежь, которая в силу своих социально-психологических и социально-возрастных особенностей может подвергаться влиянию экстремистских тенденций. Девиантные экстремистские группы привлекают молодого человека своей оригинальностью, альтернативностью, агрессивностью жизненного стиля [15] и часто это происходит в глобальной компьютерной сети Интернет.

Ситуация с включением интернет-среды в процесс формирования общественного мнения актуализирует ряд проблем. В частности, Т.В. Бондаренко указывает на то, что компьютерные технологии втягивают человека в виртуальную реальность, представляющую собой смесь правды, полуправды и лжи, где трудно отличить одно от другого. Наши представления о мире, возникающие на основе СМИ, есть нечто сделанное, опосредованное: век газет, а тем более телевидения и Интернета заменяет собственный жизненный опыт человека набором чужих мнений, опосредованных ими. При этом такого рода суждения часто выступают в форме непосредственной очевидности, хотя, по сути дела, есть не более чем чье-то анонимно сконструированное мнение [16].

Таким образом, прогресс информационно-компьютерных технологий существенным образом трансформировал процесс и основные механизмы формирования общественного мнения. Если в XX в. монополия государства и/или политических и экономических элит на доступ к средствам массовой информации давала необходимый эффект, то в начале XXI в. Интернет и активизация сетевой коммуникации нивелируют это влияние. Транзактная коммуникация постепенно отдает вещательную инициативу в руки новых лидеров – блоггеров, писателей, политиков «новой волны». В условиях России, кроме того, происходит существенная дифференциация населения по уровню проникновения Интернета, особенно сверхскоростного, позволяющего присваивать трансляционные возможности, например, телевидения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Массовая коммуникация в условиях глобализации // Социс. 2003. № 10.
2. *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство, или глобальное. М., 2004.
3. *Кастельс М.* Информационная эра: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
4. Цит. по: *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008.
5. *Брайт Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М., 2004.
6. *Астапенко Д.Ю.* Информационно-коммуникативное поле в пространстве социально-политического взаимодействия: автореф. дис. …канд. полит. наук. М., 2010.
7. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире. Методология анализа и практика исследований. М., 1999.
8. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.
9. Цит. по: *Бакулев Г.П.* Кабельно-спутниковое телевидение: Мировой опыт. М., 1999.
10. *Ноэль-Нойманн Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
11. Там же.
12. *Арутюнова Н.В.* Новостная (событийная) информация на телевидении как инструмент политического влияния на общественное мнение: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2003.
13. Там же.
14. *Коробейников В.С.* Авторитет общественного мнения. М., 1989.
15. *Кубякин Е.О.* Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1.
16. *Бондаренко Т.А.* Виртуальная реальность: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2006.

УДК 101.1:316

Сафонов Андрей Леонидович

кандидат технических наук, доцент кафедры истории и социологии, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета
editor@hist-edu.ru

Safonov Andrey Leonidovich

PhD in Technical Science, Associate Professor of the Department of History and Sociology, Vice-Rector for International Relations of Moscow State Industrial University
editor@hist-edu.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС

Выход человечества на ресурсные пределы экономического роста объективно ведет к системному социальному регрессу, суженному воспроизводству человеческого потенциала, экономически избыточного для глобальной экономики. Индикатором социального регресса является актуализация религиозного и этнического сознания.

Ключевые слова: **глобализация, социальный регресс, национальное государство, нация этническая группа.**

GLOBALIZATION AND SOCIAL REGRESS

The approach of humanity to the resource limits of economic growth objectively leads to system social regression, narrowed reproduction of human potential as a result of the global economic crisis .The indicator of social regression is the actualization of religious and ethnic consciousness.

Key words: **globalization, social regress, national state, nation, ethnic group.**

Соотношение глобализации и прогресса становится одной из центральных проблем современной социальной науки.

Начиная с эпохи Просвещения, прогресс, понимаемый как объективный, неотвратимый и необратимый процесс совместного восходящего развития производительных сил, научного знания и общественных отношений, внутренне сходный с биологической эволюцией, стал одной из базовых идеологем европейской философской и общественной мысли, универсальным критерием полезности и желательности любых социальных процессов. Представления же об объективном характере прогресса, который, при отсутствии «помех», «автоматически» регулирует, гармонизирует и гуманизирует всю систему общественных отношений, сделали прогресс светским аналогом божественного провидения.

Важнейшими атрибутами прогресса, как высшего общественного блага, были всеобщность и необратимость: все перемены к лучшему рассматривались как результат прогресса, весь негатив рассматривался как торможение, остановка прогресса; сколько-нибудь длительный и распространенный регресс считался «невозможным», так как противоречил принципу необратимости. Именно «розовые очки» концепции прогресса надолго обеспечили невидимость угроз и вызовов глобализации, как качественно новой эпохи, которая запоздало открылась как «западня глобализации» [1]. Сквозь привычные шаблоны экономического детерминизма важнейшие социальные тренды глобализации (например, этнизация и другие дивергентные явления) воспринимаются как локальные флуктуации («глокализация») [2]. Таким образом, глубинные качественные отличия, атрибуты новой эпохи не осознаются, воспринимаясь массовым сознанием в лучшем случае как второстепенные детали.

Характерно, что идея прогресса была и раньше тесно связана с идей глобальной экспансии западноевропейской экономики и культуры, врезультате чего все локальные пути и особенности развития, отличные от западноевропейской модели, рассматривались исключительно как препятствия для прогресса.

Конечным пределом прогресса мыслилась глобальная экономическая, культурная и политическая конвергенция на основе западной модели развития и продолжения научно-технического прогресса (индустриализма) на новом, «постиндустриальном», уровне – то есть глобализация в ее западном восприятии, как очередная форма воплощения всепобеждающего прогресса, приносящего благо даже побежденным и аутсайдерам мирового развития.

Несмотря на известную неопределенность, идеологизацию и даже мифологизацию понятия, до конца XX в. концепция прогресса вполне адекватно отражала ход и особенности исторического развития. Причина в том, что технологический прогресс наращивал производство материальных благ не сам по себе, но путем расширенного вовлечения в оборот природных конечных запасов материи и энергии. И если до середины XX в. рост ресурсной базы опережал темпы роста производства, что позволяло считать их «условно-неограниченными», то завершение «эпохи великих геологических открытий», истощение доступных запасов материи и энергии качественно изменило ситуацию, опровергнув постулаты идеологии прогресса. В новых условиях социальный прогресс

оказался крайне дорогой и негибкой в эксплуатации машиной, исчерпавшей запасы сырья и начинающей приносить убытки.

Создание глобального рынка и устранение, казалось бы, последних препятствий на пути прогресса совпало с давно ожидаемым моментом, когда мировая экономика вышла на пределы роста и стала замкнутой физической системой. В итоге прогресс в прежнем смысле этого понятия стал возможен только на локальном уровне, за счет перераспределения, как единственного пути высвобождения ресурсов, отделения ресурсного содержания от прежних социальных форм. На первый план вышли процессы расслоения, перетока, перехвата как ресурсов, так и разного рода «негативных ресурсов» – расходов, конфликтов и издержек. Впервые с начала Просвещения регресс – экономический и социальный, стал равновеликой, если не преобладающей, стороной мирового развития, атрибутом новой эпохи.

Но если порожденный глобализацией экономический регресс, пусть и под маской «мирового экономического кризиса», достаточно очевиден, то формы, масштабы и механизмы социального регресса не осознаны.

Нарастающие проявления социального регресса все еще воспринимаются как «парадоксы», «издержки», «катастрофы», «западни глобализации», «экономическое убийство», «рост социальной дифференциации», локальные аномалии («глокализация»), за которыми не просматривается целое – социальный регресс, как важнейший атрибут глобализации.

«Классический» прогресс XIX-XX вв. был связан не столько с развитием технологий и ростом объемов производства, сколько с прогрессом социальных отношений и институтов, сформировавших нового человека – массового человека индустриальной эпохи, ставшего объективно необходимым условием прогресса.

Растущая промышленность втягивала в свою орбиту все новые массы людей, ранее связанных с деревенской общиной. Однако индустриальный рост требовал не просто рабочих рук, как мускульной силы, а лояльных, социально адаптированных и мотивированных граждан, сплоченных в гражданскую нацию, как системообразующую социальную группу. Соответственно, задачи национального строительства и расширенного воспроизводства человеческого капитала потребовали небывалых в истории инвестиций в опережающее развитие социальной сферы (образования, науки, медицины, социального обеспечения и коммунальной инфраструктуры), по обороту и численности занятых сопоставимой с производственным сектором. Во второй половине XX в. в индустриальных странах, пока человеческий ресурс оставался лимитирующим звеном экономического роста, в сфере расширенного воспроизводства человеческого капитала было задействовано от четверти до половины трудоспособного населения.

Достигнув максимального темпа роста в середине XX в., к его концу научно-технический прогресс исчерпал свой социальный потенциал. Отчасти это связано с объективным исчерпанием потенциала модернизации базовых индустриальных технологий, перехода от массового освоения революционных технологий (электрификация, авиация, ядерная энергия…) к их количественному улучшению. Однако гораздо важнее, что НТП утратил роль лимитирующего звена, определяющего возможности производства и потребления материальных благ, что связано с выходом производительных сил на уровень природно-ресурсных ограничений и началом глобального ресурсно-демографического кризиса [3]**.**

Выход производительных сил на уровень природно-ресурсных ограничений привел к тому, что дальнейший рост производительности труда вел не к росту производства (и, соответственно, уровня жизни), а к нарастающему высвобождению работников из сферы производства, их массовому переходу в непроизводственную сферу и в конечном счете – к превращению населения из ресурса развития в источник затрат, а индивида – из потребителя и заказчика социально-экономического развития в неокупаемую «демографическую нагрузку».

Исчерпав себя, как источник прогресса, НТП превратился в свою противоположность, став предпосылкой дистанцирования, отчуждения, выталкивания масс и социальных групп из прежней системы социальных отношений, то есть системной десоциализации. Снижая потребность в живом труде и тем самым дистанцируя массы от непосредственного участия в производстве, постиндустриальный научно-технический прогресс повсеместно проявляется как размывание, маргинализация «среднего класса» и неуклонный рост страты «застойной бедности», где отчуждение от всей системы общественных отношений приобретает устойчивый и социально наследуемый характер. Выйдя за «пределы роста», производительные силы начали «поедать людей», как ресурс, ставшим для системы избыточным.

И если в начале – середине XX в. уровень потребления удваивался за время жизни одного поколения (20 лет), создавая ощущение неограниченных возможностей роста и ресурсную базу

для компромисса интересов элит и масс, поднятых на качественно новый уровень жизненных стандартов и возможностей («средний класс»), то к середине 1970-х гг. экономический, и, как следствие, социальный прогресс в индустриальных странах исчерпал возможности своего количественного роста. Соответственно, исчерпал себя и социальный компромисс, лежавший в основе «государства благосостояния», как высшей формы развития национального государства. Еще одним фактором регресса стал опережающий экономику рост населения в «Третьем мире», что с 1970-1980-х гг. дало снижение среднедушевых показателей ресурсообеспеченности, прежде всего – продовольственной.

Таким образом, к концу XX в. прогресс, как всеобщее, системное поступательное развитие, при котором темпы роста производства существенно опережали рост населения, был исчерпан. Дальнейший рост был возможен только за счет перераспределения, передела внутренних ресурсов мир-системы, за счет изъятия ресурсов у аутсайдеров. Соответственно, элиты были поставлены перед необходимостью социального реванша, позволяющего сохранить социальные позиции и сконцентрировать ресурсы для успешной конкуренции в условиях простого, а потенциально – и суженного материального воспроизводства.

В условиях нулевого роста единственным источником накопления может быть только та или иная форма изъятия ресурсов из базовых социальных институтов, прежде всего – институтов воспроизводства человеческого потенциала: образования, здравоохранения, социальной сферы. Суженное воспроизводство социальных институтов национального государства – не что иное, как регресс соответствующих групп, члены которых, лишенные своей социальной ниши, либо маргинализируются и вытесняются на социальную периферию, либо переходят в другие, негосударственные (неправительственные) и внегосударственные сферы деятельности, либо покидают данный социум (эмиграция). При этом негативные последствия сворачивания кадрового воспроизводства, в особенности – кадров высшей квалификации, носят отсроченный, необратимый и неотвратимый характер, связанный с инерционностью демографических процессов.

Процесс изъятия ресурсов из сферы воспроизводства населения носит не только субъективный, сколько объективный характер: нарастающий ресурсно-демографический кризис заставляет бизнес и правительства сокращать социальные расходы, тем самым разрушая воспроизводство ключевых социальных групп и институтов, в т. ч. – объективно необходимых для функционирования общества в долгосрочной перспективе.

В условиях ресурсно-демографического кризиса продолжение прогресса в одних областях стало возможно почти исключительно за счет регресса в других, более массовых и инерционных, сферах. Управляемость такого регресса, инструментом и регулятором которого становится постиндустриальное государство, не отменяет и не смягчает его долгосрочных последствий. Более того, ликвидация социальных институтов в качестве источника ресурсов с особой остротой ставит проблему «пределов падения» – предела устойчивости социума, поставленного в условия суженного воспроизводства.

И если к середине XX в. развитые государства (как Восток, так и Запад) нашли социальный компромисс на основе развитой системы социальных гарантий, то в условиях глобального рынка с перетоком капиталов и рабочей силы, вне цикла экономического воспроизводства оказываются не только социальные страты, но и население целых государств.

Но если на пике индустриального роста люди, высвобождаемые из сферы производства, перемещались в сферу услуг, то в условиях сужения ресурсной базы «государства благосостояния» происходит выталкивание населения за пределы системообразующих, включенных в цикл экономического воспроизводства социальных групп, их маргинализация и люмпенизация. Внешне это проявляется как расширение зон «застойной бедности», в рамках которых пребывание индивида вне цикла социального воспроизводства становится устойчивым, вплоть до пожизненности и наследственности.

Характерно, что разрушаются социальные институты и группы, связанные с государством и, соответственно, нацией как общностью его граждан. Соответственно, альтернативные и параллельные социальные институты, прежде всего институты традиционного общества, связанные с этносом и религией, переживают период бурного роста, экспансии в сферы, еще недавно монополизированные государством [4].

Вместе с тем, даже частичное замещение сложившихся к середине XX в. институтов национального государства архаичными институтами – не что иное, как системный социальный регресс, имеющий далеко идущие последствия. Успешно возрождаясь в новых условиях, как инструмент межгрупповой конкуренции, этнические социальные структуры сами по себе не способны даже к простому воспроизводству социальной среды и интеллектуального потенциала, адекватного слож-

ности техносферы – хотя бы в силу фрагментации общества.

Выход мировой системы на «пределы роста» был своевременно и однозначно оценен на уровне западных элит, заявивших об угрозе «демографического взрыва», ресурсного и экологического кризиса (Р. Макнамара, Г. Киссинджер), необходимости перехода к стратегии «нулевого роста» («Пределы роста» и другие доклады Римского клуба).

Однако «бунт элит» не стал «бунтом» в прямом смысле этого слова, а приобрел форму глобализации, превращающей закрытые и регулируемые национальные экономики в неподконтрольные государству-нации открытые системы, позволяющие делокализованным и денационализированным экономическим субъектам (корпорациям) и, соответственно, корпоративным элитам манипулировать ресурсами в обход государственного регулирования кейнсианского типа.

Таким образом, уже с конца 1970-х гг. началось создание и расширение глобального сектора экономики и глобального рынка, на основе не столько роста и кооперации производства как доходной части глобального бюджета ресурсов, сколько идеи «экспорта социальных издержек» на геополитическую и социальную периферию, то есть экономия на социальных расходах и других инвестициях в человеческий капитал.

Экспорт социальных издержек приобрел много различных форм, из которых наиболее известны экспорт капитала под заведомо неокупаемые проекты «развития» периферийных стран (связанные кредиты МВФ И МБРР), а также сырьевая модель экономики. Создание транснационального, оффшорного, сектора экономики обеспечивало и другую технологию перераспределения – уход бизнеса и корпоративных элит от «социальной ответственности», перехват ими прибылей и ресурсов социального государства – «приватизация государства благосостояния».

Другими направлением перераспределения ресурсов в пользу корпоративных элит и «верхне-среднего класса» стала глобализация национальных рынков труда – перевод производства в «новые индустриальные страны» и массовый завоз в индустриальные страны условно-бесплатной рабочей силы.

В результате глобальное стирание территориальных границ между «первым миром» и «третьим миром» стала мощным механизмом социального регресса индустриального мира.

Таким образом, глобализация стала не новым этапом всемирного прогресса, а началом регрессивного социального развития, при котором видимость процветания определенных социальных групп и страт в государствах-лидерах оплачивается целенаправленной маргинализацией государств и социальных групп (в том числе и самих странах «ядра»), неуклонно дистанцируемых, отчуждаемых от общественного производства и ресурсных потоков.

Общепризнанными реалиями глобализации являются, с одной стороны, кризис гражданской нации, а, с другой стороны – «ренессанс» этничности и религиозности, что часто не находит достаточного объяснения в рамках известных теорий этноса.

Деградация институтов национального государства и нации, как интегрирующей социальной группы, объективно ведет к их замещению архаичными формами социальной организации, несовместимыми с современными формами общественного производства, и это несоответствие приобретает все более явные формы.

В любом случае, повсеместная актуализация религиозного и этнического сознания и на фоне кризиса нации, как института, обеспечивавшего системный социально-экономический прогресс последних двухсот лет, является как индикатором регресса, так и действенным фактором его ускорения и генерализации.

Важнейшим измерением глобального социального кризиса стал кризис национальных государств. Если раньше кризис локальных социумов носил изолированный характер, то глобализация превратила локальные социумы в неравновесные открытые системы, создав между ними мощные каналы (финансовый, миграционный, информационный…) как стихийного «перетока кризиса», так и целенаправленного экспорта нестабильности. Характерно, что деградация отдельных национальных государств идет как повсеместный, почти синхронно протекающий, глобальный процесс, имеющий сходные социальные механизмы.

Смена содержания мирового развития – от прогресса к переделу ограниченных ресурсов в условиях суженного воспроизводства, не могла не привести к изменению функций и формы государства. Сохранив и даже расширив инструментарий воздействия на общество, количественно расширив государственный аппарат, как инструмент тотального воздействия на общество и отдельного индивида, государство эпохи глобализации отнюдь не самоустранилось, но сменило приоритеты, соответственно новым приоритетам элит.

Видимость «отмирания» государства в ходе ультралиберального реформирования обусловлена его отказом от позитивных стимулов и функций расширенного воспроизводства человеческо-

го потенциала, игравших ключевую роль в прогрессе индустриальной эпохи, прежде всего – от воспроизводства нации, как интегрирующей социальной группы. Государство «отмерло» для нации, равно как и нация и национальные интересы перестали быть социальной основой, смыслом и целью постиндустриального государства, узурпированного элитами.

Однако кризис нации отнюдь не означает исчезновения государства. *Новое, постиндустриальное, государство становится инструментом последовательного отделения ресурсных потоков от ресурсоемких по своей природе институтов государства «всеобщего благосостояния», механизм которого – целенаправленная и последовательная десоциализация и маргинализация как определенных социальных групп, так и гражданских наций в целом, то есть управляемый регресс в сфере общественных отношений. Постиндустриалное государство не самоустраняется, превращаясь в «ночного сторожа», а активнейшим образом участвует в демонтаже институтов предшествующей эпохи, становясь локомотивом социального регресса.*

Процесс перерождения государства-нации в новый тип государства, начавшийся на рубеже 1980-х гг. прошлого века, зашел настолько далеко, что сегодня можно говорить о новом типе государства, источником ресурсов для развития которого является демонтаж системообразующих социальных институтов государства всеобщего социального обеспечения («welfare state») индустриальной эпохи, «избыточных» с точки зрения правящих элит в условиях объективно достигнутых «пределов роста.

Хотя название нового типа государства не устоялось, вполне корректным и при этом нейтральным термином будет «постиндустриальное государство», что подчеркивает его качественное отличие от государства-нации индустриальной эпохи. Что же касается социальных трендов, то размывание, расслоение, поляризация гражданской нации, как интегрирующей общество социальной группы, позволяет говорить и о «постнациональном государстве».

В современном, постиндустриальном и постнациональном государстве видимость продолжения прогресса все более ограничивается отдельными анклавами и стратами, и обеспечивается за счет создания и расширения деградирующей социальной периферии – как заграничной, так и внутренней. Периферийное население отсекается не только от денежных потоков, но, что важнее, от социальных институтов «государства благосостояния» и гражданского общества, прежде всего – от гражданской нации, как базовой, интегрирующей общности.

И если на фазе подъема индустриализма развитие общества обеспечивалось за счет создания целой системы социальных лифтов, то есть массового инкорпорирования индивидов и групп в социальные институты, связанные с городской средой и промышленным производством, то характерная черта глобализации – формирование и институализация широкого круга форм и механизмов социальной деградации, маргинализации, дауншифтинга, высвобождающих ресурсы для процветания верхних страт общества (наркокультура и др.)

Социальный регресс обычно иллюстрируется ростом экономического неравенства. Однако, на наш взгляд, ведущим механизмом распада является прогрессирующая деградация социальных институтов и отношений, прежде всего – механизма воспроизводства человеческого потенциала. Собственно, именно системная десоциализация, «атомизация» разрушение сколько-нибудь организованных социальных групп, способных противостоять элитам в конкуренции за ресурсы, и является ведущим механизмом социального регресса.

Фактически, одной из основных функций постиндустриального государства, сросшегося с «постнациональными» элитами, стал последовательный демонтаж социальных институтов и десоциализация населения, поэтапно дистанцируемого, отчуждаемого от социальных благ и гарантий «социального государства».

По мере генерализации регресса и нестабильности нарастающий распад прежних социальных структур ведет не к упрощению и конвергенции, а напротив, порождает громадное разнообразие дивергентных процессов, возникновение широкого спектра новых, динамичных и нестабильных социальных форм, характерных для любых открытых неравновесных систем . Вместе с тем, синергетический подход к социальным системам, объясняя всплеск метастабильного структурообразования в потоке «энергии распада» прежнего мироустройства, не дает и не может дать ключей к конкретным явлениям локального порядка.

Необъяснимым для науки XX в. с ее постулатом о «необратимости» прогресса, всеобщности конвергентных процессов и необратимым «перерастании» этносов в нации, стало повсеместное, глобальное возрождение этнического и религиозного сознания, которое еще недавно считалось полностью и необратимо утраченным.

Эпоха глобализации качественно изменила направление, характер и механизмы мирового развития, в результате чего немыслимый в XX в. масштабный социальный регресс во всех его

формах и проявлениях объективно становится не только атрибутом, но и доминантой мирового развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.
2. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
3. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Россия в глобальном ресурсно-демографическом кризисе: миграционные вызовы // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры: материалы конф. 19-20 апреля 2010 г. / под ред. А. Колганова, Р. Крумма. М., 2010.
4. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. № 4. 2011.

УДК 316.4.066

Страдзе Александр Эдуардович

директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодёжной политики Министерства образования и науки Российской Федерации
editor@hist-edu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются социальные ценности как регуляторы социального поведения и социальной активности россиян. Динамика социальной активности связана с представлениями о ней как деятельности, направленной на социальное измерение, приумножающей общественное благо, представляющий интерес для всех групп населения.

Ключевые слова: **социальная активность, социальные ценности, социальный субъект, социальная деятельность.**

Stradze Alexander Eduardovich

Director of the Department of Additional Education of Children, Training and Youth Policy of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
editor@hist-edu.ru

SOCIAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN SOCIETY: AXIOLOGICAL ASPECT

The article considers social values as the regulators of social behavior and social activity of the Russian people. The dynamics of social activity is associated with the notions that introduce it as an activity aiming at the social dimension, increasing the public good and being of interest to all the population groups.

Key words: **social activity, social values, social subject, social activities.**

Каждый раз, когда заходит речь о социальной ценности, подчеркивается их значение как механизмов регуляторов поведения населения, как то, что наполняет, смыслом поведение, направленное на других смысл, как то, что наполняет значимость цель для большинства населения, для тех, кто придерживается определенных взглядов на социальную активность и готов в той, или иной степени, или категорически отрицают участие в рамках социально-активной деятельности.

Рассматривая социальную активность российского общества, мы пришли к выводу, что испытывая сунисоидное развитие: то взлеты, то спады, обнаруживается устойчивая тенденция, с тем, что как понимается социальная активность, как деятельность, направленная на социальное измерение, приумножающее общественное благо, представляющий интерес для всех групп населения, способствующее укреплению государства и стабильности, и порядка в обществе. Социальная активность, в нынешних условиях связывается с модернизацией, с созданием правового государства, конкурентоспособной, инновационной экономики, с переводом социальный сферы в состояние респонсивности, с решением проблем обеспечения общественной и личной безопасности и наконец, высокой ответственности ответить на глобальные вызовы современности.

Отчетливо выявляется стремление россиян мечтающих жить в справедливом и разумно устроенном обществе, общие демократические перемены, ориентацией на европейские и социальные, и политические ценности [1]. В тоже время, большинство респондентов, учитывают специфику исторического пути, пройденного Россией, высокий уровень веры в государство, как представительство интересов всех, и предпочитают смешенную модель, которая отвергается чистыми либералами и социалистами, либо капитализм с элементами социалистических признаков, либо социализм с элементами рыночных отношений. Основная претензия, которая предъявляется к российской элите, состоит в том, что российское государство так и не определились со стратегическим выбором, что отношение к государству и обществу, которое, по мнению респондентов, является базовыми, не просматривается в рутинной политике. Не менее, важным можно считать и то, что россияне, мечтая о демократии и сильной власти, видят возвращение к социальной активности, залог обеспечения стабильности и развития в обществе без революции и потрясений.

Однако, прежде всего, следует отметить, что как и в предыдущие годы, внимание россиян приковано к материальным аспектам, хотя и обнаруживается ориентация перехода от собственно материальных условий жизни, к жизни достойной, связанной с независимостью, с интересной работой, с тем, чтобы ощутить свою востребованность. Эту готовность демонстрирует преимущественно молодежь и обеспеченные слои общества, хотя не достигает 12%-15% респондентов [2]. Можно говорить об определенном прорыве социальной активности, связанной не только с традиционной ориентацией сильного государства и инициативу власти, связанной с такими актуальными проблемами как борьба с бедностью, коррупцией, внедрение технологических инноваций или армейская реформа. Но и с тем, что возвращаясь «на землю», россияне склонны считать, что в современных условиях нельзя ограничиваться только прагматическим подходом, что инструмен-

тальный позитивизм сыграл свою роль в процессе социальной адаптации, требует перехода к более к высоким идеалам, к фундаментальным социальным ценностям.

На первый взгляд, кажется, что можно говорить о значимости для наших граждан инструментальных ценностей, по крайней мер, по формуле жить не хуже других. В российском обществе достаточно сильна традиция воспарения над житейскими невзгодами, но это только на первый взгляд, так как анализ ценностных предпочтений россиян, на наш взгляд, представляет далеко не однозначную картину. Не случайно, поэтому, что для четверти наших сограждан важна большая цель, которая бы объединила и сегодня оказывается важнее, собственного благополучия интересов их семьи [3]. И одновременно, большинство так и остается на позиции мечтателей, считая для себя бесполезным, как то значительно влиять на события, происходящие в стране.

Установки на свободу, самостоятельность, активность в осуществлении своих интересов и потребностей, общезначимые ценности индивидуальности есть результаты определенных социально-исторических условий, но и зависят от возможности их осуществления вследствие определенной организации социальной жизни [4]. Исходя из этого, можно сказать, что в массовом сознании россиян наметился перелом, связанный с пониманием того, что стремление к самовыражению, к здоровому индивидуализму, не может реализоваться, если не будут созданы, соответствующие условия развития личности, если будет продолжаться доминирование социальной пассивности ориентированной на то, что государство лишится «всех и вся».

Необходимо обратить внимание на то, что для российского общества социальная активность является потенциально терминальной ценностью, что подтверждается исследованием динамики социальных настроений. Во-первых, как выявили данные исследования «Базовые ценности россиян» 2001-2002 гг. российское общество занято поиском целостности социокультурного кода и утверждением связанной с этим субъектности, то есть способности общества или его сегмента к действиям моболизиационного (социально активного типа с другой стороны) [5]. Во-вторых, несмотря на фиксированную размытость в культурной и общей гражданской и исторической тенденции, групповые представления о достижительных моделях, так же как оценка самореализации определяется качественными характеристиками социальной, экономической, политической степенью включенности в соответствующие общественные процессы [6].

Структура ценностных мотиваций россиян может характеризироваться как дуализмом жажды изменений и стремления социальному порядку и стабильности. Что, в-третьих, вызывает особый интерес, к тому каким образом, жизненные приоритеты россиян и сформулированные ими идеалы общественного развития и устройства, коллярируются с ценностью социальной активности россиян. На первый взгляд, кажется, что социальная активность не может быть самоценностью, что достаточно незначительное количество россиян в активности воплощении своей мечты, цель своей жизни ориентируя и тому подтверждением те 6%-7% россиян которые испытывают удовлетворенность именно включением в социальные приоритеты [7].

Однако социальная активность не относится к социальным недостаткам или социальным достоинствам о самих себя, а мыслится как некая консолидированная, объединяющая ценность, не зависимо от социально индивидуальных параметров. По мнению большинства респондентов хотя и социальная активность и не вызывает нетерпимость к обществу, по сравнению с тем, что можно назвать социальной патологией или социальными девиациями, вызывающими достаточно единодушное осуждение. На недостаток инициативных людей указывает 35% россиян [8].

Отрицание базисных ценностей прошлого, неизбежно предопределенным образом повлияло на инструментализацию поведения россиян, готовностью жить сегодняшним днем и ставить актуальные достижимые цели, связанные с современным социальным микроуровнем, с уровнем повседневности.

В обществе преобладают сторонники компромисса инструментальных и фундаментальных ценностей, того, что мы называем ценности способы и ценности ориентиры общественной жизни. Тому свидетельство, что обнаружив предельность индивидуальных ценностей в ориентации на личный успех, на достижения, связанные с профессиональной деятельностью, личной жизнью, карьерой, так же как и, то, что уменьшилась доля тех, кто сумел реализовать эти ценности [9].

Все больше крепнет убеждение в том, что есть проблемы, которые нужно решать сообща и для которых факторы субъектно-личностного свойства являются менее существенными, по сравнению с тем, что является значимостью социальных приоритетов. Характерно, также и то, что в оценке значимости фундаментальных ценностей произошла акцентация в пользу реализации идеи демократии равных возможностей. Которое, однако, «не свалится с неба», а является результатом массированного социального давления и социальной инициативы. При этом снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии связан не только с тем, что права и свободы стали неотъемлемой

частью повседневной жизни страны, но и то, что чистая процедурная демократия не определяет готовность личного участия и счастья каждого.

Причем, россияне видят в выборе социальной ценности некоторую противоположность правящему классу, предпочитающему собственность и власть. Это проявляется в том, что динамика представления о границах воздействия граждан на власть, выявляет достаточно показательную «картину». При том, что резко снизилось число тех, у которых жесткое требование различных общественных групп, правительств могут повредить всеобщему благополучию 1998-2004 гг. (61%), а в 2012 г. (32%), возросло число сомневающихся (33%), безусловно (35%) заявляют, что это необходимо делать [10]. Но проблема состоит в том, что на наш взгляд, подобная позиция является следствием преобладанием инструментального активизма, не определена в отношениях к требованиям социальной активности.

Очевидно, не достаточно демонстрировать жесткость к правительству и преимущественное внимание россиян к тому, что может быть в стране сделано полезным общезначимый, социальный эффект продолжает повышаться. Фиксируя изменения, связанные с собственной ресурсообеспеченностью респонденты рассматривают желание быть в гармонии с самими собой, как правило, до возникновения проблемы, связанные с чувством неудовлетворенности, и в большей степени, доминируют ожидания, что рядом окажутся родные, близкие.

При этом более значимыми становятся характеристики социально активного человека, ни как пренебрегающего заботой о ближнем, и оставляющего не востребованными желания встретить личное счастье. Важным становятся представления о том, что жизнь не заканчивается пределами семьи, или возможностями общения с друзьями. Насыщенность личной жизни, измеряется и тем, каковы границы самовыражения личности, как свобода самовыражения как ценность, согласуется с социальной активностью.

Оценка ценностно-нормативных предпосылок наличия в общественном сознании внутренних импульсов для развития страны свидетельствует не просто о том, что в обществе не исчерпан социальный ресурс социальной инновации. Но и о большем, что происходит расширение в составе населения тех, кто признает за социальной активностью характер фундаментальной ценности, которая придает смысл личному существованию. И ценности, которая делает жизненные потребности не зависимыми от ситуативных оценок, от ситуативного видения, от того, что навязыванием повседневности. В полной мере, это относится к различным слоям населения, и хотя материальная сторона, безусловно, выступает, как значимый аспект, для современной России активность привязана к ценностям социальной справедливости, общественного порядка, экономической эффективности, образуя устойчивые уже не являющиеся периферийными по отношению к ценностям социального порядка и экономической активности.

Можно сделать вывод, что значительная часть россиян, предпочитая жить в обществе и хорошо зарабатывать, начинают ценить в людях активность и инициативность, правда при этом готовность к участию в решении общих дел уступает активности и инициативности почти в два раза (23% : 47%) [11]. Как отмечалось ранее, основной преградой на пути повышения роли социальной активности, становится ощущение, что в обществе не так много людей, которым можно доверять, которые могут действовать бескорыстно, исходя из общего интереса, подозрение в инструментализме и прагматизме, на первый взгляд, укладывается в тенденцию перекладывания ответственности на государство.

Однако особенно актуальным для респондентов становится проблема ответственности за то, что происходит в стране, таковых до сих пор остается 3% и это является по нашему мнению, наиболее существенной преградой. Отрыв социальной активности от ответственности, порождает ситуацию активность и инициативность, точно также как и готовность участия в решении общих дел, ограничиться локальными делами или тем, что может происходить при содействии власти, то есть обретает подтверждение как обязательное.

Очевидно, также и то, что синтез инструментализма и понимания социальной активности как фундаментальной ценности основывается на том, что является приемлемой и для представителей патернализма, которые усматривают в этом традицию общественного согласия. И для достиженцев, для которых фундаментальность социальной ценности заключается с соотнесением их возможности личностной сознанием того, что индивидуализм должен возвыситься до уровня общественной пользы. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между социальной активностью предшествующий в советский период и с тем как выражается активный тип мировоспосприятия в современном российском обществе. Можно было бы предположить, что дифференциация ценностных ориентаций активных и пассивных групп обусловлена различием в возрасте.

Однако, как признают авторы «Базовые ценности россиян» возрастные различия не оказыва-

ют существенного влияния. Социальная активность соизмеряется с ценностью семьи (48,3%), дружбы, милосердия, то есть желаемыми базисными индивидуальными качествами. Вне соотнесения с уровнем повседневности, с тем, что удалось добиться, фундаментальность социальной активности значительно снижается другими словами. Активность не может возникнуть при нереализованности и распыленностью усилий для достижения личных жизненных приоритетов. Не случайно 57% представителей активной группы позиционируют себя, как люди высокообеспеченные, и в то же время свой социальный статус оценивают сравнительно не высоко (8%), что свидетельствует в пользу понимания социальной активности как ценности, непосредственно влияющей на социальное самочувствие, ее положение в структуре социальных ценностей, оценивается в зависимости от того, насколько усиливается чувство, собственного выбора позитивной самооценки. Оценивая то, что декларативное считается с приходом демократии, открытия рынка безграничных возможностей личности, россияне полагают, что социальная активность, может войти в общественно одобряемые, а главное успешные модели поведения, если в обществе будет преодолено недоверие, и не сколько в отношении к власти, сколько между людьми. В тоже время, как и раньше, большинство составляют те, кто составляют статус-скво, (42%) и хотели бы избежать резких перемен, в отношениях между людьми, не стать в позицию слишком безоглядно доверяющих [12].

На этот счет Н.Е. Тихонова обосновано полагает, что в российском обществе есть разрыв между масштабами и сложностью публичного интереса, и тем как формируется общественное мнение [13]. Наполнение публичной сферы частными интересами имеет особенности, связанные и с их слабой кристаллизацией и не агригированностью в устойчивые структуры, которые являются благоприятной почвой для обывательского партикуляризма, логике повседневности, но и в том, что готовность к участию в решению общих дел слабо воспринимается, как подчеркнем, инструментальная ценность, что для большинства россиян, важным обстоятельством является то как делают другие.

К тому же положение дел в российском обществе связано с неоформленностью публичного интереса, с тем, что активность, понимаемая также как фундаментальная ценность, не переводится на язык конкретных общих требований, находящихся в сфере не совместимости интересов. Хотя в реальности, идеал социальной активности, не совместим, можно сделать вывод, что вполне возможно добиться, чтобы формирующийся публичный интерес основывался на признании социальной активности как ядерной или, по крайней мере, полуядерной ценности. Причем не в последнюю очередь, речь идет о том, что в этом ценностном контексте постепенно повышается и готовность к участию в решении общих дел и к социальной инициативе.

Данные социологических исследований позволяют выявить и другие ценностные ориентации социальной активности, связанные с инициативностью и развитием наращивания профессиональных и консолидационных ресурсов. В целом, как показывают социологические замеры, в обществе начинает преобладать тренд, связанный с тем, что выделяться среди других ассоциируется с признанием смысла социальной активности, с ощущением быть полезным не только близким, но и обществу в целом.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, социальная активность, утратившая позиции в системе ценностных ориентиров и рассматриваемая как инструментальная ценность, постепенно обретает статус околоядерной и ядерной ценности. Во-вторых, реально проявляется компромисс между сторонниками инструментальных и фундаментальных ценностей и в том, что социальная активность характеризует социально одобряемый вид поведения, и в-третьих, социальная активность позволяет сбалансировать рационализацию и стремление рационализации к личной жизни, и сохранение верности высоким социальным идеалам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О чем мечтают россияне? М., 2012.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Бондаренко О.В.* Ценностный мир россиян. М., 2003.
5. Там же.
6. Базовые ценности россиян. М., 2003.
7. Там же.
8. Базовые ценности россиян. М., 2003.
9. О чем мечтают россияне? М., 2012.
10. Там же.
11. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011.
12. Базовые ценности россиян. М., 2003.
13. Россия реформирующаяся. М., 2008.

Филологические науки

УДК 821.161.1

Балашова Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
editor@hist-edu.ru

Balashova Elena Anatolyevna

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
editor@hist-edu.ru

«АКТИВНОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» В СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ

В современных стихотворных текстах исследовано отношение к событию, что становится одним из принципиальных жанрообразующих принципов современной идиллии. В статье намечается типология событийности/бессобытийности в современных идиллических произведениях. В статье доказывается, что поэзия XX-XXI вв. представлена как асобытийными текстами, так и стихотворениями, в которых «событие» из жизни героя находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; и текстами с событием, которое возможно в будущем.

Ключевые слова: **стихотворная идиллия, событийность/бессобытийность, жанрообразующие признаки.**

"CIRCUMSTANCES ACTIVITY" IN MODERN IDYLL

The article analyzes the attitude to the event in modern poetic texts, which has become one of the main genre-forming principles of modern idyll. The article presents a typology of eventfulness/eventlessness in modern idyllic works. The article proves that the poetry of the XX-XXIth centuries has been presented by eventlessness texts as well as the poems in which an "event" in the life of the hero is outside the framework of the story but is implicitly emphasized; and also by the texts containing the description of the event, which is possible in the future.

Key words: **poetic idyll, eventfulness/eventlessness, genre-making features.**

Очевидно, что родовая природа произведения не может быть индифферентной к событию. Как же быть с идиллией, которая имеет межродовую природу? Эпика предполагает, что событие уже состоялось. Эпическое произведение всегда строится на осмыслении события. И действительно, представляя судьбу героя, который изменился, поменяв привычный уклад жизни на идиллический (а событие – это всегда переход от одного дискретного состояния к другому, это всегда нарушение границ), предполагаем эпическое начало. В драме событие еще только должно состояться – и есть идиллические тексты, живущие ожиданием такого события. Выход к лирическому роду обеспечивает тот факт, что в большинстве случаев идиллия не предполагает пересечения границ (в ней никогда нет цепи событий). Возможно, прояснить вопрос поможет определение термина «событие» в науке о литературе. Ю.М. Лотман событие определял двояко: как «пересечение запрещающей границы» [7, с. 282] и как «значимое уклонение от нормы» [7, с. 288], «нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [7, с. 286]. Н.Д. Тамарченко определяет событие широко, как «изменение в сюжетной ситуации в виде замены или преобразований условий для персонажа – в результате ли его собственной активности или "активности" обстоятельств» [10, с. 239-240]. Ему вторит В. Шмид: «Событие представляет собой особый тип изменения состояния, который... является фактичным и результативным» [18, с. 7]. По-видимому, классификация возможного событийного ряда зависит от господствующей картины мира (замечание Лотмана) и от норм, заданных жанром. Поэтому в идиллии станет важным не столько то, что герой не пересекает границу, сколько то, что он *переживает* ее.

Отношение к событию действительно станет одним из принципиальных жанрообразующих принципов. Поэзия XX-XXI вв. представлена текстами, которые, во-первых, принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события; во-вторых, текстами, в которых «событие» из жизни героя «утоплено», находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; в-третьих, текстами с событием, которое возможно в будущем (правда, применительно к идиллии это гибель идиллического мира). Перейдем к характеристике каждого из вариантов.

Вариант первый: события не было. Идиллический мир чреват не-событием. Очень предсказуемо, по шаблону свершается все в известную пору: сменяются времена года, соответственно времени года накрыт стол, соответственно этому же идут работы. Бытие идиллического мира по природе бессобытийно. Циклические изменения в природе, как правило, служат мотивацией жизни, в которой не нужно совершать событий. Здесь – хронотоп взаимных перетеканий, мир наблюдения, созерцания. В идиллии нет и не может быть временного прорыва, она не содержит изменения ситуации: идиллия вообще не обладает временно́й структурой. Событие и процессуальность, событие и ритуальность антиномичны. «Полевая эклога» И. Бродского тому доказательство:

Стрекоза задевает волну
и тотчас устремляется кверху,
отраженье пуская ко дну,
словно камень, колодцу в проверку,
чтобы им испытать глубину
и захлопнуть над воротом дверку.

Но нигде здесь не встретишь ведра,
ни тарелки, ни банки, ни склянки.
Пустота, ни избы, ни двора,
шум листвы, ни избы, ни землянки.
Сруб колодца почти до бедра,
неумолчно кричат коноплянки.

Остается возможность во тьму
на веревке с шахтерской корзиной,
через блок перекинув тесьму,
распростившись глазами с низиной,
опуститься в «бадье» самому
в глубину на полет стрекозиный.

Пядь за пядью веревка из рук
вверх уходит, а звезд и не видно.
Черный мох наползает вокруг
на венцы, так что все они слитно
растворяются в сумраке вдруг,
меж собой разделенные скрытно.

Но до дна не достать; и темно.
Вот и новый порядок смещений:
приближается сверху окно.
Мимо тянущих сыростью щелей,
словно камень, уходит на дно
отражение русских качелей.
[2, т. 1, с. 292-296].

Отсутствие движения, естественность течения природных процессов, бесконфликтность – вот что делало жанр, вот что было предназначено в качестве средства, снимающего напряжение в общественно конфликтных ситуациях.

Отметим, кстати, что И. Шайтанов указывал на возможные «пути» идиллии. Наряду с «замыканием в условность» (игрой), существовал путь «раздвигания условных границ с тем, чтобы вместить в их пределы элементы местного пейзажа и национального характера. Как довольно скоро оказалось, это был путь не просто опасный, но губительный для жанра, суть которого состояла в том, чтобы утаивать несчастья, выставляя лучшие стороны пастушеской жизни» [17, с. 63].

Вариант второй: событие было. В инварианте событие было невозможно. Однако современники сумели представить жанр через множество возникающих внутри него и подразумеваемых им противоположностей. Трансформация жанра в сегодняшнем его виде предполагает событие – за пределами фабулы. Отказ от прошлого – своеобразная экспозиция, необходимое условие для ровного, безмятежного (часто только уединенного, но не безмятежного – как в стихотворении «Вместо ответа» А. Яшина) существования.

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться, –
В нашей жизни хочу
Разобраться...
Как пустынник в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны...
Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?..

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока…
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек…
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
– Избавь, боже! [19, т. 1, с. 345-346].

Событие стало началом, толчком к сегодняшней идиллической жизни. Однажды свершенное качественное изменение состояния героя (серьезный проступок, несчастная любовь и т.д.) позволило ему (заставило его) уединиться, принять решение уйти от людей. При этом на интимные события жизни может только намекаться, все подробности остаются в тайне. Кстати, в отличие от элегии, где свобода выбора человека заранее ограничена провидением, в идиллии герой вправе сам решить, от чего отказаться.

Иногда идиллическим становится то существование, которого герой не «планировал», не выбирал сознательно. Может быть, и идиллическим оно становится только на поверхности, только по наименованию, а не по сути: без душевного равновесия идиллической такую жизнь вряд ли назовешь. Но, вольно или невольно, оказавшись наедине с природой, человек перенимает законы ее жизни, излечивается от душевных переживаний. Есть здесь некий момент родства с романтическим восприятием, а именно бегства из мира, в котором герой испытывал отчуждение, из цивилизованного мира в мир дикий, естественных отношений.

Идиллическая жизнь для современного циничного ума часто становится идеалом, за который обязательно (!) пришлось заплатить дорогую цену. У В. Бурича есть стихотворение с пе-

речислением острых моментов частного счастья. И после какого же события они стали возможны?

Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья
Каким предательством ты купил все это? [1, с. 102].

События могут быть частного порядка, а могут быть эпохальные. И то, и другое событие (и общечеловеческое, эпохальное – как ни странно!) возможно в жизни идиллического героя. Однако события собственной жизни идиллическим человеком так лелеются, что и в условиях жизни даже в масштабах страны он умудряется сохранить частное пространство неприкосновенным для внешних сил.

Идиллический мир для современного человека – это уже не сказочная Аркадия или утопический сад. Обычный лес, находящийся рядом, может стать искомым счастливым пространством. Но в том-то и дело: событием станет пересечение и уже такой близкой границы! См. стихотворение А. Яшина «Все для человека»:

...А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
– До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто – муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, –
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья...
[19, т. 1, с. 301].

Причина этого, скорее всего, в том, что идиллический человек не может пересечь границу по внешнему способу событийности, ему нужно событие пережить внутренне. Пересечение границы от мира обыденного к идиллическому должно быть обязательно стремительным. См. значимое название стихотворения М. Лапшина «Побег»:

Что мне люди? Ни друзей,
Ни жены, ни проку.
Сдать бы родину в музей,
Всю ее мороку.

Если в праздной нищете –
Жизни больше нету:
И года уже не те,
И не видно свету.

Не хозяин, не слуга,
Чем еще блесну я?
А пущусь-ка я в бега,
В глухомань лесную!

Брошусь в хвою да в листву –
Рваный, бородатый.
Как отшельник заживу,
Только что не святый.

Прибредет верзила лось –
Я ему, краснея,
Выложу, как мне жилось,
Не жилось, вернее.

А когда, как сон-звезда,
Глянет Смерти око,
Мне не будет и тогда
В мире одиноко.

Волки с лисами придут –
Быстро и толково
Похоронят, отпоют
Друга дорогого [12, с. 145].

Вариант третий: событие будет. Приведенный выше пример обнаруживает тяготение героя к поступку: именно пересечение границы приводит его к желаемому замкнутому природному пространству. Правда, чаще всего в идиллическом мире (обратим внимание: говорим об идиллическом мире, а не об идиллическом герое!) возможен только один вариант события – его (мира) гибель. Процитируем ставшую хрестоматийной фразу Е. Хаева: «Можно сказать, что единственное событие, возможное в идиллическом мире, – его гибель» [16, с. 109].

Эта аксиома наложила печать на восприятие идиллического мира: если он (мир) и ожидается, то смерть все равно рядом. Пример – стихотворение М. Лапшина. То же соседство вдруг обретенного идиллического хронотопа и гибель человека (пока речь идет о гибели героя,

а не о гибели идиллического мира) встречаются в «Пастухе» Д. Магулы [8, кн. 1, с. 155], в стихотворениях Б. Рыжего «Родная, мы будем жить здесь..» и «Нежная сказка для Ирины» (у него нам известны два идиллических текста, и в обоих присутствует этот мотив) – [13, с. 294; с. 346-348]. Почему у современника идиллический мир и гибель так настойчиво рифмуются? Идиллический мир как нельзя лучше приспособлен к воплощению идеала, который всегда губителен. Кроме того, ожидаемая гибель возможна оттого, что бессобытийность провоцирует событие: хорошее чревато ожиданием несчастья.

Дает толчок к будущему событию «Эклога 4-я (зимняя)» И. Бродского. Бессобытийность существует на фоне ожидания близящегося конца:

В определенном возрасте время года совпадает с судьбой. Их роман недолог, но в такие дни вы чувствуете: вы правы... Зубы, устав от чечетки стужи, не стучат от страха. И голос Музы звучит как сдержанный, частный голос. Так родится эклога. Взамен светила загорается лампа: кириллица, грешным делом, разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли, знает больше, чем та сивилла, о грядущем. О том, как чернеть на белом, покуда белое есть, и после. [2, т. 3, с. 13-18].

До этой эклог под номерами у Бродского не было, поэтому естественно предположить, что название стихотворения отсылает к знаменитой 4-ой эклоге из «Буколик» Вергилия. Эпиграф к стихотворению тоже взят из Вергилия: «*Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской, / Сызнова ныне времен зачинается строй величавый»*. О. Глазунова отмечает, что в контексте стихотворения Бродского мысль римского поэта приобретает иной смысл: у Вергилия с «последним кругом» связывается пророчество о наступлении «золотого века» на земле, в «Эклоге 4-й (зимней)» значение этого образа имеет «зловещий оттенок, символизируя оледенение всех чувств, конец жизненного пути и переход к смерти» [3, с. 230].

Вариант четвертый: со-бытие́. На одно из утраченных значений слова «событие» указывает словарь В. Даля: «событность – кого с кем, чего с чем – пребывание вместе и в одно время; событность происшествий, совместность по времени, современность». «Событчик» мой – где-либо бывший со мной вместе, в одно время, сосвидетель» [5, с. 253]. Здесь отмечен семантический оттенок, связанный с присутствием приставки «со». Это значение как нельзя кстати именно для идиллии:

Что со мной?.. Ручаюсь головою,
Что-то вдруг со мной произошло.
Заново люблю я все живое,
Все, в чем свет сияет и тепло.

Вот я в лес вхожу – задел осинку,
Как бы зря не сбить с нее листа!
Как бы не смахнуть с травы росинку –
Так она немыслимо чиста!

По своей протоптанной дороге
Муравьишка трудно тащит тлю.
Стой! Куда ты лезешь мне под ноги,
Я ж тебя случайно раздавлю!

А моя любовь и страсть – рыбалка!..
Вот он, окунь, у меня в руках.
Мне же его и в воду бросить жалко.
И в мешок не опущу никак.

Глаз косит, навеки увядая,
Бьется тело, чувствуя беду…
Или я
В сентиментальность вдруг впадаю
На своем сороковом году?[14, с. 121].

Примеры событности дают стихотворения «Я встретил стрекозу...» Р. Солнцева [12, с. 118], «В сторожке на даче...» А. Твардовского [15, т. 3, с. 21], «Вечером» В. Юнгера [9, с. 352], «За пустырем, за желтым донником...» Н. Ягодинцевой [12, с. 348], «Во ржи» Г. Голохвастова [4, с. 149], «Конаково» Е. Пашанова [1, с. 444], «Я построю дом своим ближним...» А. Птицына [11, с. 11] и др.

Один из вариантов необычной «событности» представлен Ю. Верховским, человеком с репутацией «Дельвига XX века» [6, с. 15]. В своих образцах пасторали не возлюбленная (пастушка), а муза любовной поэзии Эрато дарит герою вдохновение, напоив его из источника на горе Геликон (идиллия «У ручья»).

Интерес к событию в идиллическом тексте тянет за собой еще много вопросов, так, например, наличие/отсутствие события выводит, во-первых, на вопрос о родовой природе идиллии; во-вторых, на субъектную организацию текста (событие, о котором рассказывается, и событие рассказывания), ведь факт отсутствия события может по-разному трактоваться: с точки зрения наблюдающего и с точки зрения героя, и тогда справедливо говорить о внешнем и внутреннем (соответственно) событии; в-третьих, на специфическое наполнение хронотопа идиллии, а именно ее а) вневременной характер, а также б) на цикличность идиллического времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антология русского верлибра. 360 авторов. М., 1991.
2. *Бродский И.А.* Сочинения: в 4-х т. СПб., 1992.
3. *Глазунова О.И.* Мотивы оледенения и конца жизненного пути в поэзии И. Бродского 80-х годов // Русская литература. 2005. № 1.
4. *Голохвастов Г.В.* Гибель Атлантиды. М., 2008.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1991. Т. 4.
6. *Звонова С.А.* Творчество Верховского в историко-культурном контексте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2006.
7. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
8. «Мы жили тогда на планете другой…»: антология поэзии русского зарубежья: в 4-х т. Кн. 1. 1920-1990 гг. М., 1995.
9. От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Антология: в 2-х кн. М., 2001-2002.
10. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
11. *Птицын А.А.* Поэзия ЗаЗемелья: сборник стихов. Киев, 1999.
12. Русская поэзия. XXI век. Антология. М., 2010.
13. *Рыжий Б.Б.* Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
14. *Старшинов Н.* Мое время. М., 1984.
15. *Твардовский А.Т.* Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1977. Т. 1.
16. *Хаев Е.С.* Идиллические мотивы в произведениях А.С. Пушкина рубежа 20-30-х гг. // Болдинские чтения. Горький, 1984.
17. *Шайтанов И.О.* Мыслящая муза. М., 1989.
18. *Шмид В.* Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность: сборник статей. М., 2010.
19. *Яшин А.Я.* Собр. соч.: в 3-х т. М., 1984. Т. 1.

УДК 81.4

Бурдина Ольга Борисовна

старший преподаватель кафедры латинского языка Пермской фармацевтической академии, соискатель кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета
editor@hist-edu.ru

Мишланова Светлана Леонидовна

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета
editor@hist-edu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена вариативности терминологии в фармацевтическом дискурсе. Авторы предпринимают попытку определения фармацевтического дискурса, выявления его институциональных признаков, моделирования концепта «лекарственное средство», разработки модели коммуникации в фармацевтическом дискурсе. Доказывается, что институциональность фармацевтического дискурса определяет специфику концептуализации и коммуникации, что отражается в фармацевтической терминологии.

Ключевые слова: **фармацевтический дискурс, институциональность, концепт, коммуникация, терминология.**

Burdina Olga Borisovna

Senior Lecturer of the Department of the Latin Language of Perm State Pharmaceutical Academy, Postgraduate Student of the Department of Linguodidactics of Perm State National Research University
editor@hist-edu.ru

Mishlanova Svetlana Leonidovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication of Perm State National Research University
editor@hist-edu.ru

INSTITUTIONAL FEATURES OF PHARMATHEUTICAL DISCOURSE AND THEIR REFLECTION IN TERMINOLOGY

The article is devoted to terminology variation in pharmaceutical discourse. The authors attempt to define the notion of pharmaceutical discourse, to identify its institutional features, to create the model of the concept "remedy", to develop the communication model in pharmaceutical discourse. It is proved that the institutionality of pharmaceutical discourse determines specificity of conceptualization as well as communication, which is reflected in the pharmaceutical terminology.

Key words: **pharmaceutical discourse, institutionality, concept, communication, terminology.**

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-16-59015а/у) и **гранта в рамках тематического плана по заданию Министерства образования РФ (проект № 6.5962.2011, № 6.5828.2011)**

Динамика происходящих на современном Российском фармацевтическом рынке процессов представляет интерес для учёных самых разных областей знания, примером тому могут служить исследования, посвящённые фармацевтическому бизнесу, в области юриспруденции (Д.С. Зверев, 2004; А.А. Андре, 2011), экономики (Сабо Янош, 2003, Д.И. Белецкий, 2009), социологии медицины (Т.Н. Сухова, 2009). Наибольшую озабоченность современной ситуацией в сфере фармацевтической *терминологии и номенклатуры ЛС* проявляют специалисты: значительное количество исследований этой проблематики принадлежит докторам фармацевтических наук (статьи и монографии разных лет Н.Б. Дрёмовой, Л.В. Мошковой, Э.А. Коржавых, И.М. Перцева и др.), а также исследователям-филологам (В.Ф. Новодрановой, Р.Е. Березниковой, М.Н. Лазаревой, Т.В. Куркиной, Г.П. Буровой Л.Н. Носовой, Н.Ю. Антоновой и др.). Отметим, что в лингвистике получил освещение только ряд локальных проблем фармацевтической терминологии, сам же фармацевтический дискурс как комплекс знаний и связанная с ним речемыслительная деятельность только начинает привлекать внимание исследователей.

Термин *дискурс* употребляется в лингвистике для обозначения вербально опосредованной специальной (то есть реализующейся в рамках определённой профессии) деятельности, в которой происходит развитие знака. Также этим термином принято обозначать этапы этой деятельности, при этом обсуждаются следующие определения термина «дискурс»: 1) выводное знание, понятие, результат интерпретации, многомерный информационный тезаурус, ментальное пространство, концептуальную систему (в том числе – языковую личность); 2) механизм знаково (вербально) опосредованного познания/мышления, т.е. знаковую (в том числе речевую) деятельность; 3) совокупность стадий развития знака в процессе функционирования механизма дискурса (когнитивно-коммуникативный цикл развития знака в процессе перевода, в процессе метафоризации); 4)

сформированную в результате металингвистической деятельности систему знаков (социальных институтов, системы текстов, языковых знаков) [9, с. 35].

Развитие той или иной сферы деятельности человека формирует в ее основе социальный институт, опирающийся на определенную систему поведения, правил, процедур, норм, обычаев и традиций, отраженных в вербальных и невербальных средствах, используемых в рамках этого института [11, с. 12]; социальные институты предстают как культурно-исторический феномен, объединяющий все виды деятельности, получившие развитие в определённых профессиональных сферах – исторически возникших формах деятельности [9, с. 39].

Объектом нашего исследования является *дискурс* как комплекс знаний, исторически сформировавшийся в конкретной профессиональной области – социальном институте фармации.

Как самостоятельный социолингвистический дискурсивный тип фармацевтический дискурс (ФД) был выделен сравнительно недавно, ранее его относили к подтипам медицинского дискурса, и даже сейчас некоторые исследователи отказывают ему в самостоятельности. Так, в статье Е.И. Голованової, посвящённой жанровой дифференциации профессионального дискурса читаем: «…разграничиваются, например, *медицинский, педагогический, юридический* виды профессионального дискурса, а также их частные разновидности: в медицинском – *фармацевтический, клинический* и др.; в педагогическом – *учительский, академический* и др.; в юридическом – *судебный, законодательный* и др.». [12]. То есть фармацевтический дискурс, по мнению исследователя, не является самостоятельным комплексом ни как профессиональный, ни как институциальный тип. Подобное мнение выразила в одной из своих работ Л.Н. Носова: «Фармацевтический дискурс, являясь одним из видов медицинского дискурса, представляет собой как прямое, так и опосредованное общение между профессионалами, получившими специальную подготовку в данной области (врач/фармацевт), и пациентами (потребителями), которые могут как иметь специальные знания в данной сфере, так и не иметь их вовсе» [7, с. 94]. Отметим, что в другой своей работе исследователь придерживается противоположных позиций и определяет коммуникацию в ФД как опосредованное общение «между коллективом авторов (институтом фармации), передающим сведения о составе, способе применения лекарственных препаратов и т.д., с одной стороны, и адресатом (врачами, назначающими лекарственные препараты, либо пациентами – потребителями лекарственной продукции), с другой стороны» [8, с. 133].

На уникальности отношений внутри института фармации, его автономности и культурной и общественной ценности настаивает Г.П. Бурова, определяя ФД как особый код, систему «понятийно-терминологических, образно-символьных, метафорических, концептуальных и прагматических элементов, формирующих данный тип культурного дискурсивного пространства» [6, с. 4].

По мнению В.И. Карасика, специфика институционального дискурса раскрывается в типе того общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института, связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, текстами, производимыми в данном социальном образовании. Ядром профессионального взаимодействия внутри института является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации, первый из которых представляет сам институт, второй – потребитель услуг, знаний, то есть коммуникация в паре «агент – клиент»; на периферии происходят взаимоотношения с коммуникантами, не относящимися к данному институту, то есть устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: агент – клиент – маргинал [10, с. 25-33;11, с. 12].

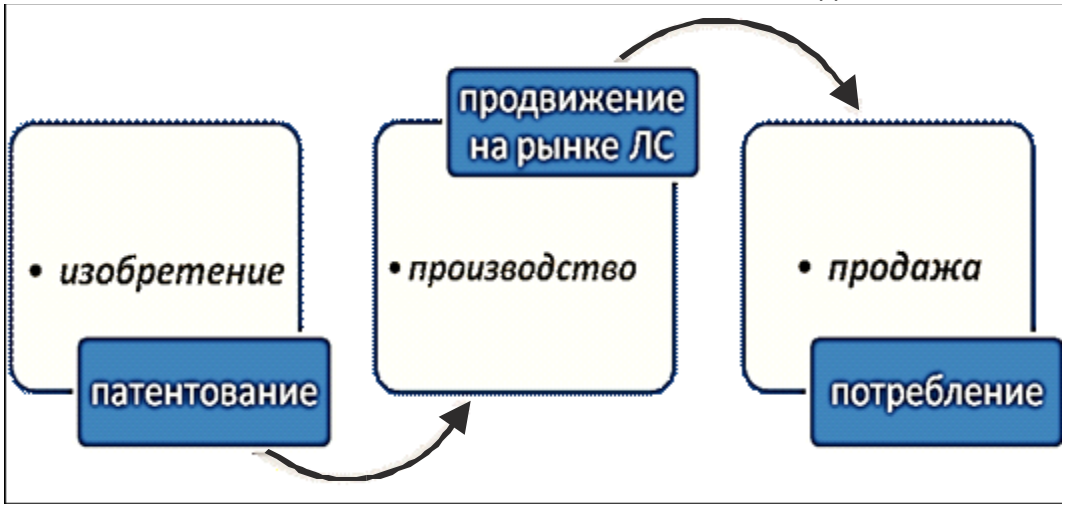
Фармацевтический дискурс полностью отвечает описанным характеристикам институциального типа дискурса. Фармация – самостоятельный общественный институт, обладающий уникальным (и древним, заимствованным из греческого языка) именем (от pharmacon – «лекарство»). Из древних языков в фармации заимствовано не только имя. Метаязыком ФД является латынь, точнее сказать, греко-латинский словообразовательный фонд, на основе которого построена вся терминология фармации (общая черта с медицинским дискурсом). При этом фармацевтическая терминология обладает следующей особенностью: она синтетична, включает в себя термины разных наук: химии, ботаники, фармакогнозии, фармакологии, технологии производства лекарств, клинической терминологии. Заимствование (и освоение, упорядочение в собственной терминосистеме) терминов всех этих наук объясняется спецификой репрезентации второго (по В.И. Карасику) критерия институальности дискурса – ключевого концепта.

Выраженным ключевым концептом в ФД выступает ЛЕКАРСТВО (ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО, ЛС). Отметим, что этот концепт характерен и для медицинского дискурса, хотя не является базовым: лекарство для медицины – лишь средство достижения главной цели – получения

положительного терапевтического эффекта, восстановления здоровья (ЗДОРОВЬЕ, ЖИЗНЬ – основные концепты медицинского дискурса); в фармацевтическом же лекарство – это комплекс знаний о создании, производстве и потреблении ЛС, а терапевтический эффект является только одной из составляющих этого знания.

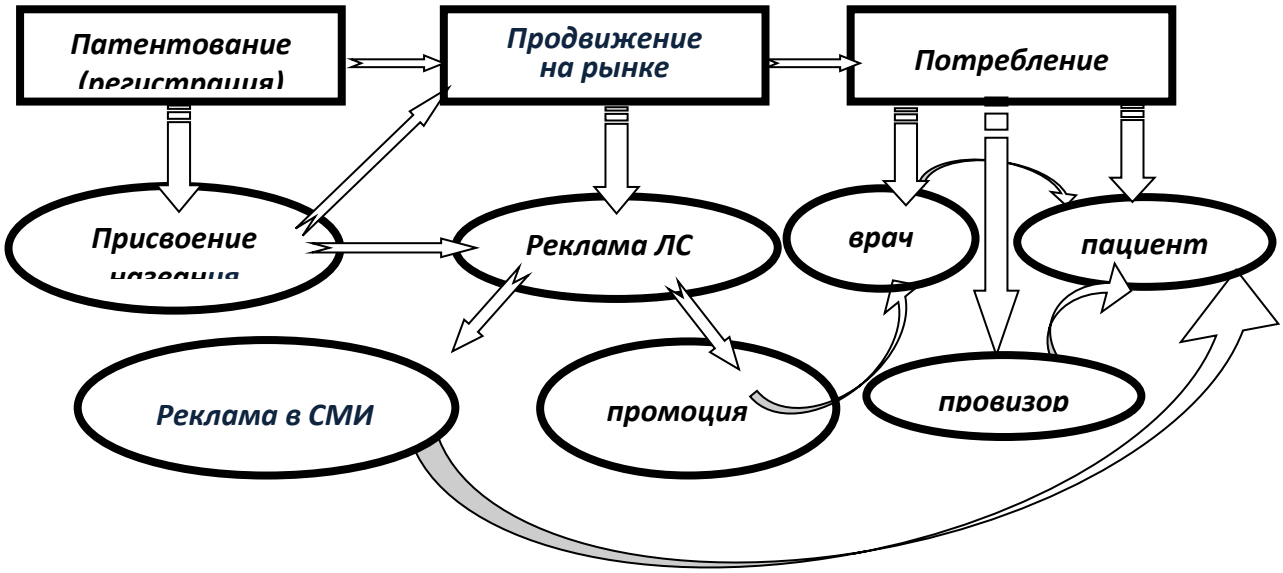
Формирование концепта ЛС можно представить в виде следующей схемы (эта же схема представляет «путь» лекарственного средства к потребителю – пациенту, приобретающему ЛС в аптеке):

Схема 1. Модель концепта ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.



Каждая стадия формирования концепта предполагает использование специальной терминологии. Для первого этапа (изобретение) – актуальны будут термины химии, ботаники, фармакогнизии; для второго (производство) – технологии изготовления ЛС. На третьем этапе (продажа/потребление) наиболее актуальной становится информации о действии ЛС на организм, для репрезентации этого знания потребуются термины анатомии, клинической терминологии, медицины.

Схема 2. Модель коммуникации в фармацевтическом дискурсе.



Как сфера профессиональной коммуникации фармацевтический дискурс предполагает наличие большего числа участников, нежели медицинской. Кроме коммуникации врач – пациент, характерной для последнего, выступают такие типы взаимодействия, как врач – провизор (работник аптеки, коммуникация через назначение врачом ЛС), врач – фармацевт (химик-технолог, изго-

товитель лекарственного средства), производитель ЛС (фармацевтическая компания) – провизор, производитель ЛС – пациент (потребитель ЛС, коммуникация через рекламу), пациент – пациент (соответствует коммуникативной модели Л. Хоффманна).

Ядром коммуникации остаётся взаимодействие в коммуникативной цепочке врач – провизор (фармацевт) – пациент (потребитель ЛС), но сама система взаимоотношений претерпела существенные изменения. Пока возможность получить ЛС в аптеке была связана с обязательным наличием рецепта, коммуникация строилась линейно: указание от врача фармацевту, от фармацевта консультация пациенту. С появлением безрецептурных средств роли фармацевта, врача и пациента в коммуникации изменились, у первого появилась возможность (и обязанность) пояснять неясные для пациента моменты, рекомендовать подходящие ЛС (влиять на выбор клиента), появился термин *фармацевтическая помощь* (сопроводительные услуги, которые можно получить в аптеке помимо ЛС); деятельность врача стала носить рекомендательный (а не предписывающий) характер, у пациента повысилась персональная ответственность за собственное здоровье. То есть на современном этапе фармацевт выступает как агент, а врач и пациент – как клиенты института (сложная система потребления).

Одним из критериев, представляющих собой определяющие характеристики институциальности дискурса, является наличие сооружений, в которых осуществляется коммуникация в рамках профессиональной деятельности, при этом коммуникация реализуется согласно общественным ритуалам и поведенческими стереотипам. Для ФД таким учреждением является аптека (термин, также заимствованный из греческого языка). Отметим ещё одну важную черту фармацевтического дискурса: деятельность в сфере реализации ЛС, реклама ЛС и даже присвоение названий ЛС регламентирована государством посредством законодательных актов, федеральных законов, методических рекомендаций.

Названные характеристики позволяют определять коммуникацию в профессиональной фармацевтической деятельности как институциональный фармацевтический дискурс. При этом институциональные признаки определяют специфику терминообразования в фармацевтическом дискурсе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Перцев И.М.* Размышления о фармацевтической терминологии // Провизор. 2004 № 1. URL:http://www.provisor.com.ua/archive/2004/N1/art_30.php?part_code=103&art_code=3971 (дата обращения 01.09.2013).
2. *Новодранова В.Ф.* Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей // Терминология и знание: материалы III Междунар. симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013.
3. *Новодранова В.Ф.* Роль обыденного знания в формировании в формировании научной картины мира // Терминология и знание: материалы I Междунар. симпозиума. М., 2009.
4. *Березникова Р.Е., Кострома Т.А.* Актуальные вопросы графического и грамматического оформления названий лекарственных средств // Язык медицины: сб. науч. тр. Вып. 2. Самара, 2007.
5. *Куркина Т.В.* Терминология фармации как отражение развития профессионального знания и деятельности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 5. Т. 12.
6. *Бурова Г.П., Буров А.А.* Базовые концепты фармации в русской национальной языковой картине мира. URL: http//. www.rusnauka.com/29_NNM_2008/Philologia/35973.doc.htm (дата обращения 10.08.2013).
7. *Носова Л.Н.* О Некоторых коммуникативных особенностях фармацевтического дискурса // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: III Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2012.
8. *Носова Л.Н.* Особенности структурно-смысловой композиции текстов инструкций к лекарственным препаратам на примере французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1.
9. *Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.
10. *Карасик В.И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
11. *Карасик В.И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. Волгоград, 1998.
12. *Голованова Е.И.* Проблема жанровой дифференциации профессионального дискурса. URL: http://da21.luguniv.edu.ua/statti/Golovanova.docx (дата обращения 10.08.2013).
13. *Алексеева Л.М.* Проблемы термина и терминообразования. Пермь, 1998.
14. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М., 2007.
15. *Машковский М.Д.* О «концепции самолечения» и безрецептурной продаже лекарств // Клиническая медицина. 1996. № 2.
16. Методические рекомендации по рациональному выбору названий лекарственных средств (утв. Департаментом госконтроля лексредств и медтехники Минздрава РФ 01.07.2003) // Федеральное законодатель-

ство (по состоянию на 20 октября 2006 года). URL:http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/promyshlennost/30/gosudarstvennaja-farmakopeja-rossijskoj-federacii---izdanie--chast-1.html (дата обращения 01.09.2013).
17. *Мещеряков В.А.* Защита исключительных прав на лекарственные средства // Медицинская картотека. 2001. № 12.
18. *Мишланова С.Л.* Когнитивно-дискурсивный анализ рецепции специального знания // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1.
19. *Мишланова С.Л.* Когнитивно-дискурсивный анализ семантических отношений в процессе терминологизации // Терминология и знание: материалы III Междунар. симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013.
20. *Подоляка А.Н.* Отражение концептуальных знаний во внутренней форме наименований (на материале номенклатуры лекарственных средств) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2.
21. Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обращении лекарственных средств” (№ 61-ФЗ от 12.04.2010) и в статью 333.32.1. части второй “Налогового кодекса Российской Федерации”». URL:http://rosminzdrav.ru/docs/mzsr/projects/1926 (дата обращения 01.09.2013).
22. Рациональный выбор названий лекарственных средств. Методические рекомендации: утв. Минздравсоцразвития РФ 10.10.2005 (Текст документа по состоянию на июль 2011 года). URL: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ys-normy/w8p.htm (дата обращения 01.09.2013).
23. *Стадульская Н.А.* Фармацевтическое рекламное имя как объект лингвистического исследования // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4.
24. Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.02.2006, действующая редакция от 07.06.2013), Статья 24: «Реклама лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, в том числе методов лечения». URL: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ys-normy/w8p.htm (дата обращения 01.09.2013).
25. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» № 61-ФЗ от 12 апреля 2010 (в ред. Федерального закона от 25.06.2012 N 93-ФЗ). URL: //http://base.garant.ru/135907/ (дата обращения 01.09.2013).
26. *Frankfurte Felix.* A Drug By Any Other Name: The Power of Naming and the Medical and Regulatory Impact of “Misnaming” Prescription Drugs. URL: http://www.docstoc.com/docs/57689444/Sun. (дата обращения 01.09.2013).
27. *Kapp D.* Naming Drugs: A New Class of Drug. URL: http://www.rtiresearch.com/publications/whitePapers/RelationalAsemanticProof.pdf (дата обращения 01.09.2013).
28. *Rados Carol.* Drug Name Confusion: Preventing Medication Errors. URL: http://www.medicinenet.com/script/main/art.asp?articlekey=53208 (дата обращения 01.09.2013).

УДК 811.11-112

Комиссарова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры истории и межкультурной коммуникации Некоммерческого партнерства высшего профессионального образования «Прикамский социальный институт», г. Пермь
editor@hist-edu.ru

Komissarova Ekaterina Sergeevna

Senior Lecturer of the Department of History and Cross-Cultural Communication, Non-Commercial Partnership of Higher Vocational Education "Prikamsky Social Institute", (Perm)
editor@hist-edu.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ «ОГРАНИЧЕННАЯ ЧАСТОТНОСТЬ»

FUNCTIONING OF ADVERBS WITH THE MEANING OF «LIMITED FREQUENCY»

В настоящей статье рассматривается вопрос о функциональном потенциале адвербиальных единиц с семантикой «ограниченная частотность» в немецком языке. На основании анализа словарных дефиниций выделяются морфологические, лексические, лексико-грамматические средства выражения итеративной неоднократности, а также семантический потенциал исследуемых адвербиальных единиц. В контексте функционирования адвербиальных единиц исследуется среда актуализации семантического потенциала.

Ключевые слова: **итеративность, адвербиальная единица, функциональный потенциал, семантический потенциал, сема, идентификатор.**

The given paper scrutinizes the functional potential of adverbial units with the meaning of "limited frequency" in the German language. The author marks out the expression of the iterative meaning of the adverbs at the morphological, lexical, lexical and grammatical levels of language and the semantic potential of the studied adverbs based on the analysis of dictionary definitions. The author examines the environment of updating the semantic potential within the context of functioning of the adverbial units.

Key words: **iterative meaning, adverbial unit, functional potential, semantic potential, seme, identifier.**

Функциональный потенциал рассматривается как комплекс потенций, возможных для данной языковой единицы и программирующих ее поведение в речи. Он заложен на уровне отдельного слова, подчиняется закономерностям, правилам строя языка и проецируется на высказывание, актуализируется в речи при взаимодействии с разноуровневыми элементами языковой системы. Реализация функционального потенциала осуществляется в среде функционирования языковой единицы. Среда определяется как множество взаимодействующих языковых элементов, выполняющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она осуществляет свою функцию [1, с. 194, 352]. С позиций теории системной множественности функциональных свойств языковых единиц исследовался семантический потенциал адвербиальных единиц с семантикой неограниченной и ограниченной рекуррентности [2, с. 113-119; 3, с. 322-327]. В настоящей статье изучается функциональный потенциал адвербиальных единиц с признаком «ограниченная частотность». Под адвербиальной единицей понимается неспрягаемая и несклоняемая автосемантическая часть речи, которая выполняет в высказывании функцию детерминанта предиката, атрибута [4, с. 240]. Дефиниционно-синонимический анализ позволяет представить группу исследуемых адвербиальных единиц такими базовыми единицами, как *selten, sporadisch, unregelmäßig, vereinzelt, zeitweise.* Адвербиальные единицы данной группы, сочетаясь в высказывании со смысловыми классами глаголов, выражают семантику итеративности. Функционально-семантическая категория итеративности – это аспектуальное значение, которое передает политемпоральную неоднократность действий с наличием тождественного набора актантов, то есть повторяющиеся ситуации актуализируются в разные периоды времени и в каждой из ситуаций заняты одни и те же участники [5, с. 150; 6, с. 170-177].

Семантика итеративности исследуемых адвербиальных единиц определяется морфологическими, лексическими и лексико-грамматическими средствами. На морфологическом уровне итеративное значение выражает полусуффикс *-mal* при основе неопределенного местоимения *manchmal*. На лексическом уровне значение итеративности фиксируется введением в словарные статьи идентификаторов *ab und zu, bisweilen, dann und wann, gelegentlich, hier und da, hin und wieder, kaum, mitunter, nicht oft, verschiedentlich, zeitweilig, zuweilen, zuzeiten.* На лексико-грамматическом уровне итеративное значение передается в идиомах (*alle Jubeljahre, sich rar machen*) и в словосочетаниях. Считаем возможным выделение следующих моделей словосочетаний: 1) Adv – Pron – N *nur wenige Male,* где множественное число существительного с количественным значением *Male* передает итеративное значение; 2) (Adv_2) – Adv_1 – Part I *kaum vorkommend; nicht oft vorkommend; nicht oft, nicht häufig geschehend*, где идентификаторы *kaum, oft, häufig* фиксируют итеративное значение, *nicht* снижает частотность повторений; 3) Adv_1 – Adv_2 – (Part I / Adj) *nur*

manchmal, nur selten, nur gelegentlich vorkommend, nur selten vorhanden, где идентификаторы *gelegentlich, manchmal, selten* передают значение итеративности, *nur* сигнализирует об ограничении частотности повторений; 4) (Konjn – Adv – Konjn) – Präp – (Adj) – N – (Part I / II) *in Abständen; in ungleichen Abständen; in ungleichen Abständen angeordnet, erfolgend; in unterschiedlichen Abständen od. Intervallen*; *in Zwischenräumen; nicht immer, sondern in bestimmten zeitlichen Abständen,* где множественное число существительных с временным значением *Abstände, Intervalle, Zwischenräume,* идентификатор *immer* выражают значение повторения; 5) $Präp_1$ – N – $Präp_2$ – N *von Zeit zu Zeit*, где предлоги обладают значением начала и окончания события, одна и та же именная лексема с временным значением используется дважды.

В лексикографическом толковании семантический потенциал всех адвербиальных единиц определяется семами «локальность», «малочисленность», «непостоянство», «прерывность», «случайность». Сему «локальность» демонстрируют в словарном толковании идентификаторы *mancherorts; nicht überall, sondern nur an einigen Stellen; stellenweise; streckenweise.* Сему «локальность» актуализируют в контексте существительные, обозначающие локальные объекты: *Im riesigen Verbreitungsgebiet, das von der Türkei bis China und von Russland bis Indien reicht, kommen die Manule nur sporadisch vor* [7]. Сема «малочисленность» представлена в словарном толковании идентификаторами *einmalig, einzeln, nur in kleiner Zahl, nur in sehr geringer Zahl, nur wenige Male, vereinzelt.* Сема «малочисленность» реализуется в контексте за счет использования неопределенного местоимения *wenige*, которое фиксирует немногочисленное количество: *Das geschah selten, denn die wenigen Fehler, die ihr unterliefen, entdeckte sie selbst* [8]. Сема «непостоянство» обнаруживается введением в словарные дефиниции идентификаторов *ab und zu, dann und wann, gelegentlich, hin und wieder, nicht immer, sprungweise, von Zeit zu Zeit.* Сема «непостоянство» передается в речи за счет использования превосходной степени прилагательного со значением «странный, особенный»: *Mein Geist geriet in die seltsamsten Zustände. ... ich glaubte zeitweise tatsächlich, dass der Wald nur dazu da war, von mir durchlaufen zu werden* [9]. В лексикографическом толковании сему «прерывность» фиксируют идентификаторы *in ungleichen Abständen, in Zwischenräumen, mit Pausen, sprungweise, stoßweise.* В контексте сему «прерывность» передает существительное *Gipfel ‘саммит’,* подразумевающее временные перерывы между событиями: *Der unregelmäßig stattfindende OAS-Gipfel gilt traditionell als Gelegenheit, wichtige Probleme des gesamten Kontinents zu besprechen* [10]. Сему «случайность» репрезентируют в словарных дефинициях идентификаторы *episodisch, gelegentlich, vereinzelt, zeitweise.* Реализация семы «случайность» в контексте сопровождается указанием конкретного примера (*z. B.*): *In älterer Zeit begegnet dies nur ganz vereinzelt, wie z. B. in Augsburg, wo die Stadtbibliothek aus dem Ärar jährlich 50 Gulden erhielt* [11].

В семантическом потенциале адвербиальных единиц за исключением единицы *unregelmäßig* обнаруживается наличие семы «уникальность». Сему «уникальность» передают в словарном толковании идентификаторы *außergewöhnlich, besonders, einmalig, erlesen*, *singulär.* В контексте данную сему демонстрирует прилагательное *typisch*: *Sie sprach selten einen Satz, in dem ein A, O oder U vorgekommen wäre, und es war typisch für sie, dass sie Leos Namen in Le abgekürzt hatte* [12].

Семантический потенциал многих адвербиальных единиц включает семы «дефицитность», «многочисленность», «разобщенность», «трудоемкость». В лексикографическом толковании сема «дефицитность» определяется идентификаторами *beschränkt, karg, knapp, rar, spärlich.* Сема «дефицитность» выявляется в контексте с помощью полупрефикса *hoch-* (усиление значения) с использованием сослагательного наклонения для передачи желаемого события: *Schon aus diesem Grund gelangen Studierende aus Singapur nur sporadisch an deutsche Hochschulen, wo sie indes hochwillkommen wären* [13]. В лексикографическом толковании сему «многочисленность» фиксируют идентификаторы *in unterschiedlichen Abständen od. Intervallen, in Zwischenräumen, verschiedentlich.* В рамках контекста сему «многочисленность» передает одушевленное (*Deutsche*) существительное с использованием количественного числительного (*drei Millionen*): *Drei Millionen Deutsche arbeiten ausschließlich oder zeitweise im Freien* [14]. Сема «разобщенность» представлена в словарном толковании идентификаторами *auseinander, gelockert, gesondert, getrennt, separat, ungebunden, unzusammenhängend, verstreut, zerstreut.* Сему «разобщенность» демонстрирует в контексте адвербиальная единица *wenig,* указывающая на отсутствие традиций, преемственности в научных исследованиях: *Sonst ist die Psychoanalyse an der Universität wenig verankert, nur vereinzelt finden sich Professoren, die sich damit beschäftigen* [15]. Сема «трудоемкость» обнаруживается введением в дефиниции идентификатора *kaum.* Реализация семы «трудоемкость» в контексте отмечена использованием противопоставления *glimmrig – heiter*: *Kurzbeinig, kurzhalsig, kurzstirnig, verbarg er unter den struppigen Brauen ein Paar tief sitzende glimmrige Augen, die selten jemand heiter gesehen* [16].

Семантический потенциал некоторых адвербиальных единиц представлен семами «краткосрочность», «неравномерность». Сема «краткосрочность» определяется в словарном толковании идентификаторами *kurzzeitig, nur eine Zeit lang, vorübergehend, zeitweilig.* В рамках контекста сему «краткосрочность» передает обозначение целое (окрашенное в темный цвет *düster*) – часть (представленная в ярком цвете *Sonnenstrahlen*): *„Sophie Scholl – Die letzten Tage" ist ein düsteres, bedrückendes Werk, durch das nur vereinzelt Sonnenstrahlen ziehen, die Sophie Scholl wie ein Geschenk entgegen nimmt* [17]. Сему «неравномерность» фиксируют в словарном толковании идентификаторы *asymmetrisch, ungleichmäßig, unsymmetrisch.* В речи сему «неравномерность» реализует словосочетание *nicht zu fester Stunde nachts*, отрицающее регулярную частотность действия: *Geige spielte der Physiker ganz sporadisch, nicht wie behauptet zu fester Stunde nachts auf der Terrasse* [18].

Семантический потенциал отдельных адвербиальных единиц выявляют семы «второстепенность», «особенность», «упорядочение» (*vereinzelt*), «неупорядоченная последовательность», «отсутствие условности» (*unregelmäßig*), «условность» (*zeitweise*), «ценность» (*selten*). В лексикографическом толковании сему «второстепенность» демонстрирует идентификатор *episodisch,* сему «особенность» – идентификатор *anders,* сему «упорядочение» – идентификатор *einer nach dem andern.* В контексте сема «второстепенность» актуализируется за счет одновременного использования двух адвербиальных единиц с усилительным значением *nur sehr*; сема «особенность» – за счет указания конкретных географических названий (*Bremen, Saarland, Rheinland-Pfalz*); сема «упорядочение» – за счет использования существительного предметной семантики (*Losung*): *Die Sicherheitslage ist erstaunlich ruhig, Plünderungen kommen nur sehr vereinzelt vor; Nur vereinzelt verirrten sich Berliner nach Bremen, Saarland und Rheinland-Pfalz; Vereinzelt tauchte die Losung „Die Mauer muss weg" auf* [19]. Семы «неупорядоченная последовательность», «отсутствие условности» репрезентируют в словарном толковании идентификаторы *nicht geregelt, nicht nach einer bestimmten Regel.* В контексте сема «неупорядоченная последовательность» реализуется за счет использования структуры гипотаксиса с придаточным предложением причины (*weil*); сема «отсутствие условности» – за счет указания неточных временных сроков посредством разделительного союза (*mal … mal … oder*): *Mein Sohn erhält von seinem Arbeitgeber sehr unregelmäßig Gehalt, weil die Auftraggeber nicht rechtzeitig die Rechnungen bezahlen*; *Die einzige freudige Abwechselung während der Dreschkampagne sind die Zahltage. Sie erfolgen unregelmäßig, … mal von Woche zu Woche, mal nach vierzehn Tagen oder auch erst nach drei Wochen* [20]. Сему «условность» передает в словарном толковании идентификатор *nicht immer, sondern in bestimmten zeitlichen Abständen.* Выявление семы «условность» в контексте возможно за счет использования обстоятельства времени с указанием периода (*an den Sommerwochenenden*): *Dieser Landschaftsraum wird zeitweise – besonders an den Sommerwochenenden – sehr stark genutzt* [21]. В лексикографическом толковании сему «ценность» фиксируют идентификаторы *geschätzt, kostbar, wertvoll.* Реализация семы «ценность» в контексте сопровождается использованием лексемы с позитивной оценочной семантикой (*glücklich*): *Denn aus dieser absurden Freite wurde eine selten glückliche Ehe* [22].

Наблюдение за языковыми единицами в среде позволяет выявить закономерности их функционирования. Так, в высказывании *Er rauchte, unterschrieb, blickte selten einmal in eine Zeichnung, nahm Punkt halb zehn Mantel und Hut, sagte: „Bis morgen dann" und verschwand* [23] адвербиальная единица *selten* актуализирует не весь объем семантического потенциала, а только такие семы, как «локальность», «малочисленность», «непостоянство», «прерывность», «разобщенность», «случайность». Данное поведение адвербиальной единицы в речи определяется средой, в которой исследуемая единица, взаимодействуя с языковыми элементами, реализует свои функции. Таким образом, на уровне высказывания раскрываются не все возможные, заложенные на уровне слова потенции, а лишь определенные, обусловленные средой назначения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
2. *Комиссарова Е.С.* Семантический потенциал адвербиальных единиц с признаком «облигаторность неограниченной рекуррентности» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2012. № 2.
3. *Шустова С.В., Комиссарова Е.С.* Семантический потенциал языковых единиц с признаком «факультативность повторений без проявления признака цикличности» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: научный журнал. Филология. 2012. № 3. Т. 1.
4. *Москальская О.И.* Теоретическая грамматика немецкого языка. М., 1971.
5. *Храковский В.С.* Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999.

6. *Кибардина С.М.* Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1989.
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: http://www.dwds.de/ (дата обращения 01.07.2013).
8. *Böll H.* Billard um halbzehn. München, 1983.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.
10. Там же.
11. Там же.
12. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. München, 2001.
13. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Zweig S.* Ungeduld des Herzens. Frankfurt a.M., 1998.
17. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Deutscher Wortschatz. URL: http://wortschatz.uni-leipzig.de/ (дата обращения 01.07.2013).
22. *Zweig S.* Ungeduld des Herzens. Frankfurt a.M., 1998.
23. *Böll H.* Billard um halbzehn. München, 1983.

УДК 81'1

Салахиева Венера Садртдиновна

аспирантка кафедры русского языка з/о аспирантуры Кыргызско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, старший преподаватель кафедры иностранных языков Кыргызско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)
editor@hist-edu.ru

Salakhieva Venera Sadrtdinovna

Postgraduate Student of the of Russian Language Department of Kyrgyz -Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyzstan)
editor@hist-edu.ru

ОБРАЗНО-ПЕРЦЕПТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КЫРГЫЗСТАНЕЦ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА – МЕТОДА НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)

Исследован опыт моделирования образно-перцептивных характеристик лингвокультурного типажа через анализ результатов анкетирования представителей лингвокультуры. Приведены основные образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «русскоязычный кыргызстанец» как основного социокультурного типа в современной лингвокультуре Кыргызстана.

Ключевые слова: **лингвокультурный типаж, образно-перцептивная характеристика, ассоциативный эксперимент, метод неоконченных предложений.**

IMAGERY AND PERCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE LINGUOCULTURAL TYPE "THE RUSSIAN-SPEAKING KYRGYZSTANI" (BASED ON THE MATERIAL OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT – THE METHOD OF INCOMPLETED SENTENCES)

The experience of modelling imagery and perceptual characteristics of linguocultural type through the analysis of the survey results of the representatives of the linguoculture is investigated. Basic imagery and perceptual characteristics of the linguocultural type of the "Russian-speaking Kyrgyzstani" as the main socio-cultural type in modern linguoculture of Kyrgyzstan are given.

Key words: **linguocultural type, imagery and perceptual characteristics, associative experiment, method of incomplete sentences.**

Современное языкознание фокусируется на исследовании языковой личности в русле антропоцентрического подхода, объединяющего подходы различных гуманитарных наук: социологии, психологии, культурологии, социальной философии. В современной лингвистике широкое распространение получают методы социологии и психолингвистики (направленный и ненаправленный ассоциативный эксперимент, позволяющий выявить ценностную, понятийную и образно-перцептивную составляющую типизируемой личности – лингвокультурного типажа).

Существует опыт исследования образно-перцептивных характеристик лингвокультурного типажа по методике, предложенной О.А. Дмитриевой [1, с. 87]. В образно-перцептивных характеристиках лингвокультурного типажа отражается возраст, особенности внешнего вида, характерная деятельность, особенности коммуникативного поведения, виды деятельности, окружение. Наряду с традиционным изучением лингвокультурных типажей на основе изучения художественных текстов, пословиц, поговорок, появились работы, исследующие паспорт лингвокультурного типажа с помощью анкетирования и изучения источников СМИ [2].

Метод неоконченных предложений широко используется в гуманитарных науках для определения структуры образа какого-либо узнаваемого типажа в культуре социума в контексте национального характера. Российские социологи А.В. Бурлов, Г.Г. Татарова, сопоставив образ культурного человека (измеренный с помощью метода неоконченных предложений) с моделью русского национально-типического характера, пришли к мнению, что люди наделяют образ культурного человека национальными чертами. Этот вывод имеет важное значение для всех последующих исследований национальных типажей лингвокультур по проективным методикам, т.к. он позволяет применять метод для изучения языкового сознания людей в определенных социумах [3].

Характеристики ядра образа типажа носят характер структурных показателей, основанных на основных компонентах образа, точнее, на интенсивности проявления этих компонентов, выявляемого подсчетом частоты встречаемости смысловых единиц компонентов (метод контент-анализа), что позволяет выделять ядро и периферийную часть исследуемого концепта. Традиционно в лингвокультурологии, лингвокультурный типаж исследуется и как разновидность языковой личности, и как вид концепта.

По аналогии с описанным исследованием, нами была разработана анкета по методу неоконченных предложений, нацеленная на определение структуры образа лингвокультурного типажа

«русскоязычный кыргызстанец» и проведен опрос по анкете «Образ ЛКТ РК: неоконченное предложение» методом случайной выборки 235 чел. (136 женщин и 99 мужчин) – граждан Кыргызстана, свободно владеющих русским языком. Образно-перцептивная характеристика типажа состоит из следующих основных компонентов (с учетом частоты упоминаний респондентами).

Компонент А включает в себя интеллектуальную деятельность, развитие, самосовершенствование (219). Особенность ответов респондентов заключается в том, что такие качества, как интеллектуальность, уровень развития связаны с интеллигентностью в сознании русскоязычных кыргызстанцев.

Компонент В предполагает описание положительных качеств культурного человека, таких как внешний вид, вежливость, тактичность. Респонденты отмечают важность таких культурных качеств как приветливость, вежливость, открытость, чувство юмора, тактичность (85).

Компонент С включает внутреннюю саморефлексию и самоконтроль, чувство собственного достоинства, критичное отношение к себе (31).

Компонент D, включающий акцентирование необходимости строгого соблюдения различного рода норм, правил, этикета в современном кыргызстанском обществе занял доминирующие позиции (122), что отчетливо демонстрирует традиционализм кыргызстанского общества наряду со стремлением к прогрессивности.

Интересна специфика структуры норм и этикета, принятая в Кыргызстане. Что является нормами и предписаниями для носителей русского языка в культуре Кыргызстана? В ответах на вопрос «Русскоязычный кыргызстанец должен…» большинство ответов респондентов распределились по следующим группам, приведенным в порядке частотности ответов: должен уважать, любить и развивать родной (кыргызский) язык (79); должен быть патриотом своей родины, любить и защищать ее, знать госсимволику и конституцию, быть законопослушным, знать госязык (46); должен знать русский и кыргызский языки, должен знать много языков (37); должен знать русский язык, уметь грамотно на нем разговаривать (25); должен быть терпимым, толерантным, любить и уважать людей (22); должен знать, помнить и соблюдать кыргызские обычаи, культуру (21); никому ничего не должен (7); должен много работать, быть трудолюбивым и ответственным (4); должен уметь грамотно, красиво, ясно выражать свои мысли (2). Примечательно, что языковая (и этноязыковая) идентичность среди прочих других лидирует в сознании культурных предписаний и долженствований в обществе. Респондентами высказываются большая тревога за сохранность родного материнского языка, что находит свое выражение не только в кыргызстанском обществе, но и является устойчивой тенденцией многих современных поликультурных обществ. Второе место в этом списке занимает гражданско-языковая идентичность – забота о сохранности и защите гражданства, государства и госязыка, третье место занимает билингвальная /полилингвальная идентичность как осознание необходимости реагирования на вызовы современного многоязычного мира.

Компонент Е связан с совокупностью элементов, характеризующих отношение культурного человека к другим людям (уважает других, внимателен к другим, не покажет, что у другого отсутствуют какие-то качества). Среди качеств культурного человека важное место занимают такие качества, как уважение к другим народам, равное отношение ко всем, толерантность, гостеприимство, доброта (164). Наряду с моральным требованием любить, уважать, не забывать родной язык, лингвокультура Кыргызстана предписывает уважение к другим культурам, обычаям и традициям как неотъемлемое правило культурного человека.

В отношении к языковой идентичности, типичными являются ответы, когда билингвы выражают намерение говорить на языке, понятном для всех участников коммуникации, даже если он не является их материнским, несмотря на очень высокую значимость общения на родном языке (54). Приведем характерные ответы респондентов: «если в окружении кыргызов есть русский человек, который не понимает кыргызского языка, они должны ему перевести, помочь понять, а то тому человеку будет неудобно».

Русский язык (высокая степень владения) признается всеми респондентами как неотъемлемое условие успешной коммуникации. Основное преимущество хорошо знающих русский язык, по мнению данного лингвокультурного типажа, заключается в том, что он «не будет затрудняться в общении с другими» (25). Владение русским языком престижно в обществе, имеет высокий статус, высоко ценится способность говорить на русском языке (26), подчеркивается важность владения русским языком в связи с его большими возможностями как средства коммуникации (14). Владение русским языком дает «преимущество общаться на нескольких языках» (29), способность «быстро и легко адаптироваться в обществе» (23). Важность русского языка подчеркивается в связи с его функцией приобщения общества к мировой науке, культуре (23). А стремление быть образован-

ным, стремиться к самосовершенствованию является одной из культурных доминант лингвокультурного типажа «русскоязычный кыргызстанец» (219).

Итак, в ассоциативном эксперименте (методе неоконченных предложений) были выделены основные компоненты образа культурного человека – образные характеристики лингвокультурного типажа «русскоязычный кыргызстанец». Считаем перспективным исследование национальных типажей лингвокультур по методике неоконченных предложений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. Волгоград, 2007.
2. *Рощина А.А.* Эмблематические характеристики ЛКТ «китайский врачеватель»: автореф. дис. …канд. филол. наук. URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a391.php (дата обращения 19.09.2007).
3. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8.

Философские науки

УДК 141.201

Каракуц Карина Игоревна

соискатель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, ведущий консультант отдела информационного сопровождения (пресс-секретарь) Министерства курортов и туризма Краснодарского края
editor@hist-edu.ru

САМОПОНИМАНИЕ КАК СОЗДАНИЕ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ

Основное внимание автор акцентирует на анализе самопонимания руководителя при формировании имиджа. В статье проводится соотношение внешнего имиджа и внутреннего образа, который в случае несоответствия приводит к внутреннему конфликту. Отмечено, что при соблюдении чужих правил и стандартов лидер перестает воспринимать себя, уходит самопонимание, самовосприятие и появляются другие ориентиры, которые мешают формированию желаемого имиджа. Автор на примерах доказывает, что если мы пытаемся понять что-то внешнее, то мы непременно выражаем самих себя.

Ключевые слова: **имидж руководителя, самопонимание, внутренний конфликт, философская герменевтика, аудитория.**

Karakuts Karina Igorevna

Postgraduate Student of the Department of Philosophy of Kuban State University of Technology, Lead Consultant of the Department of Information Support (Press-Secretary) of the Krasnodar Region Ministry of Resorts and Tourism
editor@hist-edu.ru

SELF-UNDERSTANDING AS LEADER'S IMAGE CREATION

The main attention of the author is focused on the analysis of self-understanding of a leader in the image formation process. In the article the ratio of the external image and internal representation, which in case of discrepancy leads to the internal conflict, is carried out. It is noted that in case of observance of someone else's rules and standards a leader ceases to perceive himself or herself; self-understanding, self-perception disappear and other reference points which disturb formation of the desirable image appear. With the help of examples the author proves that if we try to understand something external we certainly express ourselves.

Key words: **image of a leader, self-understanding, internal conflict, philosophical hermeneutics, audience.**

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013гг.», проект 14.B37.21.0542 «Самопонимание субъекта в разных этнокультурных средах»

Каждый человек со временем начинает себя ассоциировать с определенным образом, еще с детства ребенок воображает себя каким-то актером или героем сказки. Он старается вжиться в роль, повторяя определенные манеры поведения, разговора и другие характерные черты кумира. В большинстве случаев создание этого образа происходит у него бессознательно: ему нравится этот герой и никаких практических целей он не преследует. В этом смысле нельзя провести аналогию со взрослым человеком, который старается продумать образ до мельчайших подробностей и соответствовать ему. Практически каждый руководитель или топ-менеджер компании себя идентифицирует с определенным типом, тем самым формируя имидж, то есть мнение о себе у других. В свою очередь, под имиджем можно понимать символически выраженные представления о своеобразии и специфике, возможно, уникальности, личности, социального института, их деятельности, сформировавшемся общественном мнении. Отметим, что главное в проблеме имиджа – соответствие представлений социального субъекта (личности, фирмы) о самом себе, и реально сложившегося в обществе образа [1]. Главная проблема создания имиджа состоит в том, чтобы понять каким хочет быть индивид для достижения определенных целей, и каким видит его аудитория. В этом и заключается актуальность рассматриваемой проблемы. Важно соотношение самопонимания лидера и понимания адресата (в данном случае целевой аудитории).

Человек проживает разные социальные ситуации и выполняет различные социальные роли, тем самым он изменяет свое поведение, но сохраняет общий образ, который переходит из роли в роль, определяя характерную линию поведения, его особенности. И эти индивидуальные черты неповторимы и отражают в данном случае понимание лидера. В некоторых случаях, а особенно это касается руководителей крупных компаний, от индивида требуется соблюдение определенных норм поведения, и при этом не учитывается его собственное эмоциональное состояние. В этой ситуации человеку становится тяжело работать и возникает определенный «диссонанс личности». Часто на публичных выступлениях мы наблюдаем человека с определенным амплуа, чье представление о себе идет вразрез с внешним обликом. Если руководитель предприятия – женщина, то понимание своего образа чаще всего выражается в эмоциональной оставляющей. Выступая на публике, позиционируя себя как строгий, грамотный лидер-руководитель, (ни в чем не уступающий

руководителю мужского пола), в то же время, высказывая негативные стороны работы сотрудников предприятия, ведет свою речь на повышенных тонах, а порой и на возражения коллег «выходит из себя». Здесь мы видим явное несоответствие внешнего имиджа (строгий костюм, манеры делового общения и т.п.) и внутреннего образа (домохозяйки, несдержанно выражающей свои недовольства, не соблюдая нормы делового поведения). Таким образом, лидер имеет некий внутренний конфликт: несоответствие понимания своего внутреннего образа и образа, видимого аудиторией. Человек может избавиться от внутреннего конфликта ценой ухудшения, а порой и разрушения отношений с окружающими, или сохранять отношения с окружающими ценой наличия, а в дальнейшем углубления внутреннего конфликта. Таким образом, мы наблюдаем дилемму, которая часто встает перед топ-менеджером: обеспечение социальных контактов за счет наличия внутренних конфликтов (саморазрушения) или обеспечение внутренней гармонии за счет разрушения социальных контактов.

Если имидж формируется только в результате стремления соответствовать ожиданиям окружающих, как реакция на эти ожидания, то такой имидж можно назвать «реактивным» имиджем [2, с. 9]. Он фактически навязывается индивиду и не отражает собственные эмоциональные состояния человека в целом. Получается, что личность, выступающая в роли формального лидера организации, адаптируется к данному обществу, тем самым изменяет самопонимание в соответствии со сложившейся ситуацией. В подобном случае имидж требует постоянного самоконтроля при «подстройки» под аудиторию. Вследствие чего возникает внутренний диссонанс. Реактивный имидж приводит к глубоким внутриличностным конфликтам. Реализовывая «вынужденное» поведение, соответствующее ожиданиям окружающих, человек получает социальное подкрепление, однако это не приносит удовлетворения, поскольку собственное отношение, собственные эмоциональные состояния остаются невыраженными. Однако причина этого дискомфорта не осознается. Как правило, люди, у которых формируется имидж такого типа, отрезаны от своих чувств, у них формируется «диссонансное самопонимание». С одной стороны человек ассоциирует себя с доброй домохозяйкой, а с другой стороны позиционирует себя как строгий руководитель. При этом накапливается неудовлетворенность, напряженность, глубинная агрессия, которая проецируется на окружающих.

Если же при формировании имиджа учитываются не только ожидания окружающих, но и собственные ожидания человека по отношению к самому себе, если имидж позволяет человеку реализовать свои чувства, свои эмоции – то такой имидж можно назвать «активным имиджем». Он выполняет функцию самоопределения [3, с. 11]. Для человека с активным имиджем поведение в роли лидера воспринимается нормально и естественно. Знание методик управления позволяет ему чувствовать себя уверенно, прогнозировать ситуацию, владеть ситуацией. При этом, осознавая свои эмоции, они могут осознанно предъявлять себя окружающим через построение своего имиджа руководителя.

Поведение, переживания и фантазии рассматриваются не в их отношении к стоящей за ними объективной реальности, а как проявления именно данного субъекта, «способ его бытия». Однако такая интерпретация понимания вполне соответствует принципам философской герменевтики, согласно которой опыт, накопленный одним человеком, не может служить предпосылкой для познавательной деятельности другого [4, с. 318].

Стремиться именно быть, а не только казаться – важная составляющая формирования имиджа. Имидж, который человек сам создает, либо помогает ему развить и укрепить успех в межличностных отношениях либо тормозит его в этом развитии. Поэтому следует приложить максимум усилий, чтобы он не был спонтанным и случайным, а был осознанным, продуманным и непременно совпадал с пониманием субъекта самого себя. Можно умело создать свой имидж для того, чтобы добиться положения в обществе, выигрышно продемонстрировать на работе свои деловые качества, изменить личную жизнь, создать семью. Имидж — это искусство управлять впечатлением (Э. Гоффман) [5, с. 73]. Это, прежде всего, не внешний вид, манеры, стиль, это всегда единство внешнего и внутреннего. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности. Индивидуальная специфика понимания вносит весьма существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира. Имидж и человек меняется соответственно с происходящими событиями и растет как в своих глазах, так и окружающих. Он понимает ситуацию по-своему и накладывает свой определенный эмоциональный отпечаток, что впоследствии проецируется на коллектив, которым он руководит (если это «активный» имидж), на методику управления. В случае, когда личность не хочет принимать определенные ситуации, и все происходящее противоречит его ценностям, отсутствует

понимание, но ему приходится создавать имидж принимающего данное положение дел. Здесь можно предвидеть две ситуации: руководитель может принять изменившуюся ситуацию и тем самым поменять свое понимание, переосмыслить свои постулаты или он может дальше идти в диссонансе со своим пониманием, страдая внутренне и тормозя как свое развитие, в том числе профессиональное, так и компании, в которой он работает. Для человека очень важно адекватное самопонимание, выражающееся в гармоничных отношениях с самим собой и окружающими, отсутствии внутренней напряженности, адекватной оценке своих мотивов и возможностей [6, с. 283].

Имидж, который видит аудитория – это внешнее проявление личности. Человек может быть обычным специалистом, а вести себя как начальник, то есть идентифицировать себя на социально-профессиональном уровне намного выше занимаемой должности. Мы видим это в тех случаях, когда люди предпочитают иметь дело с теми, кто оценивает их так же, как они сами себя. Например, директор предприятия и его заместители общаются в одном кругу: они ассоциируют себя с более высоким статусом и видят друг в друге лидера в той или иной области. Это помогает подтверждению «правильности» самопонимания и идентичности. Отметим, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопонимания. Если личность видит себя в определенном свете, то предпочитает выбирать знакомых, которые видят его так же. При положительном взгляде на себя человек ищет партнеров, которые подтверждают его представление о себе. Общение с теми, кто оценивает индивида примерно так, как он сам, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и возникает чувство контроля над его окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданию и ощущению несчастья («реактивный» имидж). Это можно отнести не только к отношениям на работе. Так в ценностном аспекте, который может меняться на протяжении жизни несколько раз. Руководитель, имеющий определенное семейное положение – женат или замужем, внушает большее доверие у коллег и партнеров. Самопонимание личности идет на другом уровне: состоявшейся личности не только в профессиональном плане, но и в семейном. Такие люди вызывают доверие и внушают уверенность. Именно «активный» имидж используется здесь чаще: руководитель-мужчина – на работе строгий директор, умеющий держать все под контролем, принимающий верные и порой хладнокровные решения, аналогично действует он и дома в семье. Черты руководителя наиболее присущи мужчинам, поэтому у них чаще всего самопонимание и созданный имидж соответствует. Обратим внимание, что большинство директоров предприятия – это мужчины. Так как именно жизненные ценности женщины, ее качества не всегда сходятся с соответствующем образом. Она, прежде всего, хранитель очага и мать с мягкими чертами характера, ей не свойственна мужская суровость. При управлении женщиной большим предприятием у нее чаще всего «реактивный» имидж или она по своим волевым чертам характера больше склонна к мужскому типу поведения. Очень сложно быть на работе волевым руководителем и дома проявлять нежные материнские чувства. В большинстве таких случаев мы видим, что женщина-директор оставляет свой пост и уходит в семью. Так как постоянный внутренний диссонанс приводит к тяжелому внутреннему состоянию.

«Реактивный» имидж можно рассматривать не только со стороны каких-либо внутренних качеств, которые приводят в несоответствие самопонимания и образа, воспринимающего окружающими, а также со стороны бытийной основы. Порой определенное событие может ввести индивида в состояние, которое не будет соответствовать его изначальному самопониманию. Например, сотрудник предприятия был специалистом (член определенного сообщества), а потом стал начальником отдела – ситуация изменилась. Прежние внутрикорпоративные связи нарушены и, следовательно, самопонимание личности меняется в соответствии с событийно-бытийным состоянием. В данном случае под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом, и будет существовать в будущем [7]. Несмотря на такой всеобъемлющий характер бытия в его основе лежит два ключевых момента: до и после. Такое различение принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. С.Л. Рубинштейн показывает: с появлением человека, возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства [8, с. 34]. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Так и со специалистом после получения должности начальника, своего рода развития на профессиональном уровне мир относительно него меняется и отношение окружающих соответственно. Следовательно, у индивида реконструируется его понимание себя и ситуации. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит, следовательно, найти выход. Руководитель пред-

приятия в кризисном состоянии обращается к себе, идентифицирует себя в данном событии через свои истоки, изначальное понимание себя. Вместе с тем углубление в себя одновременно означает постепенное удаление от ясных и логичных схем рассуждений. В результате мы имеем новые рассуждения, новые выходы из определенной ситуации. Самопонимание всегда основано на таком рефлексивном анализе своего опыта, который в результате умственных операций и действий приводит к переосмыслению, и преобразованию внутреннего мира субъекта (в данном случае публичной личности). В таком случае «реактивный» имидж (который ранее вызывал непонимание, определенное несоответствие) плавно может перейти в «активный», то есть индивид меняет свое понимание согласно произошедшим событиям и формирует уже иной образ в соответствии с иным мировосприятием.

Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие. Понимание представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия в мире. В наши дни такая методологическая позиция приобрела устойчивые очертания. Сегодня многие ученые-гуманитарии пришли к выводу о том, что понимание всегда одновременно является и самопониманием [9]. Независимо от того, на что направлено понимание: изучение человека, общества или природы, – это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой. Об этом очень точно сказал Ж.П. Сартр: «Понять – значит измениться, превзойти самого себя...» [10]. Самопонимание руководителя во многом выражается в его отношении к коллективу. Скажем, манера говорить со всеми на «ты». Использование профессионального сленга, принятого в компании, или полный отказ от него. Привычка спрашивать у подчиненных о здоровье и школьных успехах их детей. Все это лишь характеризует руководителя, как личность и понимание себя в окружении своего коллектива. Исходя из этого, мы понимаем, какие личные характеристики начальника призваны занять достойное место в его имидже, а какие нужно будет по возможности максимально смягчить. Оценка правильности-неправильности осуществляется путем соотнесения знания не с критериями истинности, а с ценностями, принимаемыми и отвергаемыми в данной группе. Иначе говоря, ценностно-нормативная регуляция основана на согласованности мнений членов группы (в данном случае коллектива).

Имидж руководителя должен быть отражением его внутренней сути и должен базироваться на ней, он подкрепляется реальными делами и поступками. «Игра» будет быстро распознана окружающими. Люди, уверенные в себе, которые преуспевают в жизни, имеют для этого основания. Они обычно опираются на свои сильные стороны и спокойно принимают слабые. Создавая «активный» имидж, необходимо стремиться не столько к воплощению некоего идеала, сколько к созданию своей индивидуальности, как внутренней, так и внешней. А зачастую бывает непросто выразить свою индивидуальность и сохранить гармонию «внешнего» понимания (восприятие аудиторией) и «внутреннего» (самопонимание). Проявиться индивидуальности человека мешают принятые им шаблоны, стереотипы, правила, стандарты: то, чему следует большинство людей, что они боятся нарушить, а также чем всегда руководствуются. Когда человек начинает руководствоваться чужими правилами и стандартами, он перестает воспринимать себя, уходит самопонимание, самовосприятие и появляются другие ориентиры, направления другой, чужой жизни, которые нарушают гармонию и восприятие себя, прислушиваться к своему внутреннему голосу. Поэтому ему бывает трудно создать такой свой образ, который был бы близким и правильным для него. Отметим, когда ожидания – как чужие, так и свои собственные – осознаны, это помогает более сознательно и целенаправленно строить свой имидж. Следовательно, если роль представляет собой социальную функцию личности с соответствующими ей нормами поведения, то имидж – это не просто индивидуально окрашенное исполнение роли, он намного глубже. Он связан с такой личностнообразующей структурой как самопониманием. Имидж позволяет человеку реализовать свое понимание через выполнение социальных ролей. Согласованность имиджа с самопониманием («активный» имидж) или рассогласованность («реактивный» имидж) представлены человеку через эмоцию, как эмоциональное переживание. Осознание своих собственных эмоций способствует более глубокому и адекватному самопониманию, а понимание эмоций других людей помогает более точно понимать и прогнозировать их поведение. Таким образом, самопонимание является некой «дверью», открытие которой позволяет человеку полнее осознать свой имидж, а при необходимости и скорректировать его. Следовательно, верное самопонимание позволяет создать желаемый имидж руководителя и стать частью репутации компании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Тульчинский Г.Л.* Феноменология имиджа и метафизика идентичности. URL: http://hpsy.ru (дата обращения 24.02.2013).
2. *Соколов Б.* Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. СПб., 1995.
3. Там же.
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988.
5. *Ковальчук А.С.* Основы имиджелогии и делового общения: учеб. пособие для высших учебных заведений. Ростов-н/Д, 2003.
6. *Тучина О.Р.* Самопонимание субъекта в контексте психологии человеческого бытия // Специальные и междисциплинарные исследования современной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012.
7. *Знаков В.В.* Понимание субъектом мира как проблема. Психология человеческого бытия. URL: http://rubinstein-society.ru (дата обращения 27.01.2013).
8. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
9. *Яковлева Е.Л.* Имидж и социальные роли // Политический маркетинг. 2004. № 7.
10. Там же.

УДК 130.2

Лазинин Игорь Викторович

соискатель кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета
editor@hist-edu.ru

Lazinin Igor Victorovich

Postgraduate Student of the Department of Social Philosophy and Ethnology, North Caucasian Federal University
editor@hist-edu.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ

CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE PROBLEM OF MODERNIZATION

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы цивилизационного статуса России в контексте процессов модернизации. Делается вывод о том, что Россия развивается в русле общеевропейской традиции.

Several aspects of the issue concerning Russia's civilization status in the context of modernization processes is considered in the paper. The conclusion is drawn that Russia has been developing within the framework of the European tradition.

Ключевые слова: **цивилизация, модернизация, традиционализм, «вотчинное» правление, социальная структура, социальный субъект.**

Key words: **civilization, modernization, traditionalism, patrimonial rule, social structure, social subject.**

Среди специалистов в области культурной компаративистики едва ли не общепризнано, что рассмотрение проблемы взаимоотношений России и Запада как социокультурных систем в генетическом контексте составляет один из важнейших и наиболее интересных аспектов сравнительного изучения цивилизаций. Совершенно очевидно, что ее положительное решение (то есть признание России органической частью Запада) позволило бы уже на генетической основе объяснить происхождение сходств в культурных паттернах и традициях российского и западных обществ, получающих в настоящее время толкование в рамках стадиальной схемы макроистории и концепции контактных взаимодействий. Естественно, что реализация подобного исследовательского проекта привела бы к переформулировке целого ряда задач анализа тенденций динамики исторического процесса, и, таким образом, фундаментально изменила бы сам характер проблематики цивилизационной теории как отрасли философской науки.

В XIX – XX вв. о проблеме самоопределения России в системе координат «Запад – Восток» было написано огромное количество работ. Едва ли можно найти какую-либо другую тему, которая привлекала бы к себе такое же внимание российского интеллектуального сообщества, как эта. О принципиальных, качественных социокультурных сходствах или различиях между Россией и Западом писали историки, политологи, правоведы, этнологи, этнографы, культурологи, представители многих других дисциплин. Решающее слово в освещении этого вопроса принадлежало и принадлежит специалистам в области социальной философии, поскольку важнейшим показателем цивилизационной принадлежности общества является специфика его социально-стратификационной структуры. К настоящему времени исследовательской традицией выработаны методы, которые позволяют подойти к освещению вопроса о месте России в европейском содружестве народов с научной точки зрения.

Несмотря на то обстоятельство, что интуитивное мнение о принадлежности России, исторически и культурно, к европейскому союзу наций было сформулировано еще на раннем этапе становления цивилизационного подхода [1, с. 416], трудно признать, что в последующий период оно достигло сколько-нибудь заметного успеха. Вплоть до настоящего времени, в соответствии со сложившейся исследовательской традицией, Россия продолжает в значительной степени восприниматься не только как государство со своей историей, но и как отдельная, отличная от европейской цивилизация. В настоящий момент отправным пунктом размышлений о России как цивилизации принято считать патерналистскую природу российского государства: естественной формой бытия сферы социально-политического здесь, как предполагается, выступают перманентно актуальные административно-распределительные структуры [2, с. 37–48; 3, с. 138–144; 4, с. 57]. В рамках цивилизационной парадигмы утвердилось несколько основных гипотез относительно статуса России как культурно-исторической общности, связанных, главным образом, с интерпретациями религиозно-этатистского характера. При этом дискуссия обычно ведется не вокруг самого вопроса о том, принадлежит ли Россия к европейскому цивилизационному сообществу или нет. Дискутируется лишь вопрос о генезисе неевропейских по своей сути цивилизационных структур, сложивших-

ся в России. Из совокупности воззрений подобного рода можно упомянуть (не претендуя на исчерпывающую полноту) следующие наиболее характерные. По мнению К. Маркса Россия как культурно-историческая общность политически выкристаллизовалась в составе Золотой Орды и именно монгольскому периоду своей истории обязана деспотическим характером государственности [5, p. 121]. В трудах А. Тойнби оформилось представление о России как о цивилизации, продолжающей политические традиции Византии, цивилизации, интегрированной на основе доминирования православной веры и максимальной концентрации власти [6, с. 507–510]. В подобный же контекст помещает, по сути дела, рассуждения о России один из наиболее ярких представителей современного цивилизационного подхода С. Хантингтон [7, с. 54]. Наконец, согласно американскому историку Р. Пайпсу, на протяжении большей части истории в России преобладала так называемая «вотчинная» система правления, в рамках которой политическая власть мыслилась как продолжение права собственности, а правитель являлся одновременно сувереном государства и его владельцем [8, с. 211].

Итак, суждения отечественных и зарубежных исследователей о специфике России как цивилизации неоднозначны. Вместе с тем четко обозначилось исследовательское направление, цивилизационно и культурно противопоставляющее Россию обществам Западной Европы. Оно отображает как общетеоретические представления ученых о России, так и их идеологические взгляды.

Философская проблематика цивилизационного самосознания и цивилизационного подхода, а также проблематика соотношения западного и восточного типов государства, идей восточного деспотизма и «вотчинного правления» (в различных дискурсивных аранжировках) в работах западных авторов оказали огромное влияние не только на содержание и понятийный аппарат отечественной исследовательской традиции, но и на формирование конкретных концепций России как цивилизации в ее рамках. Общими теоретическими позициями как западных, так и отечественных исследовательских проектов, направленных на описание природы российской цивилизации, являются: 1) интерес к проблеме наличия/отсутствия частной собственности и гражданского общества, традиционно ассоциирующейся с дихотомией Запад–Восток, в особенности, акцентирование имперских, патерналистских, сакральных параметров российской государственности; 2) концептуализация российского опыта социальности в традиционалистских терминах, то есть как опыта «общинности», «коллективизма» или «соборности», избегающая сколько-нибудь близких к либеральной теории цивилизации трактовок. При этом дискурсивные ориентации отечественных авторов могут быть направлены – в противовес деспотологическим штудиям – и на реабилитацию патерналистских и коллективистских форм общежития как выражающих духовную свободу человека, его экзистенциальную ментальность. Скажем, достаточно парадоксальным выглядит тот факт, что взгляды К. Маркса и К. Виттфогеля на генезис российской государственности во многом совпадают со взглядами евразийцев. «В исторической перспективе, – полагал Н.С. Трубецкой, – то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [9, с. 213]. При этом, транслируя по сути дела постулаты теории восточного деспотизма, евразийцы пытались отстаивать представление о самобытном, не западном и не восточном, пути России – проект, по меньшей мере, противоречивый.

В целом мнения отечественных и зарубежных исследователей о России как цивилизации разнообразны и весьма противоречивы, что обусловлено различием школ, направлений, концепций, в рамках которых представляют политическое, социальное и культурное устройство российского общества. Вместе с тем нельзя не заметить, что очень немногие выводы относительно традиционалистского характера российского государства подкрепляются специально проработанным фактическим материалом. Чаще подобные высказывания постулируются общими посылками или устоявшимися клише и слабо аргументируются.

В то же время, опираясь на отдельные изолированные наблюдения, основанные, однако, на реальных фактах, многие исследователи отмечали близость исторических судеб России и европейских государств. Причем имеющиеся культурные сходства в значительной своей части касаются наиболее важных сторон материальной и духовной жизни русского народа – религии, языка, форм хозяйственной деятельности. Исследование данных о России как культурном и политическом сообществе неразрывно связано с целым рядом кардинальных проблем развития западного общества, в частности, с вопросами его хозяйственно-экономического уклада и социально-политической структуры, развития религиозных представлений и т. д. В литературе достаточно распространенным является мнение о том, что исторически по крайней мере с XVIII в. Европа, Запад были Значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская/российская идентичность [10, с. 8]. Действительно, сколь бы не велика была специфика российской системы социокультурных координат, «Россию трудно представить в качестве совершен-

но особой, во всем отличной от Запада цивилизации. Ведь в сознании россиян постоянно жила тема не только их особости и самобытности, но и их отсталости, недостаточной развитости по сравнению с Западом. Эта западническая тема является центральной в истории русской общественной мысли. Она вообще не могла бы возникнуть, не будь Россия в чем-то уже страной европейского типа, находись она целиком за пределами западного мира. Чтобы сравнивать себя с Европой, даже в пользу последней, надо в каком-то смысле уже быть Европой, ощущать свою близость с ней. Многие страны внеевропейского региона, также переживающие процесс модернизации, не испытывают по отношению к ней чувства исторической неполноценности. В этих странах трудно обнаружить нечто подобное тому, что у нас называлось западничеством. Наши же западники (а к ним тяготеет большая часть интеллигенции) воспринимают Россию в качестве даже не соседа, а родственника Европы, хотя и бедного, задержавшегося в своем развитии» [11, с. 50–51].

Близость российского и западного цивилизационных маршрутов проявляется, прежде всего, в процессах модернизации социальной структуры. Особенностью цивилизационного развития стран Западной Европы выступает разрушение в Новое время традиционалистской организации, закреплявшей правовое неравенство субъектов и определявшей конфессионально-сословное членение общества. На смену обществу политически фрагментированному, обществу, в котором политическим субъектом выступал коллектив (общинный, религиозный, родовой) пришло общество политически унифицированное, индивидуалистическое, состоящее из равных по отношению к единой норме граждан. Сходную метаморфозу претерпела в XX в. и Россия. Модернизационные реформы, сначала столыпинские, затем советские, привели к падению общины, развалу сословного строя, к правовой нивелировке конфессиональных различий. Современное российское общество является социально гомогенным и атомизированным. В нем невозможно обнаружить и следа прежних коллективных субъектов и коллективных идентичностей. С другой стороны, институты частной собственности и демократии остаются в России достаточно хрупкими и шаткими.

Анализ современных тенденций изменения в мире часто концентрируется на изменении в политической и экономической сфере. Не отрицая важности подобных изменений, следует отметить, что их нельзя абсолютизировать и выделять из общего комплекса взаимодействующих факторов, оказывающих совокупное воздействие на характер процессов модернизации. Также необходимо учитывать эмерджентные свойства и устойчивость самих цивилизационных систем. Инерция затухающего социокультурного тренда способна скрыть нарастающее в системе внутреннее напряжение между продолжающими действовать в привычном режиме официальными властными корпорациями и трансформирующимися глубинными социальными структурами. В связи с этим сложно признать вполне адекватными реальности теории «вотчинного» режима правления, подданства-министериалитета, персонифицированной власти, авторы которых при разработке типологии цивилизаций и выявлении основных векторов социокультурной эволюции ориентируются на анализ экономических отношений и институтов (частная собственность/государственная собственность), и вытекающих из них форм господства и подчинения (вассалитет/подданство). Параметры организации и функционирования общественного производства, в том числе относящиеся к роли государства в экономической жизни общества, несомненно, оказывают влияние на формирование социальных структур, но усмотреть за этим какую-либо более глобальную закономерность макроисторического, цивилизационного порядка затруднительно. Кроме того, условием эффективной работы административно-распределительных механизмов выступает наличие крупномасштабных самовоспроизводящихся социальных акторов типа общинных или религиозных коллективов, между которыми государство и распределяет получаемый обществом прибавочный продукт. В Советском Союзе не оказалось институтов, способных поддерживать стабильное функционирование административно-распределительных связей, что послужило одной из причин краха советского проекта. Нет или почти нет подобных институтов и в современном российском обществе. Проблемой, особенно для Юга России, остается феномен политизации этничности, приведший к укреплению и укрупнению этнических кланов, активно встраивающихся в бюрократизированную экономику и размножающих «раздаточные» схемы. Проблема эта, однако, осознается и властями, и научным сообществом, предлагающим различные пути выхода из создавшейся кризисной ситуации [12, с. 54, 59].

И в социо- и культурогенезе, и в том, что касается формирования идентичности сходства между Россией и Западом имеют два лежащих на поверхности, очевидных источника – 1) промышленный переворот Нового времени, обозначивший вступление стран Западной Европы в индустриальную фазу развития и 2) структурированность России как социокультурного пространства, пронизанного европейскими инфлюациями, необходимым образом включающего в себя экзогенные, привнесенные с Запада элементы. Изначальная системность межкультурных коммуникаций

русского народа с народами Запада не могла не оказать воздействия на устройство российской государственности, которая, складываясь по соседству и в контакте с Европой как центром мировой цивилизации, просто вынуждена была соответствовать условиям места и времени. В Новое время в Россию приходит современная индустриальная цивилизация, с чего начинается трудный и медленный процесс модернизационной трансформации российского общества. Как пишет А.Л. Юрганов, для России «путь от Средневековья к Новому времени – это путь не только к петровским реформам, но и к современной цивилизации. Новое время – "наше время", потому что, несмотря на культурно-исторические особенности отдельных периодов истории России, петровского или екатерининского, великих реформ или контрреформ, всюду просматривается единство генетическое. Великое разнообразие исторических эпох удерживается в границах одного и того же некогда рожденного мира новоевропейской культуры» [13, с. 325]. В то же время гигантский масштаб перемен позволяет отвергать предположения о целиком заимствованном характере новаций, о только лишь усвоении инородных культурных форм. Преобразование социальной структуры российского общества, связанное с распадом коллективных субъектов и атомизацией социума, несомненно, отражает внутренние закономерности эволюции России как цивилизации, проходящей стадии общеевропейского пути.

Таким образом, модернистская волна, вовлекшая российское общество в процессы индустриалистских преобразований, позволяет говорить о том, что Россия имеет цивилизационный статус, приближающий ее к кругу европейских социальных и культурных систем. Некоторые европейские черты России: высокая культура XIX–нач. XX вв., советская индустриализация и урбанизация, ориентированность общественной идеологии на стандарты научной рациональности, а не на религиозные мифологемы и, в первую очередь, отсутствие жесткой политической дифференциации, сохраняющиеся возможности вертикальной мобильности, могут объясняться и на генетической основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955.
2. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
3. *Васильев Л.С.* Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М., 2011.
4. *Кирдина С.Г.* X и Y экономики. Институциональный анализ. Политика, идеология, экономика. М., 2004.
5. *Marx K.* Secret Diplomatic History of the XVIII Century. London, 1969.
6. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 2008.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2011.
8. *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2008.
9. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
10. *Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009.
11. *Межуев В.М.* Россия как культурная альтернатива современной цивилизации // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию профессора М.П. Мчедлова. М., 1998.
12. *Авксентьев В.А., Васильченко В.А.* Проблемы федерализма в контексте этнополитического процесса на Юге России: политико-правовой аспект // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4.
13. *Юрганов А.Л.* Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006.

УДК 1:124.5;130.3

Южанинова Екатерина Рафаэлевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Yuzhaninova Ekaterina Rafaelevna

PhD Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Orenburg State University
editor@hist-edu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ СВОБОДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

THE IMPLEMENTATION OF THE VALUE OF FREEDOM IN THE INTERNET SPACE

Свобода – одна из важнейших ценностей индивида, определяющая его сущность и существование. Свобода в интернете позволяет осуществлять выбор на разных стадиях вхождения и освоения виртуального мира, определиться с ценностями, осознанно искать подходящий для себя путь. Негативная свобода оборачивается негуманным, аморальным поведением в интернете; позитивная свобода, использующаяся для реализации потенциала, является проявлением субъектности как способности к совершенствованию себя и мира.

Ключевые слова: **свобода, интернет, ценность, негативная свобода, позитивная свобода.**

Freedom is one of the most important values of the individual that determines the individual's essence and existence. Freedom of the Internet enables us to make our choices at various stages of the development and implementation of the virtual world, to determine values and to look consciously for a suitable path. Negative freedom results in inhumane, immoral behavior on the Internet; positive freedom, which is used to realize the potential of subjectivity and appears as a manifestation of the ability to improve ourselves and the world.

Key words: **freedom, Internet, value, negative freedom, positive freedom.**

Свобода – многоуровневый и сложный феномен человеческой жизни, включающий в себя независимость от природных капризов и произвола окружающих, и свободу творчества и самореализации личности. Для некоторых свобода – нечто самопонятное примитивное «делаю, что хочу». Но на самом деле проблема свободы – одна из сложнейших в науке.

Данная категория характеризует сущность человека и его существование, это возможность человека мыслить и действовать не вследствие принуждения, а по собственным представлениям о должном и желаемом. Некоторые под свободой подразумевают творческую, личностную силу, дающую простор для самовыражения личности. Общественное бытие непрерывно меняется, вследствие чего появляются новые права и свободы, новые возможности для реализации этой основополагающей для человека ценности. В начале третьего тысячелетия интернет стал не только быстро распространяться по всем континентам и странам, обретая статус массового явления, но и оказывать огромное влияние на реальный мир. В связи с этим необходима рефлексия последствий этого воздействия. В рамках данной статьи мы остановимся на бытийствовании ценности свободы в пространстве интернета, а также двух вариантах её воплощения – негативной («свобода от…») и позитивной («свобода для…»).

Чаще всего свобода рассматривается как основополагающая ценность, лежащая в основании самой идеи человека как биосоциального существа, способного к сознательному действию. Тем более идея свободы лежит в онтологических основаниях человека творческого. В сущности, проблема свободы включает в себя две основополагающие идеи: 1) идею возможности для самой личности выбирать, на каком из решений ей остановиться, и 2) идею о том, что личность должна положить в основу собственных поступков некие ценностные и этические принципы.

Ощущение свободы действия есть неотъемлемая часть нашего сознания. Это ощущение можно оспаривать, но оно все равно сохранится. Но суть дела в том, свободен ли человек в действительности? Человек должен уметь выбирать, это умение – следствие его субъектности, но поступать определенным образом ему не разрешают порой объективные обстоятельства. Трудность определения и понимания свободы состоит и в том, что это не предмет материального, вещного мира, свобода – это идея разума, выражающая определённый уровень мышления человека, погружённого в конкретную социальную среду. Чем больше человек пользуется своим разумом, способностями и самореализуется, самосовершенствуется, тем более значимым и универсальным становится для него это слово. Поэтому доказать реальность существования свободы человек может опираясь только на те установки, которые принял сам, а если человек несвободен, то и не может отвечать за свои поступки.

Интернет снимает очень многие социальные барьеры, в частности, личность может руководствоваться только собственным мнением и не апеллировать к авторитетам, не учитывать мнения большинства, игнорировать нормы морали, беспрепятственно выражать своё мнение, полнее реа-

лизовывать своё право на владение информацией. В конце концов, человек может игнорировать реакцию со стороны других пользователей сети на свои действия, если они ему неприятны. Исключение составляют случаи, когда нарушается закон или правила поведения на сайте, когда правоохранительные органы, владельцы сайта или системные операторы могут заблокировать действия нарушителя и устранить последствия его некорректного поведения. Таким образом, человеку нет нужды оглядываться на возможные запреты и предписания, он может думать, желать, отвергать так, как будто бы этих запретов нет.

В этом отношении виртуальное бытие человека на несколько порядков более свободно, чем его объективированная социально-предметная деятельность. Свобода в условиях тотальных перемен в обществе стала являться непременным условием большого количества новаций и вследствие этого обрела особое значение. Современный человек получил по сравнению с предыдущими эпохами беспрецедентную свободу. В условиях перехода к информационному обществу свобода обретает новый смысл и назначение. И наиболее ярким воплощением многих определений свободы на сегодняшний день является именно интернет.

Различают свободу как осознанную необходимость, свободу выбора и самореализации, гражданские свободы, свободу мысли, совести, слова, свободу вероисповедания, политические свободы, свободу деятельности, свободу исполнять свой долг, свободу жить согласно своему признанию. Характерно, что такое техно-социо-культурное явление как интернет является в чём-то уникальной средой, поскольку абсолютно все эти типы свобод могут в нём реализовываться.

Интернет стал рассматриваться не только как средство передачи информации, глобальное СМИ, но и как огромное пространство, в котором доминирующим принципом является свобода действий пользователей. Революционные изменения выводят свободу на новый уровень, не имеющий аналогов в мировой истории. Интернет расширяет возможности выбора, позволяя своим пользователям из огромнейшего массива информации выделять необходимую для каждого. При этом в сети зачастую отсутствует контроль за размещаемыми данными (нет никакого принуждения), а любой человек в праве по своей воле либо распространять на весь мир любую информацию, либо получать доступ к ней.

Свобода не может не предполагать равенство людей, и именно в интернете эта идея реализуется лучше всего: изначально все, имеющие доступ к всемирной компьютерной сети, равны и, лишь по-разному используя свой внутренний потенциал и свободу действий, обеспечиваемую сетью, приходят в результате своей деятельности к разным итогам.

Свобода как ценность, по мнению Д.С. Попова [1], более значима для представителей более опытного кластера пользователей. Этот феномен детерминирован функциональной организацией интернета, а именно гипертекстовой основой. Гипертекстовая основа сети предоставляет пользователю возможность конструирования собственной логики получения информации, т.е. формирует ориентацию на свободный поиск. Поэтому свобода и значима для представителей опытной группы пользователей как свобода доступа к сети, свобода поиска информации, свобода действий в цифровом мире. Нельзя забывать и о том, что свобода является ценностью и для создателей всемирной сети, и для её дальнейших разработчиков. Недаром Джоном Перри Барлоу была создана «Декларация независимости киберпространства», в которой постулируется: «Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами, ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас устрашить». И далее: «Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства» [2]. Эти слова наглядно подтверждают возможность свободы в интернете, и любой пользователь может убедиться в том, что эта ценность уже воплощена в киберпространстве.

Свобода, которой обладает пользователь интернета, позволяет ему осуществлять выбор на разных стадиях вхождения и освоения виртуального пространства сети, определиться с выбираемыми ценностями, осознанно искать наиболее продуктивный или приятный для себя путь. Безграничная свобода в интернете является следствием того, что интернет, как совокупность информационных ресурсов, неподконтролен какому-то конкретному лицу, государству или международной организации. Подобный принцип построения сети сложился исторически, хотя отдельные государства, международные организации или мировое сообщество в целом могут повлиять на изменение этой ситуации. Но в настоящее время наблюдается активность всевозможных неправительственных организаций, отстаивающих концепцию минимального вмешательства государства в функци-

онирование интернета. В мире их образовано большое количество и они непосредственно включены в процесс организации деятельности сети, а также выполняют выработку и проведение правовой политики по отношению к ней.

Рассмотрим виды свободы, которые можно одновременно рассматривать как её ступени; это «свобода от…» (многие называют её негативной свободой) и «свобода для…» (позитивная или положительная свобода). Первый вид предполагает освобождение от внешней зависимости. Становящаяся личность (особенно в подростковый период и время студенчества) всегда стремится заявить свою свободную волю в виде лозунга «что хочу, то и делаю». Как правило, это желание свободно реализовать свои намерения касается удовлетворения обыденно-житейских желаний, т.е. получения тех благ, к которым влечёт человека. Следование своим склонностям и банальным прихотям является воплощением пассивной жизненной установки, поскольку «делаю, что хочу» для большинства означает следование не просто витальным инстинктам (поесть-поспать), но и низменным сторонам души (свобода превращается в разнузданность половой жизни, алкоголизм, наркоманию).

Интернет для подростков и молодёжи имеет особую притягательность, поскольку даёт ощущение свободы, отсутствия контроля со стороны родителей, возможность играть в игры, которые вуалируются под стратегии, развивающие мышление, по сути же являются весьма жестокими, а иногда и просто тренажёрами для зомбирования. Сеть предоставляет множество возможностей общаться с теми, с кем в реальной жизни запрещено или неудобно, играть разные социальные роли, недоступные в действительности. Интернет предоставляет свободу в получении желаемого статуса, свободу оставлять скандальные комментарии, выбирать яркий и непохожий на другие ник, создания определённого имиджа, реальные основания которого в сети проверить невозможно. Использование этой формы свободы присуще хакерам и киберпанкам, которые самоутверждаются за счёт взлома баз данных без какой-либо корыстной цели.

В крайних случаях, если пользователь использует свободу в интернете как «свободу от …», то открывает для себя не только приятное, необременённое ничем времяпровождение, «ничегонеделанье», но и возможность осуществлять выбор, который не приветствуется обществом и близким социальным окружением (посещать порносайты, сайты, содержащие сцены насилия над животными и людьми, неонацистские материалы и т.д.), осуществлять действия, наказуемые в регулярной действительности (некорректно вести себя с другими пользователями сайтов и чатов, оскорблять их, резко высказываться по поводу власти, размещать материалы, нарушающие закон и т.д.), осуществлять негуманные действия, которые возможно совершить только в виртуальности сети и которые невозможны в обычной жизни (кибервандализм, троллинг и кибербуллинг). В интернете ситуация осложняется тем, что практически никто не может знать, между чем и чем ты выбираешь, а, соответственно, снимается страх осуждения со стороны других людей, страх наказания за свои поступки (правоохранительная система России только предпринимает первые попытки защитить права и свободы человека в сети), а поскольку нет сдерживающих барьеров, совершить безнравственный поступок намного легче.

Поэтому при таком варианте подлинная сущность человека почти никогда не обнаруживается, не раскрывается, и говорить о свободной реализации потенциала человека, естественно, не приходится. Поэтому свобода должна рассматриваться неотъемлемо от ответственности, в противном случае она превращается в анархию, когда все желаемое допустимо и достигается без коррекции действий нравственными регулятивами, в пренебрежении к действиям и жизням других людей.

Поэтому вторая ступень свободы – это «свобода для…» или «позитивная свобода», на наш взгляд, отличается от вышерассмотренной своей осознанностью, когда субъект руководствуется моралью, понимает что он делает и для чего, прогнозирует результаты своей деятельности, выстраивает перспективу. Соответственно, такая свобода возможна лишь для человека, имеющего внутренние морально-нравственные установки и желание развить свои сущностные силы, перевести их из потенциального состояния в актуальное. Для такого человека мораль и нравственность – не оковы, ограничивающие свободу, а естественные и необходимые условия, «сфера личного творчества» [3, с. 302].

В интернете данный вид свободы реализуется в виде возможностей получения дополнительного образования, прохождения курсов повешения квалификации, посещения виртуальных музеев и выставок, чтения и скачивания книг, музыки, театральных постановок, в виде возможности находить и конструктивно общаться с близкими по духу людьми, увеличивать свой доход, расширять кругозор, найти увлечение, хобби. Нередки случаи, когда общение в интернете перерастало в крепкие дружеские, деловые или любовные отношения в действительности. Использование

свободы для приобщения к источникам информации в интернете также для многих не составляет труда – в считанные секунды можно получить доступ любой информации, однако очень немногие могут по-настоящему эффективно искать узкоспециализированные источники. Необходимо упомянуть и свободу творчества – интернет заполняет большое количество сайтов, на которых можно научиться не только создавать персональные страницы, художественные произведения, петь, танцевать, снимать клипы и даже фильмы и т.п., но и представить результаты своего творчества, разместив фото и видео, устроив выставки.

По сути, свобода, использующаяся для реализации личностного потенциала, является проявлением субъектности как способности к совершенствованию себя и окружающего мира и разрешению противоречий между объективными и субъективными условиями существования. В поливалентности свободы самореализации в интернете выявляется и получает развитие богатая человеческая индивидуальность.

Таким образом, позитивная свобода в интернете подразумевает принятие системы моральных принципов жизни, без которых не может быть успешной самореализация личности, и если пользователь рассматривает свободу как «свободу для …», то им выбирается перспектива повышения уровня самоорганизации, самовыражения, самоопределения, т.е. более конструктивная и продуктивная линия поведения в сети. Но восхождению на эту ступень свободы препятствует неспособность и нежелание работать над собой, ограниченность и косность человека.

Существует свобода как условие духовной жизни и свобода как плод духовных усилий. Наверное, изначальная данность свободы в интернете является необходимым условием свободного проявления внутренней сути человека, а осознанное, корректное, гуманное использование её всегда является плодом усилий человека, поскольку виртуальность интернета создаёт столько соблазнов и иллюзий, что преодолеть их можно лишь определёнными осознанными усилиями.

Второй вариант возможен, лишь если внутри человека есть императивы морали и нравственности. Тогда свобода становится мотивированным личными ценностями исполнением морально должного. Поскольку субъект в интернете практически не ограничивается, постольку для человека морального создаются условия для более полной, адекватной реализации своего Я, более глубокого самовоплощения. Именно здесь наиболее рельефно раскрываются глубинные желания человека, его истинные намерения и цели, его имманентно-человеческая суть. Иначе говоря, в этом смысле человек реализуется как субъект, намного более порядков свободный, чем в своей реально-предметной жизнедеятельности.

Говоря о свободе в сети, не стоит акцентировать внимание только на том, что свободы в интернете количественно больше, чем регулярной реальности. «Свобода – это не качество деятельности, это глубинное, основополагающее качество человека вообще, фундамент его бытия, его созидания, его творчества» [4, с. 126]. Поэтому правомерно говорить о том, что благодаря интернету более широко воплощаются возможности духовной жизнедеятельности субъекта, реализуются глубинные основы личности, приверженность идее свободы. Но, с другой стороны, мера свободы – это мера человечности в человеке, т.е. способность свои индивидуальные интересы соотносить со свободой других людей, рассматривать Другого не как средство, а как цель саму по себе. Поэтому столь важно, чтобы человек отчетливо представлял ту меру свободы, которая не несет в себе заряд разрушения, зла и несправедливости. Во-вторых, необходимо отметить, что внутренняя свобода – это не скрытая, а реально явленная свобода в смысле освобождения человека внутри себя от оков собственных предубеждений, представлений и образов.

Таким образом, для интернета свобода стала общепризнанным стандартом, разделяемым всеми членами интернет-сообщества. Свобода как ценность обладает определённой силой притяжения, но и становится серьёзным испытанием для многих. Поэтому свобода – это не призыв, не субъективная жизненная настроенность и не всегда осознанный выбор, она может быть связана как со своеволием, так и с сознательным решением, с тончайшим моделированием человеческих поступков.

Свобода как жизненная ценность является стержнем жизни и может быть как естественным, врождённым свойством человека, так и его универсальной возможностью, возможностью быть, творить, действовать, совершенствоваться, так и возможностью бездействовать, разрушать, деградировать, т.е., свобода может быть как гуманным человеческим свойством, так и иррациональным, нигилистическим. Именно это двойственное начало свободы как особой ценности заложено в интернете.

Итак, можно говорить о том, что свобода является одной из важнейших ценностей индивида, определяющей его сущность и существование. Свобода в интернете позволяет человеку осуществлять выбор на разных стадиях вхождения и освоения виртуального пространства сети,

определиться с выбираемыми ценностями, осознанно искать наиболее подходящий для себя путь. Она позволяет индивиду созидать себя через разносторонние связи с миром и другими людьми, вступать в контакт не только с близкими по духу людьми, но и предшествующими и последующими поколениями, творить, проявляя свою индивидуальность. Быть по-настоящему свободным в интернете значит быть самим собой, творить, созидать себя, «живя при этом в пространстве морали» [5]. Поэтому закончим наши рассуждения словами: «Свободу нужно любить, по завету Бетховена, больше жизни. Но только через творчество, через служение ценностям высшим, чем свобода, свобода исполняет себя и предохраняет нас от легиона демонов рабства, прикрывающихся масками свободы» [6, с. 240].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Попов Д.С.* Молодые Интернет-пользователи: противоречие становления ценностей образа жизни: автореф. дис. ...канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008.
2. *Барлоу Д.П.* Декларация независимости киберпространства // URL: http://www.alumni.berkeley.edu/calmag/200603/barlow.asp (дата обращения 23.08.2013)
3. *Барулин В.С.* Социальная философия: учебник. М., 2002.
4. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение с социальную философию. М., 1992.
5. *Межуев В.* Свобода как ценность // Альтернативы. 2009. № 4. URL: http://www.alternativy.ru/ru/node/1153 (дата обращения 23.08.2013)
6. *Левицкий С.А.* Трагедия свободы // Избранные произведения. М., 2008.

Юридические науки

УДК 002 (470 + 571) «18/19»

Будеева Ольга Николаевна

аспирант кафедры истории, психологии и педагогики Уфимской государственной академии экономики и сервиса
editor@hist-edu.ru

Budeeva Olga Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of History, Psychology and Pedagogy of Ufa Sate Academy of Economics and Service
editor@hist-edu.ru

НОРМАТИВНО–ПРАВОВАЯ БАЗА ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK OF PROVINCIAL GOVERNMENT

Подробно рассмотрена нормативно-правовая база, разработанная правительством для губернаторов и губернского правления. Обращено внимание на то, что правительство Российской империи, постоянно расширяло круг полномочий губернаторов, тем самым пытаясь держать под контролем всю деятельность административно-территориальной единицы в одних руках.

Ключевые слова: **губернатор; губернское правление; канцелярия губернатора; Закон; Указ; Наказ; Положение; Манифест.**

The statutory and regulatory base worked out by the government for the governors and provincial government is thoroughly considered. The attention has been paid to the fact that the government of the Russian Empire was constantly expanding the capacity of governors thus trying to keep under the centralized control the whole range of activities performed by an administrative-territorial unit.

Key words: **governor, provincial government, governor's office, Law, Decree, Order, Provision, Manifesto.**

Важным условием управления государством является усовершенствование законодательной базы. В этом процессе наиболее значимыми становятся вопросы, регламентирующие государственную службу чиновников, наделение их широкими административными полномочиями и публично-правовыми функциями. В этом плане богатый опыт имеет дореволюционная система управления. Поэтому становится актуальным историческое исследование законодательной базы Российской империи, на основании которой действовали высшие органы государственной власти в губерниях, формировался штат губернского правления, регулировались взаимоотношений с подведомственными учреждениями.

Так, во властных структурах России решающую роль сыграло губернское правление, у истоков которого находился Петр Великий. Его цель заключалась в усовершенствовании органов местного управления, которые, нуждались в коренной реформе. В первую очередь Петр I стремился выстроить иерархию общих органов управления, таким образом, чтобы государство стало делиться на губернии, губернии – на провинции, провинции на уезды. В связи с этим Петр I своим Именным указом «Об учреждении Губерний и о расписании к ним городов» от 18 декабря 1708 г. «для всенародной пользы» [1] повелел разделить Российскую империю на 8 обширных административных округов, названных губерниями: Московская, Ингерманландская, Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская.

Так впервые появилось понятие губерния, означавшее высшую основную административно-территориальную единицу. Термины «губерния» и «губернатор» в России были заимствованы из лексикона Швеции (provinsen и guvernör). Причем понятие «губернатор» и «правитель» трактуются одинаково (guvernör). Эти термины латинского происхождения – provincia и præses, производные от греческого kybernētēs, что означало «кормчий» [2]. В российской дореволюционной литературе употреблялось польское понятие «Gubernator» (правитель) [3]. Он возглавлял губернию. Его помощником являлся вице-губернатор, занимающийся вопросами общего губернского управления.

В управлении государством не хватало управленческого органа, который бы самостоятельно «вершил» дела во время отсутствия императора. Для решения данного вопроса царем был подписан Именной Указ «Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо Разрядного приказа, и по два Комиссара из Губернии» [4] от 22 февраля 1711 г. о создании Правительствующего Сената (ПС).

С момента учреждения ПС губернское правление было поставлено под его верховный надзор, имеющий права сенаторских ревизий.

Одновременно с административными реформами разрабатывались нормативно-правовые нормы для губернатора и губернского правления.

12 сентября 1728 г., вышел «Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» [5] согласно которому в полномочия губернатора входило самостоятельное решение судебных и розыскных дел; руководство деятельности канцелярии в части распреде-

ления работы между «столами» и канцелярскими служителями. Губернатор обладал властью над провинциальными и городскими воеводами, а также всем купечеством. Он имел право не только контролировать деятельность воевод и штабных офицеров в сборе денег и рекрутов, но и назначать их на должность; по необходимости штрафовать воевод и офицеров за неисполнение дел. Результаты своей деятельности губернатор докладывал Сенату. Тем же указом на губернатора возлагались обязанности по борьбе с иностранным шпионажем, с раскольничеством и совращением в магометанство и в случае необходимости задерживал подозреваемых. Он обязывался предпринимать меры связанные с массовыми заболеваниями населения, с пожарами, чистотой на улицах и торговых рядах, за справедливой торговлей.

В реформах местного управления Екатерины II планировалось разделить власти на три основные ветви – законодательную, исполнительную и судебную. Первым этапом в реформе местного управления Екатериной II стало подписание правил, как добавление к прежним узаконениям «Наставление губернаторам» от 21 апреля 1764 г. [6] В обязанности губернатора входил контроль над всеми подведомственными губернскими учреждениями, такими как таможни, магистраты, пограничные комиссии, полиция, ямские правления. Императрица обязывала губернатора участвовать во всех государственных делах, и особое внимание обращала на антикоррупционную политику.

Важнейшим законодательным актом реформы местного управления, заложившим основы административно-территориального управления России на полуторовековой период имперского развития, стал документ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [7] от 7 ноября 1775 г. Целью данного закона являлась оптимизация и унификация губернии как административной единицы, а также начало разделения властей. Также губернатору вверялся надзор в области здравоохранения.

Принципиальное изменение в положении местных властей произошло при Александре I. Большое значение в укреплении губернаторской власти имела министерская реформа. Так, 8 сентября 1802 г. выходит Манифест «Об Учреждении Министерств» [8]. Согласно IV статье Манифеста было образовано Министерство внутренних дел. Теперь губернское правление в лице губернатора, становилось подведомственным учреждением Министерства внутренних дел и самого министра [9].

Создание министерства внутренних дел повлекло за собой реформу местной власти. Принимались меры для усиления власти губернского правления, штата канцелярии губернатора и губернского правления.

Согласно законодательству при губернаторе состояла канцелярия [10]. Штат канцелярии определялся именным Указом «О дозволении Начальникам Губерний определять на положения при них Правителей Канцелярии и Секретарей» от 21 апреля 1803 г. [11]. Губернатор имел право лично выбирать и назначать секретарей и чиновников не ниже восьмого класса для службы в канцелярии.

Решающую роль в совершенствовании законодательства о губернском правлении и должности губернатора стало издание, имеющее ценнейшее историко-юридическое значение – Полное собрание законов и Свод законов Российской империи под управлением Николая I [12].

К управлению в губерниях относился второй том Свода законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Первого, изданный в 1876 г. под названием «Общее губернское учреждение».

Разработанные при нем нормативно-правовые документы под названиями «Общий наказ губернаторам» и «Учреждение губернских правлений» определяли принципы местного управления вплоть до 1864 г. В Наказе подробно прописывался круг полномочий губернаторов, главными из которых являлись – попечение о благополучии жителей управляемого ими края и немедленным исполнением всех постановлений и требований [13].

Согласно Наказу состав губернского правления был усилен благодаря введению в штат должности Вице-губернатора [14].

Закон «О изменении некоторых статей Свода законов по прикосновенности их к Высочайше утвержденному Учреждению Губернского Правления»[15] от 2 января 1845 г. подтвердил значение губернского правления, как установления управляющего губернией именем Императорского Величества.

В пореформенный период правления Александра II власть губернаторов подвергалась коренным изменениям. Губернатор был председателем присутствий и комитетов, с помощью которых осуществлял контроль над пореформенными учреждениями.

В период отмены крепостного права вышло «Общее положение о крестьянах, вышедших из

крепостной зависимости» [16] от 19 февраля 1861 г. на основании которого образовалось губернское по крестьянским делам присутствие подведомственное учреждение губернского правления.

Однако полнота губернаторской власти спала после судебной реформы, трансформировалась в сторону ослабления. Судебная реформа окончательно устранила губернаторов от влияния на местные суды. Это было закреплено в законах: «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» [17], «Учреждение судебных установлений» [18], «Устав уголовного судопроизводства» «Устав гражданского судопроизводства» [19] от 20 ноября 1864 г.

С выходом Указа от 8 июня 1865 г. «Высочайше утвержденные временные Правила о преобразовании губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел в тридцати семи губерниях» [20] были преобразованы губернские учреждения.

Значительно расширился круг полномочий губернатора и губернского правления и в области здравоохранения. 1 марта 1866 г. вышел Именной указ «Устав о карантинах» [21]. В Указе на губернатора возлагался полный надзор за деятельностью и управлением карантинными учреждениями.

Власть губернатора получила значительное расширение благодаря законоположениям 1866 и 1876 гг. Согласно Положению Комитета Министров «О пространстве и пределах власти губернатора» от 22 июля 1866 г. [22] губернатор наделялся правом «внезапной ревизии всех учреждений губернии» [23] но не реже, чем раз в два года [24].

24 мая 1870 г. императором Александром II было подписано Положение «О женских гимназиях и прогимназиях» [25], согласно которому губернатор становится Почетным попечителем всех женских гимназий и прогимназий в губернии, призывался оказывать поддержку в финансировании учебных заведений за счет особых Комитетов из добровольцев [26].

В 1870 г. было издано положение «О городском общественном устройстве и хозяйстве» [27] от 16 июня, согласно которому попечение по городскому хозяйству и благоустройству предоставлялось городскому общественному управлению, а главный надзор за точным исполнением основных правил возлагался на губернатора.

Наравне с возлагаемыми полномочиями на должность губернатора правительство усиливало и контроль над деятельностью губернаторов, создав специальные ежегодные формы отчета для губернаторов. Так, Комитетом министров были разработаны специальные «формы или программы для составления губернаторских отчетов» [28] от 19 июля 1870 г. Данные формы или программы вошли в Свод законов 1876 г. под названием «Годовые отчеты; представления срочных сведений; ответственность» [29]. Согласно утвержденным формам, губернаторы предоставляли Комитету Министров в определенные сроки краткие и подробные отчеты о состоянии губернии.

Очередным этапом по усилению власти губернатора стала необходимость борьбы с общественным движением. 14 августа 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [30]. В соответствии с ним на местах могли вводиться Комитетом министров усиленная или чрезвычайная охрана сроком до трех лет. Губернатор мог закрывать собрания, различные заведения, подвергать штрафам. Беспокойная революционная ситуация в России вынуждала правительство еще более усиливать власть в губерниях. В этой связи вышел закон «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи» [31] от 3 мая 1903 г, на основании которого высшее заведывание полицейской стражей в губерниях принадлежало губернатору.

Итак, согласно реформам изучаемого периода правительством была разработана нормативно-правовая база для успешной работы государственных органов и службы чиновников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

ПСЗ – I. Т. 12. Ч. 4. 1708. № 2218.

1. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева.
2. Новый энциклопедический словарь большой Российской энциклопедии Ф. Брокгауза, И. Ефрона. М., 2004.
3. ПСЗ – I. Т. 4. 1711. № 2321.
4. ПСЗ – I. Т. 8. 1711. № 5333.
5. ПСЗ – I. Т. 16. 1711. № 12137.
6. ПСЗ – I. Т. 1. 1775. № 14392.
7. ПСЗ – I. Т. 27. 1802. № 20406
8. Министерство Внутренних Дел. Исторический очерк / Егермейстер Д.С. Сипягин. СПб., 1901.
9. Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Перваго. Свод Общих губернских учреждений. Т. 2. Ч. 1. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях. СПб., 1876.

10. ПСЗ – I. Т. 27. 1803. № 20719.
11. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002.
12. Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Перваго. Свод Общих губернских учреждений. Т. 2. Ч. 1. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях. СПб., 1876.
13. Там же
14. ПСЗ – I. Т. 20. Ч. 1. 1845. № 18581.
15. ПСЗ – II. Т. 39. Ч. 3. 1864. № 36657.
16. ПСЗ – II. Т. 39. Ч. 2. 1864. № 41473.
17. ПСЗ – II. Т. 39. Ч. 2. 1864. № 41475.
18. ПСЗ – II. Т. 39. Ч. 2. 1864. № 41476.
19. ПСЗ – II. Т. 39. Ч. 2. 1864. № 41477.
20. ПСЗ – II. Т. 40. Ч. 2. 1865. № 42180.
21. ПСЗ – II. Т. 41. Ч. 1. 1865. № 17743.
22. ПСЗ – II. Т. 41. Ч. 1. 1864. № 43501.
23. Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Перваго. Свод Общих губернских учреждений. Т. 2. Ч. 1. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях. СПб., 1876.
24. ПСЗ – II. Т. 45. Ч. 1. 1870. № 48406.
25. Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Перваго. Свод Общих губернских учреждений. Т. 2. Ч. 1. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях. СПб., 1876.
26. ПСЗ – II. Т. 45. Ч. 1. 1870. № 48498.
27. ПСЗ – II. Т. 45. Ч. 1. 1870. № 48502.
28. Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Перваго. Свод Общих губернских учреждений. Т. 2. Ч. 1. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях. СПб., 1876.
29. ПСЗ – III. Т. 1. 1881. № 350.
30. ПСЗ – III. Т. 23. Ч. 1. 1903. № 22906.

УДК 339.923(470)

Красильникова Татьяна Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института Волгоградского Государственного университета
editor@hist-edu.ru

Krasilnikova Tatiana Konstantinovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of History, Political and Legal Doctrines of the Volzhsky Institute of Humanities of Volgograd State University
editor@hist-edu.ru

ТОРГОВЫЕ ДОМА КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ В XIX – нач. XX вв.

В статье раскрывается корпоративная структура торговых домов, в роли которых в Российской империи выступали полные или коммандитные товарищества. Автор определяет сословный характер участников такого рода товариществ и акцентирует внимание на том, что в XIX веке торговые дома являлись одной из основных форм консолидации купеческих капиталов. На основе анализа положений действовавшего тогда в России Устава торгового и материалов судебной практики Сената описывается система регистрации торговых домов, отмечаются преимущества и ограничения, которые имели место в их организации и деятельности.

Ключевые слова: **торговый дом, торговое товарищество, гражданское товарищество, полное товарищество, коммандитное товарищество, юридическое лицо, явочный (регистрационный) порядок учреждения.**

MERCHANT VENTURES AS A FORM OF TRADING CORPORATIONS IN RUSSIA IN XIX – EARLY XX CENTURIES

This article studies the corporate structure of the merchant ventures, the role of which in the Russian Empire was assigned to general or limited partnerships. The author defines the class character of participants of such partnerships and focuses on the fact that merchant ventures of the XIXth century were one of the main forms of consolidation of merchant capital. Based on the analysis of the then provisions of the Charter of Trade and the Senate jurisprudence materials in Russia the author describes the registration system of merchant ventures, the advantages and limitations that have occurred in their organization and activities.

Key words: **merchant ventures, trading partnerships, civil partnerships, general partnerships, limited partnerships, legal entity, attendance (registration) order of establishment.**

В Российской империи до 1917 г. основной формой объединения купеческих капиталов являлись полные и коммандитные товарищества. Устав торговый называл эти товарищества «купеческими домами» или «торговыми домами» [1, с. 2].

Российское право о торговых домах не отличалось систематичностью и полнотой. Если торговое товарищество на основании ст. 2127 Законов гражданских могло и не принимать формы торгового дома, то торговый дом мог быть основан только для торгового, а не для фабричного предприятия.

О купеческих товариществах в Манифесте от 1 января 1807 г. Александра I «О дарованных купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» говорилось, что право участия в таких предприятиях имели лица, входившие в одну и ту же торговую гильдию и имевшие целью своей деятельности вести совместную торговлю путём создания торгового дома под общим именем [2]. Вкладчиками же могли выступать лица, и не являвшиеся купцами. Кроме того, товарищам запрещалось участвовать одновременно в нескольких торговых домах, так как «полный товарищ отвечал за долги торгового дома всем своим имуществом» [2].

В законодательстве Российской империи, как и в законодательстве большинства европейских государств, не содержалось определение понятия «юридического лица», и отдельные виды товариществ законом прямо не квалифицировались как юридические лица. В этом случае на помощь приходила судебная практика и теория. Так, в решениях Кассационного департамента Сената преобладал взгляд, на то, что полное товарищество – это юридическое лицо.

Законодатель в России дал достаточно скудное определение полного товарищества, понимая под ним объединение, состоящее «из двух или многих товарищей, положивших за едино торговать под общим названием всех» [3, с. 7]. Более подробное описание полного товарищества можно было встретить в цивилистической литературе. Под полным товариществом учёными-юристами понималось «договорное объединение лиц», созданное с целью участия в торговом обороте «совместными средствами на началах неограниченной и солидарной ответственности всех участников». Эта солидарная ответственность была установлена, во-первых, в интересах третьих лиц, а никак не по отношению к взаимным расчётам товарищей друг с другом, и, во-вторых, не могла быть исключена соглашением товарищей.

Закон не вводил определённые правила в отношения товарищей между собой, а также то-

варищества к посторонним лицам, а предоставлял их регулирование взаимному соглашению товарищей, требуя только, чтобы это соглашение не противоречило законам о договорах [3, с. 9]. Взаимные отношения товарищей должны были основываться главным образом на договоре, а нормы общего права и законодательные предписания имели для этих отношений лишь вспомогательное значение [1, с. 20].

Правила по организации торговых домов содержались в нескольких статьях Устава торгового. Так как по данному вопросу специальных законов не существовало, то важную роль играли решения Сената, которые не всегда соответствовали положениям действовавшего тогда законодательства [4, с. 3-6]. Так, в одном из своих решений Сенат признал возможность учреждения товарищества при единственном товарище, или при «неизвестном» вкладчике и тем самым санкционировал возможность злоупотребления в области торгового кредита, что противоречило ст. 63, 68, 71 Устава торгового, где говорилось об одном или многих товарищах и вкладчиках, либо об одном товарище и об одном вкладчике.

Главные отличия торгового товарищества от товарищества, организация и деятельность которого регламентировались гражданским законодательством, заключались в особом способе создания торгового дома. Договор товарищества должен быть занесён в нотариальные книги, промысловые документы. О создании торгового дома обязательно должно было быть сообщено в купеческую или городскую управу, которые не входили в рассмотрение вопроса о законности учреждения товарищества. На эти учреждения возлагалась лишь обязанность составлять соответствующие ведомости о торговых домах и по окончании каждого года представлять их в Департамент торговли и мануфактур [5, с. 9, 28].

Если товарищество имело своим предметом деятельность, освобождённую от промыслового обложения, согласно п. 16 ст. 371 Устава о промысловом налоге, оно признавалось не торговым, а гражданским товариществом. В этом случае от него не требовалось заявлять о себе в купеческой или городской управе. Такого рода товарищество не подчинялось условиям, установленным в Уставе торговом для торговых домов.

Тем самым, порядок регистрации торговых домов был излишне централизован, не действовал вне городской черты и носил исключительно сословный характер [6, с. 246].

Участники предприятия по своему усмотрению могли устанавливать меру участия в прибылях и убытках каждого товарища. Несмотря на то, что в статье 68 Устава торгового и было указано на то, что товарищи торгового дома отвечали за его долги вместе и порознь, всем своим имуществом, тем не менее, было очевидно, что закон подразумевал такую ответственность членов лишь в том случае, когда у самого торгового дома на покрытие его долгов не оказывалось достаточно имущества, а потому на удовлетворение требований кредиторов призывалось обратить личное имущество товарищей [7, с. 2360-2363]. Если доля участия каждого товарища была равной, долг по обязательствам товарищества разделялся на столько равных частей, сколько было всех товарищей в товариществе. Но, как правило, доли участия товарищей были неравными, и долг товарищества в этом случае следовало распределять между товарищами соразмерно доли участия каждого из них.

Другой организационно-правовой формой торгового товарищества выступало коммандитное товарищество (товарищество на вере), где наряду с полными товарищами имелись вкладчики, которые не участвовали в управлении делами товарищества и по его обязательствам несли ответственность только суммой внесённого ими вклада. Как и в полном товариществе, товарищи в коммандитном товариществе были обязаны брать купеческие свидетельства, но вкладчики не обязаны были этого делать. Вкладчиками могли быть лица любых сословий, и не только физические, но и юридические лица. Вкладчик был обязан внести обозначенный договором вклад, размер которого и срок внесения определялись договором.

Вкладчики, участвуя в товариществе только своими денежными взносами, без прямого участия в деятельности товарищества, отвечали перед посторонними лицами только своими вкладами. Они приобретали право контроля за ходом предприятия, право получать часть прибыли предприятия соразмерно их вкладам.

Товарищу, в отличие от вкладчика, запрещалось участие в других товариществах. Статья 69 Устава торгового гласила: товарищ одного торгового дома не мог быть одновременно товарищем другого торгового дома. Запрещение относилось только к участию в другом товариществе в качестве полного товарища, но товарищи могли участвовать в другом товариществе в качестве вкладчика или в качестве акционера. Такого рода ограничение можно было объяснить: во-первых, опасением конкуренции, в силу того, что товарищ становился конкурентом своего же товарищества, что было опасно, если он был знаком с коммерческой тайной; во-вторых, опасением особенно в

отношении товарищей-распорядителей за то, в какой степени им приходилось отвлекаться от управления данным товариществом, участвуя в решении дел другого товарищества; в-третьих, опасением за степень обеспеченности кредита товарищества, в силу неограниченной ответственности полных товарищей. Если товарищ был обязан отвечать всем своим имуществом по одному предприятию, то это могло уменьшить кредитоспособность предприятия, если в то же время он участвовал и в других торговых предприятиях, где обязывался к такой же ответственности [8, с. 331-332]. Если первые два вида опасения имели в виду интересы самих товарищей, то последнее – касалось интересов третьих лиц.

Не все такого рода опасения однозначно принимались законодательствами разных стран. Если законодатель на Западе имел ввиду главным образом опасность конкуренции, а потому вводимое им ограничение действовало лишь в рамках сферы однородной с товариществом торговли, законодательство в России на первое место ставило прежде всего сохранение кредитоспособности товарищества. Законодательства ряда зарубежных стран не знали запрета на участие членов одного товарищества в деятельности других товариществ, а потому позиция русского законодателя вызывала недоумение у некоторых зарубежных юристов. Возможность лица отвечать по своим обязательствам зависела от стоимости имеющегося у него имущества, и для кредиторов главное было не то, являлся ли их должник членом только данного товарищества или нескольких товариществ, а именно то, какой суммой он отвечал по обязательствам своим имуществом в целом. Такого рода законодательные запреты не следовало признавать целесообразными и с точки зрения того, что чаще всего у той или иной фирмы возникала необходимость в создании сразу нескольких полных товариществ в различных отраслях экономики. Кроме того, этим запрещением возникало препятствие для разумного распределения имущества, а также знания и опыта сразу же между несколькими предприятиями.

Организация торговых домов определялась не законодательными нормами, а положениями их уставов. Все товарищи имели одинаковые права на участие в управлении делами товарищества [9, с. 90-91]. На практике же чаще всего дело управления вверялось не всем, а лишь некоторым товарищам-распорядителям (управляющим). В соответствии с товарищеским договором управление делами товарищества могло быть поручено одному из товарищей или постороннему лицу, которое являлось приказчиком и, в качестве такового, нуждалось в доверенности [3, с. 16].

Форма торгового дома давала в определенной степени преимущества как для самих участников-товарищей вне зависимости от того, ставили ли они цель непосредственно управлять предприятием, или только привлечь в общее дело со стороны капитал, так и для вкладчиков.

Один из известных английских экономистов П. Гэтрелл верно заметил, что российский капитализм с помощью торговых домов дал возможность «русским на не корпоративный выход своим предпринимательским энергиям» [10, с. 87].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гуляев А.И.* Справочная книга по торгово-промышленному законодательству и торговой политике. СПб., 1912.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. Ст. 22418.
3. Законы о товариществах. Акционерные общества, товарищества на паях, торговые дома, артели и др. Порядок их учреждения и деятельности, с разъяснениями Гражданского кассационного, бывшего 4-го Судебного департаментов и Общего собрания Правительствующего Сената / сост. В. Максимов. М., 1911.
4. *Фрейдин В.Е.* Новейшая практика Сената по вопросу о торговых домах. Киев, 1910.
5. *Горбачёв И.А.* Товарищества полные, на вере, акционерные и паевые компании: закон и практика с сенатскими разъяснениями. М., 1910.
6. *Удинцев В.Г.* Русское торгово-промышленное право. Киев, 1907.
7. *Каминка А.И.* К вопросу о праве приобретать на имя торгового дома товарищества недвижимого имущества» // Право. 1899. № 50.
8. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. СПб., 1908. Т. 1.
9. *Квачевский А.А.* О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности по началам права и русским законам и судебной практики. СПб., 1880.
10. *Gatrell P.* The tsarist economy, 1850-1917. New York, 1986.

УДК 344

Лебедева Ирина Николаевна

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Липецкого государственного технического университета
editor@hist-edu.ru

Lebedeva Irina Nickolaevna

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Lipetsk State Technical University
editor@hist-edu.ru

ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена ужасающему социальному феномену – терроризму. Дана криминологическая и уголовно-правовая характеристики преступлений экстремистского характера. Разработаны дополнения в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: **экстремизм, терроризм, пропаганда, смертник.**

TERRORISM AND EXTREMISM: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

The article considers terrorism as a horrific social phenomenon. The criminological and criminal law characteristics of extremist crimes have been presented. The additions into the articles of the Criminal Code of the Russian Federation have been introduced.

Key words: **extremism, terrorism, propagation, suicide bomber.**

Терроризм и экстремизм стали поистине глобальной угрозой и одной из глобальных проблем современности. Количество террористических и экстремистских групп растет, они все же реже берут ответственность за теракты и заявления. Все это уничтожает возможность сотрудничества, партнерства, конструктивного диалога, компромисса, разрывают вековые связи между самыми братскими народами, странами и нациями. Отношения начинают основываться на жестокости и грубой силе, обесценивается человеческая жизнь и такие важные социально значимые ценности как человеколюбие, дружба, милосердие, толерантность, умение слушать и прощать друг друга.

Понятие «экстремизм» шире, чем понятие «терроризм». Терроризм можно обозначить как следствие экстремизма. Под экстремизмом можно в широком смысле слова понимать систему взглядов, суждений, ценностей, оценок, отличающуюся приверженностью к крайним мерам, радикализму, нетерпимостью к отличным мнениям и ценностям и их отрицанием.

Согласно федеральному закону от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», как экстремизм квалифицированы: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [1].

Совершение таких преступлений в соответствии со ст. 63 УК РФ признается обстоятельством, отягчающим наказание [2].

Для изучения любого преступного явления, в том числе терроризма и экстремизма, важное значение имеют такой элемент состава преступления как субъект преступления и психолого-криминологическая категория – личность преступника.

Уголовной ответственности в соответствии со ст. 19 УК РФ подлежит только вменяемое физическое лицо. Ст. 20 УК РФ устанавливает возраст, с которого наступает уголовная ответственность: за некоторые преступные деяния – с 16 лет, а за преступления, представляющие наибольшую общественную опасность – с 14 лет [2].

Немаловажно знать и систему ценностей, потребностей, отличительных черт характера и поведения террориста и экстремиста. На основе изучения социально-психологических факторов, создающих предрасположенность лица к преступному поведению, учеными, сотрудниками правоохранительных органов делаются попытки разработать практические рекомендации по предупреждению террористической деятельности, профилактике деятельности групп и организаций экстремистской направленности.

В настоящее время немалое количество вменяемых, в том числе высокообразованных людей, являются агрессивно настроенными к представителям иной расовой, национальной, социальной, культурной и религиозной группы, проповедуют или поддерживают культ силы, оружия, смерти.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным в МГУ им. М.В. Ломоносова, 2–3% граждан являются постоянными носителями агрессии и склонности к экстремизму, а около 10–15% подвержены воздействию экстремистской идеологии и пропаганды [5, с. 22].

Уголовная ответственность за террористический акт наступает с 14 лет, что вполне отражает справедливую уголовно-правовую политику, так как основная масса террористов и экстремистов – это молодежь. Многие заражаются экстремисткой пропагандой и принимают прямое участие в террористической деятельности или содействуют ей уже даже с 12 лет.

Законодательство строится на основании того, что несовершеннолетнее лицо, которое достигло данного возраста, способно осознавать общественную опасность своих деяний и руководить своими поступками.

В ст. 205.1 и 205.2 УК РФ дан перечень преступлений террористического характера. Это не только ст. 205 «Террористический акт», но и ст. 206 УК РФ «Захват заложника», ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава», ст. 220 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ», ст. 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж» и ст. 360 УК РФ «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» [2].

Уголовная ответственность за «Захват заложника» (ст. 206 УК РФ) предусмотрена с 14 лет, что, исходя из его общественной опасности, справедливо.

Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», наступает также с 14 лет, что также вполне целесообразно и справедливо, так как, хотя такое преступление не связано прямо с терроризмом, но вызывает страх, панику, обострение сердечно-сосудистых и психических заболеваний, чувство незащищенности, дезорганизацию в работе организаций, трату времени спецслужб.

Возраст наступления уголовной ответственности за остальные преступления террористической направленности, например, ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», ст. 205. 2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», статьи 208 УК РФ, 211 УК РФ, 220 УК РФ, 221 УК РФ, 277 УК РФ, 278 УК РФ, 279 УК РФ и ст. 360 УК РФ – 16 лет [2].

По преступлениям экстремистской направленности, куда входят ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», предусмотрен возраст наступления уголовной ответственности только с 16 лет.

Целесообразно снизить возраст наступления уголовной ответственности за преступления террористической и экстремисткой направленности, предусмотренные статьями 205.1, 205. 2, 208, 211, 220, 221, 277, 360, 279, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ [2], до 14 лет, так как в данном возрасте с учетом современного уровня социализации и информируемости поколения несовершеннолетний

вполне осознает общественную опасность деяний и может руководить своими действиями.

Среди террористов лица в возрасте 18–29 лет составляют 68,5%, а среди всех преступников, не являющихся террористами, – 50,6%; лиц в возрасте 40–49 лет соответственно 5,2 и 16,3%. Среди террористов в выборке не оказалось лиц в возрасте 50 лет и старше, в то время как среди всех преступников их 5%. Итак, средний возраст террористов – 27,9 года, а всех других преступников – 32,1 года [4, с. 70].

Возраст террористов-смертников примерно от 18 до 27 лет. По социальному положению, они обычно из малообеспеченных семей, многие не имеют даже простейших навыков чтения и письма. Хотя среди них встречаются и люди из весьма обеспеченных и образованных семей, у многих из которых были убиты родственники, дорогие и близкие люди.

Важно и то, что порой экстремисткой пропаганде будущие террористы подвергаются, буквально, с раннего детства. В подростковом возрасте формируется собственное «Я», система ценностей, появляется потребность в самоутверждении. Часто юный человек отвергает ценности предыдущих поколений. Все это происходит при отсутствии жизненного опыта. Отсутствие четко налаженной работы с молодежными движениями и субкультурами, отсутствие продуманной и грамотной молодежной политики, недоверие к власти и официальным точкам зрения играют с обществом злую шутку. Молодые люди в силу моральной и социальной незрелости легко вовлекаются в экстремистские и террористические группы или секты через «возвышенные мотивы», мессианские идеи, приверженность к чему-то великому и грандиозному, очень быстро принимая радикальные религиозные, националистические, социальные, культурные идеи через тоталитарные, то есть подавляющие полностью волю людей и подчиняющие только воле «учителя», «гуру» или «вождя», секты или экстремистские группы.

По мнению М. Решетникова: «в абсолютном большинстве случаев террористы – это молодые люди в возрасте около 20 лет, плюс-минус пять лет, получившие воспитание в патриархальной и весьма религиозной культуре. В их сознании обычно присутствуют устойчивые представления об исторической травме своей нации и мощные эмоциональные связи с последней. Типичные социальные чувства – скорбь и горе, в сочетании с ущемленной национальной гордостью. Чаще всего для террористов характерны особые (во многом – искаженные и мифологизированные) представления об «историческом обидчике» и потребность в его наказании и возмездии, которые задаются устойчивыми паттернами поведения и оценок, активно культивируемыми в социуме. Эти представления, скорее всего, дополняются актуальной психической травмой, связанной с реальными фактами гибели родных, близких или просто соплеменников, нередко – непосредственно на глазах у будущего террориста» [7].

Например, террористкам-сиротам или вдовам внушают, что они должны отомстить за смерть своих близких, что такая месть их нравственная обязанность. Практикуются также «методы отпущения грехов» себе и близким путем террористической, чаще всего смертнической деятельности.

Что касается самооценки террориста и экстремиста, то она может быть как завышенной, так и крайне низкой.

На мотив самоутверждения оказывают большое влияние наличие некоторых ущербностей, психологического дискомфорта, ощущения собственной неполноценности, нередко связанные с унижениями, перенесенными в детском и подростковом возрасте и недостатком родительского внимания, особенно материнской любви. Нехватка родительской любви, понимания со стороны окружающих, обиды, унижения, дефицит добрых отношений, неустойчивое социальное положение, социальная изоляция, а иногда и физические недостатки заставляют человека искать поддержку в какой-либо группе, в том числе экстремистской и террористической, которая становится для него коллективным отцом и матерью, семьей, тем местом, где ему всегда рады, где его понимают и готовы оказать поддержку. Часто роль отца, учителя, духовного наставника выполняет глава группы, чаще всего мужчина, старший по возрасту. В группе существует строгая иерархия, за неподчинение, ослушание, предусмотрены санкции, от телесных наказаний до исключения из группы, что ведет человека к возвращению на прежнее место изгоя. Быть изгоем, отверженным считалось самым страшным наказанием во все времена. Это связано с потребностью людей контактировать, взаимодействовать друг с другом. Вот почему порвать с группой становится для индивида сравнимо смерти, лишению семьи, дорогих и близких людей, своей социальной опоры.

Террористы и приверженцы экстремизма склонны к фантазированию, перенесению событий прошлого в настоящее время, у них стерты границы добра и зла, размыты моральные принципы с ярко выраженной садомазохистской позицией при наличии жалости к себе и членам своей национальной, религиозной, социальной группы в сочетании с ненавистью и злобой к реальному или выдуманному врагу и готовностью пожертвовать собой ради своей группы, нации, веры, Великой

Миссии или борьбы с мифическим или реальным противником, апокалипсические переживания и мечтания в сочетании с мессианскими представлениями в отношении самого себя, нетерпимость к взглядам других людей, разделение мира на «черное» и «белое», использование любых средств для достижения цели, разрушение всего того, что может каким-то образом мешать ею достижению. Также важной чертой является самоидентификация с агрессором, особенно это развито у некоторых людей, имеющих определенную реальную или вымышленную ущербность, когда имеется в наличии высокий уровень защиты в форме агрессии по принципу: «если я сам буду агрессором, то не стану объектом агрессии», здесь может быть также в наличии и месть за отторжение обществом.

Часто в поведения террористов и экстремистов имеет наличие нарциссизм, как на индивидуальном, так и на групповом уровне, то есть представления о собственном или групповом превосходстве, значимости, мессианстве. Нарциссизм является не только сильной моральной, самовнушенной или внушенной другими людьми моральной подпиткой, но и определенной нравственной «санкцией» на совершение насильственных или аморальных действий, вершение судеб. Нарциссы имеют высокий уровень агрессии и притязаний, обвиняя в своих или групповых неудачах других людей.

Вопрос о вменяемости террористов сложен. Представляется, что среди них есть, как вменяемые, так и невменяемые люди. Среди них есть и невротизированные типы, и люди с повышенной тревожностью, и миссионеры, и ущербные, и фанатики идей, и лже-мессии, и индивиды, стремящиеся к риску и острым ощущениям, и мстители, и самоутверждающиеся, и желающие получить «славу Герострата», и просто люди, совершающие теракты из корыстных побуждений (они могут быть безработными, остро нуждающимися в деньгах, или хладнокровными исполнителями, морально холодными).

У многих террористов отмечались явные или скрытые болезни, физические недостатки, неизлечимые и опасные, в том числе психические, заболевания. Например, участвовавшая в одном из покушений на бывшего президента Чечни А. Кадырова Ш. Баймурадова была инвалидом в связи с психическим заболеванием, а младшая из сестер Хаджиевых, принимавших участие в захвате заложников «Норд-Оста», умственно отсталая, больная раком легких [6].

Среди террористов встречаются лица, пытающиеся преодолеть страх, трусость, а также лица, пытающиеся «найти себя» и себе подобных. Террористов отличает сверхактивность, безответственность, импульсивность, лживость, поверхностность и иногда холодность в отношениях с людьми, легкомысленное отношение к морали, частая перемена этических оценок и гражданской позиции, потакание собственным страстям при отсутствии самоконтроля, рассудительности и самокритики.

Большинство террористов и экстремистов – мужчины. Но в последнее время в террористических и экстремистских группах появляется все больше женщин, например, в чеченских, арабских, латиноамериканских и ирландских террористических и экстремистских организациях. Иногда женщины составляют половину от общего количества членов.

Наиболее яркие личности среди них – Ульрика Майнхоф и Лейла Халед.

По мнению А.Я. Гришко: «женщины часто не задумываются над тем, что могут погибнуть или могут быть быстро установлены или изобличены. Умысел на совершение террористического акта у женщин нередко возникает внезапно. Исследователи связывают это с их большей эмоциональностью по сравнению с мужчинами. У женщин-террористок прослеживается наиболее тесная связь и зависимость от среды, в которой они находятся, особенно от ближайшего окружения. Выборочное изучение уголовных дел о терроризме показало, что женщины были вовлечены в террористическую деятельность родственниками и знакомыми мужчинами и совершали преступления в соучастии с мужчинами, проявляя к ним доверие. Мужчины в этом плане взаимностью не отвечают, возлагая при аресте всю вину за совершенное преступление на женщин, поручая им самые опасные террористические акты» [8, с. 505].

Деятельность террористов воспринимается родственниками и друзьями как героизм, подвижничество, мученичество, пример для подражания, вызывает одобрение, моральную поддержку, уважение. Это подкрепляется многочисленными рассказами о героизме предков и о том, как самому повторять их деяния, чтобы исполнить Великую Миссию, слиться с вечностью, Богом, высоким началом, предками, историей страны или нации. Матери смертников воспринимают действия детей как «мученичество, угодное Небесам» и испытывают искренние счастье, гордость и радость, когда их дети умирают.

Одна мать палестинского смертника, который подорвал себя во время исполнения террористического задания, сказала, что была очень счастлива, когда услышала об этом, что на смертни-

чество способны лишь немногие, и, что она молилась, чтобы возблагодарить Всевышнего [9, с. 50].

Субъект преступления в ст. 205 УК РФ – общий. Необходимо ввести в ч. 3 п. в), касающийся совершения указанных деяний с использованием служебного положения. Это может касаться работников правоохранительных органов, лиц, стоящих на государственной и муниципальной службе и т.д., исходя из того, что использование служебного положения облегчает совершение террористического акта или преступления террористической или экстремисткой направленности.

К лицам, использующим свое служебное положение, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности», относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными прим. 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, отвечающие требованиям, предусмотренным прим. 1 к ст. 201 УК РФ. Использование служебного положения, как указано в вышеназванном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц в целях совершения ими данных противоправных действий [3].

Статья 205 УК РФ [2] в новой редакции будет выглядеть следующим образом:

«……3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ;

б) повлекли умышленное причинение смерти человеку;

в) совершены лицом с использованием своего служебного положения».

Аналогичные положения необходимо ввести в ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» и 282. 2 «Организация деятельности экстремистской организации» УК РФ [2], а именно дополнить их ч. 3, которые будет выглядеть в новой редакции следующим образом:

«….3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения».

Ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж» [2] также необходимо дополнить ч. 2, касающейся совершения преступных деяний с использованием служебного положения. Новая редакция будет выглядеть так: «….2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения».

В законодательствах зарубежных стран такое преступление как диверсия (ст. 281 УК РФ) [2] также относится к преступлениям террористического характера. Хотя в российском законодательстве она посягает на интересы государства, а именно на экономическую безопасность. В принципе экономическую безопасность можно рассмотреть как составную часть не только государственной, но и общественной безопасности, так как интересы государства неразрывно связаны с его населением. Необходимо внести в ст. 281 УК РФ [2] ч.3, которая выглядела бы следующим образом:

«….3. Деяния, предусмотренные ч.1 и 2, совершенные на объектах ядерной, атомной энергетики, химической, биоинженерной промышленности».

Также в часть 2 ст. 281 УК РФ [2] необходимо внести пункт, предусматривающий совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения.

Диверсии на особо опасных объектах, например, ядерной или атомной энергетики, могут повлечь экологическую катастрофу, вызвать массовые заболевания и отравления людей и животных, гибель растений и заражение воздуха и водных объектов.

Также необходимо ввести уголовную ответственность не только за ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) [2], но и за ложное сообщение о диверсии, экологической катастрофе, эпидемиях и заражении каким-либо заболеванием. В данных статьях необходимо предусмотреть более суровую уголовную ответственность, если деяние было совершено при помощи СМИ либо лицом, использующим служебное положение. Естественно лицо должно знать изначально, что сообщение ложное, не соответствующее действительности.

Ужесточение мер уголовной ответственности за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности могут сыграть существенную роль в предупреждении данных преступных деяний. Но в то же время к данной работе должны подключиться все общественные силы: служители культа различных религиозных конфессий, сотрудники правоохранительных

органов, политики, ученые, общественные деятели и организации, представители широких слоев общественности, а также все мировое сообщество в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» (принят ГД ФС РФ 27 июня 2002 года, одобрен СФ ФС РФ 10 июля 2002 г.) // Справочно-правовая система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12127578/#2 (дата обращения 12.06.2013).
2. Ст. 1444 УК РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24 мая 1996 г., одобрен СФ ФС РФ 05 июня 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 15.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности». URL: http://www.sclj.ru/court_practice/detail.php?SECTION_ID=154&ELEMENT_ID=3601. (дата обращения 12.06.2013).
4. *Гришко А.Я.* Личность террориста: криминологический портрет: монография. Рязань, 2006.
5. *Добрынина В., Кухтевич Т.* Экстремизм как проявление девиантности и деликвентности // Наука, культура, общество. 2006. № 7.
6. *Малышев В.Г.* Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05.htm. (дата обращения 12.06.2013).
7. *Решетников М.* Психологический портрет террориста. URL: http://psyfactor.org/lib/terror12.htm. (дата обращения 12.06.2013).
8. Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова, Ю.С. Горбунова. – 2-е изд. перераб. и доп. М., 2007.
9. *Joseph Lelyveld.* All Suicide Bombers Are Not Alike // New York Times Magazine. 2001. October 28.

УДК 316.773.4

Шаронова Алла Адольфовна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
editor@hist-edu.ru

Sharonova Alla Adolfovna

PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher of the Social-Legal Studies and Comparative Jurisprudence Laboratory, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
editor@hist-edu.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НИКЛАСА ЛУМАНА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются системные предпосылки анализа правовых явлений в их социальном контексте. Прослеживаются связи концепции Н. Лумана с другими правовыми моделями коммуникативной направленности. Особое внимание уделяется новизне методологических принципов исследования правовой сферы, разработанных немецким социологом.

Ключевые слова: **правовая система, комплексность, контингентность, нормативные ожидания, символическая генерализация норм.**

NIKLAS LUHMANN'S COMMUNICATIVE MODEL OF THE LEGAL SYSTEM: CRITICAL ANALYSIS

In the article the system preconditions of the legal phenomena analysis in their social context have been considered. The connections between Niklas Luhmann's concept and other legal models of communicative orientation are deduced. Particular attention is paid to the novelty of methodological principles of the legal sphere study developed by the German sociologist.

Key words**: legal system, complexity, contingency, normative expectations, symbolic generalization of norms.**

По мере становления сетевых структур современного глобального сообщества нарастает исследовательский интерес к коммуникативным моделям социальных процессов. Фокус внимания при этом смещается в сторону дискурсивных аспектов общественных отношений, что находит своеобразный отклик и в сфере правоведения. Оказывается, что структурирование технологически оформленных коммуникационных потоков в принципиально новые типы социальных общностей одновременно привносит и эффекты появления «непрозрачности», фрагментаций, разрывов и лакун в социальной ткани. Соответственно, существенно возрастает значение институциональных механизмов, призванных упреждать возможные нарушения общественных норм и обязательств в многообразных условиях реализации гражданами своих прав свободного выбора.

Следует отметить и все более интенсивные попытки научной рефлексии данных тенденций. Их итогом можно считать поэтапное становление особого направления социально-правовых исследований, акцентирующих преимущественно аргументационную сторону юридических практик. В немецкоязычной литературе оно представлено именами Ойгена Эрлиха, Юргена Хабермаса, Вернера Кравица, Роберта Алекси. Можно назвать ряд имен отечественных исследователей (А.В. Поляков, В.В. Лапаева, Г.Г. Слоян), уделяющих данной проблеме значительное внимание. Но совершенно особое место в этом ряду принадлежит творчеству создателя «аутопойетической» концепции общественной эволюции Никласа Лумана (1927-1998 гг.). Именно в ее рамках была предпринята уникальная попытка понять и описать правовые отношения в качестве самовоспроизводящегося единства с использованием всей мощи междисциплинарного аппарата современной системной теории. Ключевым элементом модели права при этом оказывалось нетривиальное истолкование понятия «коммуникации» как наиболее фундаментального типа операций социальной системы.

Представление Н. Луманом правовой сферы в качестве подсистемы общества позволило теории обрести принципиально новые познавательные горизонты. Вместе с тем, радикальная смена теоретической перспективы обнаруживает и свою оборотную сторону. Особая логика изложения материала, достаточно высокий уровень абстракции используемого терминологического аппарата воздвигают определенные барьеры для адекватной интерпретации содержательной стороны концепции. В системе ее координат лишаются смысла некоторые общепринятые понятия правовой догматики – «юридическое действие», «правоотношение», или «субъекта права». Им на смену приходят компьютеризированные метафоры «кода», «программы», «рекурсивных операций», описывающих процессы коммуникации в качестве необходимой предпосылки воспроизводства форм в медиуме смысла. В свою очередь, такая ярко выраженная специфика методологических посылок не способствует и корректному установлению линий преемственности, меры теоретической самостоятельности взглядов Н. Лумана. Причем основные его труды по правовой тема-

тике – «Социология права» (1972) и «Право общества»(1993) – до сих пор так и не переведены на русский язык.

В отечественном исследовательском сообществе существуют интенции рассматривать правовые идеи Н. Лумана в общем ряду «неофункционалистских» попыток прочтения теоретического наследия Т. Парсонса. «Интерес к теории Парсонса возрастает в западной социологии в 1980-е гг., – полагает Е.В. Масловская, – В этот период формируются неофункционалистские концепции, представленные прежде всего трудами Н. Лумана и Дж. Александера, которые обращались в том числе и к анализу правовой сферы» [1, с. 47]. А.В. Алексенко убежден, что на начальном этапе творческого пути основой поисков социологу послужила «теория социальных систем действия Т. Парсонса, которую Н. Луман развил до функционально-структурной теории открытых социальных систем» [2, с. 5]. Со своей стороны, О.В. Посконина считает, что «Луман в целях неофункционалистской реконструкции «теории права» применил модель структурных сопряжений «дабы не структурировать систему, а подчеркнуть доминирующее значение в ней функции, функциональности» [3, с. 108]. В этом, якобы, наиболее полно проявилась его позиция «радикального функционализма». В то же время сам Н. Луман предпочитал определять тип собственной концептуальной модели с помощью иных терминов – *«**радикальный операционализм**»* или *«**операционный конструктивизм**»* [4, с. 79; 5, с. 79].

Такая версия позиционирования предполагает аутопойетический эффект наблюдения как основу приписывания смысла тем или иным объектам (событиям). «Наблюдение» не обязательно подразумевает здесь психические или познавательные процессы, но именно операцию различения границ и обозначения конкретных смысловых идентичностей. Согласно Н. Луману, наблюдение составляет важнейший аспект динамики любой системы. «Для того чтобы описать (осмыслить, тематизировать) нечто надо сначала суметь его отличить. В той мере, в которой наблюдение отличает одну вещь от другой, оно описывает объекты. В то же время, когда оно отличает нечто от определенных противоположных по смыслу понятий, описываются именно понятия … Теоретическое постижение права требует конструирования понятий» [5, с. 67].

По отношению к наблюдению целостной системы общества, смысл базовой функции правовой подсистемы связан с закреплением ожиданий законопослушного большинства в условиях неопределенности и противоречивости общественных практик. Единственной альтернативой систематическому обеспечению данной функции может быть лишь описанная Э. Дюркгеймом социальная аномия. Однако полный и всесторонний функциональный анализ правовой сферы, с точки зрения немецкого социолога, предполагал бы выявление и сравнение побочных эффектов взаимодействий, многочисленных функциональных эквивалентов. В результате стало бы неизбежным построение громоздких перечней подфункций, что способно привести лишь к перегрузке теории. Вместо этого Н. Луманом акцентируется селективный потенциал коммуникативных операций сообщения/информации/понимания, способствующий «редукции» сложности социальных ситуаций, то есть более простому и надежному определению их смысла вовлеченными сторонами.

Системное наблюдение, избирательность коммуникативных операций и ситуативное конструирование смысловых идентичностей послужили Н. Луману полноценной альтернативой понятию «системы действия» Т. Парсонса. Они стали отправными точками аутопойетического способа моделирования правовой действительности, определив качественную специфику теории. Последовательно реализованные на всех ее уровнях и этапах развертывания теоретических обобщений, эти конструкты составили непосредственный предмет анализа в данной статье. Представляется, что именно результаты такого анализа могли бы послужить методологически выверенными рамочными ориентирами с точки зрения «концептуализации исследовательских посылок великих *системных* теорий права и общества (как, например, теории Хабермаса или Лумана) в качестве коммуникативных теорий» [6, с. 17]. Правда, сам автор концепции «нормативной коммуникации» В. Кравиц убежден, что пока «на сегодняшний день у нас нет хорошо разработанной коммуникативной теории права» [6, с. 17]. Возможно, неудачи на этом пути вызваны как раз методологической непоследовательностью, попытками использовать аутопойетический потенциал систем коммуникации в причудливых сочетаниях с инертными элементами теории действия. Ниже проанализированы наиболее значимые аспекты модели аутопойезиса правовой коммуникации – «операционное закрытие» системы, нормативная стабилизация ожиданий и уровни символической генерализации юридических практик.

Исходный пункт анализа заключается в опыте переживаний и действий людей в мире, характеризующемся двумя важнейшими предпосылками любого смыслообразования – «комплексностью» и «контингентностью». Первый термин фиксирует одновременное сосуществование возможностей и перспектив поведения, наличный репертуар которых в любом случае оказывается

шире, чем смысл стратегий, непосредственно реализуемых конкретным участником. Поэтому актуальное содержание его опыта в любой момент с необходимостью содержит и ряд отсылок к альтернативным сценариям, составляющим своеобразный «горизонт» потенциальных направлений для дальнейшего приложения усилий. При этом многообразные и многочисленные идентичности этого потенциального поля – объекты, события, отношения – не способны формировать причинно-следственные или вероятностные последовательности произвольным образом. Они разнородны и взаимно индифферентны.

Понятие контингентности характеризует одну из основных формул, составляющих саму суть понимания Н. Луманом социальных феноменов. Оно описывает тот модус вероятности наступления последствий взаимодействия, который может и не совпадать с «ожидаемым» для конкретного участника исходом. Намеренные действия могут продуцировать и непредвиденные результаты. Участник рискует оказаться неудачником ввиду объективно невысокой степени реализуемости его целей – как на фоне слишком богатого спектра альтернатив, так и вследствие вмешательства различного рода случайностей. Поэтому «на практике комплексность означает принуждение к отбору, в то время как контингентность таит угрозу разочарований и необходимость рисковать» [7, с. 25].

Комплексность и контингентность вынуждают участников взаимодействия избирательно осуществить «редукцию» этой сложности обстоятельств, порождаемой взаимной обусловленностью ожиданий. Очевидно, что в условиях неопределенности деятелю крайне важно снизить уровень напряжения и дискомфорта путем более-менее надежного предвидения возможных реакций партнеров на собственные замыслы. Но трудность заключается в том, что в каждом отдельном случае неизвестно, какую именно практическую стратегию реагирования выберет для себя конкретный партнер на том или ином этапе разворачивания сценария взаимодействия. Неизбежно ограничиваясь рамками лишь собственной смысловой перспективы, любой из инициаторов каждым шагом необратимо изменяет «расклад» ситуативных факторов. Так возникает ситуация «двойной контингентности», проанализированная еще в теории Т. Парсонса. Выход из нее зависит от способности участников возвыситься до общих представлений о должном поведении, предписываемом «правилами игры» или ценностными образцами конкретной культурной традиции. Техника обобщения (генерализации) типичных нормативов призвана стабилизировать соблюдение изначально предполагаемых конвенций, гарантируя минимально требуемый уровень согласия в системе, независимо от особенностей ситуации.

Критика Н. Луманом этих положений помогает прояснить его понимание процессов самовоспроизводства правовых систем функционально дифференцированных обществ. Прежде всего, следует указать на различение им трех измерений смыслового пространства – предметного (фактического), социального и временного. Идее механизмов социальной солидарности, основанному на обобщенном ценностно-нормативном консенсусе, Н. Луман противопоставляет временное измерение смысла. Место «структурной стабилизации» в его версии занимает концепт «оперативной непрерывности». «Наша гипотеза заключается в том, – пишет Н. Луман, – что право решает проблему в отношении времени. Данная проблема постоянно возникает, когда коммуницируют в обществе, и когда текущая коммуникация сама по себе недостаточна – как в выразительном, так и в практическом аспектах. В любом случае, она направляется ожиданиями во временном измерении смысла и выражает эти ожидания» [5, с. 142].

Иными словами, один из участников всегда способен установить своеобразную асимметрию во времени, инициативным образом упреждая определение текущей ситуации путем презентации собственных притязаний. Устанавливая точку отсчета, тематическую «повестку дня», он поневоле запускает и селективный процесс «редукции», сессию вопросов и уточнений со стороны окружающих. Они вынуждены выбирать позицию относительно заявленного ожидания в плане его поддержки или отклонения, осмысленно различая предшествующие и последующие этапы отбора, активно вовлекая в оборот собственные перспективы, ожидания, эмоции, оценки. Таким образом, явление собственности, к примеру, способно обрести смысл лишь в случае ее последовательной защиты от посягательств любых других претендентов.

С точки зрения Н. Лумана, в ходе подобного рода коммуникаций речь идет вовсе не о координации интересов или взаимном приспособлении моделей поведения участников. Если избрать более обобщенную позицию наблюдения, можно истолковать данную последовательность в качестве становления механизма селективной систематизации, построения «порядка из хаоса». «Социальные системы возникают вследствие того, …что *оба* партнера испытывают *двойную* контингентность и что неопределенность такой ситуации придает структурообразующее значение для *любой* активности обоих» [8, с. 157]. Немецкий социолог убежден, что последовательная коммуникативная циркуляция смысловых идентичностей в социальном пространстве неизбежно приводит к

стабилизация ожиданий, построению более прочных «сопряжений» смысловых перспектив. Иными словами, открывается путь к постепенной «прорисовке» границ самореферентных и автономных общественных систем, наделенных своеобразной интеллектуальной динамикой. Соответственно обнаруживается и особый уровень системного самонаблюдения, на котором система «учится» различать собственный тип коммуникативных операций, четко дифференцируемый от массы посторонних событий окружающего ее мира. Сознание, например, никогда не спутает себя с окружающими предметами, а должностное лицо всегда отличит надлежащим образом оформленную официальную директиву от содержания досужих разговоров обывателей.

Посредством такого «операционного закрытия» преодолеваются узкие рамки экзистенциальных ситуаций, характерных для индивидуальных систем психического типа. Н. Луман считает, что существование конкретных индивидов и ситуативных контекстов ролевых взаимодействий следует относить именно к внешнему окружению систем. Вынося, таким образом, «за скобки» непосредственно наблюдаемые элементы юридических практик (кодексы, судебные заседания, процедуры законотворчества) он намеренно смещает фокус исследования на смысловой их аспект. «Персоны, интеракции и организации представляют собой лишь “площадки” для включения коммуникации в правовые системы и удаления ее вовне. Сама по себе система права индифферентна по отношению к такого рода операциям» [5, с. 102]. В противовес давлению чуждых стихий социальной среды она избирательно создает себе строго релевантное общественное окружение. Сети наблюдения обладают специфической чувствительностью лишь к особым типам формообразования во временном измерении «медиума» смысла – взаимным ожиданиям вовлеченных участников. Таким образом правовая система воспроизводит собственное единство, «замыкая» и «процессируя» свои границы исключительным использованием правового кода и особого способа «программирования» ожиданий сторон.

Логика селективного сопряжения операционных потоков базируется на довольно неожиданной версии толкования традиционного понятия «нормы». В данном аспекте подход Н. Лумана приходит в очевидное противоречие с представлениями идейных лидеров позитивистски ориентированного правоведения. Как известно, признанный классик «нормативизма» Г. Кельзен исходил из описания правовой сферы в виде совокупности норм, в рамках которой смысл права определялся посредством фиксации отклонения реальных поступков людей от четко установленных в законах критериев «долженствования». При этом структурное единство нормативных порядков обеспечивалось логической последовательностью переходов от непосредственно применяемых к отдельным случаям правил определения «должного» к обосновывающим их нормативам более высокого уровня. В таком случае характеристика актов как правовых или неправовых напрямую зависела от надлежащего применения схем интерпретации, придания алогичному хаосу наблюдаемых случаев соответствующих значений, легитимированных существованием «основной» (или конституирующей) нормы. Субъективизм допущений о «должном» обретал этим путем объективный статус правовой действительности, включающей и способность реально выполнять функции принудительной регуляции посредством применения санкций.

Для Н. Лумана подобный иерархический порядок нормативного единства правовой сферы, опирающийся на неравенство правил качественно различных рангов, неприемлем сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, «долженствование» (обязательство) само по себе не может иметь эмпирически наблюдаемых референтов в социальной реальности. Даже на уровне непосредственных психических проявлений или дискурсивных процедур (оформление юридических текстов, практики аргументации) реальным референтом выступают именно значимые последствия стабилизации ожиданий участников событий во времени. Поэтому теоретическая попытка непосредственного перехода кратчайшим путем от «должного» к «сущему» здесь просто не выдерживает проверки на научную состоятельность.

Далее, стремление понять правовую реальность «изнутри» в качестве статичной иерархии соподчиненных правил, взаимно наделяющих друг друга юридическим смыслом, лишает правовую систему внутренних источников самодвижения. Поэтому «в первую очередь потребуется отсылка к самой системе, по отношению к которой что-то еще возникает как окружение» [5, с. 65]. Такое различение системной «самореференции» и «инореференции» обеспечивает жизненно необходимый доступ к редукции комплексности окружающих смысловых горизонтов. Иерархичной статике «принципов», таким образом, противопоставляется динамичная логика развертывания форм, ускоряющая операции различений и образования структурных сопряжений. Отсюда следует вывод, что постижение права как аутопойетически самовоспроизводящегося единства предполагает введение перспективы внешнего наблюдателя (или наблюдения «второго порядка»). Только так нормативная структура общества обретает способность реагировать на внешние импульсы, выра-

батывать информацию, спонтанно наращивая внутреннее разнообразие.

Наконец, тезис о принудительном статусе правовых отношений в отличие от иных способов установления нормативного порядка (морального или религиозного типа) соотносится с действительной функцией права лишь внешним, косвенным образом. «Эта нормальная характеристика … не может быть совсем исключена или считаться нерелевантной. Вместе с тем, не стоит расценивать ее в качестве определяющей саму суть права. Право – не столько основа принудительного, по преимуществу, порядка, сколько способ содействия ожиданиям» [7, с. 78].

Разумеется, используемый тип ожиданий может существенно варьироваться в зависимости от рассматриваемого среза социальных отношений. Если повседневные привычки или обычные культурные практики могут вовсе не содержать отчетливых ссылок на какие-то требования или обязательства, то принципы морали уже в явном виде содержат нормативно сформулированные ожидания будущих действий. Соответственно, Н. Луман различает две альтернативные стратегии стабилизации ожиданий – когнитивную и нормативную. В первом случае функция правовой системы реализуется в режиме резонанса на возникающие проблемные напряжения в социальном окружении. Эти «раздражающие» факторы среды представляют собой парадоксальные, неоднозначные и противоречивые случаи, часто составляющие содержание юридических разбирательств. Неожиданные решения или удивительные обстоятельства не просто принимаются к сведению соответствующими инстанциями наблюдения (практикующими специалистами, экспертами, комментаторами), но и сравниваются по степеням отклонений от стандартных схем интерпретации или уровням проблемной напряженности.

Когнитивная ориентация предполагает попытки адаптировать обескураживающие новации в качестве привычных элементов опыта, каким-то образом «нормализовать» их. Если, согласно правилам приличия, и не принято дремать в компании друзей или незнакомцев, длительное путешествие в купе вагона либо слишком затянувшаяся вечеринка способны стать подходящими контекстами для подобного рода инцидентов. Частота случаев ведет к информационной избыточности: новость превращается в обычай. Но для «нормативных ожиданий верно ровно обратное: их невозможно игнорировать, если кто-то действует вопреки им … Соответственно, нормы – это контрфактически стабилизированные поведенческие ожидания. Их значение подразумевает безусловную действительность, поскольку действенность нормы переживается и институциализируется вне зависимости от их исполнения или неисполнения» [7, с. 33]. Иными словами, нормы сохраняют свой императивный характер совершенно безотносительно к тому, насколько регулярно они оправдываются на практике.

Структуры нормативных ожиданий формируются строго «изнутри» системы, благодаря принципиальной закрытости, замкнутости операционных ее контуров. Этого требует сама природа коммуникации, которая неспособна совершаться как изолированное событие, то есть в любой момент предполагает непрерывную поддержку последующих оперативных подсоединений того же типа. Повторяющиеся рекурсии ведут к непрерывному уплотнению (конденсации) и перепроверке постепенно упорядочивающихся смысловых схем. Данный тип структурных ожиданий (или «аттракторов»), составляющих инварианты системной «памяти», стабилизируется в виде нормативных клише правового языка или особых алгоритмах юридического документооборота. Таким образом, в «саму операцию всегда изначально встроено различие внешней референции через информацию и самореференции через сообщение… Система вступает в саму себя или копирует себя в саму себя. Коммуникация остается внутренней операцией. Она никогда не покидает систему, так как присоединение тоже предусмотрено внутри системы и должно происходить в системе» [4, с . 84].

Динамика современных обществ, допускающая известную степень индивидуальной свободы выбора поведенческих вариаций в рамках социальных обязательств, одновременно порождает у граждан и повышенную озабоченность в отношении устойчивости моделей обеспечения коллективной безопасности. Закрепление способов защиты ожиданий законопослушной части общества против возможных инцидентов предполагает упреждающую правовую дискриминацию источников особо опасной девиации – потенциальных убийц, воров, мошенников – путем нормирования. Система вовлекает в свою орбиту потенциальных нарушителей на уровне «переживания» (опыта или правосознания), намеренно и заранее приписывая им статус социальных аутсайдеров. Закон как бы заранее программирует массовые представления о том, какие именно поведенческие интенции встретят социальное одобрение, а какие будут восприняты как вызов основам социального порядка и пресечены. С такой точки зрения «право выполняет функцию стабилизации нормативных ожиданий, регулируя их генерализацию в отношении их временного, предметного и социального аспектов. … Нормы права представляют собой структуру символически генерализованных ожида-

ний» [5, с. 148,146].

Установленные нормативы создают и альтернативные ссылки на возможность ожидаемых девиаций, интегрируясь, таким образом, в последовательно связный смысловой контекст во всех трех его измерениях. «Смысловая генерализация уплотняет структуры отсылок каждого смысла в форму *ожиданий*, которые намечают то, что дает данное смысловое положение в перспективе … Все символические генерализации, реализуемые на таких идентичностях, как вещи, события, типы или понятия, содержатся или воспроизводятся в них в «сетях ожиданий» [9, с. 124]. Преобразуя ожидания в нормы, правовая система подчеркивает собственное отличие от окружения. Способ ее «резонанса» можно образно представить себе в виде «пульсаций» или колебаний определенной амплитуды: в каждый текущий момент она нормативно «истолковывает» неведомое пока будущее, опираясь на уже устоявшиеся «в опыте» схемы наблюдения. «Нормативные ожидания обретают определенную степень достоверности – по контрасту с обычными проектами, намерениями и коммуникационными попытками – именно путем повторного использования в системе нормативной стороны схемы «когнитивное/нормативное» … Необходимым следствием возрастания комплексности становится тот факт, что никто уже более не удовлетворяется лишь сочетанием нормативности и нормализации» [5, с. 152 -153].

При этом инвариантность нормы сохраняется даже в случае переходов от одного ситуативного контекста к другому. В ходе такого обобщения множество потенциально возможных в юридической практике случаев как бы постепенно группируются по признакам типичности обстоятельств. К ним оказываются применимы конкретные законодательно закрепленные текстовые формулировки, отсылающие к идентичному нормативному ожиданию. Процесс «оперативной обработки множественности» путем обобщения смысловых ориентаций ведет к сходству вырабатываемых в системе заключений, процессам консолидации и кодификации законодательства.

Освобождение генерализованных директив от их связанности обстоятельствами конкретных случаев при этом определяют «символизмы», представляющие момент единения в многообразии смысловых перспектив всех трех измерений. «Через символизацию, таким образом, приводится к выражению и тем самым становится доступным для коммуникативного обращения то, что в различии имеется единство и что разделенное связано …Социальное единение может быть достигнуто лишь тогда, когда положенная в основу общность располагает резервом, охватывающим более, чем одну ситуацию» [10, с. 155, 154]. Наиболее фундаментальным, с точки зрения права, выступает символизм «долженствования». Н. Луман подчеркивает, что привычка полагаться на символики обусловлена именно невозможностью установить их реальные референты, что наиболее ярко проявляется в сферах религии или политики. В случае контр-фактической стабилизации нормативных ожиданий это срабатывает наилучшим образом, ибо знак «долженствования» означает исключительно сам себя, и именно в отношении принципиально неопределимого будущего.

Параллельно процессам смысловой генерализации системе одновременно приходится и деятельно реагировать на действительные случаи отклонений, то есть вырабатывать актуальные решения. Для контроля степени их обоснованности предусмотрена и возможность «рефлексивного» типа – самонаблюдения и самоописания. «Как целое система права оперирует нормативными ожиданиями нормативных ожиданий в качестве основы собственной безопасности» [5, с. 159]. Процедурные нормы, специализированные должности и компетенции, документооборот, официальные адреса и базы данных – лишь наиболее выраженные в своей очевидности моменты механизмов ее самокоррекции.

Следует отметить, что эти интенции немецкого социолога органично вписываются в рамки традиций социального конструктивизма, в области исследования правовых систем восходящей еще к знаменитой работе Г. Харта «Понятие права» (1961). Его концепция «первичных» и «вторичных» правил, в комплексе представляющих собой системное единство права исходила, из установления «предельных» (в кельзеновском смысле) оснований признания действующих норм в качестве действительных. Но сами вторичные «правила признания», уже предполагающие институциализацию и процедуры экспертного контроля, формировались именно с учетом точки зрения внешнего наблюдателя, напрямую способствующей редукции неопределенности и противоречивости практических контекстов. «Когда мы исходим из утверждения, что данный закон действителен ввиду соответствия … исходному правилу признания, – писал Г. Харт, – мы должны перейти от внутренней перспективы формулирования доказательств системной действительности права к внешней фиксации фактов, которую наблюдатель системы может совершить, даже не разделяя их» [11, P. 107–108]. Разумеется, в таком случае описания возможны лишь в терминах регулярности на уровне вероятностных зависимостей, что вовсе не предполагает «первичной» жесткой приверженности правилу.

Лумановский принцип системной рефлексии в его автопойетической версии», несомненно, открывает для коммуникационной теории права новые горизонты в этом же направлении. Он вводит в теоретический оборот своеобразную шкалу типов таких генерализованных «ожиданий второго порядка», различающихся по степеням их погруженности в ситуативные контексты.

Ожидания могут относиться не только к индивидуализированным компетенциям и опыту конкретных специалистов. «Роли также предлагают возможности спецификации и различимости контекстов ожиданий посредством более высокой степени абстрактности» [7, с. 68]. В свою очередь, хорошо институциализированные формулировки правил выработки решений могут считаться «программами», если предусматривают ряд ограничений по условиям их применимости. «Это как раз тот случай, когда, благодаря более точному знанию ситуации, определенные действия или их эффекты оказываются ожидаемыми благодаря правилу» [7, с. 68]. «Кондиционные» программы предусматривают при этом специфический набор условий в качестве триггера определенного типа поведения по схеме «если – то». Н. Луман считал данный тип программирования решений наиболее характерным для идеализированных типов формализации процедур, оказывающихся совершенно прозрачными для внешнего наблюдения. «По своей сути право – это программа, ориентированная на «выход»: всякий раз, когда поступает определенная информация, должны быть приняты определенные решения. … Иски удовлетворяются, если они юридически оправданны, и не удовлетворяются, если они юридически неоправданны» [4, с. 51].

Противоположной по смыслу «кондиционной» программе и гораздо более распространенной на практике «целевой» подход к программированию юридических решений уже учитывает момент непредсказуемости результата. Система в любой момент способна к сюрпризам ввиду ориентации лиц, принимающих решения, на возможные социальные их последствия. В этом отношении позиция немецкого социолога очевидно сближается с идеями представителей американского юридического реализма (О.В. Холмс, Дж. Франк), решительно отвергавших полноту и определенность любого нормативного порядка, настаивавших на неизбежности сильной контекстной зависимости и частичной произвольности юридических заключений.

Наконец, высшим по уровню абстрагирования и содержательной бедности элементом шкалы Н. Луман считал ценности как перспективы предпочтительности действий, обеспечивающие точку отсчета для интеграции ожиданий. Имея в виду возможность разочаровывающих результатов в ситуации двойной контингентности, «оба партнера видят альтернативы, реализации которых они хотели бы избежать. У обеих сторон должно, следовательно, иметься в распоряжении не просто множество возможностей, но порядок предпочтений, который необходимо схематизировать под углом зрения преимущественно позитивных и преимущественно негативных оценок» [12, с. 39]. Сами по себе ценности как идеологизированные «точки зрения» не поддаются конгруэнтной генерализации обычным институциальным путем. В отличие от программ – это лишь сфера неоформленного множества допущений, обычно провоцирующих полемический задор вовлеченных сторон. Но если увязать полярные ценностные оппозиции в простые схемы противоположных по смыслу понятий, концентрирующих селективные возможности базового различия, используемого инстанцией наблюдения, появляется бинарный код – структура, способствующая воспроизводству и поддержанию системных границ.

Поскольку идеологические споры в юридических практиках вести не принято, код правовой системы эффективно упорядочивает произвольно расположенные элементы ситуативных контекстов по критерию риска разочарования в ожиданиях. Каждому факту в соответствующей области когнитивных или нормативных ожиданий приписывается положительное или отрицательное значение (их оправдание/разочарование). В плане же рефлексивного самонаблюдения второго порядка контролируется именно сам способ такой атрибуции: принято данное решение исключительно правовым путем, либо область компетенции закона была как-то нарушена. «Для продолжения аутопойезиса, – подчеркивает Н. Луман, – достаточно простого различия между самореференцией и инореференцией … Право не может работать в качестве аутопойетической системы, если оно постоянно путает вытекающие из права обязанности с простыми желаниями или с условиями морального уважения или неуважения … Право больше не может восприниматься как средство защиты интересов (= инореференция), поскольку существуют правомерные и неправомерные интересы, а с другой стороны, правовое и противоправное употребление понятий (= самореференция)» [13, с. 183, 181].

Подводя итоги проведенного анализа, можно обобщить наиболее важные моменты аутопойетической модели правовой системы. Рассмотрение особенностей ее функционирования как подсистемы общества ни в коей мере не означает для Н. Лумана лишь следование канонам «нового функционализма» в любых его версиях. Его базовая дефиниция права как «структуры символи-

чески генерализованных нормативных ожиданий» подразумевает принципиально иную – коммуникативную природу изучаемого явления. Именно коммуникация предполагающая различение трех базовых типов селективных операций системы (сообщение/информация/понимание), становится исходным пунктом и основой всех дальнейших референций.

В свою очередь, различение основных типов стратегий такой генерализации (когнитивные/нормативные ожидания) позволяют очень тонко специфицировать функциональное назначение правовой системы. Стабилизация нормативных ожиданий обеспечивает необходимый минимум социального доверия в условиях стремительно нарастающей сложности и «непрозрачности» сетей коммуникации эпохи глобализма. Таким образом, Н. Луман органично вписывает правовую подсистему в саму логику социальной эволюции в качестве своеобразного противовеса сложной динамике иных видов символически генерализованных медиа социальной коммуникации – деньгам, власти, истине.

Социально-конструктивистский характер правовой концепции Н. Лумана проявился в разработке комплекса средств символической генерализации на уровне самонаблюдения правовых систем. Структурные сопряжения кодов и программ, операционное «закрытие» правовых коммуникаций стимулирует повышение внутренней комплексности, информационной отзывчивости системы на общественные проблемы. Активно конструируя будущие состояния общества, правовые механизмы создают благоприятную среду для развития общественного диалога, действенной институциализации имеющихся разногласий. Эти теоретические рамки оказываются удивительно эвристичными с точки зрения их верификации, построения конкретизированных коммуникативных моделей в отдельных областях юридической практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Масловская Е.В.* Социология права неофункционализма // Вестник Нижегородского университета им. Н.В. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2008. № 4.
2. *Алексенко А.В.* Код правовой системы в социологии права Н. Лумана // Сб. ст. аспирантов и стажеров института государства и права / под ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2010.
3. *Посконина О.В.* Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997.
4. *Луман Н.* Введение в системную теорию. М., 2007.
5. *Luhmann N.* Law as a Social System. New York, Oxford University Press, 2004.
6. *Кравиц В.* Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия вузов. Сер. Правоведение. 2011. № 5.
7. *Luhmann N.* A Sociological Theory of Law. London, 1985.
8. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
9. *Назарчук А.В.* Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012.
10. *Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005.
11. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.
12. *Луман Н.* Власть. М., 2001.
13. *Луман Н.* Дифференциация. М., 2006.

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: **editor@hist-edy.ru**, дублируя копию письма **editor.hist.edu@gmail.com** , либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ,** (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов А.А.»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf.**

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение ***«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»***, а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-

либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение **.doc** или **.rtf. НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ФАЙЛЫ С РАСШИРЕНИЕМ .docx** (Microsoft Word 2007).

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

1) индекс УДК;
2) название работы (прописными **жирными** буквами), точно отражающее содержание работы;
3) инициалы и фамилии авторов на русском языке **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
4) аннотация на русском языке объемом до 500 печатных знаков (считая пробелы и знаки препинания), характеризующая основную тему, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну;
5) ключевые слова (не более 7);
6) страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В **библиографических ссылках** приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
2) название источника;
3) по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
5) издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун–т);
6) год издания;
7) при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упо-

минании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер 14, автоматические переносы не допускаются. Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

Сноска [1, с. 290-316, 344]
[2, л. 290-316. лл. 2-22, 23-30, 208-212]
[7, л. 29-31, 31 об.]

После текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12. ***Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.*** В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.;XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква ***ё*** ставится только в тех случаях, когда замена на ***е*** искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только **е**.

Сокращения: *др., пр., т.п., т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как, в том числе, потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд; млн; тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *дол., фр., р., ф. ст.,* остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Историческая
и социально-образовательная мысль
2013. № 4 (20).

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 04.10.2013
Подписано в печать 01.10.2013
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», 2012